

С.У. ТАЙМАСОВ

**БАШКИРСКО-КАЗАХСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

С. У. Таймасов

БАШКИРСКО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ

Москва Наука 2009

УДК 94(470.57+574)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш+5 Каз)
Т15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Правительства РБ
и содействии Фонда поддержки фундаментальных исследований
Академии наук Республики Башкортостан*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Д.П. Самородов*,
кандидат исторических наук *Р.М. Юсупов*

Таймасов С.У.

Башкирско-казахские отношения в XVIII веке / С.У. Таймасов. – М. : Наука, 2009. – 344 с. Илл. 16 с. – ISBN 978-5-02-037567-3 (в переп.)

В монографии на большом историческом материале рассматривается сложный процесс взаимоотношений башкир и их кочевых соседей начиная с эпохи Золотой Орды до периода царствования Екатерины II. В центре внимания – башкирско-казахские отношения во время восстаний XVII–XVIII веков. Книга иллюстрирована, в приложениях даются генеалогии чингизидов, ногайских мурз и калмыцких тайшей, списки уфимских воевод и оренбургских правителей.

Для историков-исследователей, преподавателей, студентов, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-037567-3

© Таймасов С.У., 2009
© Издательство «Наука», 2009

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков жители Урала поддерживали со своими кочевыми соседями торговые, политические и родственные связи. Их объединяли общие исторические, этнические и культурные корни, язык, уклад жизни, традиции и вера. Поэтому историю башкир следует анализировать в неразрывном единстве с историей тюркомусульманского мира.

Развитие Башкортостана после второй половины XVI в. в отечественной историографии рассматривалось в русле общероссийской истории, при этом его связи с Азией привлекали внимание историков эпизодически, обычно в контексте защиты юго-восточных границ России, вследствие чего они остаются малоисследованными. «Белые пятна» в башкирской истории мы находим, как это ни странно, при более внимательном знакомстве с такой изученной темой, как башкирские восстания. В них принимали активное участие представители соседних народов и пришлые ханы, происхождение которых нередко остается невыясненным. В настоящей монографии предпринята попытка частично восполнить этот пробел путем исследования башкирско-казахских отношений, определения роли казахов в политической истории башкир до конца XVIII в. При этом мы не могли оставить без внимания связи башкир с ногайцами, сибирскими татарами, калмыками и каракалпаками.

Первые работы, касающиеся одновременно истории башкир и казахов, принадлежат перу П.И. Рычкова. Вопреки распространенному мнению его «История Оренбургская» – это, скорее всего, не научная работа, а хроника или журнал деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии), бухгалтером, а потом секретарем которой служил Рычков. По своему содержанию она почти не выходит за рамки сборника документов, большинство из которых сегодня можно найти в архивах страны. Там, где автор иногда высказывает собственное

мнение, делает комментарии, выводы и т.п., он не всегда точен и объективен. Субъективность, в положительном смысле этого слова, могла бы значительно обогатить этот труд, если бы автор – свидетель многих описываемых событий внес в него сведения частного, личного характера.

Тем не менее «История Оренбургская» является важным источником по истории края. Здесь отражены процесс принятия российского подданства Младшим казахским жузом, участие в нем башкирских старшин во главе с Алдарбаем Исекеевым, деятельность Оренбургской экспедиции, ход башкирского восстания. Интересны приводимые краткие исторические сведения-ремарки, в которых Рычков передает башкирские предания¹.

«Топография Оренбургской губернии» содержит сведения о восстании 1755 г., о деятельности Батырши. Отметим, что Рычков сообщает реальную цифру бежавших в Казахстан башкир – 10 тыс. человек².

Важным трудом по истории казахов является книга А.И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей». Государственный деятель и историк XIX в. хорошо изучил не только историю этого народа, но и его обычаи, нравы, национальный характер. Левшин приводит родословную некоторых казахских ханов, довольно подробно рассматривает вхождение Казахстана в состав России, показывает подоплеку этого события, отрицательную реакцию простых казахов на политическую инициативу хана Абулхаира. Автор открыто пишет о целях Оренбургской экспедиции, считает, что они не были достигнуты из-за сопротивления башкир. В работе затронуты и события 1755 г. Правда, автор ошибочно говорит о 50 тыс. башкирских беженцах³.

Эпизоды из башкирской истории рассеяны в фундаментальном сочинении С.М. Соловьева. Наибольшее внимание в нем уделено Алдар-Кусюмовскому восстанию, где упоминается о связях башкир с казахами, каракалпаками, кубанцами, крымцами и донскими казаками. Мы видим, что и в 1720-е годы обстановка в Башкортостане продолжала оставаться напряженной, что башкиры пытались восстановить союз с калмыками, участвовавшими вместе с ними в движениях XVII в. Приводятся также сведения об Оренбургской экспедиции и восстании 1735-1740 гг.⁴

Монументальным трудом по истории края, его колонизации и русско-казахским отношениям является «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.», получивший почетный отзыв императорской Академии наук и рекомендованный для главных библиотек России. Автор В.Н. Витевский объявляет в преамбуле, что его герой «навсегда разорвал старинную дружбу башкир с киргизами... положил навсегда конец совместному действию этих народов против русской власти». Казанский историк, разделяя европоцентристские взгляды Соловьева, считает, что России «пришлось быть оплотом европейской цивилизации от мусульманского фанатизма и восточного варварства, а потом она же явилась насадительницей европейской культуры среди варваров и провозвестницей Евангельского учения в духе православной церкви...»⁵.

Автор упоминает обо всех предшествующих эпохе Неплюева восстаниях, увязывая их почему-то с такими чертами башкир, как «хитрость, находчивость, уклончивость и изворотливость»⁶. Витевский утверждает, что «о праве собственности башкир на жалуюемую землю не могло быть и речи, так как земли всех инородцев, принявших подданство России, считались собственностью Великого Государя»⁷. Историк подробно останавливается на взаимоотношениях оренбургского губернатора с Абулхаиром и Нурали, и мы видим, как правители казахов все больше и больше попадают в зависимость и теряют связь со своим народом. Особое место в исследовании уделяется событиям 1755 г., политике Неплюева по нейтрализации башкир путем столкновения их с казахами. В конце приводится текст воззвания Батырши, причем автор ошибочно считает, что оно было адресовано башкирам. Ошибочны также его утверждения о неправильности выбора И. Кириловым места для Оренбурга, о том, что Карасакал явился в Башкортостан под именем джунгарского принца Шуны, что в Казахстан бежало 50 тыс. башкир. Однако бесспорно, что его труд, содержащий значительное количество архивного материала, является значительным вкладом в историческую науку.

Несомненная заслуга в изучении казахско-русских отношений востоковедов В.В. Вельяминова-Зернова, А.И. Добросмыслова, А.Ф. Рязанова и М.П. Вяткина⁸. Их работы были использованы автором при описании периода правления Нурали-хана.

Советский историк А.П. Чулошников является автором единственной монографии по восстанию 1755 г. Значительное место в ней

отводится колониальной политике властей, следствием которой стало очередное башкирское восстание. На основе архивных материалов показывается существование предварительной договоренности между башкирами и казахами Среднего жуза о совместном выступлении, плана ведения военных действий на территории Башкортостана. Описаны начало восстания и отход башкир южных волостей в Казахстан. Чулошников, опираясь на П.И. Рычкова, утверждает, что число беженцев составляло 10 тыс. Он раскрывает провокационную деятельность Неплюева, вызвавшую межэтнический конфликт. Книга заканчивается перечнем жертв среди башкирского населения⁹.

Значительный вклад в разработку темы башкирского национально-го движения внес другой известный советский историк – Н.В. Устюгов. В первом его исследовании «Башкирское восстание 1662 – 1664 гг.» показываются взаимодействие башкир с калмыками, сибирскими татарами, кучумовичами во главе с царевичем Кучуком, дипломатические усилия царского правительства по разрыву этого союза. Итогом этой политики стала поездка башкирской делегации в Москву и переговоры с царем Алексеем Михайловичем¹⁰.

К сожалению, Устюгов не увидел, что башкирское восстание было частью общего движения народов бывшего Сибирского ханства, которое с перерывами длилось на протяжении всего XVII в. Именно поэтому одна из называемых им причин восстания (конфликт с калмыками) выглядит не вполне логичной, а датировка самого восстания весьма условна. Отметим, что данная концепция пока никем не пересмотрена. В «Башкирском восстании 1737 – 1739 гг.» мы также видим два основных момента: вооруженную борьбу башкир и их контакты с чингизидами, на этот раз с казахскими правителями. Политический смысл этих контактов – поиск другого сюзерена¹¹.

Наконец, проблеме отношения башкирской верхушки к своему подданству (как к «свободному вассалитету») историк посвятил специальную статью, приуроченную к 400-летию вхождения Башкортостана в состав Русского государства. Он снова подчеркнул политический характер восстаний, в которых башкирские «феодалы» брали курс на отделение от Русского государства. Однако в соответствии с партийными, сталинскими установками эти движения были названы им «реакционными»¹².

Сходных взглядов на характер башкирского подданства придерживается современный российский востоковед В.В. Трепавлов. Он считает, что башкирская элита, переходя под покровительство Русского государства, вовсе не желала по собственной воле лишаться независимости, что и в последующем она воспринимала свое положение как свободно-вассальное¹³. Заодно отметим, что труды этого историка по ногаеведению позволяют по-новому взглянуть на ряд аспектов башкирской истории эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. Некоторые положения и сведения его монографии «История Ногайской Орды»¹⁴ были использованы нами в тексте и при составлении родословной ногайских мурз.

Особняком стоит монография А. Доннелли «Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Страницы истории империализма». Она показывает, что свободный ученый способен даже при ограниченных возможностях (не имел доступа к советским архивам) провести полноценное исследование. Американский историк вовсе не отрицает факт добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства. Примененный им в названии книги термин (более точный перевод с английского – «покорение») имеет свое преимущество, ибо более адекватно отражает динамику развития русско-башкирских отношений в указанный период. Доннелли, как Устюгов и Трепавлов, считает, что царская власть и башкиры по-разному смотрели на одни и те же вопросы: характер подданства и земельное право. Он называет башкирские восстания войнами, как это делали сами башкиры. Исторiku присуще целостное видение событий, он рассматривает действия правительства в Башкортостане в контексте общей колониальной политики, а борьбу башкир как важную, но составную часть антиколониального движения нерусских народов. Автор отмечает нерешительную политику правительства в Башкортостане вплоть до 1730-х годов, что, в частности, выразилось в строительстве новой Закамской линии.

Основание Оренбурга Доннелли оценивает как выдающееся событие в восточной политике России, второе после взятия Казани. Проект И. Кирилова, по его мнению, имел отношение лишь к казакам и каракалпакам. В книге довольно подробно описывается деятельность Оренбургской экспедиции и восстание 1735–1740 гг. Автор считает, что казахи проявили сочувствие к башкирам, но не смогли оказать им существенную помощь из-за угрозы со стороны джунгаров,

а также в результате целенаправленной политики русского правительства. Доннелли отдает должное упорству, мужеству и храбрости повстанцев и несколько раз подчеркивает мысль о том, что башкиры, сорвав планы Экспедиции, отсрочили аннексию Казахстана¹⁵. Американский историк расширил историографическую базу, впервые используя «Журнал» участника Экспедиции англичанина Джона Кэстля.

Ряд схожих признаков имеет работа видного башкирского ученого А.-З. Валиди. Но его «История башкир» – это взгляд на предмет изнутри, поэтому она обладает органическим единством и глубиной. В ней содержатся редкие факты из восточных источников. Историю своего народа ученый-ориенталист видит в тесной связи с историей соседнего тюркского мира. Он сумел показать роль шайбанидов в многовековой истории региона, включавшего в себя земли современных Башкортостана, западной Сибири и Казахстана. Шайбаниды-кучумовичи, вплоть до последнего башкирского хана Карасакала, активно участвовали в политической жизни башкир. Башкирско-казахские отношения отражены при описании восстания 1755 г.¹⁶ Сведения Валиди оказались полезны при составлении родословной сибирского хана Кучума и других правящих династий.

Рассмотрим казахскую историографию. В трудах Ч.Ч. Валиханова содержатся родословные казахских ханов и шайбанидов, упоминаются казахские предания, связанные с историей башкир. В XIX в. казахи хорошо помнили Карасакала. Для нас важно и то, что в казахском фольклоре сибирский правитель Кучум фигурирует как башкирский хан¹⁷.

Историк-самоучка Шакарим Кудайберды-улы, живший во второй половине XIX – первой половине XX в., предпринял попытку воссоздать этническую историю своего народа¹⁸. Мы использовали его материалы по родословной казахских ханов и шайбанидов.

Отдельные сведения общего характера и по истории казахов были извлечены из работ В.Я. Басина, Н.Е. Бекмахановой, М.Х. Абусейтовой, В.П. Юдина, С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова, А. Исина¹⁹.

Несколько строк в своей книге уделяет казахско-башкирским отношениям Ж. Касымбаев. Он отмечает участие хана Абулхайра в подавлении башкирского восстания, пишет о пребывании в Казахстане Карасакала²⁰.

Более подробно на казахско-башкирских отношениях останавливается И.В. Ерофеева. Она первая среди казахских историков уделяет внимание взаимоотношениям казахского хана Абулхаира и башкирского тархана Алдарбая Исекеева во время Алдар-Кусюмовского восстания и при принятии Абулхаиром русского подданства. Ерофеева связывает с последним событием организацию Оренбургской экспедиции, а также появившуюся для казахов возможность свободно кочевать по левобережью Яика²¹. Другая работа Ерофеевой была использована нами при составлении родословной казахских ханов и султанов²².

В последние годы казахские историки стали больше интересоваться казахско-башкирскими отношениями. Г.С. Султангалиева в одном из параграфов своей монографии «Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.)», на основе опубликованной литературы, рассматривает контакты двух народов в конце XVII–XVIII вв. Она отмечает взаимодействие казахов с башкирами в ходе Сеитовского восстания, движений 1735–1740-х годов, ухудшение отношений в 1755 г., совместное выступление в Пугачевском восстании²³.

В кандидатской диссертации Г.Б. Избасаровой «Казахско-башкирские отношения в XVIII в. (1701–1755 гг.)» мы находим, что «в 1707–1708 гг. казахи под предводительством Мурата – сына Кучука, который был ханом казахов и каракалпаков, участвуют в восстании. В конце августа – начале октября 1708 г., после переговоров башкир с казахами и каракалпаками, Тауке-хан во главе казахов и каракалпаков подошел к Казани». Сведения о непосредственном участии Тауке в восстании нигде более не встречаются. Возможно, Избасарова ошибается, ибо известно, что повстанцы отступили от Казани еще в феврале 1708 г. К сожалению, автор не называет свой источник. Весьма любопытны сведения о том, что в 50 км к юго-востоку от поселка Иргиз имеется комплекс Карабатыр, состоящий из нескольких групп оплывших насыпей и курганов. По сведениям местных жителей Карабатыр, якобы, естек (башкир), который, согласно историческим документам, весной 1715 г. прибыл к хану Абулхаиру для переговоров о прекращении взаимных набегов.

Автору удалось несколько расширить источниковую базу проблемы участия казахов в восстаниях 1735–1740 гг. В диссертации приводятся несколько конкретных фактов о пребывании в 1737 г. на терри-

тории Башкортостана хана Семеке и султана Барака, о контактах башкир с ханом Абулмамбетом и султаном Аблаем, о переезде группы башкир в Казахстан, о мерах правительства по использованию казахов в подавлении восстания. Избасарова останавливается на деятельности Карасакала в Казахстане, ставит вопрос о происхождении этой загадочной личности.

Исследование заканчивается событиями 1755 г., где показано, как Нурали-хан и его братья, выполняя приказ губернатора Неплюева, нападают на башкирских беженцев и приютивших их казахов. По мнению Избасаровой, возникшее обострение отношений спало в ходе Крестьянской войны 1773–1775 гг., когда «стало возможным совместное выступление двух народов против колониальной политики царизма»²⁴.

В обобщающих трудах по истории Казахстана, вышедших в советское время, казахско-башкирские отношения не затрагиваются, не считая краткого упоминания об участии башкирских старшин в дипломатической миссии А.И. Тевкелева в 1731–1732 гг.²⁵ В издании 2000 года в весьма сжатой форме сообщается о контактах в период башкирских восстаний и во время принятия казахами российского подданства²⁶.

Перейдем к башкирской историографии. Первое систематическое изложение истории Башкортостана было дано в двухтомных «Очерках по истории Башкирской АССР». Работа выполнена группой столичных и башкирских историков. Политика правительства в XVI–XVII вв., восстания в XVII в. и 1735–1740 гг. описаны Н.В. Устюговым, с работами и взглядами которого мы уже ознакомились. Автор статьи «Башкирское восстание 1705–1711 гг.» В.И. Лебедев оценивает переговоры башкирских «феодалов» с кучумовичами и казахским ханом Тауке как стремление отказаться от российского подданства. Статья «Башкирское восстание 1755 г.» написана Т.Б. Бельской и Ю.А. Красовским на основе работ В.Н. Витевского и А.П. Чулошникова и почти не содержит ничего нового, если не считать таковым утверждение о том, что «движение было направлено главным образом против местной администрации и наиболее ненавистных старшин»²⁷.

Следует учесть, что этот коллективный труд писался, когда действовали положения Постановления ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской

партийной организации» от 27 января 1945 г., предъявлявшего к историкам жесткие идеологические требования.

Один из соавторов «Очерков» А.Н. Усманов впоследствии издал монографию «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству», где пишет, что «после окончательного поражения Кучума в 1598 г. сибирские “царевичи” – сыновья, внуки и правнуки Кучума – в течение почти всего XVII в., находясь в союзе с калмыцкими тайшами и ногайцами, продолжали борьбу с русскими, не отказываясь от попыток восстановления Сибирского ханства. При этом они всячески старались сохранить свое влияние над башкирами, подстрекали их против русских властей». Эта мысль повторяется автором неоднократно. Усманов разделял концепцию своего коллеги Устюгова и считает, что «башкирские феодалы в своих попытках “разрыва вассальной связи” с Москвой все время ссылались на факт добровольного принятия ими подданства России... Попытки некоторых феодалов заменить своего сюзерена проявлялись в различной форме. В одних случаях эти феодалы ставили вопрос об отъезде к другому властелину, например, к калмыцким тайшам, сибирским царевичам-кучумовичам или казахским султанам и ханам»²⁸.

Темы колонизации башкирских земель, организации Оренбургской экспедиции получили в последние десятилетия освещение в трудах башкирских историков У.Х. Рахматуллина, Р.Г. Букановой, Н.М. Кулбахтина, А.И. Акманова, Р.Н. Зинурова, М.М. Кульшарипова, Б.А. Азнабаева, А.З. Асфандиярова, Р.Ш. Вахитова, Э.Ю. Шиляева, М.М. Зулькарнаева²⁹.

Башкирские восстания до первой половины XVIII в. исследованы известным историком И.Г. Акмановым. В монографии «Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в.» особое внимание уделено восстаниям 1735–1740 гг., где содержатся новые архивные данные о связях повстанцев с казахами Среднего жуза³⁰. В начале другой монографии «Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв.» И.Г. Акманов пишет: «В ходе восстаний башкирский народ убедительно проявил беззаветную преданность своей земле, приверженность идеалам свободы, стойкость, упорство и настойчивость в борьбе за них. С полным основанием башкирские восстания этих веков можно отнести к историческому феномену». Критикуя взгляды авторов «Очерков по истории Башкирской АССР», оце-

нивавших башкирские восстания как «реакционные», «бесперспективные», «антирусские», «антинародные» феодальные движения, Акманов пишет: «Дело не только в том, что каждый народ имеет право на политическое самоопределение, на создание своего национального государства. Поскольку восставшие пришли к выводу об отказе от русского подданства, у них, по-видимому, были соображения относительно дальнейшего политического устройства своей жизни. Они надеялись жить не хуже, чем они жили до сих пор в крайне угнетенном положении в составе России»³¹.

Историк считает, что башкиры сами начали восстание в 1662 г. и действовали самостоятельно, а помощь от кучумовичей и калмыков получили лишь в 1663 г., и эпизодически – в 1664 г. Движущей силой восстания 1662–1664 гг. были рядовые башкиры. Аналогично оценивается восстание 1681–1684 гг.

Более подробно исследовано восстание 1704–1711 гг. В научный оборот введены новые сведения о башкирском хане Мурате, ездившем в Крым и Турцию и возглавившем в 1707–1708 гг. восстание на Северном Кавказе, показания участника восстания Кильмяка Нурушева, поднявшего впоследствии восстание против Оренбургской экспедиции, сведения о связях Алдара Исянгильдина (Исекеева) с соседними мусульманскими народами. Автор считает, что «отказ восставших от русского подданства был по существу ответом на жестокую политику правительства во главе с царем Петром I... Если царское правительство официально придерживалось условий присоединения Башкирии к России, то это – следствие главным образом башкирских восстаний»³².

Соответствующие разделы, написанные профессором И.Г. Акмановым в появившихся позднее двух коллективных работах по истории Башкортостана, практически совпадают по содержанию с рассмотренными монографиями³³.

Приступим к обзору опубликованных источников. Положительная научная история Джучиева улуса и возникших на его месте государств, по большому счету, до сих пор не написана. Поэтому человек, заинтересовавшийся каким-нибудь конкретным вопросом, или просто желающий навести справки по этой эпохе, зачастую сталкивается с серьезными затруднениями. Помощь в восстановлении хронологии, осмыслении отдельных событий, идентификации некоторых исторических личностей, встречающихся в литературе и т.п., ему

может оказать знание родословной правящих династий. Незаменимой для этой цели является работа историка XIX в. В.Г. Тизенгаузе-на «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», в особенности II том, содержащий извлечения из средневековых персидских источников. Здесь запечатлены основные события Золотой Орды, приводятся родословные потомков Чингисхана³⁴. На основе этих данных мы составили начала родословных сибирского хана Кучума, узбекских шайбанидов, казахских ханов и султанов. Родословные калмыцких тайшей построены, главным образом, на материале «Калмыцких историко-литературных памятников», книги В.М. Бакунина «Описание калмыцких народов» и серии сборников документов «Русско-монгольские отношения»³⁵.

В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, «Актах исторических», «Дополнениях к Актам историческим», «Собрании государственных грамот и договоров», «Русско-монгольских отношениях» содержатся сведения о связях башкир с сибирским ханом Кучумом и его потомками, взаимоотношениях с каракалпаками, сибирскими татарами и калмыками, их совместном участии в восстаниях XVII в. Кроме того, в последней серии отражены взаимоотношения калмыков с русскими и казахами³⁶.

«Письма и бумаги Петра Великого» содержат переписку царя с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, казанским комендантом Н.А. Кудрявцевым, князем А.Д. Меншиковым, казанским губернатором П.М. Апраксиным и др. Здесь мы находим сведения о мобилизации правительством сил для отражения повстанцев под Казанью в конце 1707 – начале 1708 г., о разгроме башкирами полка П. Хохлова под Юрактау, разорении Соловарного городка в мае 1708 г., восстании народов Северного Кавказа под руководством башкирского хана Мурата³⁷.

В «Докладах и приговорах Сената» содержатся сведения об отправке правительством в 1708 г. против башкир 20000 калмыков во главе с ханским сыном Чакдор-Чжабом, сообщение хана Аюки о грозящей ему со стороны казахов и каракалпаков опасности, опубликовано письмо ротмистра Александра Аничкова «с товарищи» о нападениях башкир и каракалпаков на Уфу и ее окрестности в 1662, 1682, 1707 гг., о сражении под Юрактау³⁸.

В Архиве Правительствующего Сената опубликованы указы, отражающие разные аспекты истории края и Оренбургской экспедиции,

в том числе: от 16 января 1721 г. «О производстве исследования по жалобе башкирцев на притеснения и самоволие местных должностных лиц»; 11 мая 1722 г. «Об осмотре и избрании местности, удобной для постройки крепости против башкирцев»; 13 января 1728 г. «... о поручении генерал-майору Чекину принять надлежащие меры против намерения калмыков и башкир разорить в течение весны 1728 г. прилегающие к ним, в Уфимской провинции, российские жилища»; 31 июля 1728 г. «Копия именного указа, данного на Уфе башкирцам всех дорог и волостей, батырям и старшинам и ясашным людям об отделении Уфимской провинции от Казанской губернии, о бытии ей в особенном ведении Сената и о назначении для управления ее воеводою бригадира Бутурлина»; 11 февраля 1736 г. «... об отмене посылки ссылочных для заселения устья Сыр-Дарьи до уфундования Оренбурга... об отправлении индейца Марвария Бараева в Индию для привлечения вновь индейской компании бывшей в Бухаре и возвратившейся в Индию»; 17 июня 1739 г. «... о пожаловании советника адмиралтейской коллегии князя Василия Урусова в генерал-поручики, с назначением его главным командиром Оренбургской комиссии вместо тайного советника Василия Татищева...»; 9 мая 1740 г. «... о ссылке на каторжную работу в Рогервик, назначенного в солдаты башкирца Аднагула Курнаева и об отсылке туда впредь всех башкирцев, изблеченных в воровстве»; 2 июня 1740 г. «... об учинении смертной казни табынскому казаку Роману Исаеву за побег, переход в магометанскую веру и участие в бунтах»; 16 января 1742 г. «... о назначении тайного советника Ивана Неплюева главным к Оренбургской экспедиции на место генерал-лейтенанта Соймонова, с повелением последнему прибыть в Москву»³⁹.

В «Сборнике императорского Русского исторического общества» опубликован указ Анны Иоанновны от 18 мая 1734 г. всем учреждениям и должностным лицам оказывать всяческое содействие И. Кирилову и А. Тевкелеву «буде же где, в противность Нашего соизволения и сего указа будут ему, Кирилову, и прочим с ним чинить помешательства... о том велено ему писать в наш Сенат, где виновных штрафовать...». Перечислим другие, представляющие интерес документы: сенатский указ от 16 июня 1734 г. о возврате башкирам земель, рек, рыбных ловель и других угодий в Казанской губернии и Уфимской провинции, захваченных разными лицами «по фальшивым записям и письмам» или путем объявления их «порозжими»; о разреше-

нии башкирам по-прежнему беспрепятственно пользоваться илецким соляным месторождением, казаху Жаубазару Каспулатову с 60 кибитками переселиться от калмыцкого Дондук Омбы к башкирам, калмыку Бокшурге Назарову с братом Асанатом записаться в Уфимский уезд Терсяцкую волость с ясашными башкирами; определение Кабинета от 27 апреля 1735 г. Сенату рассмотреть доношение тайного советника Татищева из Екатеринбурга от 17 марта 1735 г. о необходимости объединения Уфимской, Вятской и Камской провинций в «особную губернию и определить вице-губернатора в Кунгур, который в середине всех оных стал»; указ от 19 июля 1735 г. Кирилову «поступать осторожно и ни в коем случае не доводить башкир до возмущения». 22 июня 1737 г. было отменено «наставление умершего статского советника Кириллова морскому капитану Эльтону, которого он намерен был послать в Ташкент, а оттуда сплыть ему Сыр-Дарьею в Аральское море посмотреть, где удобно быть пристани...»; 9 января 1738 г. было получено доношение Татищева «о походе киргиз-кайсацкого Абул-Хаир-хана на воров-башкирцев и о подъезде киргизов под Яицкий городок...»; 10 марта 1738 г. было получено доношение Татищева «...о ворах-башкирцах и о разорении от них верных, и что Абул-Хаир-хан на башкирке женился...от него ж, Татищева копии с присланных писем от Абул-Хаир-хана и от башкирских старшин...»; 20 ноября 1738 г. Кабинет получил письмо Татищева о том, «что воры-башкирцы усмирены и главный вор Бепеня пойман и о выводе оттуда 3 полевых полков и о бытии ему ко двору Е.И.В.»; 7 марта 1739 г. получено доношение Татищева о том, что «из главных воров башкирцы Кильмяк, Акай и Юсуп в С.-Петербург привезены (Приказано поставить их в крепости)»; 6 декабря 1739 г. было получено доношение генерал-майора Соймонова «о посылке от башкирцев в кайсацкую орду и о собрании их, и о намерении впредь о бунте... что по указу Е.И.В. учинена была в Башкирии перепись офицерами мужского и женского полу, и некоторые волости переписаны, в которых явилось 84 655 душ, а другие остались непереписаны...»; 26 декабря получено доношение «о шпионе турецком, бывшему у башкирца, который пошел, по-прежнему к туркам...»; затем было получено сообщение генерала В. Урусова о том, что «турецкий шпион, как в прошлом 1739 году в Башкирии был, паки ныне явился и чинит злоумышленные разглашения и происки, приводя башкирцев в новое замешание...»; доношение Урусова от 10 июля 1740 г. с озера Талкас

о разгроме бежавшего Карасакала казахами, о явке с повинной в Верхояицкую пристань более 1500 башкир – соратников Карасакала с женами и детьми⁴⁰.

Перечислим ряд документов, опубликованных в сборнике «Сенатский архив». Первым шагом на пути создания новой губернии, видимо, следует считать приказ Сената от 6 ноября 1740 г., на основании именного указа Анны Иоанновны, «обер-кригс-комиссару Петру Аксакову быть бригадиром и вместо генерал-майора Воейкова в Уфе вице-губернатором и для того военной коллегии выслать его из С.-Петербурга в крайней скорости и велеть явиться в Сенат... отпратить в Уфу без задержки...». 14 августа 1741 г. Сенат приказал начальнику Башкирской комиссии Л. Соймонову, в связи со смертью В. Урусова, временно исполнять должность начальника Оренбургской комиссии. 1 марта 1744 г. Сенат, в присутствии И. Неплюева, рассмотрел его совместное с генералом Штокманом «разсуждение о состоянии киргиз-кайсацкого народа и мнение о приведении оных, при случаях, во успокоение и послушание» и донесение уфимского вице-губернатора бригадира Аксакова от 1 декабря 1743 г., содержание которых приводится тут же. 12 июня 1744 г. Сенат рассматривал рапорт Неплюева о больших затруднениях в проведении переписи, «ибо башкирцы, возмня и растолковав, по своему легкомыслию, что то де не для чего иного, как для положения их в подушный оклад чинится». 22 апреля 1745 г. Сенат в очередной раз рассматривал вопрос о поимке Карасакала, принимая во внимание, что «один не в дальности от Семипалатинской крепости кочующий с войском кайсацкий башлык Кожеберды-батырь несогласие их с помянутым Карасакалом предъявлял и по уведомлениям от крепостей, обще с российскими войсками в погоню за ним идти обещал». В 1747 г. в Сенате несколько раз обсуждалась тема взаимоотношений оренбургской администрации с ханом Абулхаиром и его сыном Нурали. 21 марта 1751 г., в присутствии Неплюева, обсуждалась обстановка в Башкортостане в свете проводимой в России политики христианизации. В 1755–1756 гг. самыми обсуждаемыми в Сенате были события в Башкортостане, взаимоотношения башкир с казахами, причем выяснилась предварительная договоренность башкир со Средним жузом о совместных действиях в предстоящем восстании. В сборнике приводится текст манифеста императрицы Елизаветы от 5 октября 1755 г. о Батырше, который больше нигде не публиковался, не исключая «Полного Со-

брания законов Российской империи». В Сенате рассматривались меры по возвращению башкир из Казахстана, прекращению взаимных набегов башкир и казахов. Следует упомянуть еще об одном весьма любопытном документе, опубликованном в «Сенатском архиве». Речь идет о жалобе бывшего заводчика и комиссара Артемия Духова на то, что советник Иван Кирилов заимствовал его идею освоения Оренбургского края, а находившийся «в подлости» соперник его и земляк симбирский Иван Твердышев обогатился, перехватив у него заводские дела в Башкирии⁴¹.

Башкирским историком Ф.Х. Гумеровым на основе трех собраний «Полного Собрания законов Российской империи» был составлен сборник «Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях». Нами были использованы сведения из следующих документов: Грамота Петра I от 8 апреля 1720 г. башкирам всех дорог и волостей, батырам, старшинам и всем ясачным людям о посылке в Уфимский уезд полковника И.Г. Головкина; Указ Сената от 4 июня 1722 г. об исключении башкир Уфимской провинции из ведомства фискалов; Проект И. Кирилова, утвержденный 1 мая 1734 г.; Закон от 11 февраля 1736 г.; Указ от 13 августа 1737 г., составленный на основе совещания в Мензелинске в июле 1737 г. с участием В. Татищева, Л. Соймонова, А. Тевкелева и др.; Указ от 19 ноября 1742 г. о запрещении строительства мечетей в Казанской губернии; Указы, принятые в связи с восстанием 1755 г.; Указ от 22 сентября 1788 г. об учреждении в Уфе мусульманского Духовного Собрания; Указ от 10 апреля 1798 г. о введении кантонной системы управления; Указ от 10 апреля 1832 г. о правах башкир на принадлежащие им земли⁴².

Несколько слов о знаменитом Проекте Кирилова, размещенном в главе «Указы о колонизации башкирского края». Он приводится в усеченном виде, и Ф.Х. Гумеров поясняет, что «сокращены те моменты, которые никакого отношения к башкирским делам не имеют». Однако при ознакомлении с полным текстом Проекта, приводимом в первом томе «Материалов по истории России», выясняется, что были пропущены важные моменты, указывающие, что целью Экспедиции были восточные страны, и башкирам в ней отводилась активная роль: 5 тысяч башкирских воинов должны были принять участие в походе на Хиву, Бухару, Балх и Бадахшан, а в случае войны с Джунгарией планировалось и вовсе задействовать 50 тысяч башкир. В томе приводится список башкир, которым Кирилов ходатайствовал выдать

награды; в него вошли Алдарбай-тархан, Токчура мулла, Таймас-батыр. Здесь же опубликованы два письма башкира муллы Ахмеда Бураева Кирилову, написанные в Москве. Вторым письмом от 29 апреля 1733 г. делегат от 4-х дорог жалуется, что в нарушение указа Петра II их передают в ведомство Казани. В сборнике А.И. Добромыслова содержатся сведения о частых взаимных набегах башкир и казахов в течение 1734 г., о нападениях казахов и калмыков на Сакмарский городок и другие российские пункты. Представляет интерес «Указ коллегии иностранных дел Кирилову о расходах по присоединению киргизских степей к России», где есть сведения о казахских и башкирских участниках делегации в столицу в 1733 г.

Во втором томе приводится рассказ индийского купца Бараева о дорогах в Индию и товарах, которые вывозятся оттуда в Россию и из России в Индию, и рассказ сарта Нур-Мухамета о казахских ханах, городах Ташкент, Туркестан и разных других предметах⁴³.

Важнейшим источником являются выпущенные в советское время многотомные «Материалы по истории Башкирской АССР» и появившиеся позднее «Материалы по истории Башкортостана». Наибольшее количество интересующих нас документов содержится в первом томе, посвященном восстаниям XVII – 30-х годов XVIII в. Из них следует, что башкиры действовали в союзе с другими народами, жившими как в Башкортостане, так и далеко за его пределами. В конце XVII в., после ухода калмыков на Волгу, союзниками башкир продолжают оставаться каракалпаки, к которым присоединяются казахи. В томе достаточно подробно представлены материалы по Алдар-Кусюмовскому восстанию, в котором приняли участие казахи во главе с Абулхаиром, каракалпаки во главе с кучумовичами. Документы проливают свет и на причины восстания – злоупотребления и бесчинства казанской администрации, и запоздалое их расследование в начале 1720-х годов. Также документами подробно представлено восстание 1737–1738 гг. и восстание под предводительством Карасакала. Здесь содержатся важные сведения о башкирско-казахских связях, о пребывании Карасакала в Казахстане после разгрома восстания⁴⁴.

В третьем томе есть несколько содержательных документов, характеризующих политику должностных лиц в первой половине XVIII в. и их отношение к «башкирскому вопросу». Это – Представление В.Н. Татищева от 1724 г. о причинах башкирских волнений, сведения

о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок в 1725–1726 гг., два письма И. Кирилова от 13 января 1735 г., составленные в Уфе, Записка П.Д. Аксакова от 23 мая 1743 г. о состоянии башкирского народа, Представление П.Д. Аксакова от 1745 г. императрице Елизавете Петровне о расследовании отдельных случаев злоупотреблений в управлении башкирским народом и Представление переводчика Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухаммета Уракова императрице Елизавете Петровне об истории башкирского народа⁴⁵.

Из пятого тома мы почерпнули отдельные сведения о положении башкир в конце XVIII в.⁴⁶

Шестой том «Материалов...», подробно отражающий восстания 1730-х годов, содержит значительное количество сведений о взаимоотношениях башкир и казахов в этот переломный период⁴⁷.

Участие башкир и казахов в восстании под предводительством Е.И. Пугачева отражено, главным образом, в изданиях «Пугачевщина», «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773–1774 гг.», «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии»⁴⁸.

Весьма ценным источником, вторым по значимости после первого тома «Материалов...», является сборник «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках». Ключевым документом в нем является журнал главы дипломатической миссии в Казахстан переводчика А.И. Тевкелева. Он позволяет получить представление о казахском народе в целом, о политическом и социально-экономическом положении Младшего жуза, политических целях Абулхаира, причинах, побудивших казахскую верхушку во главе с этим ханом искать российской протекции и о многом другом. Значение этого документа как источника определяется еще тем, что вышеперечисленные аспекты в разные времена трактовались и преподносились историками по-разному, и не исключено, что процесс их осмысления и переосмысления будет продолжен. Документ дает некоторую информацию для размышления о башкирско-казахских отношениях в этот период, поскольку группа башкирских старшин приняла активное участие в миссии, а затем в поездке казахской делегации в столицу.

В сборнике большое количество документов, отражающих точную политику русского правительства, взаимоотношения Абулхаира и Нурали с оренбургской администрацией, в первую очередь

с И. Неплюевым, взаимоотношения казахов с хивинцами, каракалпаками, джунгарами, обстоятельства пребывания в Казахстане Карасакала и его соратников-башкир. Представляют интерес сравнительные характеристики башкир и казахов, сделанные Тевкелевым и другими представителями русской администрации⁴⁹.

«Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.)», «Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.)», «Материалы по истории политического строя Казахстана», «Сборник узаконений о киргизах степных областей» содержат информацию о заключительном этапе темы нашего исследования⁵⁰.

К немногочисленным нарративным источникам можно отнести небольшие мемуары И. Неплюева, а также «Письмо Батырши». Они дают дополнительную информацию о событиях 1755 года и методах знаменитого правителя Оренбургского края⁵¹.

Наконец, отметим такой вид источника, как башкирские шежере и фольклор, содержащие крупицы народной памяти об эпохе Золотой Орды, признании башкирами власти русского царя, их взаимоотношениях с южными соседями⁵².

Вся вышеперечисленная и неназванная здесь литература вспомогательного характера стала основой для целенаправленной работы в архивах. Для разработки проблемы были привлечены материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Архиве внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ), Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Научном архиве Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО).

Основной массив важных документов отложился в фонде «Сенат и его учреждения» (Ф. 248) РГАДА. Правительствующий Сенат – высший государственный орган Российской империи. Учрежден в 1711 г. и существовал до 1917 г. Ведал военными, иностранными, финансовыми, торговыми, промышленными и судебными делами. Всеобъемлющий характер деятельности Сената отразился на составе и характере его исторически сложившегося комплекса документов. Характерной особенностью этого комплекса является то, что он состоит из целого ряда сенатских учреждений. Объединенный фонд Сената и его учреждений является одним из самых крупных и ценных

комплексов документальных материалов РГАДА по истории России XVIII в. Все вышесказанное, а также то обстоятельство, что вплоть до образования Оренбургской губернии, с некоторыми перерывами, Уфимская провинция находилась в непосредственном ведомстве Сената, определило накопление в фонде обширного материала по истории края.

В данной работе были использованы: Дела об уфимских башкирах 1719–1724 гг. (Кн. 115), Дело по Уфимской провинции за 1733 г. (Кн. 132), Дела по Оренбургской экспедиции, Казанской и Сибирской губерниям за 1735–1739 гг. (Кн. 134), Дела по Оренбургской экспедиции, Казанской, Оренбургской, Астраханской и Сибирской губерниям за 1734–1752 гг. (Кн. 136), Дела по Оренбургской экспедиции, Башкирской комиссии, Астраханской и Петербургской губерниям за 1735–1740 гг. (Кн. 139), Дела по Оренбургской комиссии, Уфимской провинции, Казанской, Нижегородской, Сибирской и Московской губерниям, Военной коллегии, Штатс-конторе и Ямской конторе за 1738–1745 гг. (Кн. 143), Дела по Оренбургской комиссии за 1740–1743 гг. (Кн. 145), Дела по Оренбургской экспедиции, комиссиям о служебных злоупотреблениях начальника Оренбургской экспедиции Василия Никитича Татищева и описи имений Андрея Остермана за 1734–1743 гг. (Кн. 146), Дела по Оренбургской комиссии и Уфимской провинции за 1742–1743 гг. (Кн. 147), Башкирские дела за 1734–1742 гг. (Кн. 169), Дела по Уфимской провинциальной канцелярии за 1741–1744 гг. (Кн. 251), Дела по Камер-коллегии и Штатс-конторе за 1728–1734 гг. (Кн. 613), Дела по разным предметам за 1728–1732 гг. (Кн. 740), Об организации экспедиции во главе со статским советником Иваном Кирилловичем Кириловым для строительства г. Оренбурга при устье р. Ори 1734–1735 гг. (Кн. 750), Дела по конторе Новокрещенских дел за 1742–1754 гг. (Кн. 803).

Из фонда «Уфимская провинциальная канцелярия 1725–1782 гг.» (Ф. 452) было использовано Дело 711 – Решенные дела Правительствующего Сената за 1725 г.

В РГВИА из фондов ВУА и 846 была извлечена картографическая информация. Схемы и карты XVIII века оказались весьма полезными при изучении и анализе многих событий, идентификации ряда населенных пунктов.

В АВПРИ были рассмотрены дела по фондам «Башкирские дела» (Ф. 108. Оп. 1, 2) и «Киргиз-кайсацкие дела» (Ф. 122. Оп. 1). Извлечены необходимые сведения по Ф. 108: Д. 1. 1724 г. июля 15 – август.

Доношение в Коллегию иностранных дел от синбирского воеводы Федора Хрущева о злоумышляемом возмущении башкирцов против России и о снабдении Синбирской крепости для надлежащего отпора гарнизоном и военными снарядами; Д. 1. 1728 г. февраля 26 – мая 28. Бытность в Москве уфимского башкирца Яркея Янчурина с 31 товарищем, присланного от всех четырех дорог своей братьи башкирцов для поздравления императора Петра II с возприятием российского престола и для донесения о препорученных ему делах; Д. 1. 1730 г. июня 10. Письмо к императрице Анне Иоанновне от башкирцов Сибирской и Ногайской дорог уведомительных об отправлении к российскому двору с казацким посланником шести человек башкирцов Мансур Алдарова с товарищи и о учиненном казаками и каракалпаками на них нападении; Д. 1. 1742 г. февраля 14 – августа 27. Приезд в Москву башкирских и мещеряцких старшин Шарыпа Мрякова с товарищи для поздравления императрицы Елисаветы Петровны с принятием российского престола и с прошением наградить их грамотами за верные их службы; Д. 6. 1787 г. Донесения из Оренбурга барона Игельстрома вице-канцлеру графу Остерману о готовящемся нападении на русские границы со стороны хивинцев, бухарцев и киргиз-кайсаков и от организации полка из башкирцов для отражения нападения. По Ф. 122: Д. 1. 1726 г. января 4 – апрель. Приезд уфимского татарина Максюты Юнасова (бывшего в Бухарии с секретарем Беневени и ограбленного киргисцами) с киргис-кайсацким посланцем Кабагаром Кобяковым с прошением отпустить пленных киргисцов в России содержащихся на обмен российским и дозволить им кочевать около Уфы. Тут же просьбы помянутого Юнасова; Д. 1. 1733 г. января – декабря 31. Возвратной из киргис-кайсацкой Орды в Уфу и потом в Москву приезд переводчика Маметя Тевкелева. Журнал его Тевкелева бытности у киргис-кайсаков, привезенные им (1-го марта в Петербург) и вторичная его (27 апреля) посылка в Уфу для привезения в Москву киргизских посланцов ханского сына Ерали солтана с товарищи; Д. 3. 1733 г. августа 8 – октября 1734 г. Приезд в Уфу, а потом в Москву с переводчиком Тевкелевым киргис-кайсацкого Абулхаир-хана сына Ерали-салтана со свитою в 14 человек кайсаков с прошением построить на устье реки Орь крепости для укрытия ему от неприятелей.

В ЦГИА РБ в фондах «Оренбургское губернское правление» (Ф. 1), «Канцелярия оренбургского военного губернатора» (Ф. 2), «Канцелярия оренбургского гражданского губернатора» (Ф. 6), «Оренбургская

казенная палата» (Ф. 138. Оп. 1), «Уфимское наместническое правление» (Ф. 384) были обнаружены дела, либо отдельные документы, касающиеся нашей темы. По Ф. 1: Д. 3381. Указы Сената за 1769; по Ф. 2: Д. 3018. Наряд предписаний губернатора, подлежащим к руководству. 28.01.1832-04.12.1832; по Ф. 6: Д. 1. Рапорта Орской дистанции и пограничных линий о получении указа Сената о продлении срока возвращения башкир из киргиз-кайсацкой Орды. 30 сентября 1759 г. – 5 декабря 1760 г.; Д. 2. Рапорта пограничных дистанций и линий о получении указа Сената о продлении срока возвращения беглых башкир из киргиз-кайсацкой Орды, о количестве вернувшихся из Орды башкир и их семей и материалы допроса этих башкир. 4 ноября 1764 г. – 29 октября 1765 г.; по Ф. 138: Д. 815. Указы Оренбургской казенной палаты за 1789 г.; Д. 816. Указы Уфимской казенной палаты за 1790 г.; Д. 817. Указы Оренбургской казенной палаты за 1791 г.; по Ф. 384: Д. 1. Журнал заседаний за 1783 г.; Д. 16а. Указы Екатерины II за 1793 г.

Весьма полезными оказались дела, хранящиеся в небольших фондах НА УНЦ РАН. В Ф. 3. Оп. 2 находится Д. 139, представляющее собой неизданную рукопись «Материалов по истории Башкирской АССР» – Т. II, подготовленная А.П. Чулошниковым еще до Великой Отечественной войны. В нем содержатся материалы по башкирскому восстанию 1755 г. В Ф. 23 «Материалы к истории города Уфы» находится 11 дел без названия, содержащих множество сведений по истории края, собранных уфимским головой Д.С. Волковым к 300-летию Уфы.

Фонды ГАОО, по богатству содержащихся в них документов по истории Оренбургского края, Башкортостана и Казахстана, уступают только фондам РГАДА. Нами были исследованы фонды «Канцелярия Оренбургской экспедиции» (Ф. 1), «Канцелярия Оренбургской комиссии» (Ф. 2), «Оренбургская губернская канцелярия» (Ф. 3). По Ф. 1: Д. 1. Указы Сената и Государственных коллегий статскому советнику Кирилову, проект основания города Оренбурга и резолюция к проекту 1 мая 1734 г. – 19 ноября 1734 г.; по Ф. 2: Д. 1. Указы Правительствующего Сената и Государственной коллегии иностранных дел тайному советнику Татищеву. 10 мая 1737 г. – 12 октября 1737 г.; Д. 3. Указы тайному советнику Татищеву. 6 февраля 1738 г. – 6 ноября 1738 г.; Д. 7. Указы генерал-лейтенанту князю Урусову. 12 декабря 1739 г. – 9 августа 1740 г.; Д. 8. Указы Правительствующего Сената, Государственной коллегии иностранных дел и военной коллегии гене-

рал-лейтенанту князю Урусову. 26 сентября 1739 г. – 3 октября 1740 г.; по Ф. 3: Д.1. Указы Правительствующего Сената, Государственной коллегии иностранных дел и военной коллегии и канцелярии тайных розыскных дел. 8 января 1744 г. – 29 декабря 1744 г.; Д. 2. Определения 1744 г. 3 января 1744 г. – 26 ноября 1744 г.; Д. 4. О выкраденных регистратором Иваном Кадомцевым из Уфимской провинциальной канцелярии делах и произведенное о том следствие. 2 мая 1744 г. – 20 февраля 1745 г.; Д. 8. О получении от киргизских владельцев писем. 13 января 1745 г.; Д. 37. Указы Правительствующего Сената, Государственной военной и иностранных дел коллегий, полученные в военной походной канцелярии Неплюева по секретной и заграничной экспедиции. 31 января 1755 г. – 26 декабря 1755 г.; Д. 38. Указы Правительствующего Сената, Государственной военной и иностранных дел коллегий, полученные в военной походной канцелярии Неплюева по секретной и заграничной экспедиции. 19 декабря 1755 г. – 8 ноября 1756 г.; Д. 52. Столп черным доношениям и рапортам государственной коллегии иностранных дел по киргиз-кайсацким делам. 1759 г.; Д. 63. Столп о пленниках и беглецах 1 ноября 1761 г. – 26 февраля 1762 г.; Д.82. Указы Правительствующего Сената, Государственной военной и иностранных дел коллегий. 29 ноября 1766 г. – 29 декабря 1767 г.

¹ Рычков П.И. История Оренбургская/Ред. Р.Г. Кузеев, И.В. Кучумов, А.В. Псянчин и др. – Уфа, 2001.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии/Науч. ред. Р.Г. Кузеев. Коммент. И.В. Кучумова, Ф.А. Шакуровой. – Уфа: Китап, 1999. – С.182-188.

³ Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. – СПб., 1832.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен/Отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: Изд-во соц-экон. лит-ры, 1961–1963. – Кн. VI, VIII–XI. Т.11–12, 15–22.

⁵ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1–5. – Казань, 1889–1897. – Вып. 1. – 1889. – С. VIII, 118.

⁶ Там же. – С.130–152.

⁷ Там же. – С. 375.

⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абуль-Хайр хана. Т.1. – Уфа, 1853; Т.2. – Уфа, 1855; Добросмыслов А.И. Тургайская область. Истори-

ческий очерк. – Т. I. – Тверь, 1902; *Он же*. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренб. уч. архив. ком. Вып. III. – Оренбург, 1900; *Рязанов А. Ф.* Батыр Срым Датов // Советская Киргизия. – 1924. – №10. – С. 94–112; Отголоски Пугачевского восстания в киргиз-кайсацкой Малой Орде // Советская Киргизия. – 1925. – №1. – С. 88–97; *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. – Л.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. – Т. I.: С древнейших времен по 1870 г.

⁹ *Чулошников А. П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

¹⁰ *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. – 1947. – №24. – С. 30–110.

¹¹ *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

¹² *Устюгов Н. В.* О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1958. – С. 86–126.

¹³ *Трепавлов В. В.* Московское государство и башкиры: проблема добровольного присоединения // Россия и Башкортостан. История отношений, состояние и перспективы: Мат. междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добр. вхож. Башкирии в состав России. 5 июня 2007 г. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 270–272; *Он же*. Добровольное вхождение в состав России: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. – 2007. – №11. – С. 155–163.

¹⁴ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001.

¹⁵ *Доннелли Алтон Стюарт.* Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма / Науч. ред. Р. Г. Кузеев, И. Г. Акманов – Уфа, 1995.

¹⁶ *Валиди А.-З.* История башкир. История тюрков и татар (на баш. яз.). – Уфа: Китап, 1994.

¹⁷ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР. Т. I. – 1961. – С. 123, 138, 145–147, 153–156, 431–436; Т. III. – 1964. – С. 485–488.

¹⁸ *Кудайберды-улы Ш.* Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий / Пер. Б. Каирбекова. – Алма-Ата: Жазуши, 1990.

¹⁹ *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1971; *Бекмаханова Н. Е.* Легенда о невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 годах). – Алма-Ата: Казахстан, 1968; *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1985; *Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–

XVIII веках глазами востоковеда / Ред. кол.: И.Н. Тасмагамбетов, М.Х. Абусеитова, Б.Е. Кумекоев и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992; *Исин А.* Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI в. Изд. испр. и доп. – Алматы, 2004.

²⁰ *Касымбаев Ж.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). – Алматы: Билим, 1999.

²¹ *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999.

²² *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники). – Алматы: ТОО «Print-S», 2003.

²³ *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). – Уфа, 2001. – С. 15–32.

²⁴ *Избасарова Г.Б.* Казахско-башкирские отношения в XVIII веке (1701–1755 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – С. 13–26.

²⁵ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Ред. кол.: С.Б. Баишев, Е.Б. Бекмаханов, М.П. Вяткин и др. 2-е изд. испр. и доп. – Алма-Ата, 1949. Т. 1; История Казахской ССР / Ред. кол.: М.О. Ауэзов, С.Б. Баишев, И.С. Горюховатский и др. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1957. Т. 1; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: / Ред. кол. С.Б. Баишев, С.Б. Бейсембаев, Г.Ф. Дахшлейгер и др. В 5. – Алма-Ата, 1979. – Т. III.

²⁶ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: / Гл. ред. Козыбаев М.К. В 5. – Алматы: Атамура, 2000. – Т. 3.

²⁷ Очерки по истории Башкирской АССР. – Т. I. Ч. I. Под ред. А.П. Смирнова, Н.В. Устюгова, А.И. Харисова и др. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1956. – С. 198.

²⁸ *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 158, 200.

²⁹ *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII-XVIII вв. – М.: Наука, 1988; *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа: Китап, 1997; *Кулбахтин Н.М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII век. – Уфа: Китап, 2000; *Акманов А.И.* Земельная политика царского правительства в Башкирии. – Уфа: Китап, 2000; *Он же.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI–начале XX в. – Уфа: Китап, 2007; *Зинуров Р.Н.* Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. – Уфа: Гилем, 2001; *Кульшарипов М.М.* Политика царизма в Башкортостане 1775–1800 гг. – Уфа: РИО Баш ГУ, 2003; *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государ-

ства (вторая половина XVI–первая треть XVIII в.) – Уфа: РИО Баш ГУ, 2005; *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006; *Вахитов Р.Ш.* Под крыло двуглавого орла. – Уфа: Китап, 2007; *Шиляев Э.Ю.* Основание крепостей в Башкортостане при первых начальниках Оренбургской экспедиции (1734–1741 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995; *Зулькарнаев М.М.* Образование и деятельность Оренбургской экспедиции при И. К. Кирилове (1734–1737 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2005.

³⁰ *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII–первой половине XVIII в. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

³¹ *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа: Китап, 1993. – С. 3, 13.

³² Там же. – С. 223.

³³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в./Отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1996; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. /И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфандияров и др. Т.1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа: Китап, 2007.

³⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды /Сост. А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин. Т.II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

³⁵ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе /Сост. Бидмаев А.В. – Элиста, 1969; *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года/Вступ. статья М.М. Батмаева. – Элиста: Калм. книж. изд-во, 1995; Русско-монгольские отношения 1607–1636: Сб. док./Сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольдман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Гл. ред. восточ. лит-ры, 1959; Русско-монгольские отношения 1636–1654: Сб. док./Сост. М.И. Гольдман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Гл. ред. восточ. лит-ры, 1974; Русско-монгольские отношения 1654–1685: Сб. док./Сост. Г.И. Слесарчук; Отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996; Русско-монгольские отношения 1685–1691: Сб. док./Отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

³⁶ *Миллер Г.Ф.* История Сибири /Ред. кол. Е.П. Батянова, С.И. Вайнштейн, Н.Ф. Демидова и др. Т. I–III. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005, 2000, 2005; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.4. 1645–1676 гг. – СПб., 1842; Т.5. 1676–1700 гг. – СПб., 1842; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: Доп. к Актам ист. Т.4. 1655–1664 гг. – СПб., 1848; Т.8. 1678–1681 гг. – СПб., 1862;

Т.9. 1676–1682 гг. – СПб., 1875; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. V. – М., 1894.

³⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т.4, ч. II. (1706). – СПб., 1900; Т.6. (июль-декабрь 1707). – СПб., 1912; Т.7, вып. первый (январь-июнь 1708). – Петроград, 1918.

³⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные императорской Академией наук под редакцией Н.В. Калачева. Т. III. Год 1713-й. – Кн. I (январь-июль). – СПб., 1887; Т. V. Год 1715-й. – Кн. I (январь-июнь). – СПб., 1892.

³⁹ Архив Правительствующего Сената. Т. I. Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704–1725 / Сост. П. Баранов. – СПб. – 1872; Т. II. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. 1725–1740 / Сост. П. Баранов-СПб., 1875; Т. III. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. 1740–1762 / Сост. П. Баранов. – СПб., 1878.

⁴⁰ Сборник императорского Русского исторического общества. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Собраны и изданы под редакцией А.Н. Филиппова. Т. III (1734 г.), Т. IV (1735 г.), Т. VI (1737 г.), Т. VII (1738 г.) (январь-июнь) Т. VIII (1738 г.) (июль-декабрь), Т. IX (1739 г.) (январь-июнь), Т. X (1739 г.) (июль-декабрь), Т. XI (1740 г.) (январь-май), Т. XII (1740 г.) (июнь-октябрь). – Юрьев, 1900, 1901, 1904, 1905, 1906, 1907, 1909, 1912, 1915.

⁴¹ Сенатский архив. Т. II. Журналы и определения Правительствующего Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг. – СПб., 1889; Т. III. Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. – СПб., 1890; Т. IV. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. – СПб., 1891; Т. V. 1. Журналы и определения Правительствующего Сената с 2 октября по 23 ноября 1741 г. 2. Журнал и протокольная записка собрания министров и генералитета с 25 ноября по 12 декабря 1741 г. 3. Журналы и определения Правительствующего Сената с 16 декабря 1741 г. по 15 декабря 1743 г. – СПб., 1892; Т. VI. Журналы и определения Правительствующего Сената 1744–1746 гг. – СПб., 1893; Т. VII. 1. Протоколы Правительствующего Сената. 2. Список военным чинам 1-половины 18-го столетия. – СПб., 1895; Т. VIII. Протоколы Правительствующего Сената 1750, 1751 и 1752 гг. – СПб., 1897; Т. IX. Протоколы Правительствующего Сената 1753–1756 гг. – СПб., 1901; Т. X. Протоколы Правительствующего Сената 1757 и 1758 гг. – СПб., 1903; Т. XI. 1. Протоколы Правительствующего Сената 1759 г. 2. Указы и повеления

императрицы Екатерины II. 3. Протоколы Правительствующего Сената 1760 г. – СПб., 1904; Т.ХII. Протоколы Правительствующего Сената 1761, 1762 и 1763 гг. 2. Указы и повеления императрицы Екатерины II. – СПб., 1907; Т.ХIII. 1. Протоколы Правительствующего Сената по Секретной экспедиции 1764 и 1765 гг. 2. Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль-декабрь 1763 г. и январь 1764 г. – СПб., 1909.

⁴² Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Сост. Гумеров Ф.Х. – Уфа: Китап, 1999.

⁴³ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т.I. 1734 год; Т.II. 1735 и 1736 годы / Сост. А.И. Добросмыслов. – Оренбург, 1900.

⁴⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. – Ч.I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

⁴⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Ред. Н.В. Устюгов. Сост. Н.Ф. Демидова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

⁴⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. – Т.V. Башкирия в последней четверти XVIII века / Сост. Н.Ф. Демидова; Отв. ред. Н.В. Устюгов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁴⁷ Материалы по истории Башкортостана. – Т.VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Ред. Н.В. Устюгов. Автор-сост. Н.Ф. Демидова. – Уфа: Китап, 2002.

⁴⁸ Пугачевщина / Под общ. ред. М.Н. Покровского, подг. к печати С.А. Голубцов. – М.; Л.: Госиздат. Т.1.1. Из архива Пугачева: (Манифесты, указы, переписка). – 1926; Т.2. Из следственных материалов и официальной переписки-1929; Т.3. Из архива Пугачева. – 1931; Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773–1774 гг. / Сост.: А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.Ф. Прохоров. Отв. ред. Р.В. Овчинников. – М.: Наука, 1975; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии / Сост. Р.В. Овчинников, И.М. Гвоздикова, А.П. Николаенко. Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Р.В. Овчинников. – Уфа, 1975.

⁴⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / Сост. Ф.Н. Киреев, А.К. Алейникова, Г.И. Семенюк и др. Ред. кол.: В.Ф. Шахматов, Ф.Н. Киреев, Т.Ж. Шоинбаев. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961.

⁵⁰ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) (Сборник документов и материалов) / Сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев,

К.Ж. Жунисбаев и др. Ред. кол. М.О. Джангалин, Ф.Н. Киреев, В.Ф. Шахматов. – Алма-Ата: Наука, 1964; Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). – Т. IV / Подг. к печ. под рук. М.П. Вяткина. Отв. ред. В.И. Лебедев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940; Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. I / Сост. М.Г. Масевич; Отв. ред. С.З. Зиманов. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1960; *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898.

⁵¹ Жизнь И.И. Неплюева (им самим написанная). (Факсим. изд. «Записок И.И. Неплюева»). – Оренбург: Оренбургская губерния, 2004; Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне/Сост. Г.Б. Хусаинов; Отв. ред. З.Г. Ураков. – Уфа, 1993.

⁵² Башкирские шежере/Сост. Р.Г. Кузеев. Отв. ред. К.З. Ахмеров. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1960; Башкирские родословные / Сост. Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. Науч. рук. Р.Г. Кузеев. Вып. первый: Изд. на рус. яз. – Уфа: Китап, 2002; Башкирское народное творчество. Т. 2. Легенды и предания/Сост. Ф.А. Надршина. Ред. кол. Н.Т. Зарипов, Л.Г. Бараг, Р.Ф. Байбулатов и др. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1987; Т. 10. Исторический эпос/Сост. Н.Т. Зарипов. Ред. кол. Н.Т. Зарипов, Н.В. Бикбулатов, С.А. Галин и др. – Уфа: Китап, 1999.

Глава I

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

1. Этническое родство башкир и казахов

По мнению некоторых исследователей, этнокультурные и этнополитические процессы на территории Евразийских степей в эпоху древности и средневековья едва ли можно характеризовать понятиями «связи», «контакты», «взаимодействие». Скорее речь может идти о сложнейших взаимосвязанных этнополитических и этнокультурных процессах, по крайней мере, со времен гуннов и до падения Золотой Орды, которые завершились примерно в XV – XVII вв. В результате этих процессов на территории некогда огромной империи образовался ряд тюркоязычных этносов и этнополитических образований, сложились главные очертания историко-культурных областей их расселения и этнокультурного развития: Поволжье, Приуралье, Крым, Северный Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Южная и Западная Сибирь¹.

В процессе этнического формирования в состав башкир вошли племена, которые участвовали в складывании многих тюркских народов. Нас будут интересовать только те, что приняли участие и в этногенезе казахов. Одними из первых таких племен были Тамьян и Байлар, связанные своим происхождением с монголами. По мнению историков, с монгольским племенем Тума имеет генетическую связь казахский род Тама, который, в свою очередь, находится в этническом родстве с башкирским племенем Тамьян. Рассматривая историю племенного союза Младшего жуза, в состав которого входило племя Тама, казахские исследователи следующим образом описывают его передвижения. В I тыс. н.э. предки алчинцев пребывали в Алтае. В X–XI в. часть алчинцев уже жила в Северном Причерноморье и южнорусских степях; в их составе кочевали и таминцы. В XIII в.

объединение Алчин передвинулось в низовья Волги и далее на Восток, а в XIV в. — составило ядро Ногайской Орды. Этнические контакты тамьянцев с соплеменниками из казахского племени Тама в эпоху Золотой Орды не прерывались.

По мнению Р.Г. Кузеева, в Приуралье тамьянцы первоначально расселились на Бугульминской возвышенности, в верховьях Ика и Демы. Отсюда они, примерно на рубеже XII — XIII вв., переместились на южную излучину р.Белой. Переселение тамьянцев в этот район произошло несколько раньше бурзян. В период переселения значительная часть тамьянцев, как и бурзян, усерган, осталась в долинах Ика и Демы. Большинство тамьянцев вместе с бурзянами и тангаурами в XIV в. углубилось в горно-лесную зону Урала. Остальные закрепились на южнойлучине Белой, в устье Нугуша, где подверглись сильной кыпчакизации. В дальнейшем направления тамьянских передвижений были аналогичны бурзянским и тангаурским. Примерно в одно время с ними они выходят в Зауралье (XV — XVI вв.). У тамьянцев существовали 3 родовых подразделения «Казах»², которые, видимо, образовались в более позднее время.

Казахский исследователь конца XIX — начала XX в. Шакарим Кудайберды-улы писал: «В наше время Младший жуз составляет три главных рода — алимулы, байулы, жетыру. Алимулы составляют шесть родов — карасакал, каракесек, торткара, шокекей, шекты, кытай; байулы двенадцать родов — адай, жаппас, алаша, байбакты, маскар, бериш, таздар, есен-темир, серкеш, тана, кызыл курт, шейхтар; жетыру составляют семь родов — табын, тама, кердери, керейт, жагалбайлы, тилеу, рамадан»³.

Как известно, в XIV — XVI вв. в юго-восточном Башкортостане также существовал союз семи племен в который входили племена Бурзян, Тамьян, Тангаур, Усерган и Кыпсак (племя Кыпсак подразделялось на самостоятельные роды: Кари-кыпсак, Санкем-кыпсак и Кыпсак, которые входили в объединение на равных началах с другими племенами). Это объединение вошло в историю Башкортостана под названием Ете ырыу⁴.

Этноним байлар, кроме башкир, зарегистрирован в составе казахского племени Кунграт Старшего жуза. В форме байдар был известен монголам. По мнению Р. Кузеева, в древности они мигрировали из Центральной Азии (Алтая) в Среднюю Азию, Казахстан и Восточную Европу. Предки башкирских байларцев находились в соста-

ве или этническом окружении племени Усерган и прошли вместе с ним все этапы его истории и расселения. Байларцы жили в верховьях Демы и Ика, т.е. в районе основного расселения Усерган, Бурзян, Сынян, Тангаур и других древнебашкирских племен. Небольшие группы байларцев переселились на Южный Урал: подразделение или род Бай, Байлар отмечались в составе юго-восточных башкир, в частности – тангауров. Основная часть байларцев осталась жить в долине Ика⁵.

Согласно А. Левшину, казахское племя Кунрат, перешедшее из Среднего жуза в Старший, имело в своем составе род Байлар – Джанджар⁶.

Одним из древнейших башкирских племен тюркского происхождения являются бурзяне, которых принято отождествлять с упомянутыми в арабо-персидских источниках бурджанами. В VI в. это крупное племенное объединение в общем составе тюрков участвовало в войне против Ирана. В это время они фиксируются в Приуралье, в районе современной Хивы. Бурджаны были родственны печенегам и испытали этнокультурное влияние со стороны ираноязычных племен. В 840-х гг. основная часть бурджан уходит через Прикаспий на Запад.

Что касается башкирского племени Бурзян, то он имел в своем составе древний род Ягалбай, близкий по происхождению жагалбайлинцам Младшего жуза. Другой бурзянский род Байулы своими преданиями и тамгами доказывает родство с отделением Бай-улу Младшего жуза, включавшего в себя роды Адай, Тана, Маскар и Тастар. Казахи – байулинцы в XIX в. кочевали в междуречье Яика и Эмбы. Кроме того, в составе бурзян обнаружено 11 родовых подразделений «Казах». Бурзяне, совместно с усерганами, тангаурами, тамьянами, байларами и другими, являются первыми носителями этнонима башкорт⁷.

Усерганы по ряду признаков (цвет глаз и волос, показатели измерений лица, эпикантус) относятся к наиболее монголоидной группе. На протяжении нескольких столетий они жили в непосредственном соседстве с казахами Младшего и Среднего жузов и считали себя родственными казахским аргынам. Аргыны – древнее крупное племя, оставившее след также в истории Сибирского, Казанского и Крымского ханств. До этого они входили в улусы Чагатай и Джучи, во времена Тамерлана кочевали между Чингисских гор и Тарбагатаем.

Кудайберды-улы пишет: «До ухода казахов с Аз-Джанибеком, еще до того, как они стали называться казахами, народ наш составлял роды: аргын, найман, керей, канлы, кыпчак, уйсун, дулат. Все они и ныне имеются в составе других тюркских народов. Когда казахи отмежевались от остальных, те же роды составили новые этнические группы, известные сегодня как ногайцы, башкиры, узбеки»⁸.

Теперь перейдем к кыпчакскому периоду, сыгравшему выдающуюся роль в истории и этногенезе тюркских народов. Как известно, башкирский, татарский, казахский, каракалпакский, ногайский, алтайский и узбекские языки относятся к кыпчакской ветви. По мнению антрополога Р.М. Юсупова, кыпчаки, проникшие на Южный Урал до монгольского нашествия, оказали значительное влияние на формирование расового типа северо-восточных, юго-восточных и зауральских башкир. В этих районах происходит формирование у башкир комплексов южносибирской расы. Не исключено, что окончательное сложение этой расы и накопление монголоидных признаков в этих группах башкир происходило и в более позднее время в результате контактов с казахами. Юсупов отмечает, что кыпчаки оказали гораздо большее влияние на формирование казахов в качестве доминирующего фактора не только в их этногенезе, но и расогенезе⁹.

Ученые склоняются к мнению, что родиной кыпчаков являются верхнее и среднее течение Иртыша и прилегающие к нему степи. Около X в. кыпчаки начинают движение в западном, юго-западном направлении, занимая степные пространства. К началу XII в. огромная территория от Иртыша до Дуная получает название Дешт-и Кыпчак.

В этническом составе кыпчакской миграции в Башкортостан, вызванной монгольским нашествием, выделяются несколько родоплеменных групп: кыпчакская группа, которая наряду с собственно кыпчакскими (кыпчак, кара-кыпчак, илан, сары, сарыш, бушман, кош-со, ельдяк, имак и др.), включала кыпчакско-канлинские (канлы), огузские (туркмен) и тюркизированные монгольские (гэрэй, гэрэ) образования; катаяская группа, являющаяся сложным синтезом тюркских и монгольских компонентов (катай, найман, балга, маскара, салют, борэ, балыксы); табынская группа (табын-уйшин, суюндук, дуван, кувакан, сырзы, теляу, барын, бадрак, таз), состоящая из восточно-тюркского этнического компонента, смешанного с монгольскими;

минская группа. Будучи в основе тюркской (мин, кырк), она включала монгольский компонент (миркит)¹⁰.

Теперь кратко рассмотрим некоторые известные башкирско-казахские этнонимические параллели в рамках вышеперечисленных племен. Ч.Ч. Валиханов, говоря о современных ему кыпчаках, отмечал, что главное место проживания казахов из кыпчакского племени – Тургайская и Кустанайская степи и районы, примыкающие к южному Уралу. Значительная их часть живет на Сырдарье, в Акмолинской, Павлодарской, Омской и Карагандинской областях. В другом месте он пишет, что «В числе волостей башкирских есть род кыпчак, который относительно коренных волостей составляет башкирское отродье»¹¹.

Башкирские кыпчаки подразделяются на три родовые группы, две из которых: кара (карый) – кыпчаки и гэрэй, карагай-кыпчаки, с примыкающим родом бушман, имеются и у казахов. Башкирские гэрэи и казахские керейи происходят от могущественного племенного объединения керейтов, создавших свое государство у северных границ Китая. В 1202 – 1203 гг. они были разгромлены Чингисханом. Часть из них, во главе с сыном Ван-хана Тайбугой, бежала на р. Ишим. В XVI в. ишимские керейи входили в состав Сибирского ханства, а после его распада часть их присоединилась к барабинским татарам и башкирам, но основная масса вошла в состав казахского народа¹².

Башкирских катайцев, род Кытай казахов Среднего жуза в историко-этнографической литературе связывают с кара-китаями или киданями. О былом могуществе этого народа говорит тот факт, что в X в. он господствовал над китайцами, а в XII – XIII вв. ему платили дань хорезмшахи. В 1218 г. кара-китай без сопротивления подчинились Чингисхану. Исторические предания катайцев подтверждают их восточное происхождение: родиной предков они считают Алтай, долины Иртыша, озеро Байкал и т.д. Два старинных кара-китайских аула называются Маскара; такое же название носит одно из подразделений рода катайцев. Этноним маскара имеется также у казахов: в Младшем жузе в составе отделения байулы есть род Маскар. Аналогия им обнаруживается в Западной Монголии. В составе племени Хотон монгольской народности дэрбэт (дурбэт) есть род Маскар¹³.

В тесной связи с кара-китаями находились найманы, жившие по Хангайскому нагорью и в долине Черного Иртыша. В 1204 г. найманское ханство было разрушено Чингисханом. Хан Тоян погиб, а его

сын Кучлуг бежал к кыпчакам за Алтай. В 1208 г. он был разгромлен полководцем Чингисхана Субедеем и бежал к родственным каракитаем в Семиречье, где был окончательно разбит монголами в 1218 г.

Родовое подразделение Найман, как и многие другие, пришедшие с востока, встречается в составе всех тюркских народов. В родоплеменном составе этих народов ктай и найманы взаимосвязаны. По мнению Кузеева, башкирских катайцев надо считать потомками каракитаев, сильно смешанными с найманами. Соотношение ктаев и найманов в составе казахов особенно показательно, так как наиболее крупные группы наймано-ктайского населения бежали в монгольскую эпоху на Сырдарью в казахские степи и приняли активное участие в становлении казахского народа¹⁴.

Есть данные о найманских корнях предводителя башкирского восстания 1740 г. Карасакала¹⁵.

Кудайберды-улы пишет: «По утверждению арабских источников, башкиры – потомки тюрков, смешавшихся с финно-угорским народом. В 1723 г., в год Великого бедствия («Актабан – шубырынды»), они отделились от казахов и смешались с местными татарами. Башкирская ветвь манеке. Это – мангыт-калмаки, прозванные тогайлинскими татарами, и род табын. Бывшие казахи Младшего жуза – табын, кыпчак, тама, кытай, керей, а также киргизы рода таздар... Перечисленные названия родов позволяют сделать вывод о том, что башкиры – те же казахи, соединенные в союз из разных племен»¹⁶.

Мы не думаем, что здесь имело место попытка намеренного искажения фактов. Скорее всего в сознании автора, активно использовавшего фольклор, произошла своеобразная трансформация смутных воспоминаний современных ему казахов об исходе башкир в начале XVIII в. с приаральских степей. Примечательно двоекратное упоминание о табынцах.

Согласно Кузееву, основным носителем табынского этнонима является род Кара-табын. Аналогии табынскому племенному названию имеются лишь в родоплеменной этнонимии казахов. Казахское племя Табын Младшего жуза было многочисленным. В XVIII – XIX вв. они кочевали зимой на Устюрте и дельте Амударьи, летом – в степном Зауралье, близ Оренбурга и Уральска, а также по Тоболу и Эмбе. О древних связях башкирских и казахских табынцев свидетельствует сходство преданий, тамг и уранов (боевой клич). В преданиях обоих народов фигурирует вождь табынцев Майки-бий.

Шежере башкирских табынцев начинается словами: «С самого начала Чингиз-хан дал страну Майки-бию, и дал уран – Салават, дерево – лиственницу, птицу – стервятник». Шежере кара-табынцев сообщает, что «Род КараТабын идет от Майки-бия. Во времена Чингиз-хана Майки-бий, живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингиз-хану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингиз-ханом на одной повозке; дали ему имя Уйшин Майки-бий»¹⁷.

Древние легенды табынцев указывают, что их родиной был Алтай. Еще в середине I тысячелетия они ушли на Запад, на Черный Иртыш, затем в Семиречье, где живут в тесном общении с уйсунями. Когда произошла массовая миграция кыпчаков на запад, в приаральские степи и далее в Поволжье, вместе с кыпчаками устремились многие другие кыпчакизированные племена. Волной этого движения были захвачены и оторваны от дулато-усуньского этнического массива и предки табынцев¹⁸.

Род Теляу-табын, проживающий в современном Учалинском районе, имеет свой аналог у казахов. Родство теляуцев в составе башкир и казахов еще не совсем забыто в исторических сказаниях и преданиях. Об этом же свидетельствуют и некоторые особенности их расселения: казахи рода Теляу еще в XIX в. кочевали летом на Яике и Эмбе, рядом с табынцами¹⁹.

На западе Башкортостана и в Старшем казахском жузе проживали канлинцы. Это древнее племя известно с III в. до н.э. В XIII в. канглы были существенной частью кыпчакских племен. В войсках хорезмшаха Мухаммада, на стороне которого канглы выступили против монголов, их было до 90 тысяч. Вместе с кыпчаками они составляли основное население Золотой Орды. В Приуралье канлинцы мигрировали в XIII – нач. XIV в. В западной Башкирии канлинцы в XIII – XIV вв. сильно смешались с группами древнебашкирского населения. Об этом свидетельствует высокий удельный вес у канлинцев усерганских, бурзянских и юрматинских тамг²⁰.

Кошсы – одно из древнетюркских центрально-азиатских племен. Во второй половине I тыс. кушчинцы участвовали в тюркских походах на запад. К западу от Урала кушчинцы мигрировали в общей волне монгольских завоевательских походов и составляли крупное подразделение войск Бату-хана. В XV в. кушчи участвовали в выдвижении ханом кочевых узбеков Абулхайра. В конце концов кошсы осели в северо-восточной Башкирии на реке Ай, рядом с дуванцами²¹.

И наконец, упомянем еще об одном общем для башкир и казахов племени с характерным названием «Киргиз». По мнению Кузеева, потомки енисейских киргизов пришли в Башкортостан в составе кыпчакской волны в XIII – XIV вв. Свою генеалогию киргизы возводят, как обычно, к Чингисхану, а через него к своим предкам – Тонак-бию и Кадык-бию, по именам которых называются два киргизских рода: Тэнкэй и Кадыкай. Предки башкирских киргизов, захваченные волной кочевнических передвижений, переселились на Сырдарью, где в VIII – X вв. их этническая история протекала в огузской этносфере. В золотоордынскую эпоху они осели на Бугульминской возвышенности. У казахов этот род называется Киргиз-аргын²².

Хотя в последующие века (XVI–XIX) этническое взаимодействие полностью не прекращается, характер его изменяется. Теперь речь может идти о контактах двух почти полностью сложившихся народов с собственными этнонимами «башкорт» и «казах». Проникающие инородные группы ассимилируются, иногда сохраняя свой этноним в названии родовых подразделений. Так, в составе южных башкирских племен есть несколько десятков подразделений «Казах».

Документы XVIII в. еще фиксируют отдельные групповые миграции. В 1719 г. башкиры Уфимского уезда сообщали властям о том, что 500 каракалпакских и казахских дворов желают жить с башкирами и платить ясак²³.

У казахов есть несколько родов под названием «Естек», проживающих в Западном Казахстане. В Шалкарском районе Актюбинской области проживают казахи рода «Кос естек». По рассказам стариков, в далекие времена два брата-башкира поселились в этих местах, а затем их потомков казахи этой местности называли «Кос естек». У рода Каракисяк Младшего жуза из пяти отделений один называется Истяк. Представитель рода Естек, проживающий на территории Уральского района Актюбинской области, Нугманов Акбисен возводил свой род от Алимуды, но в то же время оговаривал: «Мы – башкиры»²⁴.

2. Конфессиональная общность

Принято считать, что ислам проник в Башкортостан в X в.²⁵ Это событие обычно связывается с прибытием в 922 г. в Волжскую Булгарию посольства багдадского халифа во главе с Ибн Фадланом.

Однако, по свидетельству казанского историка середины XVI в. Шарафетдина ибн Хисаметдина, еще в 630 г. сам пророк Мухаммед направил к булгарскому хану Айдару для проповедования веры ислама своих сподвижников Абдрахмана ибн Зубеира, Зубеира ибн Джада и Талху ибн Усмана. Шарафетдин сообщает также, что среди первых обращенных в ислам башкир был житель долины реки Ай Айт-кул – сын Зайта²⁶. Хотя это сообщение не согласуется с современными представлениями о появлении булгаров в Среднем Поволжье, совершенно игнорировать его нельзя. Факт раннего распространения ислама в Башкортостане имеет неоспоримое вещественное доказательство – это известный Левашовский могильник близ города Стерлитамака, представляющий собой мусульманское кладбище VIII – IX веков.

Венгерский монах Иоганка, совершивший путешествие к башкирам, в письме 1320 г. сообщает о государе «всей Баскардии, совершенно зараженном сарацинским заблуждением». Ислам стал официальной религией при золотоордынском хане Узбеке, правившем в 1312–1342 гг. В те годы в Башкортостане успешно проповедовал выходец из Средней Азии ишан Хусаин-бек. Этот подвижник своей деятельностью и образом жизни заслужил глубокое уважение башкир. Его мавзолей был исключительно популярным местом паломничества вплоть до начала XX в. Выскажем предположение о том, что знаменитая «Азиева мечеть» на р. Берсувань, разрушенная Кириловым в 1735 г., была заложена казыем Хусаин-беком.

Сохранение в неприкосновенности своего вероисповедания было одним из условий признания башкирами верховенства власти царя Ивана Грозного. Этот политический шаг не означал отказа от исламских ценностей, разрыва с мусульманским миром. Башкиры продолжали поддерживать связи с единоверцами. Духовные императивы и религиозное благочестие издревле вдохновляли отдельных жителей Урала на совершение паломничества в далекую Аравию. Что касается башкирского общества в целом, то вплоть до середины XVIII века его жизнь регулировалась нормами шариата.

Автор первой специальной монографии А.Б. Юнусова так подытоживает свой обзор истории развития ислама в Башкортостане до 1917 г.:

«1. Ислам для татарского и башкирского населения Башкирии был и верой, и образом жизни, и нормой, регулирующей социальные сто-

роны бытия. Эти нормы легли в основу массового сознания башкирского народа, а также общественно-политических представлений башкирской интеллигенции.

2. В то же время ислам здесь, как и в России в целом, имел свои особенности, происходившие из предшествующего историко-культурного развития башкирского общества и правового положения мусульманского (инородческого) населения Российской империи.

3. В отличие от мусульманских стран Востока ключевые институты ислама как государственно-религиозной системы здесь не были достаточно развиты. Специфическими особенностями ислама во внутренней России были:

- раздельность власти и ислама; слабая политическая выраженность мусульманского верования;
- недостаточная развитость экономических принципов существования мусульманской общины, в том числе института вакуфов;
- сохранение реликтов доисламских верований у мусульман вплоть до XX века»²⁷.

Вывод о «слабой политической выраженности» ислама в крае спорен. В XVII – XVIII вв., когда царизм вел активную политику христианизации, сопротивление башкир не могло не иметь также политический характер. В определенном смысле ислам в Башкортостане был даже более политизирован, чем в странах мусульманского мира, где верующие не испытывали религиозного гнета.

Казахи также, как башкиры и татары исповедуют ислам суннитского направления ханифитского толка. Первым об исламе в Казахстане писал Чокан Валиханов. Казахи, по его выражению, до вступления в русское подданство «были мусульманами только по имени»²⁸.

В казахской историографии, также как и в башкирской, монографическое исследование бытования ислама в прошлом было проведено лишь в последние годы. А.К. Султангалиева предваряет свой труд следующим замечанием: «Хотелось бы отметить, что особенностью казахского варианта ислама является достаточно длительная временная протяженность между моментом проникновения ислама и собственно исламизацией территории современного Казахстана ... от VIII века и приблизительно до XVIII века...»²⁹. Далее она констатирует, что к середине XIX в. «синкретизм исламской веры так и не был преодолен: сильные элементы анимизма, шаманизма, поклонения предкам по-прежнему входили в религиозные представления и

обряды, распространенные в степи в форме народного ислама, включавшего в себя элементы доисламских верований»³⁰.

Результаты полевых исследований и раскопок подтверждают такие выводы. По мнению современных петербургских археологов В.П. Курылева и Д.Г. Савинова: «Совершенно очевидно, что ислам не затронул основ анимистического мировоззрения скотоводческого населения Казахстана, сохранившего и позже определенные представления о значении одухотворенного предметного комплекса в потусторонней жизни людей и необходимых мерах для его реализации. Это находит подтверждение в рельефных изображениях, вырезанных на надгробных каменных столбах-кулпытасах, а также рисунках, нанесенных на могильных сооружениях других типов – мавзолеях, саганатамах в Западном Казахстане (полуостров Мангышлак), которые относятся в основном к новейшему времени (XVIII – XIX в.), вплоть до наших дней»³¹.

Очевидно, что в рассматриваемый период ислам среди башкир получил значительно большее распространение, нежели у их южных соседей.

Однако на этот счет существует и иная точка зрения. Так, по мнению Ф.А. Шакуровой, степень религиозности башкир и казахов была одинаково низкой, что, якобы, было свойственно «всем кочевым народам дореволюционной России». Последнее обстоятельство автор объясняет рядом причин: «несоответствием требований мусульманской религии тому образу жизни, который вели кочевые народы», дискриминационным отношением ислама к кочевникам, менталитетом кочевников, относившихся с чувством превосходства к оседлому населению и соответственно к «городской религии», и, наконец, «иноэтничностью мусульманских священнослужителей»³².

На наш взгляд, здесь упускается из виду такой важный фактор, способствующий распространению и утверждению религии «священного писания», как грамотность населения и наличие богословских кадров. В этом отношении обстановка в Башкортостане была благоприятнее, чем в казахских степях. Известно, что казахи стали осваивать грамоту лишь в начале XIX в., через татарских мулл. До того грамотными были единицы, как правило, представители элиты. Кстати, именно казахские ханы и султаны играли главную роль в распространении ислама среди кочевников-казахов. Отметим, что Ф.А. Шакурова рассматривает религию как одну из форм идеологии, что является явным упрощением.

Существует мнение о том, что «Слабое знание, а точнее – незнание ислама, поверхностное знакомство с его идейными установками, даже основными понятиями, относительно редкое посещение мечети не дает повода говорить о слабом влиянии ислама на сознание людей»³³.

Сказанное справедливо по отношению и к представителям других конфессий. Из истории известно, что даже участники многочисленных религиозных движений и войн, в своей массе, слабо разбирались в теологических тонкостях и догматах религии.

А теперь рассмотрим несколько эпизодов из башкирско-казахских отношений. В 1709 г. предводитель восстания Алдар Исекеев переправил казанскому губернатору П.М. Апраксину письмо казахского хана Гаип-Мухаммед-Бахадур-хана, в котором содержались такие слова: «...Казань был Шигалея хана юрт, а Уфа была Гирея хана юрт, оба мусульманские юрты были, и вы иноверцы из мусульманского юрта подите вон и вы мусульманскую веру веруйте, а буде в мусульманскую веру не пойдете, давайте нам дани... А буде кто единому Богу верует и пророкам его и мусульманскому царю не покорится и те мусульмане будут такие же иноверцы и на втором пришествии в вечной муке».

Гаип прислал в качестве «мусульманского царя» своего сына Хази. В феврале 1709 г. в Юрматинской волости Ногайской дороги прошел йыйын. Башкиры присягнули на Коране новому хану и поклялись продолжить борьбу за освобождение Башкортостана³⁴.

В начале следующего башкирского восстания в 1735 г. казахи Среднего жуза писали башкирам: «Мы ведаем – у вас сделалась война с белым царем, и вас рубят, и мы с вами одного рода и одной веры, и ежели вам будет от русских студено, то к нам пришлите, и если хотите хана, мы вам хана дадим, если хотите салтана, то салтана пришлем, буде похотите мириться, то без нас не миритесь, а станем мириться вместе»³⁵. В 1737–1738 гг. часть казахов приняла участие в восстании. Один из правителей Среднего жуза султан Барак даже прислал своего сына Шигая.

Идеолог восстания 1755 г. Батырша предупреждал казахов о том, что царизм готовится «полностью подчинив себе киргиз-казаков, день ото дня втискиваться в их среду и строить на их землях крепости и кирпичные постройки, и, таким образом, сделать их побежденными и порабощенными так же, как они поступили с людьми Уфимского уез-

да. И сколько ближайших мусульманских городов они хотят разрушить, как Ташкент и Бухару, а мусульман тамошних покорить и разединить тем же способом, как они поступили с нашим благоустроенным городом Булгар»³⁶.

Башкиры южных волостей заранее согласовали план действий с простыми казахами. Летом 1755 г., в первые дни восстания, свыше 10 тысяч башкир бежали в Младший жуз. Оставив семьи, они с присоединившимися казахами стали совершать рейды в Башкортостан, нападать на Яицкую и Сибирскую пограничную линию.

Однако Неплюеву удалось расстроить союз башкир и казахов. Губернатор предложил Нурали-хану считать беженцев своими пленниками, разрешил грабить и убивать их. Собрав верных людей, хан стал нападать на башкир и приютивших их казахов. В ходе столкновений погибло множество казахов и башкир, в том числе женщин и детей.

Действия Нурали-хана осудил влиятельный казахский ходжа Кушум: «Этих пришедших иштеков (башкир) не грабьте, не убивайте, а захватив, не передавайте, а не то вы будете безбожники». Он же говорил: «А зачем Нурали-хан грабит иштеков?.. Эти иштеки являются нашими. И какое дело русским до них? Мусульман есть наш...»³⁷.

3. Южные башкирские территории в начале XVIII века

Современная российско-казахстанская граница проходит со значительными отклонениями от берегов Урала: внизу она отступает внутрь, к Волге, выше по течению, наоборот, заходит на азиатскую сторону. Точно вдоль реки, отделяющей Европу от Азии, проходила граница Оренбургской губернии в момент ее образования в 1744 г. Сложилось устойчивое представление о том, что Урал (до 1775 г. – Яик) издревле разделял земли башкир и казахов, и в середине XVIII в. произошло лишь обустройство и укрепление прежней границы государства, возникшей после вхождения Башкортостана в состав Русского государства. Соответственно считается, что заяицкое пространство стало осваиваться россиянами лишь в начале XIX в. при оренбургских губернаторах Г.С. Волконском и В.А. Перовском. Это ошибочное мнение прочно утвердилось в историографии Казахстана и

Башкортостана несмотря на документальные факты и сведения до-революционных историков.

Приведем ряд выдержек из обобщающих изданий по истории Казахстана 1949, 1957, 1979, 1999 и 2000 годов. Авторы первой книги пишут, что в XVIII веке «... западная часть казахских общин, которые вошли в Младший жуз, имела летние кочевья в районе Актюбы, а зимние – по Илеку и Уралу»³⁸. Согласно второй книге, в западном Казахстане «Зимние пастбища находились в низовьях Сырдарьи, Урала, в районе слияния Иргиза и Тургая и в других местах, а летние – по притокам Урала, в верховьях Тобола, по Иргизу, в Мугоджарских горах»³⁹. Из третьей следует, что в конце XVII – начале XVIII в. летние кочевья Младшего жуза «располагались по просторам Устюрта, а также по притокам рек Ори, Урала, Илека, Эмбы, Темира, в регионе Мугоджарских гор, а зимние стоянки – в районе р. Иргиза, ее притоков...»⁴⁰. Эти же слова дословно повторяются в последней работе⁴¹. В изданиях 1979 и 2000 годов помещены идентичные карты «Казахстан в XVIII в.», где российско-казахская граница в точности повторяет современную, что является заведомой ошибкой, ибо Челябинская, Оренбургская, Саратовская и Астраханская области, граничащие с современным Казахстаном, появились только в советский период. Авторы издания 1999 года, возможно, полагают, что земли в бассейне реки Самары также входили в территорию Казахстана, поскольку пишут, что крепости Переволоцкая, Новосергиевская, Елшанская возникли на казахских землях⁴².

Ни в одной из вышеупомянутых работ не содержатся какие-либо аргументы. Даже авторы специального исследования по исторической географии Казахстана ничем не подкрепляют свои утверждения типа ... «территория (Тургайской–С.Т.) области издавна принадлежала казахам»⁴³. Напомним, что Тургайская область, образованная в 1868 г., состояла из Кустанайского, Актюбинского, Иргизского и Тургайского уездов.

Башкирские историки освещают вопрос о южных границах Башкортостана в том же ключе. В сводной работе по истории края, вышедшей в 1996 году, они пишут, что И.К. Кирилов заложил Оренбург «в пограничном башкиро-казахском районе»⁴⁴. В новейшей сводной работе сообщается, что в XVIII-XIX веках «южная граница Исторического Башкортостана проходила примерно от нижнего течения

р. Илек, далее – вверх до среднего течения Яика, затем – по р. Уй до верховьев Тобола»⁴⁵.

Из современных исследователей одной из первых «нарушила границу» Н.Н. Томашевская, заметившая, что в начале XVIII в. «крайние пределы расселения башкир достигают... на юге – до среднего течения рек Илек и Эмбы...»⁴⁶.

Однако это «новое» в историографии вопроса является ничем иным, как «хорошо забытым старым». Еще сто лет назад оренбургский историк А.И. Добросмыслов писал: «Более или менее верные сведения о том, кто населял в былые времена нынешнюю территорию Тургайской области, имеются только лишь с конца XVII века. В это время Кустанайский уезд и большая часть Тургайского были населены кочевым народом – башкирцами, а Актюбинский и часть Иргизского занимал другой кочевой народ – калмыки, и только южные части Тургайского и Иргизского уездов были заняты кочевьями киргиз, в первом – Средней Орды и во втором – Малой... Средняя Орда, вытеснив башкир, заселила земли в нынешних Кустанайском и Тургайском уездах, а Малая, оттеснив калмыков, заняла своими кочевьями Актюбинский и Иргизский уезды Тургайской области и Уральскую область»⁴⁷. Сходные сведения содержатся в работе М.К. Любавского, который писал: «Киргиз-кайсаки, кочевавшие на севере Туркестана в начале XVIII века, были вытеснены со своих кочевий зунгорским ханом Галдан-Чириним. Из трех орд, на которые делились киргиз-кайсаки, только одна Большая Орда осталась на прежнем месте, на верхней Сырдарье и ее притоках, покоренная зунгорцами, которые и заняли ее главные города Туркестан, Ташкент и другие. Средняя Орда передвинулась на север, от Сырдарьи на Тургай, Ишим, Тобол и Уй, вытеснив отсюда часть башкир. Меньшая Орда, вопреки своему названию, самая многочисленная, перешла Эмбу, отогнала кочевавших тут калмыков за реку Яик и подо двинулась вплотную к южным пределам Башкирии»⁴⁸.

В исторических источниках содержится достаточное количество сведений, позволяющих установить ареал расселения южных башкир в период от Средневековья до первой половины XVIII в. Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Как известно, хан Батый условно разделил Золотую Орду на три улуса: себе оставил западный улус, включавший земли от Дуная до Уральских гор, средний, простиравшийся от Урала и Западной Сиби-

ри до Аральского моря, передал брату Шайбану, восточный улус, расположенный на землях современного юго-восточного Казахстана, достался его брату Орда-Ичену. Со второй половины XIV века, когда иссяк род Батыя, шайбаниды становятся самой могущественной и авторитетной династией среди потомков Чингисхана. Некоторые ее представители правили всей Золотой Ордой. После распада последней шайбаниды остались в своем улусе. В середине XV в. в его северо-восточной части возникло Сибирское ханство, южнее образовалось государство кочевых узбеков. В начале XVI в. шайбаниды-узбеки захватили у тимуридов Мавераннахр и окончательно завоевали Хорезм. Освободившееся геополитическое пространство в северном Приаралье заняли ногайцы. Обширная Ногайская Орда включила в себя большую часть Башкортостана, Северный Казахстан и часть Поволжья. В начале XVI в. правое крыло Орды находилось в самом центре современного Казахстана: от Улу-тау оно доходило до среднего течения Сырдарьи и охватывало северное побережье Аральского и Каспийского морей⁴⁹.

Ногайцы сыграли заметную роль на последнем этапе этногенеза башкир. О близком родстве этих двух народов писал еще первый оренбургский историк П.И. Рычков⁵⁰. Недаром современные южные народы, в том числе казахи, иногда называют башкир ногайцами. После того, как в начале XVII в. прекратили существование Сибирское ханство и Ногайская Орда, земли Зауралья и северного Приаралья стали родовыми владениями автохтонов-башкир.

Что же касается казахов, то они входили в улус Орда-Ичен-хана (по другим сведениям – Тукай-Тимур-хана). Казахские ханы постоянно враждовали с шайбанидами и ногайскими мурзами. В середине XV в. при ханах Джанибеке и Гирее казахи и вовсе отпали от Джучиева улуса и откочевали в район реки Чу. Здесь и начало складываться Казахское ханство. Иногда казахским ханам (Касиму в 1510-х, Хакназару в 1570-х годах) удавалось временно захватывать южные территории своих соседей.

Русские источники начинают упоминать о казахах с начала XVI в. В «Книге Большому Чертежу», составленной в конце XVI в., северные казахские владения фиксируются в бассейне реки Сары-Су и песках Кара-Кум, т. е. на территории западной части современной Карагандинской и северной части Кызылординской областей⁵¹.

В 1610-х годах перекочевавшие с Алтая калмыки прогнали ногайцев за Волгу, а казахов оттеснили к верховьям Сырдарьи и в Семиречье. Рычков, например, об этом событии пишет так: «...Лоузан и Елденг (которые известного Аюки-хана деду были братья родные), согласясь с некоторыми подвластными им людьми, от зюнгорцев отделились, и, усилясь над татарскими народами, кои тогда находились в тех местах, где ныне по большей части киргиз-кайсаки кочуют, оными овладели и, во-первых, со всеми своими людьми пришли к реке Эмбе ... потом перешли к Яику»⁵².

Калмыки пытались утвердиться и в южной части современного Башкортостана, но получили отпор. Тогда российские власти поддерживали своих подданных: несколько раз совместные башкирско-русские отряды вступали в сражение с пришельцами. Поэтому калмыки были вынуждены чередовать военные действия с переговорами. В июне 1630 г. в Москве послы тайши Далая «били челом, чтоб царское величество велел им кочевать по Ембе реке, где кочевали алтыульские мурзы...»⁵³.

Ногайцы и башкиры с 1557 г. были подданными России, и, очевидно, поэтому калмыки признавали земли в бассейне Эмбы принадлежащими российской короне. Осенью тайше пришло повеление, чтобы они «в Уфинском бы уезде и в башкирских вотчинах по Ембе и в Казачьей Орде и по Яицким вершинам не кочевали, и чтоб от них, калматцких людей, Уфинского уезду башкирцом и Большим Нагаем задоров и утиснения не было...»⁵⁴.

Существуют документы напрямую свидетельствующие о том, что земли северного Приаралья принадлежали башкирам. В 1668 г. башкир Кипчакской волости Чюрак Беккулов направил челобитную о том, что он «Великого государя в казну платил ясаку с речки Уила за Яиком по три лисицы, а владеют де ею ныне калмыки, и того де ясаку взять негде»⁵⁵. Башкиры Кипчакской, Бурзянской и Тамьянской волостей Ногайской дороги Уфимского уезда имели вотчины и по реке Иргиз. В российских документах 1640–1670, 1700-х годов сообщается об их промыслах в этой местности: охоте на бобров, сайгаков и тарпанов. Причем упоминаемые притоки – Большой и Малый Талдык, Тысай, Баксайыс⁵⁶ – не позволяют сомневаться в том, что речь идет именно о реке Иргиз, протекающей в нынешней Актюбинской области.

Известно, что башкиры были владельцами знаменитого Илецкого соляного месторождения. 12 августа 1721 г. уфимский обер-комендант Иван Бахметев докладывал в Камер-коллегию: «Илецкая соль родится на степи на пещаном месте на их ясачной земле... истари отцы и деды их довольствовались солью, что брали из оной реки, за что и службу служили и ясаку давали из давних лет... Илецкая соль в расстоянии от Уфы, например, днях в десяти и больше, во владении имеется Уфинского уезду башкирцов...»⁵⁷.

Заслуживают внимания и следующие факты, относящиеся к периоду заселения казаками левобережья Яика. 18 ноября 1742 г. первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщал в Сенат: «Ноября 3 числа в присланном письме Абулхайр хан сам ко мне пишет с прошением, дабы ему в устье Кубацы реки в урочище Илека построить городок... и ежели де построится тот городок, то неподалеку жить было б способно. Ежели при Илеке тот городок строить, то по их кайсакскому состоянию не воспретить бы пользы соляной, понеже в том месте добычею соли вся Башкирия, також де и Оренбургская крепость пользуются»⁵⁸.

Разумеется, что русское правительство само было заинтересовано в установлении контроля над стратегически важным объектом, и поэтому Илецкое месторождение с 1753 г. стало первым русским владением за пределами первоначальной границы Оренбургской губернии.

Позднее Рычков писал: «Илецкая крепостца, или защита, на самом том месте, где добывают славную илецкую соль, от Оренбурга за реку Яик прямо в киргиз-кайсацкую степь расстоянием 62 версты, около которой и киргизцы часто кочевьями своими располагаются. Добывание оной соли уже издавна на том месте сперва от башкирцов, а потом и от крепостных обывателей чинилось уже в прошлом 1753 году октября 26 числа...»⁵⁹.

Башкирам было запрещено самовольно пересекать оренбургский кордон и находиться на своих бывших вотчинах. Но они, несмотря на двойную опасность, нарушали этот запрет. Так, башкир Елчикай Кутукаев из д. Сарыш Сарыш-Кипчакской волости показал 12 марта 1742 г. в Уфимской провинциальной канцелярии, что «ныне тому пятой год во время башкирского замешания кочевали на оной **Ногайской дороге** (выделено мной. — С.Т.) разных волостей з башкирцами за Яиком рекою на устье Имбей реки. Напав на них киргиз-кайсаки

Средней Орды владения Аблай салтана в трехстах человеках и взяли нас к себе в плен... »⁶⁰.

О том, что Эмба, Иргиз, и Тургай были не самыми отдаленными вотчинами башкир свидетельствует «Представление» И.К. Кирилова от 1 мая 1734 г. на имя императрицы Анны Иоанновны, где сообщается, что «... у Аральского ж озера, у гор Кагкарат, недалеко от башкирского владения есть саморудные квасцы, кои берут киргизцы ж...»⁶¹.

Итак, приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что в начале XVIII в. башкирские земли уходили далеко за Яик, вплоть до берегов Аральского моря.

Р.Г. Кузеев, опираясь на предания усерганцев, тангаурцев и бурзянцев, выдвинул гипотезу о существовании в эпоху Средневековья «единого территориально-хозяйственного комплекса с северным Приаралем и низовьями Сырдарьи», однако бытующее представление о южных границах Башкортостана приводит его к ошибочному выводу о том, что в XV в. Арало-Уральские связи прекратились, в результате чего произошел переход башкир от кочевого скотоводства к полукочевому⁶².

Нельзя сказать, что казахские историки обходят молчанием события, связанные с джунгарским нашествием. Напротив, этот драматичный период в казахской истории получил широкое освещение в трудах по истории Казахстана. Приведем несколько цитат: «Тысячи казахских аулов из южных и юго-восточных районов Казахстана откочевали к рекам Эмбе, Яику и Илеку, на Орь и Уй. В сентябре 1725 г. уфимский воевода сообщил в Петербург: «Киргиз-кайсаки с женами и детьми великим собранием идут к реке Илеку, и их, каракалпаков и кайсаков разбил контайша...». Такие же сведения поступали из районов Эмбы, Яика»⁶³. «Одновременно с продвижением части казахских родов Младшего жуза в северо-западном направлении к Яику, другая группа родов Младшего жуза и многие роды Среднего жуза устремились на север, до рек Орь, Уй, Илек и Тобол, продвинувшись к Уральским горам, где казахи потеснили живших там башкир Ногайской и Сибирской дорог»⁶⁴.

В действительности же, как мы теперь знаем, башкиры были потеснены не около Уральских гор, а к Уральским горам.

Хан Младшего жуза Абулхаир проторил дорогу на Урал и в Поволжье еще в начале XVIII в., когда по приглашению предводителя

башкирского восстания 1707–1711 гг. Алдара Исекеева прибыл в Башкортостан и был объявлен ханом⁶⁵. Несомненно, в 1723 г. он вел своих людей к российским границам, руководствуясь определенным планом. Летом 1723 г. казахи прогнали калмыков тайши Доржи Назарова с Эмбы к берегам Яика. Следующим летом совместный отряд казахов, каракалпаков и башкир напал на кочевья Доржи в междуречье Яика и Волги⁶⁶.

С именем Абулхаира связано судьбоносное событие в истории казахского народа. После победы над джунгарами в 1729 г. под озером Балхаш хан вернулся к берегам Яика и, при посредничестве башкирского тархана Алдара Исекеева, обратился за протекцией к русскому правительству. В 1731 г. казахи Младшего жуза стали подданными России.

Историки до сих пор спорят о подлинных причинах, побудивших Абулхаира пойти на такой шаг. Высказываются прямо противоположные мнения: одни говорят о вынужденных действиях хана, желавшего спасти свой народ от джунгарского порабощения, другие – подозревают его в эгоизме и политическом авантюризме. Думаем, что в политических планах казахского лидера имел место еще один существенный аспект. Для того, чтобы пояснить свою мысль, приведем цитату из статьи С.Г. Кляшторного: «Особенно трагичным было положение Младшего жуза, вытесненного со своих кочевий на север и попавшего под удары башкир, каракалпаков, бухарцев, волжских калмыков и яицких казаков, недовольных перекочевкой жуза к Уралу. Принятие российского подданства и защиты резко изменило обстановку. Военная опасность была минимизирована, а со стороны калмыков, казаков и башкир – и вовсе устранена. Новые богатые пастбища по Эмбе, Иргизу и Яику позволили родам Младшего жуза в скором времени возродить хозяйство»⁶⁷.

Иными словами, Абулхаир хотел узаконить присутствие казахов на территории Русского государства, закрепить «де-юре» их права на новые земли. Мы согласны с подобной трактовкой. Известно, что хан хотел, с помощью русского правительства, обзавестись новой резиденцией в устье Ори. Собственно, именно этой идее обязан Оренбург своим появлением.

Дальнейшие события хорошо известны. В 1734 г., по указу правительства, была организована Оренбургская экспедиция. В ходе подавления башкирского восстания вдоль Яика была возведена крепо-

стная линия. Заяицкие земли с тех пор стали называться «степью кочующих киргиз-кайсаков».

Один из первых исследователей башкирских восстаний 1730-х годов А.И. Добросмыслов так объясняет их причины: «...башкиры во главе с Кильмяк-Абызом... пришли к заключению, что, с постройкой города и крепости на устье Ори, Башкирия постепенно будет окружена с восточной стороны и таким образом навсегда войдет в состав России, и, кроме того, не будет никакой возможности возвратиться от киргиз те земли (северные части нынешней Тургайской области), которые они отняли у них...»⁶⁸.

О том, как отреагировали башкиры на утрату своих земель за Яиком, можно судить также по показаниям участника восстания Сапара Осипова, рассказавшего следующее: «...А по выступлению оных Кирилова и Тевкелева для строения города Оренбурха оной башкирской народ разных дорог и волостей всем мирским советом разсуждали, что де оные каштаны (т. е. предатели, – так башкиры называли своих старшин, принявших участие в дипломатической миссии А.И. Тевкелева в Казахстан в 1731–1732 гг. и согласившихся отдать свои земли под строительство Оренбурга⁶⁹) ездили в Санкт-Петербург и оболгали государыню, якобы киргиские народы будут подданные, от которых уже, как всегда разорение есть, а издревле пожалованные нам земли и угодья ныне отнимаются для одного непостоянного народу...»⁷⁰.

Знание исторической географии региона необходимо для правильного понимания его истории. В нашем случае это важно для системного анализа башкирско-казахских и российско-казахских отношений. В течение первой половины XVIII в. на землях, принадлежавших российской короне, происходил процесс смены фактических владельцев. В результате вхождения Младшего жуза в состав России и образования Оренбургской губернии появляются новые хозяева левобережья Яика – казахи. Русская администрация довольствуется тем, что укрепляет свое положение в Башкортостане и получает реальные виды на земли, принадлежавшие ей формально с середины XVI в.

¹ Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Этнические и культурные связи Казахстана и Башкирии в XVI – XVIII вв./ Навеки вместе. К 250-летию добровольного

присоединения Казахстана к России / Под общ. ред. Б.А. Тулепбаева. – Алма-Ата: «Наука» Каз. ССР, 1982. – С. 132.

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – С. 113, 165–168.

³ Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – Алма-Ата: Жазуши, 1990. – С. 68.

⁴ Башкирские шежере/Сост., перевод, введ. и коммент. Р.Г. Кузеева. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1960. – С. 194.

⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – С. 328–329.

⁶ Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 9–10.

⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – С. 109, 139–143, 162, 439.

⁸ Кудайберды-улы Ш. Указ. соч. – С. 47, 77.

⁹ Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура / Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова и др. – Уфа: Баш. энц-я, 2002. – С. 36, 39–40, 44.

¹⁰ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1978. – С. 160–170.

¹¹ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. Т. I. – С. 209, 639.

¹² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – С. 177–182; Валиханов Ч.Ч. Т. I. – С. 657.

¹³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – С. 222–226, 232.

¹⁴ Там же. – С. 227, 228.

¹⁵ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сб. док. и мат.). – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. – С. 291, 407.

¹⁶ Кудайберды-улы Ш. Указ. соч. – С. 110–111.

¹⁷ Башкирские шежере. – С. 156, 165.

¹⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – С. 252–262.

¹⁹ Там же. – С. 265–266.

²⁰ Там же. – С. 357, 358.

²¹ Там же. – С. 214–217.

²² Там же. – С. 360–362.

²³ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115 – Л. 1 – 2.

²⁴ Избасарова Г.Б. Казахско-башкирские отношения в XVIII веке (1701 – 1755): Автореф. дис ... канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – С. 12–13.

²⁵ См., например: Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа, 1956. Т. 1, ч. 1 – С. 69; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. /

Отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1999. – С.165; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 20.

²⁶ Валиханов Ч.Ч. Булгар на Волге // Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата, 1964. Т. III. – С. 181-185.

²⁷ Юнусова А.Б. Указ. соч. – С. 95.

²⁸ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата, 1961. Т. I. – С. 371, 518-524.

²⁹ Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. – Алматы, 1998. – С. 2-3.

³⁰ Там же. – С. 33-34.

³¹ Курyleв В.П., Савинов Д.Г. К проблеме трактовки «рисунков» на западно-казахстанских памятниках // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Мат-лы междунар. науч. конф. 25-27 мая 2006 г. Ч.1. – Актобе, 2006. – С. 86.

³² Шакурова Ф.А. Менталитет кочевников и ислам // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. / Под ред. А. Б. Юнусовой и А. В. Малащенко. – М., 1998. – С. 87-90.

³³ Малащенко А. В. Исламская традиция в российском обществе 90-х годов // Этничность и конфессиональная традиция... – С. 15.

³⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. – Ч.1 / Отв. ред. А.П. Чулошников. – М.; Л., 1936. – С. 256; Таймасов С.У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии. – Sterлитамак, 2006. – С. 76-77.

³⁵ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI / Ред. Н.В. Устюгов. Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. – Уфа, 2002. – С. 230.

³⁶ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – М.; Л., 1940. – С. 39.

³⁷ НА УНЦРАН – Ф. 3. – Оп. 2. – Д.139. – С. 155-158, 179-180; Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 98-99, 101.

³⁸ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / С.Б. Баишев, Е.Б. Бекмаханов, М.П. Вяткин и др. Т. 1. – Алма-Ата, 1949. – С. 146.

³⁹ История Казахской ССР / М.О. Ауэзов, С.Б. Баишев, И.С. Горехвататский и др. Т. I. – Алма-Ата, 1957. – С. 149.

⁴⁰ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / А.И. Нусупбеков, Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин, А.С. Сабырханов. Т. III. – Алма-Ата: Наука, 1979. – С. 14.

⁴¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / К.С. Алдажуманов, М.Х. Асылбеков, Ж.К. Касымбаев, М. К. Козыбаев. Т.3. – Алматы: Атамұра, 2000. – С. 96-97.

⁴² История Республики Казахстан /А. Кузембайулы, Е. Абил. – Астана, 1999. – С. 169, 171.

⁴³ *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.) – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 200.

⁴⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – С.222.

⁴⁵ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2т./ И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфандияров и др. Т. 1. – Уфа: Китап, 2007. – С. 111.

⁴⁶ *Томашевская Н.Н.* От социального пространства к социальному времени. Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. – Уфа: Китап, 2002. – С. 22.

⁴⁷ *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Выпуск 3 – т.1. – Тверь, 1902. – С. 3-4.

⁴⁸ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М.: Изд. Моск. Ун-та, 1996. – С. 500.

⁴⁹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М.: Восточ. лит-ра РАН, 2001. – С. 54, 93, 179, 205.

⁵⁰ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – С. 50.

⁵¹ Книга Большому Чертежу /Подг. к печ. и ред. К.Н. Сербиной. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. – С. 95.

⁵² *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 74.

⁵³ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док./ Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Изд. восточ. лит-ры, 1959. – С. 154.

⁵⁴ Там же. – С. 159.

⁵⁵ *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. – Уфа: Китап, 2006. – С. 147.

⁵⁶ НА УНЦ РАН – Ф. 23. – Оп.1. – Д. 7. – Л. 29 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 204, 428.

⁵⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 613. – Л. 808–808 об.

⁵⁸ Там же. Кн. 147. – Л. 34 об.

⁵⁹ *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 179.

⁶⁰ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 134.

⁶¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 111.

⁶² *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. – С. 42, 57, 129, 175, 451.

⁶³ История Казахской ССР. – Т.1. – Алма-Ата, 1957. – С. 235.

⁶⁴ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. – Т.3. – Алматы: Атамұра, 2000. – С. 107.

⁶⁵ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 102.

⁶⁶ *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999. – С. 132–135.

⁶⁷ *Кляшторный С.Г.* Россия и тюркский мир Евразии: российско-казахстанская геополитическая модель // Евразийство: проблемы осмысления (по итогам международной научной конференции 14–15 сентября 2002 г.). – Уфа: Восточ. ун-т, 2002. – С. 118.

⁶⁸ *Добросмыслов А.И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // Труды Оренб. уч. арх. ком. Вып. VIII. – Оренбург, 1900. – С. 9.

⁶⁹ ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 114.

⁷⁰ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 659.

Глава II

ОРДЫНСКОЕ ПРОШЛОЕ

1. Башкортостан в составе Золотой Орды

Чингисхан разделил между сыновьями завоеванные земли и те, которые еще предстояло завоевать. Степень удаленности уделов соответствовала при этом возрасту сыновей; оттого младший сын Тулуй получил коренной юрт Чингисхана – собственно Монголию, а также 101 тыс. из 129 тыс. человек монгольской регулярной армии. Обширные территории к западу от Монголии были поделены между старшими сыновьями, причем каждому было пожаловано только по 4 тыс. человек из регулярной армии. В последующих походах эти 4 тыс. составляли гвардию ханов. Из них выдвигались кандидатуры на посты военачальников и государственных чиновников. Основную же массу войска составляли представители покоренных или добровольно присоединившихся народов, в основном тюркского происхождения, получившие собирательное название «татары». Юрт третьего сына Чингисхана Угедея находился на реке Эмил и озере Алакуль в современном восточном Казахстане. Владения Чагатая, второго сына Чингисхана, простирались от южного Алтая до Амударьи, включая Самарканд и Бухару. Удел старшего сына Джучи составляла бескрайняя степь кипчаков – Дешт-и Кипчак, простиравшаяся от Иртыша до Дона. Средневековый автор «Избранной истории» Хамдаллах Казниви обозначает владения Джучи-хана так: «По приказанию отца, ему вверены были область Хорезм, Дешт-и Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды...»¹. Отныне претендовать на ханский трон имели право лишь лица, принадлежавшие к «золотому роду чингизидов» по мужской линии.

Внезапная смерть в 1227 г. не позволила Джучи-хану стать реальным властителем выделенного ему улуса. У Джучи было около

40 сыновей. Назовем лишь самых известных, которые и будут фигурировать в нашей книге: Орда, Бату, Берке, Шибан, Тукай-Тимур. Бату (Батый) был признан войсками на западе улуса наследником отца и этот выбор был утвержден Чингисханом перед смертью в том же 1227 г.

На всемонгольском курултае в 1235 г. было принято решение о походе в западные страны. Есть основания полагать, что накануне войны ставка Бату-хана находилась на левобережье Яика, у юго-западных границ Башкортостана. Источники по-разному сообщают о положении нашего края в это время. По одним данным, башкиры были уже покорены монголами. Так, венгерский монах Юлиан, посетивший башкир в 1236 г., пишет, что до этого они на протяжении 14 лет вели войну с монголами. Башкиры у западноевропейского путешественника фигурируют как родственный ему народ Великой Венгрии, находившейся в двух днях пути от Волжской Булгарии. По мнению Льва Гумилева, башкиры были завоеваны в жестокой войне в 1220–1235 гг. По другим сведениям, башкиры были завоеваны в одно время с кипчаками, булгарами и русскими в течение 1236–1240 гг. Об этом, в частности, монгольская хроника «Сокровенное сказание».

Некоторые башкирские предания говорят о добровольном признании башкирами монгольской власти. Так, шежере племени Усерген повествует о том, что Муйтен-бий от имени народа ездил с подарками к Чингисхану и получил от него ярлык на вечное владение землями и управление своим народом². Ряд шежере сообщают, что племена и роды башкир получили от повелителя тамги, военные кличи (оран), свои символические деревья и птиц. Башкиры, как подданные, обязаны были платить ясак и нести военную службу. Особо отличившиеся воины получали титул тархана.

Судьба кипчаков, в особенности их правителей, была более трагичной. Об упорной борьбе и гибели одного из кипчакских правителей Бачмана сообщают историки Джувейни и Рашид-ад-дин. С их слов, Бачман даже после покорения Булгарии, Осетии и Руси не сложил оружия и продолжил партизанскую войну. Последним его прибежищем стали берега Волги. Внезапные, дерзкие набеги кипчакского эмира вывели из себя завоевателей и они устроили большую облаву. На 200 судах, в каждом из которых находилось по 100 человек, они стали прочесывать реку и, в конце концов, на одном из островов зах-

вашили отважного Бачмана и его соратников. Гордый воин не стал просить пощады и мужественно принял смерть³.

Башкирские предания перекликаются с этими письменными свидетельствами о вожде кипчаков. Видный пугачевский полковник старшина Бушмас-Кипчакской волости Кинзя Арсланов является одним из потомков Бачмана⁴.

На покоренных степных пространствах возникло государство, известное в исторической литературе под названием «Золотая Орда». Современники же называли его «Улу улус» или «Улус Джучи»⁵.

Улус Джучи формально считался частью единой монгольской империи, но фактически был самостоятельным государством. Из многочисленных потомков Чингисхана самым авторитетным был Бату-хан, или, как его еще называли, Саин-хан. Он разделил свои обширные земли на три улуса. Оставаясь одновременно главой всего государства, Бату отдал своему старшему брату Орде юго-восточные территории (Ак-Орда) себе оставил западные территории от Дуная на западе до Урала на востоке (собственно «Золотая Орда»), а среднюю часть, т.е. Зауралье, Западную Сибирь, территории современного северного Казахстана и Хорезма пожаловал Шибану (Кок-Орда) с тем, чтобы последний «проводил лето к востоку от Яика на берегах Иргиза, Ори, Илека до горы Урала, зиму – в Аракуме, Каракуме, на берегах Сырдарьи и при устьях Чу-Су и Сары-Су».

Таким образом, западные башкиры входили в улус Бату, а восточные – в улус Шибана.

Когда в 1370-х годах иссяк род Бату-хана и власть центра ослабла, весь Башкортостан, очевидно, стал подчиняться потомкам Шибана (по мусульмански – Шайбан). Напомним читателям, что Казанского ханства, распространившего свою власть на часть западных башкир, тогда еще не существовало. Шайбаниды всегда имели большое влияние в улусе Джучи, некоторые из них даже управляли всем государством. Таковы, например, праправнук Шайбана Булат-хан, его сыновья Ибрагим-хан и Арабша-хан, брат Булата Ильбек-хан, его сын Канбек-хан. Некоторое время все они жили в Башкортостане. Существует мнение, что ставка ханов находилась в черте современной Уфы на месте «Чертова городища» и Оренбурга в городище «Актюба»⁶.

Арабшах был известен как храбрый воин и искусный полководец. В летописях сообщается, что в 1377 г. он разгромил русских под Ниж-

ним Новгородом. В последующем его потомки долгое время правили в Хиве и Ургенче. Внук Ибрагима Абулхаир известен как создатель государства кочевых узбеков. Первыми ханами Кок-Орды, а следовательно, и правителями башкир были Шайбан и его потомки: Бахадур, Джучи-Бука, Бадакул, Мин-Тимер, Булат. Сын Бадакула, брат Мин-Тимера и Булата, Бекконды-оглан является предком знаменитого сибирского хана Кучума. Некоторые источники сообщают, что Шайбан жил и правил в Бухаре. Этот факт вводит в заблуждение многих историков. Следует помнить, что в Средневековье Бухарой (точнее, Бухарией) назывались также земли по среднему и верхнему течению Сырдарьи и даже современная китайская провинция Синь-Цзянь. В Бухаре, как сообщают те же источники, Шайбан принял ислам. Полагаем, что и здесь речь идет не о самой Бухаре, а о городе Туркестане (Яса), являвшимся одним из мусульманских центров Средней Азии. Здесь находились религиозная школа и святыня верующих – могила шейха Ахмеда Ясави. Отсюда в первой половине XIV в. в Башкортостан пришел проповедник Хусейн-бек, последователь мистического учения Ходжи Ахмеда Ясави и член религиозного ордена Накшбандия. Это суфийское братство проповедовало духовную чистоту, отказ от власти и стяжательства, добровольную бедность. Оно играло большую роль в распространении и укреплении ислама суннитского толка среди кочевых и полукочевых тюркских племен в Средней Азии и на территории Джучиева улуса. В Башкортостане эта ветвь ислама функционировала вплоть до установления Советской власти.

Батый был язычником, среди монгольской знати были приверженцы буддизма и христианства несторианского толка. Младший брат Батыя Берке, придя к власти в 1256 г., взял курс на исламизацию страны. Ислам стал официальной государственной религией при хане Узбеке, правившем в 1312–1342 гг. При нем татарское государство достигло наивысшего расцвета и могущества. Эта огромная евразийская держава имела все необходимые условия для существования: чрезвычайно выгодное географическое положение, благоприятный климат, неисчерпаемые природные ресурсы, многочисленное энергичное население, обладавшее достаточным уровнем материальной, технической и духовной культуры, структурированную систему политического устройства, высокий военно-оборонительный потенциал и престиж на международной арене.

Тем не менее Золотая Орда вскоре погибла. В чем причина столь быстрого распада татарского государства? Считается, что историческая наука давно ответила на этот вопрос. В общем виде ответ звучит примерно так: «Единство Орды держалось исключительно на деспотической власти, с ослаблением которой, в ходе затяжной династической смуты, это непрочное образование, под воздействием центробежных сил, распалось на “осколки”: Сарайское, Крымское, Астраханское, Казанское, Сибирское ханства и Ногайскую Орду, которые (в том числе и Ногайская Орда) продолжили агрессивную политику в отношении Русского государства».

Однако этой популярной концепции явно не хватает конкретности. К тому же она не дает ответа на ряд важных вопросов. Почему, например, получившие независимость улусы тут же начали междоусобную борьбу? Крымские и казанские ханы оспаривали у ханов Сарая право считаться наследниками Золотой Орды. Не свидетельствует ли это о том, что обе стороны вели борьбу за восстановление прежнего государства? Почему не обладавшие реальной силой хан Кучум и его потомки больше века упорно боролись за восстановление Сибирского ханства, а могущественные ногайские мурзы добровольно признали себя вассалами великого московского князя?

Несмотря на появление в последнее время новых работ по эпохе Золотой Орды, эти вопросы до сих пор остаются без ответа. Поэтому остаются актуальными высказанные еще в 1884 г. слова историка В.Г. Тизенгаузена о том, что «отсутствие основательной, возможно полной и критически обработанной истории Золотой Орды составляет один из самых важных и чувствительных пробелов в нашем отечественном бытописании».

Подступиться к разгадке судьбы Золотой Орды мешают, на наш взгляд, предубеждения и ошибочные стереотипы. Например, сложившийся в историографии образ Едигея как борца за единство государства находится в полном противоречии с исторической действительностью. Между прочим, эпос гораздо точнее передает смысл коллизии, лежавшей в основе междоусобиц на территории Джучиева улуса. В народной поэме ногайский эмир Едигей предстает как непримиримый враг Золотой Орды и ее хана Тохтамыша.

Исторические источники позволяют восстановить в полном соответствии с фабулой эпоса историю противостояния двух антагонистов, а затем их потомков. Вкратце суть этой истории такова⁷. Едигей,

поссорив своего сюзерена Тохтамыша с Тимуром, сбежал в Самарканд и стал подстрекать среднеазиатского правителя к ответному нападению на Золотую Орду. В результате состоялся поход, завершившийся разгромом Тохтамыша на р. Кундурче (левой приток Волги) 18 июня 1391 г. Второе, еще более разрушительное нашествие Тимура произошло в 1396 г. Устранив таким образом законного правителя, Едигей усадил на сарайский трон своего племянника (сына сестры) чингизида Тимура-Кутлу. Не являясь потомком Чингисхана, Едигей, тем не менее, до конца жизни фактически управлял государством через Тимура-Кутлу, а затем – его детей. В результате длительной смуты Золотая Орда развалилась, на ее месте образовались две коалиции: потомки Тохтамыша и его братьев управляли Крымским и Казанским ханствами, а их враги – Сарайским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой.

Ханы-шайбаниды, правившие Башкортостаном и Западной Сибирью, стояли несколько особняком. В башкирском фольклоре они известны как Тура-ханы. По предположению Валиди, в «Мавзолее Тура-хана», что в Чишминском районе, захоронен в 1482 г. Махмудек-оглан – прадед сибирского хана Кучума⁸. Один из шайбанидов Абулхаир вел борьбу с тимуридами, в 1446 г. захватил на Сырдарье города Сузак, Аккурган, Узгенд, Сыгнак. Его потомки уничтожили империю Тамерлана и создали в Средней Азии Узбекское государство.

Какие следы оставила эта бурная эпоха в памяти башкирского народа? Предания говорят, что в улус Абулхаира входили племена Мин и Кушчи, ему служили в качестве эмиров башкиры Жыгыз и Жал⁹; тогда же жили герои башкирских и казахских преданий сказитель Еренсе-сэсэн и воин Кобланды-батыр¹⁰.

Петр Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» пишет: «В бытность при Оренбургской экспедиции командиром статского советника Кирилова, один из знатнейших башкирских старшин Алдар объявил, якобы башкирский народ исстари был одним с ногайцами и жил около сибирских границ, где они от сибирских ханов великие разорения претерпевать были принуждены и оттого, наконец, из тех мест под предводительством одного своего хана именем Тюрея удалились и пришли в рассеяние, так что некоторые за Яик, а другие за Волгу в степи перешед, там жилища свои основали. Нынешние же башкирцы, еще будучи под именем ногайцев, отделяясь от прочих, возыме-

ли намерение в прежних своих местах остаться, но за то от своих владельцев совсем были разграблены и разорены, и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы, и тогда якобы от удалившихся от них ногайцев ругательным именем «башкурт», то есть «главный волк», или «вор», именованы. В таком бедном состоянии достались они казанским и сибирским ханам...».

В другом месте тот же Рычков сообщает: «Знатный башкирский старшина Нагайской дороги Каратабынской волости Кедряс Муллакаев в изъяснение сего объявил, аки бы задолго до покорения российскому скипетру Казанского царства и башкирцев на самом том месте, где ныне город Уфа, был великий город, который простирался вверх по реке Белой до устья реки Уфы, и до Уфимских, то есть при реке находящихся гор, так что жительство его распространялось по длине верст на десять. Последний владетель сего города был нагайский хан именем Тиря-Бабату-Клюсов (Тура-Баба Тукляс – С. Т.), кой жил в нем в одни только зимние времена, а летом жил он около Демы реки, от города Уфы верстах в 50, в двух местах, а именно: при озере большом Акзирате, да на речке Ислаке, где были немалые жительства; да и поныне на том озере мечеть, а на речке Ислаке мечеть же и дом каменные видны, только уже обвалились. В подданстве его, Тиряхановом, были нагайцы и 12 минских волостей башкирцев, а платили ему, хану, ясак куницами и медом...»¹¹.

О каких реальных исторических событиях, известных из письменных источников, могут свидетельствовать эти предания? На наш взгляд, речь идет о временах Абулхаир-хана. Видимо, после разгрома и гибели от рук Абулхаира сибирского правителя Хаджи-Мухаммеда его сын Махмудек-оглан со своими людьми откочевал на запад. Затем он поселился на территории Уфы, летом кочевал вблизи могилы Хусаин-бека, а после смерти был захоронен около святого места.

Напоследок процитируем отрывок из современного издания, отражающий устоявшуюся точку зрения на этот период нашей истории: «18 июня на реке Кундурча (Самарская область) произошло крупное сражение между армиями Тимура и Тохтамышша. Войска Тохтамышша были разгромлены. Это явилось началом конца Золотой Орды как единого государства. Попытка Едигея в начале XV в. сохранить хотя бы видимость государственного единства на деле обернулась бесконечной цепью дворцовых интриг. После смерти Едигея Золотая

Орда распалась на множество самостоятельных государств. Башкирия была расчленена между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами...»¹².

Действительно, нашествие Тамерлана нанесло колоссальный ущерб Золотой Орде. Но завоеватель ушел, а смута, развязанная Едигеем, продолжалась долгие годы, разрушая государство изнутри. Важно подчеркнуть, что враждующие группировки чингизидов боролись не за самостоятельность своих улусов, а за золотоордынский трон. Необходимость целостности страны никем не ставилась под сомнение, кроме, пожалуй, самого Едигея и окружавшей его мангытской верхушки. Создав Ногайскую Орду в центре Джучиева улуса, он сделал невозможным его возрождение. Что касается расчленения Башкортостана, то, как мы знаем, еще при Батые он входил в два разных улуса. В последующем же никаких преднамеренных действий по его разделу не было, все происходило стихийно.

2. Казахское ханство до XVIII века

Шайбанид Абулхаир оставил заметный след в истории восточного Дешт-и Кипчака. Он стал ханом в 1428 г. 16-летним юношей. При поддержке ногайского мурзы Ваккаса юный повелитель начал свою деятельность. Сначала он взял г. Туру (совр. г. Тюмень) и сделал его своей столицей. В начале 1430-х годов он отобрал у потомков Тамерлана Хорезм, вернее, вернул его в прежнее владение дома джучидов; затем, в 1440-х годах – города Туркестана (до конца XVI в. так называлась присырдарьинская область, включавшая города Ясы, Туркестан, Отрар, Сыгнак, Уркук, Узгенд, Сауран, Ак-Курган и др.) и перенес столицу в Сыгнак. В результате владения Абулхаира, получившие в исторической литературе название государства кочевых узбеков, стали включать в себя большую часть современного Казахстана, Западной Сибири и Хорезм. По некоторым данным, ему подчинялась также правобережная Волга от Урала до Дербента¹³. Подданные Абулхаира были родственны с населением других ханств, существовавших на территории Джучиева улуса: здесь были найманы, мангыты, кунграты, уйшуны, кушчи, карлуки, буркуты, кияты и др.

В 1457 г. Абулхаир потерпел поражение от ойратского (калмыцкого) тайши Уз-Тимура. Следствием этой неудачи стала откочевка груп-

пы племен во главе с султанами Гиреем и Джанибеком – потомками Урус-хана в Моголистан. Чагатаид Есен-Буга отвел им пастбища в долине рек Чу и Козы-Баши. С тех пор все, кто не желал подчиняться твердой руке правителя узбеков, бежали в Семиречье. Абулхаир решил примерно наказать ослушников, и в 1468 г. выступил с огромным войском против Гирея и Джанибека, но в пути скоропостижно скончался¹⁴.

Итак, откочевка части племен в западное Семиречье привела к политическому разобщению узбеков. Откочевавшие группы получили название узбеко-казаки. Прозвище «казак» означает «беглец», «скиталец». Со времен Гирея и Джанибека слово «казак» приобретает вначале политический, а затем и этнический смысл. Оставшиеся в Дешт-и Кипчаке узбеки стали называться узбеками-шайбанидами (в старой русской литературе – шибанцами), подчеркивая тем самым свою политическую принадлежность. В дальнейшем, при внуке Абулхаира Мухаммеде Шайбани, и позже, узбеки-шайбановцы продолжали именоваться узбеками, а узбеко-казаки стали казахами¹⁵.

По мнению видного исследователя В.П. Юдина, именно на территории современной Киргизии, на Чу и Таласе, первоначально сложилась, а затем развивалась собственно казахская государственность на этнической основе окончательно сформировавшихся в этот период казахской и киргизской народностей, связанных политическим союзом. Он также считал, что Старший, Средний и Младший жузы получили свои названия от временной последовательности возникновения и властно-политического ранжирования. Сама же необходимость деления на жузы диктовалась хозяйственно-экономическим районированием Казахстана, базирующимся на географо-климатических признаках¹⁶.

Первым казахским ханом стал Гирей (Кирай). Его родственник Джанибек (Аз-Джанибек, Абу-Сагид) самостоятельным правителем, видимо, никогда не был. В их распоряжении, после смерти Абулхаира, оказалось около двухсот тысяч человек. С этими силами предводители казахов повели борьбу против Шейх-Хайдар-хана. Но тот оказался под стать своему выдающемуся отцу и раз за разом одерживал победы. Тогда Гирей и Джанибек призвали на помощь золотоордынского хана Ахмата, ногайских мурз Аббаса, Мусу и Ямгурчи, и, в конце концов, одолели шайбанида. С тех пор началась упорная борьба между потомками Шайбана, пятого сына Джучи, и потомками

Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Впрочем, на стороне тукайтимуридов тогда оказались и некоторые шайбаниды в лице сибирского хана Ибака и предка хивинских ханов султана Бурге¹⁷. Очевидно, появление новой талантливой династии пришлось не по вкусу даже родственникам.

Длительное время дети погибшего Шейх-Хайдара скитались, ведя жизнь степных рыцарей-авантюристов. Среди них выделялся старший, Мухаммед-Шахбадак, вошедший в историю под именем Мухаммед Шайбани и прославившийся как воитель, государственный деятель и поэт. В 1495 г. в районе Заилийского Алатау он нанес жестокое поражение казахам¹⁸. К концу XV в. бывший изгой, вернув принадлежавшие его деду города Туркестана, стал правителем большого иля. Следующим этапом его биографии стало завоевание империи тимуридов. В 1500 г. были взяты Самарканд и Бухара, в 1505 г. – Хорезм. После захвата Мавераннахра последовало наступление на Хорасан и горные области Памира.

Уход значительной части племен Узбекского улуса из Дешт-и Кипчака в Среднюю Азию послужил окончательному этническому разделению между узбеками и казахами. Узбеки стали переходить к оседлой жизни, в то время как казахи оставались кочевниками-скотоводами.

Шайбани постоянно опасался вторжения казахов. Среднеазиатский ученый Фазлаллах бен Рузбихан Исфакхани в своем труде «Михман – наме-йи Бухара» так описывает его борьбу за сохранение за собой очагов цивилизации – городов: «У его величества ... были свои причины не допускать появления казахов в его областях, где они воочию увидели бы все, что служит к украшению жизни и человеческого благоденствия и что порождает причины миродержания и прогресс узбеков. Не дай Бог, видя все эти блага узбеков, вступят из-за них с ними в упорную распрю и брань, вытащив меч из ножен войны и раздора в целях покорения этих областей, чтобы приобщиться самим ко всему тому, что украшает жизнь, и к наслаждениям разнообразной пищи. И отразить их было бы делом очень трудным; теперь же они не знают о радостях бытия узбеков и ту неприхотливую и суровую жизнь, которой живут сами, считают основой своего покоя и свободы, а узбекский народ полагают пребывающим в крайней стесненности обитания в определенных лишь местах, рассматривают его как пленника своих домов и как людей, к которым нет никакого уважения»¹⁹.

В то время как Шайбани вел войну в Хорасане, казахи совершали набеги на Туркестан, заняли земли по Сырдарье. Осенью 1508 г. султан Ахмад с более 50 тыс. воинов двинулся на Самарканд и Бухару. Узнав об этом, Шайбани вернулся в Мавераннахр. Ахмад, успевший разграбить окрестности Бухары и Самарканда, стал спешно отступать. По свидетельству источника, люди Ахмада «захваченным и обращенным в рабство мусульманам, которых взяли в виде добычи, проткнули уши, продели сквозь них бечеву, привязали ее к лукам седел и вереницу за вереницей тянули на веревке, погоняя рабов божьих, покуда поспешно не довели их до своего йурта и становища. Число рабов – мусульман, которых угнали во время набега, превысило несколько тысяч»²⁰.

Увод в плен мусульман и обращение их в рабство привели к объявлению казахам «священной войны» на основании фетвы о газавате, составленной учеными-теологами Мавераннахра и Хорасана. 27 января 1509 г. Мухаммед выступил в поход. 19–21 февраля огромное войско узбеков переправилось через Сырдарью и напало на зимние стойбища казахов. Произошло несколько сражений. Казахи, правителем которых был давний враг Мухаммада, сын Гирея Бурундукхан, подверглись жестокому разгрому и разорению. Это был третий, самый удачный поход предводителя узбеков против казахов. Через год состоялся четвертый поход. Передовые части Шайбани-хана дошли до отрогов Улу-тау, к ставке Касима-султана. На этот раз успех сопутствовал казахам.

Шайбани вернулся в Хорасан, где 1 декабря 1510 г. был разгромлен и убит иранским шахом Исмаилом Сефевидом. После этого Узбекское государство распалось на две части – Бухарское и Хивинское ханства²¹.

Упомянутый выше хан Бурундук управлял казахами в 1480–1511 гг. По свидетельству источника, он мог собрать до 400 тысяч человек с лошадьми и оружием, что, однако, вызывает сомнение у современных историков²². В последние годы Бурундук утратил власть и влияние, и фактическим правителем стал сын Джанибека Касим, с конца 1470-х годов владевший Прибалхашьем. С тех пор потомки Гирея уже не добивались высшей власти.

Историки считают, что при Касиме казахи, число которых превысило миллион человек, достигли наивысшего могущества своего государства. В 1519 г. Касим занял земли Ногайской Орды вплоть до

берегов Волги. Тогда в войне с Шейх-Мухаммед-бием погиб Касимов брат Джадык, носивший ханский титул. Следовательно, у казахов одновременно было два хана. Возможно, этот факт указывает на начало разделения казахского иля на жузы.

Шихабалдин Марджани пишет, что Касим «был одним из великих правителей Казани и земли Берке... Его войско достигало 300 000 человек и даже больше... Он правил городом Астрахань...»²³. Если последнее можно взять к сведению, то относительно Казани татарский историк XIX в. явно ошибается.

Своей столицей Касим избрал г. Сарайчук на Яике, где и был погребен в 1521 г.²⁴ Народные предания связывают с ним появление свода устных законов «Касым ханнын кыска жолы» («Чистая дорога хана Касима»).

В этот период, видимо, правил и Сюк, так как он тоже носил ханский титул²⁵. Сын Касима Мамаш правил не более года и погиб в сражении. Затем власть досталась племяннику Касима Тахиру. При нем в 1525–1526 гг. казахи были отброшены ногайцами из Волго-Яицкого междуречья. Зато они стали хозяевами Семиречья и Прииссык-куля после того, как моголы ушли в Кашгарию и основали там новое государство с центром в Яркенде. Затем ханами были брат Тахира Буйдаш и сын Джадыка Тугум. При последнем, в 1537 г., казахи подверглись такому страшному разгрому со стороны объединенных сил ногайцев, узбеков и моголов, что тогда говорили, будто «казахи совершенно исчезли», что «от этого общества на земле не осталось и следа»²⁶.

Видным ханом был сын Касима Хакназар. Предания гласят, что свою молодость он провел среди ногайцев. Целый ряд историков, начиная с Ч. Валиханова отождествляет его с персонажем башкирских преданий ханом Акназаром, который деспотично правил башкирами. Существует мнение, что Хакназар стал ханом после катастрофы 1537 г., когда Тугум погиб со всем своим родом. При Хакназаре началось возрождение Казахского государства. Самое раннее известие о нем датируется 1549 г., когда он сразился с туркменами у берегов Амударьи. В 1556 г. Хакназар пытался захватить Ташкент, в 1560 г. воевал с правителем Могулии Абд ар-Рашид-ханом, в 1568 г. напал на ослабленную смутой Ногайскую Орду, примерно тогда же начал войну с сибирским ханом Кучумом.

Современный казахский историк А. Исин пишет: «Распространение власти Хак-Назар-хана на территорию современного Северного и Северо-Западного Казахстана натолкнулось на противодействие не только Сибирского ханства, но и Ногайской Орды. Казахское ханство включается в борьбу с ними за обладание башкортскими улусами». Из последующего текста можно догадаться, что тезис о борьбе за башкирские земли возник на мотивах рассказа башкирского старшины Кидряса Муллакаева историку Петру Рычкову. Однако, А. Исину все же следовало пояснить, почему, по его мнению, Хакназар оспаривал право на башкирские земли у правителей вышеназванных образований, а не у Русского государства, в состав которого тогда уже входил Башкортостан. Затем автор попытался связать нападение Хакназара на Ногайскую Орду с походом крымско-турецкого войска на Астрахань, состоявшимся в следующем, 1569 г., и, наконец, он стал утверждать, что «Казахское ханство пыталось использовать несогласие Москвы с Ногайской Ордой для нападения на ногайские земли»²⁷.

Из этих трех логически мало согласующихся положений, возможно, ближе к истине последнее.

В. Трепавлов пишет, что Хакназар «умудрился поссориться со всеми соседями. Сильнейшим его противником был бухарский хан Абдулла ... Кучум, Абдулла II и ногайский бий Дин-Ахмед, затем Урус объединили усилия в борьбе против Хакк-Назара»²⁸.

После его гибели в 1580 г. потомки Касима больше никогда не занимали ханский престол и бразды правления перешли в руки потомков Джадыка. Первым из них в течение двух лет правил престарелый Шигай. В это время владения казахов резко сократились, были утрачены все северные территории. В 1581 г. Шигай вместе со своими сыновьями признал себя вассалом Абдуллы II и получил в награду земли Ходжента. Одной из причин, заставившей казахов искать покровительства у шайбанидов, некоторые историки называют возникшую во второй половине XVI в. угрозу со стороны ойратов.

Шигай включился в борьбу Абдуллы против шайбанида Баба-султана, от рук которого погиб Хакназар. Баба-султан стал правителем Ташкента, устранив своего родного брата Дервиш-султана, ставленника бухарского хана. В 1582 г. сын Шигая Таваккул, участвовавший в походе Абдуллы, убил Бабу, за что получил в удел Африкентский вилайет²⁹.

Будет нелишне сказать несколько дополнительных слов о ключевой фигуре того времени Абдулле II. Праправнук Абулхаира, в результате долгой и упорной борьбы, в том числе со своими дальними и близкими родственниками, сумел восстановить государство, распавшееся после гибели Мухаммеда Шайбани. Он объединил Мавераннахр, Хорезм, Туркестан, Фергану, Балх, Бадахшан и перенес столицу из Самарканда в Бухару. Абдулла много сделал для своего государства: создал большие ирригационные сети, построил сардобы – колодцы-цистерны на караванных путях, караван-сарай, мосты, общественные и культурные здания в городах, остатки которых сохранились в Бухаре, Самарканде, Карши, Мешхеде. Он поощрял развитие ремесла, торговли, литературы, искусства. При нем значительно усилились торгово-дипломатические связи Средней Азии с Ближним Востоком, Индией, Русским государством, Сибирью. Он покровительствовал сибирскому хану Кучуму, пытался улучшить отношения с казахами.

В 1595 г. русский царь Федор Иоаннович призывал Тевеккеля и его братьев «быти под нашею царскою рукою в нашем царском жалованье и в повеленье от нас неотступным быти, и непослушников наших бухарского царя и сибирского Кучума-царя воевати и их под нашу царскую руку привести»³⁰.

Предыстория этого обращения такова. В первой половине 1580-х годов, в разгар войны Кучума с казакским атаманом Ермаком, в Западной Сибири появился князь Сеид Ахмед (Сейдяк), сын свергнутого в 1563 г. Кучумом тайбугида Бекбулата. Сибирские исторические источники говорят, что князь прибыл из Бухары³¹. Однако это вызывает сомнение по двум причинам. Во-первых, бухарский хан, как уже было сказано, являлся покровителем Кучума; во-вторых, Сейдяк, не будучи чингизидом, в Бухаре даже не мог рассматриваться в качестве претендента на сибирский трон.

После гибели Ермака Кучум возвел было на трон своего сына Али, но тут вмешался Сейдяк. Вскоре на смену разбитым казакам из Москвы стали прибывать военные отряды. Таким образом, Кучуму пришлось воевать на два фронта. Похоже, Сейдяк не вполне осознавал, что у него тоже имеются два врага, и в 1588 г. позволил тобольскому воеводе Даниле Чулкову схватить себя. Вместе с ним в плен попали 14-летний племянник казахского хана Ураз-Мухаммед, его бабка (мать Тевеккеля), тетка (сестра Тевеккеля), мать (невестка Тевеккеля) и сестры. Все они были отправлены в Москву³².

В 1594 г. Тевеккель прислал в Москву посольство. Он просил принять казахов в русское подданство и предлагал царю союз против Абдуллы и Кучума. Хан просил прислать пушки и отпустить султана Ураз-Мухаммеда. Ранней весной 1595 г. в Казахстан отправилась ответная делегация. Царские посланцы, сопровождаемые казахами, шли кружным путем через Уфу, Тобольск, Тару, Восточный Казахстан, обходя бухарские территории. Посол вручил Тевеккелю царскую грамоту с приглашением в подданство и союз против бухарского и сибирского правителей. Царь обещал прислать «многую рать свою с вогненным боем в Самару» и отпустить родственников хана, если тот пришлет «в заклад» своего сына Хусейна. Тевеккель отправил в Россию другого сына – Мурата³³. Что произошло дальше – неизвестно. Известно только, что Ураз-Мухаммед не был отпущен. В 1600 г. царь Борис Годунов назначил его «касимовым царем». В 1608 г. Ураз-Мухаммед примкнул к Лжедмитрию II. В 1610 г. в Калуге, самозванец заподозрив измену, приказал его убить³⁴.

Ш. Марджани пишет, что потомком Ураз-Мухаммеда был неизвестный в башкирской и казахской истории Алексей (Кутлумухаммед) Тевкелев, с которым мы часто будем встречаться на страницах этой книги. Марджани приводит его родословную: Урус-хан, Коюрчак-хан, Барак-хан, Джанибек-хан, Джадик-хан, Шигай-хан, Ундан (Уразлей), Ураз-Мухаммед, Мамеш, Тевкель, Кутлумухаммед³⁵. Касимовское происхождение Тевкелева подтверждается архивными документами, обнаруженными башкирским историком Р.Г. Букановой³⁶.

По мнению казахских историков, Тевеккель помешал Абдулле оказать помощь Кучуму, воевавшему с русскими³⁷. Узнав о ссоре Абдуллы с сыном Абулмумином, казахский хан в 1598 г. открыто восстал против своего сюзерена. Поэтому, по сообщению источника, «Абдаллах-хан выступил в направлении Самарканда, чтобы покончить с Таваккулом и отомстить ему, однако здоровье его, вследствие неприятностей, причиненных ему враждой и неповиновением сына, а также дерзости казахов, ухудшилось и вскоре он умер»³⁸. Хан Абдулмумин был убит своим окружением в том же 1598 г. и в Бухаре династия шайбанидов вскоре пресеклась. Бухарский трон достался аштарханидам (джанидам) – потомкам астраханских ханов.

В 1598 г. Тевеккель с братом Ишимом взял Ташкент, Сайрам, Фергану, Самарканд, но под Бухарой потерпел поражение от шайба-

нида Пир-Мухаммед-хана и аштарханидов. Вернувшись в Ташкент, он умер от ран³⁹.

Ишим, правивший в 1598 – 1628 гг., жил в г. Туркестане. Большую часть своей жизни он воевал с джунгарами за Семиречье и шайбанидами за Ташкент. В 1607 г. Старший жуз подчинился джунгарам⁴⁰.

В 1603 – 1605 гг. некий султан Абд ал-Гаффар во главе каракалпаков овладел бассейном Сырдарьи и Ташкентом. Каракалпаки впервые начинают упоминаться в конце XVI – начале XVII веков. Их предыдущая история покрыта мраком неизвестности. Видимо, их появление в Средней Азии как-то связано с крупными событиями, имевшими место в этот промежуток времени: крушением Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, проникновением на нижнее течение Волги и Яика казаков, началом массового движения ойратов на запад и уходом ногайцев с Приуралья и степей современного Северного Казахстана. Известно, что в последующие XVII – XVIII века каракалпаков возглавляли, как правило, кучумовичи. Возможно и Абд ал-Гаффар был из этого корня, или, представителем среднеазиатских шайбанидов. Вскоре он был убит Ишимом, и Ташкент снова перешел в руки казахов⁴¹.

Около 1608 г. аштарханиды передали Ташкент Шах-Саид-султану, сыну Турсун-Махмуда. Происхождение обоих неясно, но ныне принято считать их казахскими династами⁴². Однако, Ч. Валиханов называет Турсуна ханом узбекского рода катаганов⁴³, а Кудайбердыулы – шайбанидом и приводит родословную⁴⁴. Турсун владел Ташкентом до 1628 г. и был убит Ишимом.

Ишим умер в том же году и был похоронен в Туркестане возле мечети Ходжа Ахмеда Ясави. Это священное место для мусульман станет впоследствии усыпальницей его потомков. В памяти народа Ишим остался как законодатель, упорядочивший кодекс, применявшийся в Белой Орде в XIII – XIV веках («Древний путь Ишим-хана»). Ряд его установлений был отражен в законах его внука Тауке.

После смерти Ишима Ташкент захватил правитель Андижана Аблай. Его принято считать казахским ханом⁴⁵, но, по мнению Валиди, Аблай является потомком сибирского хана Кучума⁴⁶.

Все правление Джангир-хана («Салкам Джангир») (1628 – 1652), как и его отца, прошло в борьбе с ойратами за Семиречье и аштарханидами за присырдарьинские города. В 1634 г. Джангир попал в плен к Эрдени Батуру, но вскоре оказался на свободе. В следующем году

он вместе с дербетским тайшей Далаем дважды напал на торгоутского тайшу Хо-Урлюка. В 1643 г. война с Батуром возобновилась. Исследователь калмыцкой истории Ю. Лыткин передает подробности одного из подвигов Джангира: «Янгир беспокоил калмыков частыми набегами. Богатырь – контайша (Батур хун-тайчжи), желая освободиться от тягостного неприятеля, в 1643 г. при помощи своих друзей собрал 50 000 войско и овладел улусами Алат – киргизским и Токмакским, которых было до 10 000 человек. Янгир со своей стороны собрал 600 отборных молодцов и выгодно окопался за узким проходом в горах. Контайша напал на шанцы, из которых храбро защищались, а Янгир-султан с тылу с винтовками произвел нападение и положил до 10 000 калмыков, тогда же другой князь Ялантуш с 20 000 войском пришел на помощь. Контайша отступил ... Контайша охотно желал привлечь на свою сторону другого тайшу хошоутовского Кундулен-убуши и просил его, чтоб вместе идти против киргиз-кайсаков, но Кундулен-тайша отказал в том, предъявив, что он с Янгир-султаном в дружбе, что тот назвался его сыном...»⁴⁷.

Джангир погиб в бою от руки 17-летнего хошоутовского богатыря Галдама-нойона⁴⁸.

Затем некоторое время ханом казахов был Батыр, чья родословная и биография неизвестны. За ним следует широко известный Тауке-хан. Его полное имя Таваккул-Мухаммед-Батыр-хан. Видимо, Тауке и есть тот самый Батыр, о котором ничего неизвестно. По сведениям Кудайберды-улы, знаменитый казахский повелитель родился от брака Джангира и дочери калмыцкого хана⁴⁹.

Историк А. Левшин посвятил ему следующие строки: «При имени сем сердце всякого киргиз-казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это Дракон орд казахских. Он успокоил их после гибельных междоусобий; он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племен с другими; он убедил всех умом и справедливостию повиноваться себе; он соединил слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильных усмирил, и дал всем вообще законы, по которым судил их, и которые доныне живут в памяти благоразумнейших киргизов, но к сожалению не исполняются»⁵⁰.

Левшин упоминает о своде законов «Жеты Жаргы» («Семь установлений»), разработанном Тауке при участии влиятельных биев.

Какова была власть этого хана, можно, в некоторой степени, судить по его словам, сказанным русским послам: «Турецкий султан или кызылбашский шах, чем его, Тауке-хана, выше? Таковы же, что и он»⁵¹.

При Тауке продолжались войны с джунгарами. Противоречия между двумя соседними народами имели и идеологический, точнее, религиозный характер. В 1691 г. посланцы Галдана Бошокту-хана рассказывали иркутскому воеводе: «назад тому лет з 10, верами они, калмыцкой Бушухту-хан и Казачья Орда разны: Бушухту-хан де их с калмыки и с ыными Орды верует в Далай-ламу, а Казачья де Орда верует особливо по-крымски в Махмета, обрезываютца по-бусурмански. И посылал де Бушухту-хан в Казачью Орду, чтоб они съединились и веровали с ним, калмыцким Бушухту-ханом, и с иными Орды в одного Далай их ламу, от того де с ними учинилась и ссора, потому что они не похотели по-калмыцки в Далай-ламу веровать. И за то де у них были бои великие и многие де их города Бушухту-хан их разорил, и на те де боях Казачьей Орды владельца ханова сына, имя ему де Салтон, и взяв де ево, Салтона, отослали к своему Далай-ламе, и тот де Салтон и доднесь у Далай-ламы, а живет де он по воле и дает де ему честь достойную»⁵². Впоследствии казахский царевич получил свободу.

При Цеване Рабтане джунгары завоевали значительную часть Старшего и Среднего жузов. В своей борьбе казахи получали поддержку других мусульманских народов. Например, в 1699 г. башкиры и каракалпаки участвовали в походе против сибирских калмыков⁵³.

Связи башкир с казахами были разносторонними. Порой они группами переезжали друг к другу на жительство. Об этом можно судить по конкретным, зафиксированным в русских документах, случаям. Так, в 1696 г. возвратились двести башкирских семей «Ногайской, Казанской, Осинской и Сибирской дорог Ицких волостей», которые «в прошлых давних годах откочевали и жили в Казачьей Орде»⁵⁴. В 1719 г. башкиры писали русской администрации о том, что «каракалпацкие многие татары и киргизские казаки пятьсот дворов желают жить в Уфимском уезде, чтоб тех каракалпацких и киргизских определить жить в Уфимском уезде и обложить ясаком...»⁵⁵.

В 1722 г. уфимские чиновники докладывали в Сенат: «А киргиз де казаки и каракалпаки приезжают в башкирцы многолюдством на

Сибирскую и на Нагайскую дороги, также и башкирцы х киргиз-казак и каракалпаком с товарищи повсягодно, и живут друг у друга по месяцу, и по 3 недели»⁵⁶.

¹ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. II. – С. 91.

² Башкирские шежере. – С. 84-85; Башкирское народное творчество. – Т. 2. Легенды и предания. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1987. – С. 170-172.

³ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. – С. 24, 35-36.

⁴ Башкирские шежере. – С. 105; Башкирское народное творчество. Т. 2. – С. 167-168.

⁵ *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в пяти томах: Т. I. – Алма-Ата, 1961. – С. 124.

⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. – Т. 5. Под ред. А.Н. Насонова и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 674.

⁷ Более подробно об этом см.: *Таймасов С.У.* Ногайская Орда и ее отношения с Россией / Вопросы истории. – 2006. – №1. – С. 121-127.

⁸ *Валиди А.-З.* История башкир. История тюрков и татар (на баш. яз.). – Уфа: Китап, 1994. – С. 33.

⁹ Там же. – С. 22, 35.

¹⁰ Башкирское народное творчество. – Т. 10. Исторический эпос. – Уфа: Китап, 1999. – С. 243; *Валиханов Ч.Ч.* – Т. I. – С. 213, 218, 660.

¹¹ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – С. 50, 264.

¹² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – С. 125.

¹³ *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965. – С. 71.

¹⁴ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – С. 223, 233-237.

¹⁵ *Юдин В.П.* Центральная Азия в XIV – XVIII веках глазами востоковеда / Ред.-сост. Ю.Г. Баранова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 60, 62, 148, 150; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Указ. соч. – С. 253, 257.

¹⁶ *Юдин В.П.* Указ. соч. – С. 255-256.

¹⁷ *Ахмедов Б.А.* Указ. соч. – С. 21, 68; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 103.

¹⁸ История Казахской ССР – Т. I. – Алма-Ата, 1949. – С. 113.

¹⁹ Там же. – С. 145.

²⁰ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Указ. соч. – С. 265.

- ²¹ Там же. – С. 264–271, 274.
- ²² *Ахмедов Б.А.* Указ. соч. – С. 157.
- ²³ *Очерки Марджани о восточных народах* / Пер. А.Н. Юзеева. – Казань, 2003. – С. 125.
- ²⁴ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Указ. соч. – С. 276; *Трепавлов В.В.* Указ. соч. – С. 158–161; *Исин А.* Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Изд. испр. и доп. – Алматы, 2004. – С. 58–60, 62.
- ²⁵ *Валиханов Ч.Ч. Т. I.* – С. 154.
- ²⁶ *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1985. – С. 44–45; *Исин А.* Указ. соч. – С. 68, 70–71.
- ²⁷ *Исин А.* Указ. соч. – С. 82, 88, 91–92, 94.
- ²⁸ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. – С. 372–373.
- ²⁹ *Абусеитова М.Х.* Указ. соч. – С. 72–75.
- ³⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 9, 11.
- ³¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. I. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – С. 192, 195, 261.
- ³² Там же. – С. 236, 258, 261, 269, 270–271.
- ³³ Каз ахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. – С. 3–15.
- ³⁴ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. – С. 487; *Валиханов Ч.Ч.* – Т. I – С. 156–158.
- ³⁵ *Марджани Ш.* Мустафад аль-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар (на тат. яз.). – Казань, 1989. – С. 216.
- ³⁶ *Буканова Р.Г.* Зачинщики сеянтуской трагедии // Ватандаш – 1998. – №3. – С. 161.
- ³⁷ История Казахской ССР. – Т. I. – Алма-Ата, 1957. – С. 225.
- ³⁸ *Абусеитова М.Х.* Указ. соч. – С. 83.
- ³⁹ Там же. – С. 84–86.
- ⁴⁰ Русско-монгольские отношения 1607–1636. – С. 53.
- ⁴¹ *Абусеитова М.Х.* Указ. соч. – С. 61–62.
- ⁴² История Казахской ССР. – Т. II. – Алма-Ата, 1979. – С. 282; *Юдин В.П.* Указ. соч. – С. 56; *Абусеитова М.Х.* Указ. соч. – С. 92; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Указ. соч. – С. 297, 300.
- ⁴³ *Валиханов Ч.Ч.* – Т. I. – С. 109, 111.
- ⁴⁴ *Кудайберды-улы, Ш.* Указ. соч. – С. 48–49, 99.
- ⁴⁵ История Казахской ССР. – Т. II. – Алма-Ата, 1979. – С. 283; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Указ. соч. – С. 297, 300, 303.
- ⁴⁶ *Валиди А.-З.* История башкир. История тюрок и татар (на баш. яз.). – С. 72.
- ⁴⁷ *Лыткин Ю.* История калмыцких ханов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. – Элиста, 1969. – С. 54–55, 110.

⁴⁸ Там же. – С. 81, 110.

⁴⁹ *Кудайберды-улы Ш.* Указ. соч. – С. 50.

⁵⁰ *Левшин А.И.* Указ. соч. – С. 63-64.

⁵¹ История Казахской ССР. Т.1. – Алма-Ата, 1949. – С. 149.

⁵² Русско-монгольские отношения 1685–1691: Сб. док./Отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 340.

⁵³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией – Т.5. 1676 – 1700 гг. – СПб., 1842. – С. 521.

⁵⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 132. – Л. 89 – 91 об.

⁵⁵ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 1.

⁵⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 299.

Глава III

В НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1. Вхождение Башкортостана в состав Русского государства

Этот вопрос занимал многих историков. Об этом писали В.Н. Татищев, П.И. Рычков, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.Н. Витевский и целый ряд местных историков и краеведов. Однако впервые за фундаментальную разработку этой проблемы взялся башкирский историк А.Н. Усманов, издавший в 1960 г. монографию под названием «Присоединение Башкирии к Русскому государству». Второе расширенное издание «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству» вышло в свет в 1982 г. Основные выводы и положения этой работы вошли во все научные и учебные издания и продолжают использоваться до сегодняшнего дня.

Главным источником исследователю служили башкирские шежере. Точное название этому документу дать сложно. Историки и краеведы переводят это слово как «предание», «летопись», «хроника», «историческая запись», «родословная», «генеологическая запись». Шежере существуют не только у башкир, но и у других тюркских народов: татар, казахов, каракалпаков, туркмен, узбеков. Шежере составлялись от имени отдельных лиц, родоплеменных вождей, родов и племен. Позднее, в XIX в. делались попытки составить сводные башкирские документальные памятники. В настоящее время известно около 150 шежере, которые хранятся в научных архивах Республики Башкортостан.

По части достоверности шежере уступают русским летописям. Запись в них велась не по годам, события излагались кратко, часто без логической связи, с нарушением хронологии. Почти все сохра-

нившиеся шежере являются многократными переписками с утерянных оригиналов.

А.Н. Усманов отмечает это обстоятельство и подчеркивает необходимость критического, осторожного отношения к сведениям, содержащимся в шежере, сопоставления их с данными других источников. Но, к сожалению, он сам не всегда придерживался собственных рекомендаций, игнорируя достоверные сведения из опубликованных архивных документов, если они не вписывались в его концепцию или противоречили сложившимся стереотипам.

Сказанное, например, касается его подхода к ногайской проблематике. Ногайский фактор в XVI в. играл ключевую роль в евразийском пространстве, поэтому без его должного учета невозможно получить адекватное представление о происходивших там политических процессах. Об этом хорошо сказал советский историк М.Г. Сафаргалиев: «Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с «татарским игом», историю крымских и поволжских татар, башкиров, узбеков, казахов и каракалпаков – мы всегда будем сталкиваться с историей Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны»¹. Ногайская тематика нашла отражение в работах некоторых дореволюционных и советских историков. В наше время заметный вклад в ногаеведение сделан В.В. Трепавловым².

Попробуем, опираясь на научные факты, пройти по следам А.Н. Усманова. Начнем с политической карты Башкортостана. Как известно, в этот период башкирские племена находились под властью Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. Однако как были распределены эти сферы влияния? По предположению Усманова, власть казанских ханов временами распространялась до устья р. Уфы, т.е. до г. Уфы. Единственным аргументом является сообщение источника о том, что в 1505 г. в Уфе находился казанский князь Кара-Килимбет³. Причем, автор не пытается как-то идентифицировать эту личность. Не вдаваясь в подробности, которые увели бы нас далеко в сторону, отметим, что в данном случае речь идет об известном по истории Казанского ханства князе Кель-Ахмете («Калимет»), находившимся в Уфе не в качестве башкирского наместника казанского хана, а временно пребывавшего здесь для поддержания связи Казани с сибирским царевичем шайбанидом Агалаком.

Современные казанские историки активно используют тезис о подвластности Башкортостана Казанскому ханству. Так, Д.Б. Рамазанова пишет: «После распада Золотой Орды Башкирия в пределах Осинской и Казанской дорог (южная и юго-восточная границы Казанской дороги в XVI–XVIII вв. проходили по линии Уфы и южнее г. Белебея) продолжает оставаться (?! – С.Т.) под властью Казанского ханства»⁴. Ее соавтор Д.М. Исхаков продолжает эту мысль: «Обычно считается (?!–С.Т.), что северо-запад южного Приуралья в XV – середине XVI в. входил в состав Казанского ханства. С этим мнением следует согласиться, но в то же время необходимо учесть некоторое своеобразие этнополитической ситуации в этом районе Казанского ханства: северо-запад Южного Приуралья (в том числе и Восточное Закамье) скорее всего был не только сферой влияния, но и районом кочевков Ногайской Орды»⁵.

Как видим, порой даже достаточная осведомленность и известная критичность не спасают от соблазна отдать дань понравившемуся мифу. Ведь нельзя же всерьез думать, что одна и та же территория могла одновременно принадлежать двум разным государствам. Авторы «Татарского энциклопедического словаря» идут еще дальше. К статье «Казанское ханство» приложена карта, в которой весь Башкортостан оказался в зоне влияния Казанского ханства⁶. Но и это не предел. Предпринимаются попытки «довести» границы Казанского ханства и его предшественника Булгарского ханства до Сибири. Так, А.Г. Мухамадиев называет Тюмень «булгарским городом»⁷. Г.Л. Файзрахманов неверно информирует читателей о содержании Сибирских летописей, якобы сообщающих о том, что «некоторое время Тюменское ханство было под властью Казани»⁸.

Специалистам хорошо известно, что большая часть Башкортостана находилась под властью Ногайской Орды. О том, как далеко продвинулись ногайцы на север, свидетельствуют такие факты: в 1580-х годах они взимали дань с пермских остяков, а на Каме находились «ногайские веси»; в 1636 г. на р. Сылве в Кунгурском уезде русские документы фиксируют «ногайскую пустошь», т.е. заброшенное ногайское селение⁹. На западе ногайцы распространили свою власть до рек Ик, Мензеля и Буй¹⁰. Только расположенные за этими реками башкирские племена Байлар, Буляр, Юрми, Сарылы-Мин и др. находились в сфере влияния Казани. Известно также, что восточные пределы собственно Казанского ханства никогда не заходили дальше рек

Шешма и Зай. В XIX в. Р.Г. Игнатъев писал, что в Мензелинском уезде при Челновской пристани находится Ногайское городище¹¹. Что касается восточных ногайских рубежей, то они доходили до современных Челябинской и Кустанайской областей¹². В 1586 г. ногайский бий Урус заявлял русским: «...еще деи при казанском царе мы владели иштеками»¹³, т.е. башкирами. Ставка ногайских наместников находилась на территории современного г. Уфы.

Согласно периодизации, предложенной А.Н. Усмановым, присоединение происходило в три этапа: первыми приняли подданство башкирские племена, населявшие западную и северо-западную части Башкортостана. Это произошло в начале зимы 1554 г. Присоединение южных и юго-восточных башкир, подчинявшихся Ногайской Орде, носило поэтапный характер и происходило в течение 1554–1557 гг. Весной 1557 г., по мнению Усманова, процесс вхождения башкир в состав Русского государства завершился. Правда, он тут же оговаривается, что речь не идет о северо-восточных (зауральских башкирах), которые, якобы, присоединились в конце XVI – начале XVII в., после окончательной ликвидации Сибирского ханства¹⁴.

Усманов так передает обстановку того времени: «...центральная, южная и юго-восточная, т.е. основная часть Башкирии, находилась под властью тех ногайских мурз, которые были подчинены князю Юсуфу. Эти мурзы во главе с Юсуфом составляли антирусскую группу ногайских феодалов, боровшихся против Москвы. Они были в союзе с казанскими ханами; среди них орудовали агенты Крыма и Турции. Часть мурз тяготела к среднеазиатским ханам. Падение Казани, вслед за ней и Астрахани создали сильный переполох среди ногайских мурз, сторонников Юсуфа. Началось их бегство из Башкирии, некоторые ушли за Яик, в казахские степи, а большинство направилось на Кубань и присоединилось к Малой Ногайской Орде, откуда они продолжали борьбу с Москвой. Уход ногайских мурз из Башкирии был не мирным: прежде чем уйти оттуда, они “вконец разорили” подвластных им башкир... Основная масса башкир искала выхода из создавшегося тяжелого положения в решительной борьбе с ногайскими мурзами и в добровольном присоединении к могущественному централизованному Русскому государству»¹⁵.

Рассмотрим подробнее эти события. После взятия Казани 2 октября 1552 г. Иван IV разослал в разные стороны свои грамоты с призывом признать власть русского царя и отбыл в Москву. Однако

жестокости и злоупотребления первых русских начальников и чиновников в Казанском крае вызвали восстание татар, марийцев, чувашей и других народов. На его подавление было брошено более 30 тысяч воинов во главе с опытными воеводами. Ожесточенное сопротивление было подавлено лишь к весне 1557 г. В течение четырех с половиной лет карательные войска действовали в Поволжье и в Прикамье. В восточном направлении они поднялись по Каме на двести пятьдесят верст и остановились у берегов р. Ик, не заходя на территорию Башкортостана. Об этом свидетельствуют русские источники, довольно подробно описывающие эти события¹⁶. Они ничего не сообщают ни об участии башкир в восстании, ни об их делегациях в этот период. Сведения о присоединении западных племен в башкирских шежере также отсутствуют. Таким образом, 1554 г., как год присоединения западных башкир, был принят Усмановым произвольно. Здравый смысл подсказывает, что организация депутации в разгар войны была маловероятна: дипломатическая миссия рисковала быть уничтоженной либо повстанцами, либо, в пылу борьбы, русскими.

О союзнических отношениях ногайских правителей с великими московскими князьями специалистам хорошо известно¹⁷. Мурза Исмаил задолго до триумфальных побед русского оружия был юному Ивану IV не просто союзником, но «другом и братом», и впоследствии, где действиями, где дружественным нейтралитетом способствовал его успехам. Благодаря противостоянию Ногайской Орды с Крымом казаки сумели в 1549 г. проникнуть в низовья Дона, а затем перейти на Волгу и Яик. После падения Казани и Астрахани Исмаил содействовал установлению связей Москвы с Западной Сибирью и Кабардой. Несомненна роль ногайского бия в принятии российского протектората сибирским правителем Ядикаром в 1555 г. и кабардинским князем Темрюком в 1557 г. Согласно Никоновской летописи, в январе 1555 г. в Москве сибирский посол бил челом царю «от князя Едигеря и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них наложил». То есть сибирский князь просил оборонить его от врагов. Темрюк также надеялся с помощью царя одолеть своих соперников на Северном Кавказе, ориентировавшихся на Крым.

Исмаил состоял в родственных отношениях с указанными правителями: его сестра была замужем за тайбугидом Казыем — отцом Ядикара, а после того как в 1549 г. ногайцы установили контроль над

частью Кабарды, он женил своего сына Дин-Ахмеда на Малхуруб — дочери Темрюка Идарова. В 1567 г. ногайцы помогли русским стрельцам и терским казакам воздвигнуть крепость в устье реки Сунжи и создать важный плацдарм на Северном Кавказе. В 1558 г. Темрюк отправил в Москву своего сына Салнука, который был крещен под именем Михаила и стал одним из сподвижников царя, а в 1561 г. выдал за царя свою дочь Гошаней (Мария). Скрепив свои политические связи брачными узами, Исмаил стал ключевой фигурой в сложившемся альянсе. В 1557 г. он привел Большую Ногайскую Орду под протекцию Москвы. Сюда приезжали совместные посольства от Исмаила и детей его старшего брата Юсуфа.

Усманов, априорно причисляя бия Юсуфа к заклятым врагам Русского государства, пишет, что его люди правили Башкортостаном. Однако это не подтверждается документами. В шежере и русских источниках фигурируют Исмаил и его потомки. Так, из рассказа башкирского старшины Кидряса Муллакаева Петру Рычкову следует, что башкирами «владел» Исмаил¹⁸. Русские документы указывают, что Исмаил до 1545 г. был башкирским наместником ногайского бия Шейх-Мамая, а летом 1552 г., накануне падения Казани, кочевал на реке Ик, т.е. в западной части Башкортостана. Вообще, в Башкортостане до самого конца правили «русофильские» (выражение В.В.Трепавлова) мурзы из числа потомков Исмаила. Так, наместниками Башкортостана были: с конца 1550-х до 1578 г. сын Исмаила Динбай, в 1578–1586 гг. — внук Саид-Ахмед, в первое десятилетие XVII в. — правнук Кара-Кель-Мухаммед¹⁹. Причем правили они с согласия русского царя, от которого получали жалование, продолжая взимать ясак с башкир. В.В.Трепавлов справедливо замечает: «Абсолютное большинство историков связывает (вслед за башкирскими народными преданиями) исход ногаев из Башкирии с падением Казанского ханства, относя его к 1550-м годам. Такая интерпретация событий едва ли правомерна»²⁰.

Эпоха ногайского правления представляла собой цепь непрерывных династических смут и междоусобий, тяжело отражавшихся на жизни башкир. Своего апогея кризис Ногайского государства достиг в середине XVI в. Юсуф не мог простить своему младшему брату предательства национальных интересов и личной измены. В 1554 г. вспыхнула гражданская война, Юсуф погиб и правителем стал Исмаил. Тогда на Орду обрушились все беды: к 1558 г. от войны, голода и эпидемии погибли свыше ста тысяч ногайцев.

В этой ситуации башкиры сделали свой выбор. Видимо и западные и зауральские башкирские племена признали власть русского царя приблизительно в одно время с центральными и южными. Никоновская летопись передает сообщение казанского воеводы князя П.И. Шуйского в Москву о том, что в мае 1557 г. «башкирцы пришли, добив челом и ясак поплатили»²¹. О том, что западные башкиры едва ли могли направить своих делегатов в Казань или Москву ранее указанного срока мы уже говорили. Усманов почему-то совершенно не рассматривает возможность присоединения зауральских башкир до воцарения сибирского хана Кучума (1563 г.).

В пользу этого косвенно свидетельствуют разные документы. Так, в 1726 г. кунгурский бургомистр Юхнев сообщал о башкирах Сибирской дороги, в том числе зауральских: «Ясак они платят прежде положенной на них при блаженной памяти царе Иване Васильевиче и тот ясак збирают ясашные дворяне из города Уфы»²². В отписке уфимского воеводы Михаила Нагого от 1600 г. ясачные башкиры Каратабынской волости, жившие в Зауралье, упоминаются в связи с событиями, происходившими в 1596 г.²³ В отписке Нагого от 1601 г. сообщается, что с царем Кучумом были ясачные башкиры, часть которых по смерти его воротилась в Каратабынскую волость²⁴. В сентябре 1586 г. русский дипломат Иван Страхов говорил ногайскому бию Урусу: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставить, что беглой из Сибири Кучум царь, пришед в государеву отчину, в Казанской уезд, учел кочевати и ясак с государевых людей, з башкирцов, почел имати»²⁵. Все это означает, что сибирские башкиры, примкнувшие к Кучуму, уже были подданными России и платили государственный ясак.

Мы далеки от мысли представить этот сложный политический процесс как «триумфальное шествие русской власти». Разумеется, были противоречия и коллизии. Знаток башкирской истории Н.В. Устюгов считал, что переход под власть русского царя башкиры понимали не как «подданство», а, в соответствии с традицией кочевых народов, как осуществление права «свободного вассалитета»²⁶.

Вернемся к ногайско-русским отношениям и претензиям ногайцев на господство в Башкортостане. Осенью 1586 г. правитель Большой Ногайской Орды сын Исмаила мурза Урус написал в Москву письмо следующего содержания: «Многова крестьянства государю, царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси Урус – князь

много челом бьет. Отец твой белый царь с моим отцом с Исмаилем в дружбе и в любви были. А как отца моего Исмаила-князя не стало и язъ от отца твоего белого царя не отстал. А ты, как не стало отца твоего и ты тот же час от меня отстал... Ты на четырех местах хочешь города ставити: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой воложке. А теми месты твои деды и отцы владели ли? Поставил те города для лиха и недружбы. Да писал еси ко мне, чтобы мне с башкурдов и с остяков дани никакия не имати, и только... пошлю своего человека данщика дани имать с башкурдов и с остяков, и ты тех моих данщиков велишь побити. Отец твой так ли делал? И с тех остяков не токмо отец мой Исмаил-князь от Идигея-князя и по се время с остяков дань мы имывали. Другу таких слов не приказывают...»²⁷.

Следовательно после смерти Ивана Грозного в 1584 г. его сын Федор пошел на нарушение договорных обязательств с ногайцами. Русские поставили крепости на главных ногайских переправах через Волгу и учредили воеводскую ставку в Уфе. Строительство Уфы, очевидно, состоялось по соглашению с башкирами. К сожалению, несмотря на убедительное доказательство Пекарского, на основании которого в 1886 г. состоялось торжественное празднование 300-летия Уфы, ошибочная дата (1574 г.), предложенная П.И. Рычковым, была реанимирована советскими историками и фигурирует в современных исторических и справочных изданиях. В настоящее время дату Пекарского отстаивает Р.Г. Буканова²⁸.

Существует архивный документ, прямо указывающий, что до 1586 г. русского поселения на территории современной Уфы не было. В описке астраханского воеводы князя Лобанова-Ростовского от 1586 г. в Посольский приказ сообщается: «7094 года (1586 г. – С.Т.) августа 23 дня выбежал из нагай в Астрахань из Ераслан мурзина улусу Урусова сына татарин Бирюй, а родиною сказался калмык, да с сим еще несколько пленных и князю Лобанову-Ростовскому в распросе, между прочим, сказали: «да ходил де Зормамет мурзин брат к Белой Воложке и взял русских людей человек с тридцать рыбных ловцов, а про новый город и про Сибирь в улусе не слыхали»²⁹.

Далее в грамоте сообщается, что Урус узнал о начале строительства Уфы из царского послания от 25 августа 1586 г. Его гневную отповедь мы приводили выше.

Когда же ногайцы покинули Башкортостан? На этот и на ряд других вопросов отвечает другой архивный документ: «7151 года (1643 г. – С. Т.) марта в 29 день по государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте воеводе Михаилу Матвеевичу Бутурлину в допросе сказали уфинцы старые дворяне и дети боярские Федор Каловский, Фирс Оничков, Кирило Нармацкий, Лукьян Каловский, Юрьи да Михей Оничковы, Янурус да Петр Каловские: при прежних государех блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и при царе Борисе и при царе Васильи ногайские мурзы по сполу с башкирцами от Уфы кочевали днищах в трех и в четырех и меньши по Деме и по Уршаку реках промеж башкирских волостей. А кочевали большово нагаю мурзы Иштерек да Шайтерек, да Каракелмаметь, да Аксакелмаметь с товарищи со всеми своими улусными людьми. А аманатов де от нагайских людей на Уфе не бывало и челобитья де на них ногайцов от башкирцов и от русских людей ни чем не бывало ж. А при государеве де царе и великом князе Михайле Федоровиче всеа Руси державе ногайские мурзы по сполу з башкирами под Уфою не кочевали потому что их нагайских людей в смутное время погромили калмацкие люди на Самаре реке и на Току и кочевьями их завладели и они ногайские мурзы со всеми своими улусными людьми с тех мест откочевали под Астрахань, а с тех мест к Уфимскому городу и уезду кочевьем не прихаживали. А как де они ногайские мурзы при прежних государях приходили кочевьем к уфимскому городу и они де Уфимского уезда з башкирцов имали ясак лисицами и куницами и бобрами и всякою рухлядью...».

Аналогичные показания 4 апреля дали «Уфимского уезда старые башкирцы Ногайской дороги Курпеч-Табынской волости Токлубай Ишбулатов, Малаймин Кудештлей Бердиев, Девлетей Кикбаев, Сибирской дороги Минской волости Булаш Илбахтин, Едигер (?) Твяткин, Кудейской волости Ялсара Кубяков, Татлыбай Толубаев, Урус-кильды Яшкилдин; Казанской дороги Уралской волости Акпа Тохтамышев, Гирейской волости Байгозя Боголдин, Тоюш Байбахтин, Киргизской волости Байсара Теничев с товарищи...»³⁰.

Итак, до начала 1610-х годов в Башкортостане мирно сосуществовали башкиры, ногайцы и русские. Русские власти, очевидно, терпели ногайцев «по старой дружбе», а башкиры – по родству. Выражение «по сполу» означает – вместе, заодно. Все перечисленные в до-

кументе мурзы хорошо известны как потомки бия Исмаила. Исход ногайцев из Башкортостана произошел в период междоусобицы (1610–1613 гг.). Теснимые воинственными калмыками, они оставили берега Яика, потом Волги, и в 1630-х годах ушли на Кубань и в Крым. Некогда могущественная Ногайская Орда прекратила свое существование.

Шежере неизменно сообщают об условиях, на которых башкиры «приклонились к Белому царю». Нередко они включают в себя тексты жалованных грамот, которые совпадают с содержанием правительственных документов, хранящихся в архивах. Царь гарантировал своим новым подданным вотчинное право на землю, внутреннюю автономию, свободу вероисповедания и т.д. В 1766 г. башкиры писали в наказе Уложенной комиссии: «Имеются у нашего башкирского народа вотчинные земли со всеми при них угодьями, состоящие во владении издревле, как еще наш башкирский народ находился под властью ногайских ханов, а потом при государе, царе, великом князе Иоанне Васильевиче самопроизвольно покорился под высокочтимую Российскую державу и скипетр и оставлен при прежних своих выгодах и владениях. Потом из нашего башкирского народа, ... те свои вотчинные земли утвердили и от Российской Ея императорского величества державы грамотами»³¹. Оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак в 1864 г. отмечал, что «Башкиры одни во всем нашем государстве владеют землею на вотчинном праве. И даже у казаков земля казенная, им не принадлежащая, которую они ни продавать, ни отдавать в кортому (аренду. – С.Т.) не могут, а башкирам все это дозволено законом»³². В свою очередь, башкиры были обязаны платить ясак, нести государственные повинности, главным образом, военную службу. Они, как и казаки, были причислены в военное сословие и на протяжении многих лет верно служили России.

2. Колонизация Башкортостана в конце XVI – первой трети XVIII века

Словосочетание «Завоевание Башкирии», вне контекста, порой воспринимается как альтернативное «Добровольному присоединению». Между тем ни В. Витевский, ни Р. Порталь, ни А. Доннелли, говорившие о завоевании, не отрицали факта добровольного подчинения баш-

кирских вождей русскому царю в середине XVI в. Более того, Доннелли, например, подчеркивал, что в представлении башкир принятие русского подданства не должно было с неизбежностью повлечь захват их земель русскими. Некоторые современные исследователи используют для обозначения последовавшего после присоединения процесса термины «инкорпорация», «интеграция» и т.п., которые страдают еще большей односторонностью. Поэтому мы остановим свой выбор на более универсальном и привычном слове «колонизация». Этому слову не стеснялся В.О. Ключевский, считая колонизацию основным фактом русской истории, обусловившим ряд других ее особенностей³³.

У Доннелли события в Башкортостане показываются как часть общей политики, в результате которой произошло «превращение крошечного Московского княжества в гигантскую мировую империю». При этом русские, по его словам, сочетали силовые действия с дипломатией, всегда находя законные предлоги в оправдании своих действий³⁴.

Это подтверждается множеством примеров. Приведем один из них. В ноябре 1737 г. группа предводителей восстания, ссылаясь на добровольный характер принятия русского подданства, потребовала более гуманного и справедливого отношения к башкирскому народу со стороны администрации. Приведем начало пространного указа, которым ответил тогдашний начальник Оренбургского края В.Н. Татищев: «1. Что они показывают, якобы не з бою и не силою под власть российскую приведены, но доброхотно пришли. Оное хотя правильно начало имело, но когда они под власть государя поддались, то должны верно служить, по законам поступать и во всем послушными рабами быть, в чем они обещались. Когда же они верность свою нарушили, то и милости не токмо обещанной, но и полученной сами себя лишили. И сие могут о землях разуметь, что когда они по указам Е.И.В. исполнять и верными быть не похотели, тогда Е.И.В. законно и праведно пожалованных им земель их, воров, лишить, а верным пожаловать волю имеет. Для безопасности же впредь необходимо между ими крепости устроить и военных людей содержать, доколе совершенно покорными явятся, как то и в прежние их бунты и измены Уфа, Табынск, Бирск и другие были построены...»³⁵.

Что касается Уфы, то здесь Татищев сознательно исказил истину. В другой раз, выступая среди башкир, он пытался отрицать сам

факт добровольности их подданства. Башкиры ссылались на жалованные грамоты Ивана Грозного и Алексея Михайловича и продолжали настаивать на своем статусе вольных подданных.

Дошедшие до наших дней башкирские шежере сообщают об условиях, на которых башкиры «приклонились к Белому царю». Нередко они включают в себя тексты жалованных грамот, которые совпадают с содержанием правительственных документов, хранящихся в архивах. Иногда шежере с родословными служили единственным документом, подтверждающим право той или иной группы башкир на вотчинное владение землей³⁶. В известном шежере племени Юрматы, записанном казанским татаринном муллой Бакием, со слов Татигас-бия, говорится: «... Казань город взяли русские. После этого падишах во все стороны направил посланцев с грамотами: «Кто бы то ни был пусть не бежит, каждый в своей вере пусть останется и следует своему закону... Согласившись платить ясак куницей, мы присягнули на верноподданство... После этого, уплатив ясак, мы разделили землю на четыре тюбы... О нашем разделе сих земель мы написали и закрепили в московской книге...»³⁷.

Уфа была основана в 1586 г., куда башкиры стали возить ясак, прежде платимый в Казани. Без их согласия Уфа просто не могла бы возникнуть, т.к. против строительства города резко возражали ногайские мурзы.

Позднее русские города и крепости строились уже без учета мнения вотчинников. Поэтому их судьба, порой, была драматичной. Значительный интерес представляет история Соловарного городка, находящаяся, по словам действительного члена Оренбургской ученой архивной комиссии священника Н.Н. Модестова, «в тесной связи с историей русской колонизации в новоприобретенном башкирском крае».

Часть исследователей отождествляют Соловарный городок с Табынском, другие считают, что он был построен в другом месте в верховьях реки Усолки для охраны соляных варниц. Спорной является и дата его основания. По мнению И. Кирилова (1735 г.), Уфа, Бирск и Табынск были основаны при царе Иване Васильевиче³⁸. Модестов также склонялся к мысли, что Соловарный городок был построен при Иване Грозном, одновременно и около Вознесенской пустыни (монастыря)³⁹.

Несмотря на то, что дореволюционный автор честно предупреждал, что его «труд не представляет собою чего-либо нового и ори-

гинального», что его «задача гораздо скромнее: выяснить тот исторический путь, которым шло прославление и распространение чествования Табынской иконы Божьей Матери в Оренбургской епархии», в последующем профессиональные историки стали использовать его мнение в качестве исторического факта. Если А.П.Чулошников только предположил, что Вознесенская пустынь была сожжена башкирами около 1586 – 1587 гг.⁴⁰, то А.З. Асфандияров уже определенно пишет: «На территории табынцев вслед за первой крепостью Уфой, основанной в Минской волости в 1574 г., возникло самое раннее русское поселение в Башкирии. Это – древнейший монастырь в районе Солеварного городка (Солеварного, позднее – Табынска) под названием Вознесенская пустынь»⁴¹.

Сразу отметим, что документов, связывающих вышеупомянутые объекты с правлением Ивана Грозного, нет. Первым свидетельством является отрывок грамоты царя Федора Ивановича, сообщающий о сожжении Вознесенской пустыни башкирами. В грамоте Алексея Михайловича от 20 июля 1656 г. (1648 г. – С.Т.) упоминается о пожаловании Федором Ивановичем, затем Михаилом Федоровичем, земли монахам Вознесенской пустыни около Соловарного городка. Оба документа были опубликованы Модестовым⁴².

Несомненно, строительство на Усолке могло вестись не ранее периода правления Федора Ивановича (1584–1598), скорее всего, в 1590-х годах, когда в Уфе появилось воеводство вместе с военным гарнизоном, а борьба с сибирским ханом Кучумом близилась к победному завершению.

Первая попытка явочным порядком обосноваться в глубине «дикого» края и начать здесь миссионерскую деятельность закончилась неудачей. Маловероятно, что повторные попытки могли предприниматься в Смутное время, когда в Башкортостане свободно жили ногайцы, кучумовичи, а потом и калмыки. Логика подсказывает, что это произошло не ранее середины 1610-х годов. Это предположение подтверждается документом. В 1678 г. башкиры Табынской волости «Акче...ышко, Таймаско Исеншугуров с товарищи били челом» царю о том, что вотчиной их прадедов завладел башкир Табынской волости Тукулко, «и нашел в той вотчине прадедов их соляные ключи. Как зачался город Уфа, и он Тукулко...извещал... Михаилу Федоровичу... и в той вотчине был Соляной городок... и как он Тукулко умре, и после его завладели тою вотчиною русские люди Ивашко Первишин

с братом, и тот Ивашко с братом продали тое их вотчину москвитину садовнику Федору Клушину, и он Федор... в тех вотчинах им насильство чинит...»⁴³.

В конце 20-х годов XVII в. дворцовые варницы Табынского усоляя, расположенные около Соловарного острожка, были перенесены к новому месторождению, которое находилось под Черными горами⁴⁴.

В Сеитовское восстание Соловарный городок был осажден, а, воздвигнутый у соляных ключей, Вознесенский монастырь разрушен полностью⁴⁵. В мирное время земельные конфликты продолжались, и в 1691 г. уфимский воевода В.Ф. Стрешнев был вынужден запретить стрельцам Усольского (Соловарного) городка посягать на земли, за которые башкир Биккул с 8 дворами платил ясак 15 куниц и 3 батмана меду⁴⁶.

Задолго до этих событий, в 1648 г., Соловарный городок попытался захватить калмыцкий тайша Чакула⁴⁷. В 1663 г. попытку повторили башкиры, после чего он был укреплен острогом⁴⁸. Наконец, в 1707. был разрушен и Соловарный городок⁴⁹. По сведениям И.К. Кирилова, во время этого восстания был razорен пригородок Табынск, находившийся возле Усоляя⁵⁰. Означает ли это, что Табынск и Соловарный городок были разными населенными пунктами — не совсем ясно.

По договору с башкирами, на основании указа Камер-коллегии, балахонцы Ефрем Винокуров, Василий и Петр Осокины «с товарищи» в 1730 г. возобновили варку соли⁵¹, но в 1734 г., с началом Оренбургской экспедиции, голландский предприниматель Сергей фон Дорт написал в Сенат о том, что в 1704 г. он потратил на покупку и строительство соляных заводов и Соловарного городка более 20 тысяч рублей, которые были «разорены без остатку. А ныне они, башкирцы, паки пришли в подданство Е.И.В.... чтоб вышеписанные соляные заводы отдать ему»⁵².

Кирилов в начале 1735 г. предлагал начать строительство на месте бывшего Табынска, пустующего со времен последнего башкирского бунта. В декабре того же года он с удовлетворением сообщал, что построенный Утятниковым Табынский острожек выдержал более 20 приступов и башкирам удалось только сжечь соловарный завод. В июле 1736 г. Кирилов укрепил Табынск земляным валом, пятью бастиями и заложил в нем церковь Вознесения⁵³.

В ходе подавления восстания новая крепость сослужила властям хорошую службу в качестве цитадели и тюрьмы. Здесь был захва-

чен со своими ближайшими соратниками предводитель восстания Кильмяк Нурушев, здесь же содержались многие его последователи.

В Пугачевщину эти памятные места снова превратились в арену борьбы. В ноябре 1773 г. Табынская крепость и Богоявленский медеплавильный завод, построенный вместо Соловарного городка, были взяты пугачевскими полковниками Канбулатом Юлдашевым и Каскыном Самаровым⁵⁴. В марте 1774 г. здесь был предательски схвачен ближайший сподвижник Е. Пугачева яицкий казак И.Н. Зарубин-Чика.

В 1835 г., когда нужда в военном контроле края отпала, табынские казаки были отправлены на охрану границы с Казахстаном. Их поселили на новой крепостной линии в поселке Полтавский Кустанайской области. Оставшиеся табынцы были превращены в крестьян⁵⁵.

В 1911–1912 гг. в Усолье жил и работал земским начальником известный писатель и библиограф С.Р. Минцлов. Большой любитель старины, знавший, что «Табынск – имя известное в истории Уфимского края», пытался собрать здесь исторические сведения и предания, даже брался за раскопки. К сожалению, он ничего не достиг потому что из местных жителей «никто ничего не помнит и не знает»⁵⁶.

В 1651–1656 гг. на западных границах Башкортостана была построена Закамская оборонительная линия. Она состояла из крепостей Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Кичуевск, Заинск, Мензелинск. Оса и Бирск были превращены в крепости на базе ранее возникших дворцовых селений. В зауральской части Башкортостана с 1650 по 1689 г. появились Усть-Миасский, Исетский, Мехонский, Шадринский, Терсятский, Масленский, Колчеданский, Бешкильский, Красногорский, Ингалинский, Арамильский, Средне-Миасский, Чумляцкий, Белоярский, Верхне-Миасский, Бродо-Калмацкий, Багарятский, Новопесчанский укрепленные остроги. Причем освоение шло в направлении с севера на юг и юго-запад. В начале XVIII в. на реке Самаре возникла крепость Алексеевск, на реке Сок – Сергиевск. Всего во второй половине XVI – первой трети XVIII в. в Башкортостане было возведено более 30 городов, крепостей, слобод и острогов⁵⁷.

Как это не парадоксально, левобережье Волги в начале XVIII в. являлось территорией, практически не освоенной русскими, в то время как в отдаленной Сибири, да и в центральной части Башкортостана этот процесс шел уже более века. На наш взгляд, одной из причин

этого явления было то, что эти земли принадлежали погибшей в 1630-х годах Ногайской Орде. Жившие там башкирские племена были ее остатками.

Самарский историк Ю. Смирнов пишет: «Действительно, во времена Петра I Заволжье было частью империи, но не самой Россией. Основным населением здесь были кочевые народы, калмыки и башкиры. Их подданство царю было непрочным, мало препятствовало набегам на оседлых жителей, не раз ставилось под сомнение открытыми восстаниями и военными конфликтами с государством. На калмыцкой территории вообще не было русской администрации»⁵⁸.

В 1731–1733 гг. велось строительство Новой Закамской линии в направлении Самара – Мензелинск. Она не была достроена в связи с началом деятельности Оренбургской экспедиции. Общая длина ее от Алексеевска до р. Кичуй составила 222 версты⁵⁹. Перед началом строительства, для предупреждения волнений, башкирам было объявлено, что «строение крепостей начинается не для их обиды и утеснения и не занимания их жилищ, но для защищения от беспокойных степных неприятелей»⁶⁰.

Постепенно в крае начали появляться христианские монастыри. В конце XVI в. были построены Преображенский и Спасо-Преображенский монастыри на территории Гайнинской волости. В начале XVII в. на землях башкир Енейской волости строятся Богородицкий-Челнаковский, а на территории Минской волости Успенский мужской и Христорождественский женский монастыри в г. Уфе. В середине XVII в. на территории Катайской волости строится Далматов монастырь. Башкирские угодья захватывали и монастыри центральных районов.

В самом начале XVIII в. царское правительство приступило к изъятию башкирских земель под строительство заводов. Так, с 1701 по 1704 гг. казна строит Каменский и Уктусский заводы на землях Салжиутской волости Сибирской дороги. Каждый из них занял земли и леса на 20–30 верст кругом. После некоторого перерыва, связанного с восстанием 1704–1711 гг., в пределах Катайской, Салжиутской, Упейской, Терсятской волостей Сибирской дороги в 20-30-е годы XVIII в. возникли Полевский, Екатеринбургский, Верхне-Исетский, Суксунский, Иргинский, Уткинский, Тисовский, Нижне-Шайтанский, Сысертский, Билимбаевский, Северский, Ревдинский заводы. В 1731–1734 гг. в Гарейской волости Казанской дороги был основан Шилвинский медный завод.

В Башкортостан наряду с военно-служилыми людьми переселялись русские крестьяне: дворцовые, государственные, а также беглые помещичьи крестьяне из центральных уездов страны. В конце XVI в. в районе реки Камы на территории Енейской и Байлярской волостей появились дворцовые села Рождественское с 8 деревнями вокруг, Н.Березовка и Н.Никольское. Там же на протяжении XVII в. появились села Челны, Пьяный бор, Каракулино по р. Кама. В центре края на территории Канлинской, Каршинской и Минской волостей возникли села Красный Яр, Богородское, Государственные и Монастырские Дуваней, Архангельское, Покровское, Ст. Енгальш и Вознесенское⁶¹.

Казаки сыграли важную роль в расширении Русского государства и последующем освоении его пространств. Зачастую они действовали по собственной инициативе. Так произошло и со строительством Сакмарского городка. В 1725 г. атаман Яицкого городка Василий Арапов возвел крепость в устье Сакмары, отстоявшую в 300 верстах от ближайших русских селений. Факт, сам по себе, примечательный. В одном из современных изданий его появление объясняется следующим образом: «...наиболее опасным был участок границы между Башкирией и средним течением реки Яик, где начинались заселенные яицкими казаками места. Этот практически никем не оборонявшийся участок привлекал особое внимание падких на поживу хищников, именно здесь проникавших на русскую территорию и доходивших практически беспрепятственно до Волги... Характерно, что проживающие в этом районе башкиры, вообще говоря, очень ненадежные тогда поданные Российской короны, нередко сами нападавшие (зачастую с теми же киргиз-кайсаками) на русские поселения, были вынуждены просить построить здесь дополнительно несколько крепостей, чтобы загородить дорогу кочевникам»⁶².

Сохранились документы о конфликтах сакмарских казаков с башкирами. 4 октября 1734 г. группа тарханов из разных волостей Ногайской дороги, в том числе Алдар Исекеев, просили в Оренбургской экспедиции «чтоб старинною их землей и соляными местами и прочими угодья по обе стороны рек Ику и Сакмаре, которой завладел атаман Арапов с казаками, владеть им, башкирцам по-прежнему, а им де атаману Арапову и казакам от того владения отказать»⁶³.

В последующем сакмарские казаки принимали активное участие в подавлении башкирских восстаний. Весной 1737 г., в вершинах реки

Ашкадар, казаки напали на башкирские кочевья, убили много людей, в том числе из семейства Кильмяка Нурушева⁶⁴.

¹ Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в.: Дисс. ... к.и.н. – М., 1938. – С. 35. Цит. по: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – С.11.

² См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877; Поволжье в XVI и начале XVIII в. (Очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставроп. книж. изд-во. Карачаево-Черкесское отд., 1988. См. также работы Трепавлова В.В.: Некоторые проблемы политической истории Башкортостана ногайского периода // Башкортостан в XVI–XVIII вв. / Отв. ред. И.М. Акбулатов. – Уфа, 1996. – С. 3–6; Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. – Уфа, 1997; Тайбуга: «На Мангытском юрте третий государь» // «Tatarica». – Казань. 1997/1998. – № 1. – С. 96–107; Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. – М., 1998. – № 1 / 2. – С. 101–114; История Ногайской Орды. – М., 2001.

³ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 74,75.

⁴ Рамазанова Д.Б. Из истории расселения и формирования говоров татар западного Приуралья // Татарская нация: история и современность. – Казань: Магариф, 2002. – С. 27–28.

⁵ Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарстана до начала XX в. // Татарская нация... – С. 132.

⁶ Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 253.

⁷ Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.182.

⁸ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. – Казань: Фэн, 2002. – С. 132.

⁹ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. – СПб., 1872. – Т.Х. – № 5. – С.8; Новосельский А.А. Указ. соч. – С.34; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. – М.: АН СССР, 1956. – С. 34.

- ¹⁰ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – С. 469.
- ¹¹ Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических мест Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – С. 339.
- ¹² См., например, карту на С. 54–55 «Истории Ногайской Орды» В.В. Трепавлова.
- ¹³ Пекарский П.П. Указ. соч. – С. 20.
- ¹⁴ Усманов А.Н. Указ. соч. – С. 111, 113, 152–154, 182.
- ¹⁵ Там же. – С. 128–129.
- ¹⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. – Т.5. – С.677.
- ¹⁷ См., например, труды В.В.Трепавлова по ногайской тематике. Этой же проблеме посвящена статья С.У. Таймасова «Ногайская Орда и ее отношения с Россией» // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 121–127.
- ¹⁸ Рычков П.И. История Оренбургская/Подг. текста, примеч., указат. и глосс. И. В. Кучумова. Ред. кол.: Р.Г. Кузеев, И.В. Кучумов, А.В. Псянчин и др. – Уфа, 2001. – С. 182.
- ¹⁹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – С. 234, 272, 292, 314, 320, 327, 390, 469.
- ²⁰ Там же. – С. 366.
- ²¹ ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. – СПб., 1904. – С. 282.
- ²² Материалы по истории Башкирской АССР./Сост. Н.Ф. Демидова; под. ред. Н.В. Устюгова. – М.: Л.; Изд-во АН СССР, 1949. Т.III. – С. 486.
- ²³ Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. II. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – С.185–186.
- ²⁴ НА УНЦ РАН – Ф. 23. – Оп.1. – Д.1. – Л. 53об.–54.
- ²⁵ Пекарский П.П. Указ.соч. – С. 19-20.
- ²⁶ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С.5-7.
- ²⁷ Пекарский П.П. Указ. соч. – С. 7–9.
- ²⁸ Буканова Р.Г. Первый российский город в Башкортостане // Ватандаш. – 1999. – №2. – С. 33-45; Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. – Уфа: Китап, 2007. – С. 217, 317.
- ²⁹ НА УНЦ РАН. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д.10. – Л. 352.
- ³⁰ Там же. Л. 114-117.
- ³¹ Усманов А.Н. Указ. соч. – С.189.
- ³² Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006. – С. 25.
- ³³ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 5 т. Т.1. – Минск: Харвест, 2003. – С. 25, 29.

³⁴Доннелли А. С. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма / Перев. с англ. Л.Р. Бикбаевой; Науч. ред. Р.Г. Кузеев и И.Г. Акманов. – Уфа, 1995. – С. 28, 31, 34, 35, 55, 56.

³⁵Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. – С. 350–351; Материалы по истории Башкортостана. Т.VI. – С. 531.

³⁶Башкирские шежере. – С. 150, 211; Башкирские родословные/Сост. Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. Науч. рук. Р.Г. Кузеев. Вып. первый. – Уфа: Китап, 2002. – С. 149, 151, 155.

³⁷Башкирские родословные. – С. 56–59; Карагулов (Татигасев) А.А. Родословное древо Татигас-бия//Башкортостан. – 1999. – 14 июля.

³⁸Материалы по истории Башкортостана. Т.VI. – С. 25.

³⁹Модестов Н. Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божьей Матери и крестный ход из села Табынского в г. Оренбург и другие места Оренбургской епархии. (Историко-археологический очерк). – Оренбург, 1914. (Тр. Оренб. учен. архив. комис. Вып. 31)/ Факсим. изд. – Оренбург: Оренб. губ-я, 2000. – С. 5–7, 10, 25.

⁴⁰Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в./ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. – С. 25.

⁴¹Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. – Уфа: Китап, 1998. Кн. 2–3. – С. 244.

⁴²Модестов Н. Указ. соч. – С. 55–58.

⁴³Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: Дополнения к Актам историческим (Далее: ДАИ). Т.9. 1676–1682 гг. – СПб., 1875. – С. 85–89.

⁴⁴Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.) – Уфа: РИО Баш ГУ, 2005. – С. 131.

⁴⁵Игнатъев Р.Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии// Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – С. VI.

⁴⁶НА УНЦ РАН. – Ф. 23. – Оп.1. – Д.7. – Л.76 об.–77.

⁴⁷Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к IV тому «Записок Императорской Академии наук». – №6. – СПб., 1864. – С. 43.

⁴⁸Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т.2. – Казань, 1897. – С. 384; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – С. 497.

⁴⁹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях/ Сост. Ф.Х. Гумеров – Уфа: Китап, 1999. – С. 156.

⁵⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – М.; Л., 1949. – С. 493.

⁵¹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 156.

⁵² ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 318–319.

⁵³ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 25, 26, 101, 104, 214.

⁵⁴ Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. – Уфа: Китап, 2000. – С. 40.

⁵⁵ Модестов Н. Указ. соч. – С. 20.

⁵⁶ Минцлов С. Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1992. – С. 35, 157.

⁵⁷ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – С. 184.

⁵⁸ Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. – Самара: Самарский ун-т, 1997. – С. 17.

⁵⁹ Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа: Китап, 1997. – С. 90.

⁶⁰ РГАДА – Ф. 452. – Оп. 2. – Д. 711. – Л. 554.

⁶¹ Акманов А. И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX в.) – Уфа: Китап, 2000. – С. 16–17; Акманов А. И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. – Уфа: Китап, 2007. – С. 88, 89.

⁶² История казачества Урала. Уч. пос. для казачьих воскресных школ/Под общ. ред. В. Ф. Мамонова. – Оренбург; Челябинск, 1992. – С. 50–52.

⁶³ ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 257.

⁶⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 425.

Глава IV

ПОД ЭГИДУ ПРЕЖНИХ СЮЗЕРЕНОВ

1. Сибирское движение и башкиры

Граница Сибирского ханства или Турана («Вилаят Тубыл — Тура») на западе шла по Зауралью до Обского залива, на востоке — по рекам Надим, Пим и Иртыш, в районе реки Омь уходила на восток, охватывая Барабинскую степь, на юге, в верховьях Ишима и Тобола, ханство граничило с Ногайской Ордой. Население составляло не более 50 тыс. человек из тюркских кочевых племен, живших на южных степных равнинах, а также вогулов (манси) и остяков (ханты), занимавших северные лесные пространства. На западных границах ханства, в междуречье Исети, Течи, Миасса и Уя жили башкирские племена Табын, Катай, Сыррян, Сальют. Их потомки до сих пор живут в Свердловской, Челябинской и Курганской областях. Столицей государства был город Искер (Кашлык), расположенный на правом берегу Иртыша, чуть выше современного Тобольска.

В 1464—1495 гг. сибирский трон занимал шайбанид Ибак. Согласно башкирским преданиям, предводители табынцев бии Асади и Шикарали не ладили с ханом и бежали за Урал. С ними ушла часть табынцев и поселилась в среднем течении Агидели¹.

Представитель местной сибирской династии Мухаммед убил Ибака и занял его место. Его предок Тайбуга, основатель династии, был предводителем древнего и сильного племени Кирей и жил во времена Чингисхана. Тайбугиды не принадлежали к «золотому роду Чингисхана» и не имели права на ханский титул. Этот недостаток они не могли компенсировать, как потомки Едигея, мощью своего иля, в силу чего были вынуждены искать покровителей. Сначала это были представители мангытской (ногайской) знати, а после падения Каза-

ни и Астрахани внук Мухаммеда правитель Ядкар решил прибегнуть к защите Москвы. В январе 1555 г. его послы приехали поздравить Ивана IV с великой победой и просили взять всю Сибирскую землю под свою руку. Иван согласился и положил дань: давать по одному соболю и по одной белке от каждого человека ².

Однако узбекских правителей – шайбанидов вовсе не устраивала перспектива перехода Сибири в руки русского царя. Из Бухары в Сибирь был направлен внук Ибака царевич Кучум. То ли сил у него оказалось недостаточно, то ли Ядкар оказал упорное сопротивление, только борьба завершилась лишь в 1563 г. гибелью Ядкара и его брата Бекбулата.

Принято считать, что став ханом, Кучум продолжил выплату дани Ивану Грозному. Но это не так, ибо Кучум был вассалом и сторонником бухарского хана Абдуллы. Кучум установил тесные контакты с ногайской элитой. Одной из его жен стала ногайская княжна; сына Али он в 1564 г. женил на дочери мурзы Дин-Ахмеда, Каная – на дочери мурзы Уруса; не менее четырех его дочерей вышли замуж за потомков Едигея³.

После победы над Ядкаром Кучуму отдыхать не пришлось. Около 1565 г. он (и, видимо, башкиры) подвергся нападению казахского хана Хакназара⁴. Башкирские предания красноречиво повествуют о тиранском правлении некоего Акназара, которого историки склонны отождествлять с Хакназаром⁵. Петр Рычков передает рассказ старшины Каратабынской волости Кидряса Муллакаева о том, что Акназар башкир «... всячески изнурял и в бессилие их приводил. Ибо на три двора по одному токмо котлу для варения им пищи допускал и как скот и пожитки, так и детей их, к себе отбирал и землями владеть, тако ж и чрез реку Белую переходить, их не допускал. А кои звероловством промышляли, те за то принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру, и по кунице, от чего, наконец, пришли они в самое крайнее истощение и убожество»⁶.

Казахские историки, в том числе современные, не оставляют без внимания взаимоотношения Хакназара с северными соседями. Вот как пишет об этом Аль-Халел Карпик: «Акназар привлек на свою сторону узбекского Абдаллах-хана и тем самым создал военный блок против вылазок опасного сибирского Кучум-хана. Одновременно Акназар вел переговоры с Русским государством о дружбе и взаимной охране своих рубежей. Эти инициативы Акназар-хана встреча-

лись благосклонно. Так как Сибирское ханство Кучума и Ногайская Орда, также угрожавшая Казахстану, представляли реальную угрозу самому Русскому государству, оно активизировало свои дипломатические сношения с Казахским ханством... Акназар оказал Ивану Грозному изрядную помощь в покорении Кучума»⁷.

Заметим, что Кучум был не покорен, а разгромлен, когда ни Хакназара, ни Ивана уже не было в живых. По мнению другого казахского историка А. Исина, Хакназар воевал с Сибирским ханством и Ногайской Ордой «за обладание башкортскими улусами»⁸.

Продвижение на Средний Урал начали купцы Строгановы. С благословения царя они методично захватывали новые территории, укрепляли их крепостями. В 1568 г. они дошли до р. Чусовой и обложили данью подданных Кучума – вогулов и остяков. Теснимый казахами, хан и сам согласился было стать данником Ивана IV. В 1569 г. он говорил его посланнику: «Ныне деи дань господарю вашему царю и великому князю послов пошлю; а ныне деи мне война с казацким царем...»⁹ Но вскоре он заговорил с Иваном по-другому: «Земли завоевывают все народы. Но в мирное время они договариваются. Отцы наши, мой и твой, понимали друг друга и торговали... Раньше не мог послать тебе ярлык. Потому что воевал тут с одним. Теперь этого врага одолел. Если хочешь, будем теперь дружить. А коли хочешь воевать, будем воевать»¹⁰. Видимо хан напоминал о дружбе их дедов Ибака и Ивана III, а под врагом подразумевал Хакназара.

15 июля 1572 г. черемисы (марийцы) с вогулами, башкирами и буинцами (ненцами?) напали на людей Строгановых, а через год на Чусовую пришел сын (племянник?) хана царевич Маметкул (Мухаметкул) и устроил новый погром.

Последние годы существования государства Кучум посвятил миссионерству. Ислам начал проникать в Сибирь еще во времена Золотой Орды, может быть, и раньше. Однако мусульманская вера распространялась медленно. В 1572 г. Кучум отправил к Абдулле II посла с просьбой прислать проповедников. Просьба была удовлетворена, в результате многие язычники приняли ислам.

В 1581 г. Строгановы снарядили в Сибирь большой казачий ряд под командой Ермака. На подступах к своей столице Кучум дал несколько упорных сражений, но не смог остановить казаков. 26 октября 1582 г. Ермак захватил Искер. Сначала Иван Грозный был рассержен своевољством Строгановых и послал строгий указ, но получив

известие об успехах казаков, очень обрадовался и сменил гнев на милость. Из Москвы были отправлены воеводы князя Семен Болховский и Иван Глухов с ратниками на подкрепление и принятие «Сибирского царства».

Кучум, откочевав в недоступные для казачьих стругов верховья Иртыша, Тобола и Ишима, совершал неожиданные нападения. В конце концов он уничтожил большую часть казаков, а в ночь на 6 августа разбил и убил самого атамана. Остальные бежали за Урал. В это время из южных степей появились сын тайбугида Бекбулата Сейдяк (Саид-Ахмед) и племянник казахского хана Тевеккеля царевич Ураз-Мухаммед и изгнали из Искера сына Кучума царевича Али. Между двумя сибирскими династиями началась борьба за трон¹¹.

Тем временем Москва направляла за «Камень» новые отряды. Русские изменили тактику, отказавшись от намерения покончить с Сибирским ханством одним ударом. Они стали последовательно закрепляться на больших западно-сибирских реках. В 1586 г. была основана Тюмень, в 1587 г. – Тобольск. В течение последующих десяти лет появились Лозьвинский городок, Пелым, Сургут, Березов, Обдорск, Кетский городок, Нарымский городок, Тара. Для строительства Тары в 1594 г. привлекались башкиры¹². Разумеется, участвовали они и в строительстве Уфы, главное назначение которой состояло в укреплении ближних подходов к Сибири.

В одно время походная столица хана-изгнанника находилась в восточной части Башкортостана между Тоболом и Уем¹³. Тогда ему (а в дальнейшем, его детям) служили башкиры племен Табын и Синрян¹⁴. Ч. Валиханов передает, что все казахские предания называют Кучума башкирским ханом¹⁵. Сибирский хан вынужден был воевать на два фронта, не получая помощи от Абдуллы, который целиком был занят войной с внутренними врагами и Тевеккелем. Ногайские мурзы предпочли не вмешиваться, только зять Кучума правитель Ногайской Орды Ураз-Мухаммед робко просил царя Федора «Кучуму-царю Сибирь... назад отдати»¹⁶. Когда же Абдулла в начале 1590-х годов, наконец, одолел соперников, присоединил Ургенч и хотел подступить к Астрахани, мурзы нейтрализовали его влияние в северном направлении. Постепенно Кучум был оттеснен на юг Сибири и в 1598 г. разбит окончательно, после чего ушел в Джунгарию к ойратам. Это – западные монголы, известные среди тюркских народов как калмыки. Они подразделялись на четыре племени: Чорос (соб-

ственно джунгары), Торгоут, Дербет и Хошоут. Все монголы свято чтят память Чингисхана, поэтому нет ничего удивительного в том, что ойраты дали приют хану-изгою. Однако, Кучум не задержался, видимо, решив закончить свои дни на бухарской земле. Один из его оставшихся в Джунгарии сыновей царевич Ишим женился на дочери предводителя торгоутов Хо-Урлюка. В последующем он взял в жены дочь предводителя джунгаров Каракулы и сестру предводителя хошоутов Байбагиша.

В начале XVII в. большая группа ойратов пришла в движение. Некоторые дореволюционные и подавляющее большинство советских историков объясняли их миграцию на запад либо как перекочевку в поисках новых пастбищ, либо как результат междоусобной борьбы, в ходе которой торгоуты, часть дербетов и хошоутов, не желая подчиняться джунгарам, покинули свою родину¹⁷. По мнению Н.Я. Бичурина, калмыки шли на запад с завоевательными целями. Другой историк XIX в. архимандрит Гурий писал: «Историческое прошлое калмыков ясно показывает, что они шли в Россию не с целью мирной жизни возле русских границ, а с целью господства и завоевания тамошних русских городов, быть может, в надежде восстановить свое владычество там, где некогда сидели юртом потомки Чингисхана, его внуки»¹⁸.

Видимо, действительно в XVII в. имело место очередное нашествие из Алтая подобно нашествию гуннов, древних тюрков и монголов, и кучумовичи выступили его инициаторами.

В конце XVI в. к окрестностям Тары прикочевали около 200 тыс. калмыков во главе с Хо-Урлюком и правителем дербетов Далаем. В 1606 г. произошла первая стычка, а в 1607 г. царевич Али с отрядом калмыков напал на Уфу. В 1608 г., по приглашению царя Василия Шуйского, послы Далая прибыли в Москву. В 1618 г. снова Далай, а в 1619 г. Каракула посылали делегацию в русскую столицу. В октябре 1620 г. в Уфе представители царевича Ишима, Далая, Хо-Урлюка, хошоутского тайши Кунделен-убаши, через воеводу О.Я. Прончищева, шертовали (подписали договор) царю Михаилу «за всех улусных людей на том, что к Уфимскому городу и на Уфимский уезд на башкирские волости воевать не приходить и людей не посылать, и на зверовье (охоте. — С. Т.) башкирцев не громить и не побивать и быти под твоею государевою высокою рукою»¹⁹. Калмыкам разрешили торг лошадьми в Уфе²⁰.

Изгнание калмыками ногайцев из Башкортостана произошло, по всей вероятности, при участии башкир. Об этом косвенно свидетельствует следующий факт: в 1611 г. русские просили мурз прислать на помощь войска, но получили отказ в связи с тем, что ногайцы были заняты отражением башкир²¹. О том, что ногайцы покинули Башкортостан в период междоусобицы (1611-1613) мы уже писали.

В Северном Приаралье торгоуты вклинились между казаками и ногайцами. Первых они оттеснили на юг, а последних изгнали из бассейна Иргиза, Эмбы и Илека за Яик. В 1613 г. пространство до Волги было местом столкновения завоевателей с прежними хозяевами степей. В том же году передовые отряды калмыков форсировали Волгу и появились у городов Алатырь и Темников. В 1616 г. натиск на отступающих в панике ногайцев Большой орды повторился. В это время другая группа калмыков атаковала Тару, Томск, Тобольск, Тюмень и другие русские селения.

В 1619 г. джунгарский тайша Сенгил разорил приграничные башкирские селения; в 1623 г. напал на башкир Тамьянской и Кипчакской волостей. В начале 1620-х годов большая группа калмыков сосредоточилась близ юго-восточной границы Башкортостана. В 1622 г. Хо-Урлюк с царевичем Ишимом кочевал в урочище Хама-Карагай в устье р. Уй. Поблизости от них на р. Тобол кочевал Байбагиш. В Уфе ожидали их нападения, поскольку Ишим грозил отомстить за отца и братьев Али и Азима²².

Затем, вплоть до 1628 г. в Сибири и Башкортостане наступает затишье. По нашему предположению, в эти годы калмыки находились у Аральского моря и на Сырдарье. Здесь они, вероятно, при посредничестве кучумовичей, заключили союз с правителем Ташкента шайбанидом Турсун-Махмудом против казахов. Калмыкам удалось привлечь на свою сторону алтыульских ногайцев, кочевавших между Эмбой и Аралом. В последующем алтыулы во главе с мурзой Султанаем воевали на стороне калмыков против своих соплеменников «Больших ногаев»²³.

В 1628-1631 гг. в Тарском уезде шло восстание сибирских татар. Его возглавил сын Ишима (ум. в 1624 г.) Аблай (Аблай-Гирей, Аблай-гирим), матерью которого была калмычка. Он объявил себя ханом и заявил о своем намерении восстановить Сибирское ханство. При нем находились родной брат Тевеккель (Тевка) и двоюродный брат Давлет-Гирей. Аблай в 1632 г. переместился к берегам Тобола и Яика.

А.-З. Валиди указывает, что в одно время ставка Аблая находилась у горы Туратау, близ современного Стерлитамака, и что он пытался взять Уфу²⁴.

В Уфе подготовились к отражению нападения. В 1635 г. из Казани прибыли 84 чел. дворян и боярских детей, 40 чел. литвы и черкас (пленных запорожских казаков) и 200 стрельцов, после чего уфимский гарнизон стал насчитывать 702 хорошо вооруженных воина. Дополнительно в распоряжении воеводы находилось 888 служилых башкир²⁵. Летом 1635 г. отряд уфимского головы Федора Каловского, большая часть которого состояла из башкир, разбил Аблая и захватил в плен вместе с братом Тевкой²⁶.

В 1640 г. состоялся ойрато-монгольский курултай, на котором было принято решение прекратить многовековую вражду между двумя родственными народами и составлено Уложение законов. По одним сведениям, курултай состоялся в Джунгарии, что вполне естественно, но Н. Нефедьев, собиравший в начале XIX в. сведения от волжских калмыков, местом сбора называет «Общий сырт Уральских гор»²⁷. И это вполне возможно, потому что вся степь от Алтая до Волги фактически принадлежала калмыкам. Нетрудно догадаться, что на повестку дня ставился вопрос о новых территориях, определялась дальнейшая стратегия.

Калмыкам пришлось по душе природа Урала, его климат и богатые пастбища. Еще в 1630 г. самый влиятельный правитель Далай, кочевавший между Эмбой и Аральским морем, заявил о своих притязаниях на пастбища около Уфы²⁸. Это не следует воспринимать дословно. Южнее Уфы в ту пору городов не существовало, и речь, скорее всего, велась о землях в бассейне Яика. В 1640 г. сыновья Хо-Урлюка Дайчин, Лаузан и Шункей напали на Уфу и захватили в плен группу русских и башкир. В 1648 г. другой торгоутский тайша Чакула потерпел поражение от башкир при нападении на «Курпеч-Табынский Соловарный городок». В 1648–1649 гг. торгоуты и подвластные им алтыульские ногайцы из-за Эмбы перекочевали на вотчины башкир по Яику, Ори, Киилу и Сакмаре. В 1643 г. башкиры и уфимские служилые люди под командой уфимского воеводы Л.А. Плещеева разгромили торгоутов близ Саратова²⁹.

Краевед XIX в. М.В. Лоссиевский опубликовал шежере племени Юрматы, в котором повествуется о том, что калмыки часто совершали разорительные набеги на Башкортостан. Однажды у горы Ту-

ратау башкиры нанесли им сокрушительное поражение, убив тысячу калмыков. В память об этом событии близлежащее озеро стало называться «Мин калмак»³⁰. Очевидно, это событие произошло в 1640-е годы, когда резко усилился натиск восточных кочевников. В те годы предводитель торгоутов Дайчин-тайша жаловался русским: «... злее всех башкирцы, всегда всякое зло калмыкам от башкирцев»³¹. В 1654 г. русский посланник к волжским калмыкам Борисов сообщал в Москву: «Башкирские люди калмыцким людям и татарам добре страшны: калмыки с ними, башкирцами, мало бьются!»³².

Не добившись успехов в Сибири и Башкортостане, калмыки направили свои усилия на окончательное изгнание ногайцев с берегов Волги. Несмотря на требования царя Алексея Михайловича оставить междуречье Яика и Волги и вернуться в Приаралье, калмыки остались там. В 1655 г. царь был вынужден смириться с этим фактом, и обусловил их пребывание участием в войне против Крыма и Речи Посполитой. 30 марта 1657 г. торгоуты во главе с Дайчином подписали шерть. Тайши клялись в верности России перед изображением бурхана-божества, разрубили желтую собаку, прилагали острие сабли к горлу, прикладывали к груди и на голову четки и молитвенную книгу с соответствующим словесным оформлением. Тайшам было назначено ежегодное денежное жалование. 1657 г. считается годом вхождения калмыков в Российское государство³³.

Для свободных кочевников состояние «вечного холопства», предполагаемое самой природой самодержавной крепостной России для всех подданных, было неприемлемо. В течение первого века пребывания в составе Русского государства башкиры вели себя достаточно лояльно, не только обеспечивая условия для нормального функционирования государственных институтов в крае, но и сознательно выполняя свои гражданские обязанности, в первую очередь, по защите границ от воинственных кочевников. Но, по мере укрепления позиций царизма в крае, все более возрастают противоречия. Начинается череда башкирских восстаний, которые М.К. Любавский назвал «беспрецедентным историческим феноменом»³⁴. Эта большая тема давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей.

В 1652–1654 гг. в западных пределах Башкортостана была построена Закамская крепостная линия, соединившая построенный в 1654 г. Мензелинск с крепостями Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошеш-

минск, Кичуевск, Заинск. По мнению казахского историка Г.С. Султангалиевой, эти меры правительства стали одной из основных причин восстания³⁵. В те годы Россия вела тяжелую войну с Польшей и Швецией. Для пополнения казны правительство усилило налоговые сборы с населения. В целях предотвращения экономического кризиса была проведена денежная реформа, результатом которой стала инфляция. В самой Москве это вызвало в 1662 г. «медный бунт». Положение окраинных народов усугублялось национальным и административным гнетом.

Потомки хана Кучума, никогда не прекращавшие борьбу с русскими, решили организовать всеобщее восстание народов бывшего Сибирского ханства. Они установили связь с крымским ханом Мухамед-Гиреем III. Возможно, роль связных сыграли бежавшие к волжским калмыкам башкиры во главе с Гауром (Гафур) Акбулатовым³⁶. Одна группа башкир, бежавших на р. Иртыш к сибирским калмыкам и кучумовичам, накануне восстания вернулась с башкиром Сары Мергеном в Зауралье и зазимовала около Долматова монастыря. В восстании готовились принять участие остяки (ханты), вогулы (манси) и самоеды (ненцы), в планы которых входил захват власти в Березовском уезде. Повстанцы поставили цель возродить государство «как было при Кучуме царе». Царевич Давлет-Гирей намеревался с помощью калмыков, башкир и сибирских татар взять Тобольск и сесть на сибирский трон. В знак солидарности представители всех сибирских народов и башкиры пожали кучумовичам руки³⁷.

Однако русские тоже не дремали. Еще в 1658 г. они знали о связях Сибири с Крымом. Московская дипломатия приложила большие усилия чтобы нейтрализовать крымцев с помощью волжских калмыков. 8 июня 1661г. Дайчин и его сын Мончак были вынуждены подписать шерть и приступить к военным действиям против Крыма³⁸. В Великопермии было набрано 1104 ратника и передано в распоряжение стольника Языкова; в 1660 г. послано из Москвы в Тобольск 2 тыс. пудов пороха, 4 тысячи пудов свинца и тысяча мушкетов (ружей); в 1661г. в Тобольск прислали группу европейских офицеров и сформировали дополнительно два полка под командованием полковника Д. Полуэктова³⁹.

Восстание началось летом 1662 г. на территории северной части современных Курганской и Челябинской и южной части Свердловской и Пермской областей. Ставка повстанцев располагалась в баш-

кирских вотчинах у озера Иртяш. В разное время здесь находились руководители движения Сары Мерген, царевици Кучук, Абуга, Сюнчалей, Асан и другие. После того, как в августе 1662 г. к Долматову монастырю подошли 2 тысячи калмыков, восстали башкиры племен Табын, Катай, Айлы, Сынян, Сальют, татары и черемисы, жившие у Катайского острога, а также «выезжие» татары, приехавшие от Абуги, сибирские татары, ханты, манси, марийцы. Повстанцы напали на русские селения по рекам Исеть, Пышма, захватили Катайский острог, Мурзинскую слободу, осадили Долматов монастырь, разорили окрестные села и деревни. В Пермском крае, где действовал царевич Кучук с башкирами Кипчакской волости, пали Кунгур, Степановский острог, Воздвиженская и Рождественская пустыни, сожжены села и деревни по Сылве. Повстанцы говорили: «Поднялся на Русь наш царь!»⁴⁰. Повстанцы были вооружены огнестрельным оружием: ружьями, пистолетами и пушками⁴¹.

Против них двинулись войска из Тюмени и Тобольска под общим командованием Полуэктова. Завязались сражения. С запада подтягивались дополнительные силы: в Мензелинск прибыли казанский воевода Ф.Ф. Волконский и стольник А.М. Волконский (последний вскоре занял пост уфимского воеводы), астраханский воевода Г.С. Черкасский также направил людей на защиту Уфы⁴². Повстанцы захватили Усть-Ирбитскую, Белослудскую слободы и ожидали подхода «с войском Крыма царевича Сары Мергена»⁴³. Сары Мерген напал на Долматов монастырь, Катайский острог и просил сына Хо-Урлюка тайшу Дайчина прислать людей для взятия Тюмени⁴⁴. В 1663 г. заметно активизировалось движение на Казанской и Ногайской дорогах. Скорее всего, это было связано с прибытием сюда 4 тысяч волжских калмыков.

Возможно, что Дайчин решил принять участие в движении под влиянием Кунделен-убаши, прибывшего с группой хошоутов на Волгу в 1662 г.⁴⁵, предполагаем также, что сибирскими калмыками руководил брат Дайчина тайша Лаузан. Волжские калмыки совместно с башкирами действовали на Закамской крепостной линии, в окрестностях Мензелинска и Уфы. Осенью 1663 г. намечалось совместное наступление на Уфу, в котором должен был принять участие царевич Кучук, но оно, почему-то, не состоялось.

Уфимский воевода приступил к переговорам с башкирами, обещая прощение и различные уступки; 24 ноября 1663 г. отправил вы-

борных Тин-Мамета Юлаева «с товарищи» в Москву⁴⁶. Несомненно, это было сделано с разрешения царя, заинтересованного в скорейшем разрешении политического кризиса на восточной окраине государства (польский король Ян-Казимир пошел на Украину, услышав, что все московские войска высланы против башкир⁴⁷). 27 декабря послы были приняты Алексеем Михайловичем, «видели ево царьского величества, аки пресветлое солнце ево царские пресветлые очи». В конце февраля 1664 г. они вернулись с жалованной грамотой. Царь подтвердил вотчинные права башкир, обещал покончить с злоупотреблениями чиновников при сборе ясака. Воевода А.М. Волконский был заменен стольником Ф.И. Сомовым⁴⁸.

Несмотря на то, что к 1664 г. зауральские башкиры не успокоились, московские переговоры оказали сильное влияние на их настроение. Вскоре в Башкортостане наступает относительная тишина. 23 сентября 1666 г. тархан Кипчакской волости Конкас Давлетбаев с братьями и племянниками получает от Алексея Михайловича жалованную грамоту «за принесение повинной и прежнюю их службу и службу их отцов и дедов»⁴⁹.

Но Кучук и его преемники долгое время беспокоили Сибирь, Кунгурский уезд и Урал. В 1675 г. Кучук сходит с исторической сцены. Существует свидетельство, что он был убит около 1678 г. калмыкским правителем Аюкой⁵⁰. Однако Аюка и позднее находился в союзе с ближайшими родственниками Кучука, что ставит под сомнение эту версию. В 1670-х годах Кучук выехал в Каракалпакию, взяв с собой около двухсот «дымов» Салжеутского, Барын-Табынского, Шуранского и Буранского и Кипчакского родов⁵¹. Другая часть кучумовичей в те годы осела на Кубани.

Миграция башкир происходила непрерывно, поэтому в Каракалпакии, Казахстане, на Кубани и других местах их оказалось немало. В 1694 г. бежавший из плена крестьянин Тобольского уезда Ялуторовской слободы Левка Ушаков докладывал в Тобольске: «... в Каракалпаках же живут башкирцы во многих юртах з женами и з детьми, заодно и на войну ходят вместе, и вожем (проводниками. — С.Т.) на слободы бывают оне ж, башкирцы...»⁵².

29 сентября 1720 г. башкиры Минской волости писали Петру I: «В прошлых, государь, годех, тому ныне лет с шестьдесят, как было в Уфимском уезде смятение, и в то время разбрелось нашей братьи башкирцев врознь многое число, а именно, в Каракалпацкую, и в Кал-

мыцкую, и в Турецкую земли, а иные в Казанский уезд, и которые пришли в Казанский уезд, и тех в Казанском уезде написали на ясаки, а именно, из Нагайские дороги Минские волости...»⁵³.

Башкиры эмигрировали и во время Алдар-Кусюмовского восстания⁵⁴, и в ходе восстаний 1735–1740 гг., о чем будет сказано ниже. Посетивший в 1920 г. Каракалпакию А-З. Валиди писал: «Между Кунградом и Чимбаем и по дороге к Нукусу живут башкирские роды, поселившиеся здесь несколько веков назад. Их называют здесь башкирами или истяками... я посетил этих башкир. Сами они считают, что их предки прибыли сюда в седьмом или восьмом колене...»⁵⁵.

Надо сказать, что имели место и обратные процессы. Так, 23 мая 1719 г. Камер-коллегия извещала Сенат о том, что каракалпаки и казахи, в 500 дворах, желают жить в Уфимском уезде и платить ясак⁵⁶.

В последней четверти XVII в. пределы бывшего Сибирского ханства покинули и калмыки. Часть из них окончательно осела в Нижнем Поволжье, другая часть, видимо, возвратилась в Джунгарию. Тем не менее и кучумовичи с каракалпаками, и калмыки приняли участие в следующем восстании, которое российские власти XVIII в. считали первым башкирским бунтом⁵⁷.

16 мая 1681 г. вышел царский указ о крещении мусульман Среднего Поволжья⁵⁸. Татарский историк Г. Файзрахманов пишет: «Русское правительство усердно проводило русификаторскую политику, начатую с завоевания Казанского ханства. Эта политика усердно проводилась и в отношении сибирских татар... К исламу правительство относилось с абсолютной непримиримостью... стремилось завершить духовную колонизацию покоренных народов на огромной территории Поволжья, Урала и Сибири...»⁵⁹.

В Башкортостане также принимались меры по укреплению христианской церкви: 27 ноября выходит постановление о создании в Уфе самостоятельной епархии во главе с епископом. Известия о насильственном крещении татар стали сигналом для нового восстания. По словам С.М. Соловьева, башкиры «выехали все из улусов вооруженные, остались только те, которые сидеть на конях не могут». Мусульманское движение возглавил старшина Сеит Сафир, чье участие в борьбе прослеживается с 1676 г. В апреле 1682 г. повстанцы захватили село Пьяный Бор, осадили Каракулино, напали на закамские крепости, вторглись в Казанский уезд. Запылали монастыри, церкви, села и деревни. На Осинской дороге подверглись нападению Кунгур и ряд

крепостей. В июне западнее р. Ик произошел жестокий бой с отрядом уфимского воеводы А. Коркодинова, в ходе которого был ранен Сеит. В начале июля башкиры получили значительное подкрепление: с Волги прибыли калмыки и татары во главе с Аюкой (сын Мончака, внук Дайчина) и Асаном Киреевым (Хасан – сын известного нам по сибирским событиям Давлет-Гирея). Первым делом Аюка расправился с башкирами, сложившими оружие после поражения Сеита (эти действия калмыцкого хана ряд историков ошибочно интерпретирует как участие в подавлении восстания). 27 июля был осажден Мензелинск, затем занято село Николо-Березовка, ряд окрестных селений по Бирю и Таныпу; осенью подверглась нападению Уфа⁶⁰.

Зиму 1682–1683 гг. калмыки провели в Зауралье. Видимо, именно тогда часть калмыков решила остаться среди башкир, от которых на Сибирской дороге возникла этническая группа «аюкинских калмыков». Таким образом, выходцы из Монголии сыграли известную роль не только в истории, но и в этногенезе башкир. До сих пор их следы мы находим в топонимике края: сегодня существует несколько башкирских деревень с названием «Калмак».

В восстании приняли участие и казахи⁶¹. В 1679 г. они опустошили Томский уезд, подступили к Красноярску, где соединились с тувинцами⁶², затем вместе с башкирами напали на Кунгур⁶³. В Зауралье движение в 1682 г. развернулось на обширной территории от Чусовой до среднего течения Исети. Первыми подверглись нападению Уткинская и Чусовая слободы; вскоре повстанцы овладели Уткинской слободой; сильному приступу подвергся Колчеданский острог. В конце августа – начале сентября в верховьях Яика состоялось крупное сражение с тобольским двухтысячным отрядом во главе с дворянином Ф. Волковым.

Борьба принесла свои плоды. Еще 8 июля 1682 г. правительство от имени царей Петра и Ивана Алексеевичей обратилось к башкирам с грамотой, в которой говорилось: «... такого нашего, Великих государей, указу о крещении что крестить неволею, не бывало и ныне нет. И вам бы о том ни о чем не сумневатца»⁶⁴. В грамоте от октября 1682 г. официально была осуждена политика захвата башкирских земель. Воевода Коркодинов был заменен на посту московским окольничим Д. Бярятинским. Вместе с тем, были продолжены военные меры: казанскому воеводе П.В. Шереметеву выделили крупные воинские отряды.

Весной 1683 г. повстанцы сожгли Вознесенский монастырь и окружили Соловарный городок; затем Аюка и Дюдюбек Бакеев (кучумович, сын Абуги) осадили Уфу. На Казанской дороге восставшие напали на закамские крепости. Особенно упорные бои были за Биллярск. В конце июня в районе Мензелинска повстанцы потерпели серьезное поражение от казанского воеводы Ю.С. Урусова⁶⁵.

С наступлением зимы войско Аюки покинуло Башкортостан. В 1684 г., после сражения под Уфой с командой дворянина В. Лопатина, башкиры практически прекращают борьбу. На этом башкирско-калмыцкое сотрудничество прекращается. Видимо, тогда же распадается союз калмыков с кучумовичами. После смерти Аюки в 1724 г. русские окончательно подчиняют себе волжских калмыков. С этого времени главными политическими союзниками башкир становятся казахи. Уже в 1694 г. башкиры ездили к Тауке-хану и «шертовали» о совместной борьбе⁶⁶.

2. Алдар-Кусюмовское восстание и политическое положение Башкортостана в первой трети XVIII века

Существует мнение, что в соответствии с добровольным характером присоединения и многовековыми степными традициями, башкиры воспринимали свое подданство России как свободный вассалитет. Так, известный советский историк Н.В. Устюгов писал, что башкирские «феодалы» считали себя вольными слугами русских государей, и нарушения жалованных грамот Ивана IV вызывали у них вооруженные попытки разрыва подданических отношений⁶⁷. Такая трактовка башкирских восстаний сегодня разделяется рядом других историков. Вместе с тем в историографии утвердилось мнение о неизменных поражениях башкир, а эпоха же Петра I представляется как качественно новый этап, когда позиции русской администрации в Башкортостане еще более упрочились⁶⁸. В монографии перед читателем предстанет несколько иная картина положения Башкортостана в период петровского абсолютизма.

Известно, что в правление Петра I положение народов России значительно ухудшилось. Тяжелая Северная война и связанные с ней реформы потребовали огромных людских и материальных затрат. Введение новых прямых налогов не покрывало всех государственных рас-

ходов. Поэтому так называемые «прибыльщики» стали изобретать новые источники пополнения казны. По словам В.О. Ключевского, «прибыльщики хорошо послужили своему государю: новые налоги, как из худого решета, посыпались на головы русских плательщиков». Всего историк насчитал около 30 видов всевозможных поборов⁶⁹.

В 1701 г. по приказу Петра I казанские власти получили в свое распоряжение все подати, собираемые Приказом Казанского дворца, поэтому все ясачные, окладные, оброчные и приходные книги Уфимской приказной избы были переданы казанским воеводам⁷⁰. Таким образом башкиры, со времен Ивана Грозного находившиеся под непосредственным ведомством правительства, оказались переподчиненными казанской администрации. Казанские прибыльщики пользовались особым покровительством светлейшего князя Александра Меншикова – известного мздоимца и казнокрада. Один из них, комиссар Стефан Вараксин, был к тому же человеком князя Б.А.Голицына, который при царице Софье, управляя Казанским дворцом, разорил все Поволжье⁷¹.

Историк Б.А. Азнабаев считает, что «в начале XVIII в. правительство намеревалось в самые короткие сроки уравнивать башкир «в тягости» с другими подданными государства. Исполнение этих планов было возложено на правительственные войска Уфимского и Казанского уездов. Однако первыми должны были сыграть свою роль казанские прибыльщики... За один 1705 г. казанская администрация нарушила все положения башкирского подданства»⁷².

5 октября 1704 г. на левом берегу Белой, «на песке», напротив того места, где ныне возвышается «Монумент Дружбы», «переписчики» из Казани огласили представителям башкирского народа указ о 72 новых налогах. В этом списке была даже предусмотрена пошлина на цвет глаз: за черные – два алтына, за серые – восемь. Указ задевал религиозные и национальные чувства башкир, которые отныне должны были приглашать на свадьбы попов, хоронить умерших с соблюдением христианского обычая и т.д.⁷³ Возможно, указ намеренно был составлен так, чтобы путем последующих уступок добиться исполнения башкирами государственного тягла наравне с другим ясачным населением.

Во время следствия в 1721 г. казанские чиновники Александр Сергеев и Лев Аристов, пытаясь взвалить вину за все происшедшее на башкир, рассказывали об этом случае так: «... в прошлом 704 году,

как присланы были по указу из Семеновской канцелярии Андрей Жихарев, Михаил Дохов для переписи и оклада ясашных людей, и они, башкирцы, собравшись под город Уфу к реке Белой и вызвав их, Жихарева и Дохова с уфимскими дворяны, с подъячими и с толмачи за реку, будто для слушания указа, били их плетьюми и лошаадьми топтали и платья с них оборвали, и у подьячего, который наказ и грамоты чел, оной наказ и грамоты отбили...»⁷⁴.

В те годы появился еще один фактор, тревоживший башкир, – промышленное освоение природных богатств Урала. На их вотчинах были построены Невьянский и Уктусский заводы. «Заводы, основанные при Петре Великом, – считал профессор Сорбонны Роже Порталь, – являлись инородным телом на уральских землях – они не были предназначены для удовлетворения собственных потребностей этого региона. Эксплуатирующие богатые залежи железной руды и лес, ресурсы которого здесь поистине неисчерпаемы, промышленные предприятия работали на военные нужды государства или производили полуфабрикаты, которые затем обрабатывались на заводах центральной России»⁷⁵.

Казанские чиновники решили преподать башкирам урок послушания. В марте 1705 г. в Мензелинске появился комиссар А. Сергеев. Конфисковав у жителей Казанской дороги 4 тысячи двуконных подвод, он устремил свое воинство в Уфу. Огромная вереница, давя всех на пути, помчалась мимо сел, деревень и станций, паля из пушек в воздух и, потеряв в бешеной гонке около тысячи подвод, прибыла на место всего через сутки. Здесь Сергеев собрал башкирских представителей, провел их сквозь солдатский строй, под грохот барабанов и пушек, и, после таких «храбростей», огласил указ о сборе 20 тыс. (по другим сведениям, 5 тыс.) отборных лошадей для российской армии. Надеясь на свои высокие полномочия, Сергеев заявил: «Покуда де он в Уфе, будет то и Москва». Несмотря на мощную психическую обработку, башкиры ответили отказом, после чего были избиты и брошены в тюрьму. Затем комиссар совершил рейд устрашения до Соловарного городка. Вернувшись в Уфу, он схватил всех находившихся здесь башкир и татар и стал поить их вином, смешанным с каким-то «зельем». «Пиршество» сопровождалось побоями и всевозможными издевательствами. По свидетельству башкир, Сергеев упоил насмерть около 70 человек⁷⁶.

Поразительная деталь: Сергеев приказывал всем, даже своим солдатам, называть его не Александром Саввичем, за что грозился повесить, а царевичем, но как выяснили впоследствии башкиры, оказался простым «кабашниковым сыном»: «И оные де башкирцы и татары познали, что он назывался облыжкою, разбежались в свои деревни и сказали, что не царевич, и оттого де от башкирцов и татар и бунт зачался»⁷⁷.

В те времена самозванство каралось жестоко, но, похоже, Сергеев был уверен, что это сойдет ему с рук. Возможно, он входил в ближайшее окружение Петра, на что указывает и уфимский «пир», сильно напоминающий «Всеппянейшие соборы» – попойки с шутовскими развлечениями, устраиваемые царем в избранном кругу.

Летом 1705 г. за оружие взялись два знатных башкира, непосредственно пострадавших от казанских чиновников: на Казанской дороге – Дюмей Ишкеев, на Ногайской дороге – Иман батыр. У первого была разграблена и разорена деревня, а второй оказался в числе «гостей» Сергеева в Уфе. Но местные волнения тогда не переросли в восстание.

Тем не менее, это встревожило царя. 18 декабря в Казань прибыл его ближайший сподвижник Борис Петрович Шереметев. На встречу к нему приехал башкир Усей Бигинеев, недавно служивший под командованием фельдмаршала в Северной войне. После переговоров Шереметев освободил арестованных Сергеевым башкир, объявил царский указ о снятии с башкирского народа всех новых налогов, разрешил направить челобитную царю и, наконец, удовлетворил их просьбу поставить уфимским воеводой справедливого уфимского дворянина Александра Аничкова⁷⁸. В те дни он писал царю: «А здешней народ пуще опасаютца башкирцов нежели Астрахани и как я пойду ис Казани, всемерно надобны в Казани люди: лутчея будет крепость и страх в легкомысленном народе»⁷⁹. Разрядив таким образом обстановку и оставив в Казани 4 полка во главе со стольником Афанасием Дмитриевым-Мамоновым, Шереметев с остальными силами отправился против восставших астраханских стрельцов.

Но Кудрявцев отменил все эти распоряжения, назначил вместо Аничкова казанского дворянина Льва Аристова и запретил башкирам впредь жаловаться царю. Тогда башкиры при помощи А. Аничкова составили челобитную о бесчинствах Сергеева, земельных захватах, новых налогах и т.п.⁸⁰ Узнав об этом, Кудрявцев расставил

посты по всему левобережью среднего течения Волги. Поэтому башкирские посланцы были вынуждены переправиться через реку близ Астрахани, где 26 марта 1706 г. вручили жалобу тому же Шереметеву. Фельдмаршал направил башкир в Москву, но царя там не оказалось, так как он выехал в действующую армию. Кудрявцев все же сумел захватить башкирскую делегацию и 3 августа доставил ее в Казань; смог он добиться и согласия царя на следствие над «ворами». После многих пыток глава делегации Дюмей Ишкеев был повешен, а его товарищи брошены в тюрьму. Расправа над депутацией вызвала негодование и разочарование башкир в царской справедливости. Пошли разговоры о том, что «от русских людей им жить обидно»⁸¹.

В ту пору и в русском народе росло недовольство возросшими тяготами, раздавались роптания по поводу нововведений, «разрушающих веру христианскую»: веление брить бороду, носить немецкое платье, курить табак и т.п. В русских окраинах были готовы бороться за восстановление старины, за волю, слышались призывы «перевести бояр, подъячих и прибыльщиков». В июле 1705 г. вспыхнул бунт астраханских стрельцов, в феврале 1708 г. под руководством казака Кондратия Булавина восстал Дон.

Повстанцы пытались объединить свои силы. 18 марта 1706 г. Шереметев сообщал генерал-адмиралу Ф.А. Головину о том, что он вовремя поспел в Астрахань, ибо астраханцы могли соединиться с кубанцами и каракалпаками и пойти на верховые города, т.е. вверх по Волге⁸². В 1708 г. Булавин открыто писал Петру I, что «он божиею помощью состоит в союзе с башкирцами». Булавинцы под Саратовом пытались прорваться к башкирам. Тогда же представителям власти стало известно о том, что в Уфимском уезде башкир «в собрании многое число, а согласие де между собой имеют с кайсаки и с каракалпаки и з донскими воровскими казаки и с кубанцы, и положено де на том, что друг друга не выдавать, у всех заодно»⁸³. Еще в декабре 1705 г. воевода Терской крепости Молоствов доносил Петру I, что терские изменники, «пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединяясь, хотят калмык побить и на твое государство итить». В другом донесении он писал: «В августе 1705 г. из Астрахани приехали на Терек и русские люди крест целовали, а иноверцы – куран и меж собою пересылались, чтоб с астраханцами в соединении быть»⁸⁴.

Весьма вероятно, что связующим звеном между русскими повстанцами и мусульманскими народами были жители Башкортостана. В конце 1707 – начале 1708 гг. татарин Булак Акбулатов показал в Казани, что «башкирцы Уфимского уезду батыри Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы, также и мещеряки Иманко да Келманко Кулаевы с товарищи и черемиса Уфимского уезду начали мыслить к воровству тому четвертой год, чтоб им всем под рукою и под волею великого государя не быть. И для того посылали к салтану турецкому и к хану крымскому посланцов все башкирцы и мещеряки, чтоб им дал кому ими владеть. И те их посыльщики привезли с Кубани Салтан-Хазю, что называется ханом, и все ему куран целовали... и все башкирцы за святого его почитают и воздают ему честь...»⁸⁵.

Восстание началось осенью 1707 г. после того, как Л. Аристов послал на юг Башкортостана карательный отряд. Солдаты князя Ивана Уракова разорили имение знатного старшины Бурзянской волости Алдара-батыра Исекеева и убили несколько его человек. В это время у тархана находились представители соседних мусульманских стран, среди них были чингизиды. Провозгласив одного из них ханом, Алдар со своими джигитами выступил в сторону Уфы. В начале декабря у горы Юрак-тау, близ современного Стерлитамака, повстанцы разгромили большой полк под командой П. Хохлова. В начале продолжительного сражения на сторону Алдара перешел другой знатный башкир – старшина Тамьянской волости Казанской дороги Кусюм-батыр Тюлекеев, посланный Аристовым на подмогу Хохлову. Победа под Юрак-тау имела значительные последствия. Вскоре восстал весь Башкортостан, к башкирам присоединились другие нерусские народы. В начале 1708 г. движение перекинулось на Казанский уезд. В феврале войска Алдара и Кусюма прорвали Закамскую линию и подошли к Казани.

26 декабря в Москву с тревожными вестями приехал Кудрявцев. 30–31 декабря в Преображенском приказе царь провел экстренное совещание. Было решено направить «для отпору башкирцов» дополнительно 5 полков, снабдить находившиеся в Казанском уезде части 5 тыс. фузей (ружья) и 5 тыс. шпагами и палашами. Была объявлена мобилизация дворянского ополчения, яицких казаков и местного русского населения в виде отрядов «вольницы». К ним присоединились и темниковские мурзы. Командующим объединенными войсками был назначен князь Петр Иванович Хованский⁸⁶.

Прибыв в Казань в конце января 1708 г., Хованский первым делом направил повстанцам известие о том, что он «от великого государя милость привез». Чуть позже Меншиков приказал казанской администрации немедленно вывести из Уфимского уезда всех сборщиков налогов⁸⁷.

В конце февраля штаб повстанцев переместился в деревню Варзи Уфимского уезда. Это означало, что предводители восстания отказались от нападения на Казань. Чем же было продиктовано такое неожиданное решение? Исследователи как правило пытаются объяснить добровольное отступление повстанцев противоречиями в их стане, нерешительностью, непоследовательностью организаторов, отсутствием у них четкой программы и т.д. Однако эти доводы выглядят не вполне убедительно.

К счастью, источники позволяют найти более правдоподобный ответ. Приблизительно 26 февраля пленный ясачный татарин Казанского уезда Урмет Бимяков показал, что «Алдар де с ханом... были в Саврушах, и на другой де день боем итить не велел Алдар для того, чтоб де помиритца и чтоб де напрасно людей не потерять; а ныне де он Алдар, и Кусюм, и Смаил молла идут в Уфинской уезд и с собою всех татар Казанского уезду, Арской, и Зюрейской и Нагайской, и Алацкой дорог, которые с ними воровали, везут всех з женами и з детьми в Уфинской уезд, а под Казань де ныне итить не хотели...»⁸⁸.

Дело в том, что в те дни по всей территории Казанского уезда действовали полки В. Шереметева, А. Дмитриева-Мамонова, Ф. Есипова, С. Аристова, отряды «вольницы», которые, в первую очередь, расправлялись с мирным населением, разоряли и жгли аулы, угоняли скот. Им активно помогали свыше тысячи татар, в основном из Галицкой дороги под руководством мурз И. Яушева, Б. Ишеева и муллы Ишбулата⁸⁹. Спустя более десяти лет после этих событий татары, бежавшие в Уфимский уезд, жаловались властям: «... казанские же мурзы и татары слободские и уездные во время той же башкирской войны многих их братью ясашного чину людей татар побили, а иных в полон забрали к себе в неволю мужеска, женска полу и меж себя друг другу тех невольных продают, а иных держат у себя в неволю и по се время, а слава лежит на одних башкирцов, будто они Казанской уезд разоряли»⁹⁰. (Указом от декабря 1720 г. Сенат закрепил подневольное положение проданных татар⁹¹).

Выведа семьи повстанцев Казанского уезда в безопасное место, башкиры остановились у берегов Камы и Вятки. 26 мая Хованский переправился близ Челнов через Каму и снова обратился к повстанцам. 31 мая к нему явились представители всех четырех дорог. Боярин выслушал жалобы, подтвердил решение правительства об отмене новых налогов, сместил с поста уфимского воеводу Л. Аристова и по просьбе башкир назначил полковника Г. Титова. Братьев Аристовых царский уполномоченный прилюдно назвал «ворами» и обещал предать их суду. Весьма важным для башкир было разрешение не подчиняться казанской администрации. Всем повстанцам объявили прощение, переговорщикам была выдана «царская грамота за красными печатями». Переговоры завершились подписанием башкирской стороной «шерти», с целованием Корана⁹², после чего Хованский отправился на Дон против булавинцов.

Действия Хованского вызвали крайнее раздражение казанских чиновников (один из них, известный нам Сергеев, призывал башкирам «от 10 лет и выше рубить головы, а ниже 10 лет брюхо пороть») и они написали жалобу своему патрону Меншикову. Видимо, по их инициативе вскоре было организовано нападение отряда И. Бахметева и 10 тысяч калмыков тайши Чакдор-Чжаба на перешедших к мирной жизни башкир Икских волостей. Правда, историк С.М. Соловьев показывает это как превентивную меру против башкир, «имевших согласие» с каракалпаками, казахами, донскими казаками и кубанцами⁹³.

В 1708 г. Россия была поделена на губернии и Уфимский уезд вошел в состав Казанской губернии. Казанским губернатором был назначен сподвижник царя Петр Матвеевич Апраксин, вице-губернатором – Кудрявцев. В новой административной структуре получили высокие посты и другие ненавистные башкирам казанские дворяне.

Апраксин направил в Башкортостан темниковского мурзу муллу Кулбариса Бигинина с письменным уведомлением о том, что «казанские судьи» и «прибыльные дела» отставлены и предлагал башкирским представителям приехать в Казань. В начале 1709 г. Кусюм отправил ответное письмо, в котором просил взамен освобожденных русских пленников, согласно договоренности с Хованским, отпустить захваченных башкир. Далее он обращался: «Да изволишь ты, Петр Матвеевич, к нам писать, что деды и отцы наши великим государем служили верно. И мы служили великому государю лутче дедов и от-

цов своих, и были под Азовом и в немецких землях, о том и вам известно; и те наши службы потеряли воры Микита Кудрявцов да Александр Сергеев, да Сидор, да Лев Аристовы с товарищи с ложными извещениями великому государю, а их воровство в челобитье напишем. И о том поволит ты, Петр Матвеевич, к нам писать, что казанские судьи отставлены и что разорение прошлого государевым людям великое учинилось, и то разоренье учинилось от него вора Микиты с товарищи. А нам слышно, что ты с ними Микитою, и с Олександром, и с Сидором пьешь и ешь с одного блюда и советуешь вместе, а нам приказываешь быть безопасно, и мы того опасаемся... Да бьем челом милости твоей, Петр Матвеевич, сие наше присланное письмо у присланного нашего человека приняв в Приказе, при нем, воре Миките с товарищи, прикажи прочесть»⁹⁴.

Приблизительно в конце марта – начале апреля Кусюм, с группой знатных башкир, все же приехал к Апраксину и подписал «шерть»⁹⁵.

10 марта Апраксин извещал царя о том, что «лучшие люди обещаютьца Вашему Величеству служить и дани давать по-прежнему. А которые есть пушие в измене стоят и привезли ис Каракалпак некакова воровкова салтана, тому, который у нас в Казани за ребро повешен, называют братом». Губернатор выражал надежду смирить одних башкир другими. Свое письмо он заканчивает такими словами: «... народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал, хотя б так, как на Дону, подобно атаманы, и таких не имеют. Принятца не за ково и что особно послать не х кому. Всяко Божию помощию и твоим государевым величеством и страхом успокоиваем, чтоб так же, что и прошлого году великих кровей и убытков государственных не починили»⁹⁶.

Говоря о «пуших изменниках», Апраксин имел в виду башкир Ногайской дороги во главе с Алдаром. Тархан не поехал к вновь назначенному «управителю Казанской, Астраханской и всей низовой земли», но прислал в Казань два письма. В первом он упрекал Хованского за то, что вопреки договоренности, тот не отпустил пленных, в то время как башкиры выполнили свои обязательства, что он послал против сложивших оружие башкир волжских калмыков с Бахметевым. Алдар пенял Хованскому и Апраксину за то, что Кудрявцев, Аристовы и Вараксин не только не понесли наказания, но и остались при должностях, в то время как его брата продолжают удерживать в заложниках, а один его человек повешен в Казани (видимо, он имел в

виду султана Мурата). В конце письма он ставит условие: если Кудрявцев и Лев Аристов не будут привлечены к ответственности, то «и он государю не слуга». Второе письмо было написано от имени Гаип-Мухаммед-Бахадур-хана, отца Хази-султана, в котором объявлялось, что раньше Казань принадлежала хану Шагали, а Уфа – хану Гирею, и это были мусульманские владения. Поэтому русские должны либо уйти с этих мест, либо покориться. В противном случае – назначить место и выйти на битву⁹⁷.

Когда составлялись эти письма, родственники казненного Мурата, в том числе его престарелый отец Кучук, руководивший Сибирским движением в 1660-х годах, находились во владениях Алдара. Властям стало известно о том, что «по подзывке башкирцев же Алдара с товарищи из каракалпаков Кучук-хан (в цитируемой нами книге ошибочно напечатано «Кучум-хан» – С.Т.) во многих силе воевать Сибирь.... И деревни де Уршак (Уфимской губ.) татарин говорил: слых де в уезде носится, что пришли на Ногайскую дорогу к башкирцу Алдару каракалпакская сила 40 000, а привел де тое силу сын его Алдаров....»⁹⁸. Традиционным местом действия кучумовичей была территория бывшего Сибирского ханства. Этим объясняется, что последующие три года восстание проходило на территории Зауралья и южной части Кунгурского уезда.

В феврале 1709 г. в Юрматинской волости прошел съезд. Башкиры присягнули на Коране хану Хази, привезенному сыном Алдара, и поклялись продолжить борьбу. А.-З. Валиди уточняет, что йыйын проходил на р. Сиказя, впадающей в Зиган, на традиционном месте народных сборов, получившем название «мечеть Хази»⁹⁹. Алдар приказал не подчиняться российским властям, хватать сборщиков ясака, не давать подводы чиновникам и т.д.

После съезда 4 тыс. воинов под командой Алдара и хана Рыс-Мухаммеда вышли на Сибирскую дорогу и соединились с местными башкирами. В начале апреля крупный отряд сосредоточился около озера Чебаркуль, откуда совершил поход на Чумлякскую, Белоярскую слободы, село Воскресенское. По р.Тече повстанцы вышли на р.Исеть, напали на Катайский острог, Долматов монастырь, проникли на берега Чусовой и Сылвы. На вопросы русских поселенцев, почему они «воюют государевы слободы», отвечали: «То де вся наша земля, башкирская»¹⁰⁰. 12 мая башкир Катайской волости Атаяк Назаргулов «с товарищи» сообщал русским: «... ездил де он, Атаяк,

с товарищи в полторесте человеках навстречу против каракалпацкого ханского сына войною и встретили его в урочищах у Чебаркуля озера и высылали из башкирских урочищ в свою землю. И тот де ханов сын сказал им, что он каракалпацкого владельца внук, прислал де его к ним башкирцам дед его Кучюк хан по подзывке Нагайской дороги башкирцев Айдара бая да Уракая батыря с товарищи, и ныне де башкирцы большая половина приклонились к нему, а вы де малые люди спорите; и дожидается де он к себе деда своего Кучюка Хана в десяти тысячах. И после того пришел он ханской внук на Миас реку к Уракаю и собирает с ним Уракаем силу, а хочет всеконечно слободы воевать»¹⁰¹.

В мае боевые действия шли по всему Зауралью до реки Тобол и в Кунгурском уезде. Сибирские власти задействовали все наличные силы: регулярные войска, дворянское и крестьянское ополчения, слободчиков и «вольницу». В 1710 г. правительство направило против башкир 5-тысячную конницу калмыцкого тайши Доржи Назарова.

Считается, что восстание завершилось в 1711 г. поражением, однако это мнение не подтверждается документами и не соответствует обстановке, сложившейся в Башкортостане в 1710-е годы. Мы не наблюдаем здесь ни ввода войск, ни разгрома повстанцев, ни ликвидации их руководителей, ни применение правительством каких-либо санкций и т.п. Хотя пик восстания миновал, военные действия эпизодически продолжались еще несколько лет. В конце мая 1711 г. совместный башкирско-каракалпакский отряд действовал под Уфой, в последующее годы казахи, каракалпаки, иногда вместе с башкирами, совершали набеги на Закамскую крепостную линию.

Не случайно в 1712 г., после благополучного исхода неудачно начатой Петром I турецкой кампании, П.М. Апраксин писал своему могущественному брату генерал-адмиралу Федору Матвеевичу: «... Ныне же в такое от босурман успокоение зело способно нам здесь з домашними злодеи, з башкирцы, управитца, которые неотложно в своей измене и бунтах стоят и непрестанные от них имеем опасности и разоренье; и не только б самим от начала прежних здешних начальников Сергеева с товарищи, как забунтовали, давать каких с себя даней, но ис Казани и из других городов больши 10 000 ясашников к ним ушло, всех принимают и берут дани, а нам не отдают, и нынешнюю зиму без мала с 4 000 туда ж ушло. И как я стал здесь быть по самую Казань было вызжено и 11 000 человек побив-

то и побрано и позжено, о чем и по прежним доношениям известно. И о сем как прежде, так и ныне его царскому величеству предлагаю: зело добро с такими злодеи управитца и привести их в прямое подданство и учинить данниками прямыми ... не можно терпеть видя таких домашних злодеев толь преславному и великому монарху противных и непослушных, и паче народ пред всеми здешняго краю, пред калмыки и кубанцы, несравнительно богаты и живут много лет без всякого смирения и в местах обетованных, на многих тысячах верстах...»¹⁰².

Положение Башкортостана 1710-х годов слабо изучено. Даже авторы, специально исследовавшие состояние края в первой трети XVIII в., неизменно «проскакивают» через это десятилетие¹⁰³. Между тем это был уникальный период, когда башкирам удалось временно обрести самостоятельность.

Приведем ряд примеров, подтверждающих это утверждение. Так, Сергеев констатировал: «... с того 708-го году по 722 год они, изменники, были во всяком непослушании и противности, и бунты и измены многие чинили едва не повсягдно и поныне чинят...»¹⁰⁴. А в 1730 г. казанский губернатор А.П. Волынский доносил правительству о том, что башкиры «... беглых принимают, несмотря ни на какие указы, и податей не платят, но живут по своей воле, как сами хотят»¹⁰⁵. В те годы Уфа была изолирована и практически не управляла Башкортостаном. 12 марта 1715 г. А. Аничков «с товарищи» писал в Сенат: «... в прошлом же 707 году они ж изменники башкирцы, соединяся с каракалпаками под город Уфу во многом собрании приходили и под городом и в походе на Ногайской дороге означенные изменники, всею ордою, на них напали и многих их побили и переранили многими раны и остаточные деревни без остатку выжгли ... ныне вышписанные воры, башкирцы, не в лучшем состоянии»¹⁰⁶. В 1718 г. башкиры не пропустили уфимского дворянина М. Аничкова, отправленного для изучения Илецкого соляного месторождения¹⁰⁷. Уфимские чиновники не могли свободно передвигаться по территории уезда. В 1725 г. им удалось заполучить приблизительный список башкирских волостей лишь благодаря тому, что начальник Екатеринбургской администрации В.И. Геннин, пользовавшийся доверием и уважением башкир, отправил к ним под видом купца кунгурского бургомистра Юхнева. В 1726 г. Юхнев писал, что башкиры «Уфинских судей не слушают и собою судят»¹⁰⁸. В 1735 г. начальник Оренбургской экспедиции

И. К. Кирилов в «Разсуждении о приведении башкирцов в прямое подданство» писал, что башкиры «разглашают себя не подданными, но якобы абсолютами ... и под своим именем защищают принятых беглецов»¹⁰⁹. Он же в «Проекте» от 1 мая 1734 г. отмечал, что башкирские тарханы «ныне никакой службы не служат»¹¹⁰.

Бегство тяглого населения России в окраины с начала XVIII в. стало явлением массовым: русские крестьяне центральных уездов бежали на Дон (попытка вернуть их вызвала восстание Кондратия Булавина). «Иностранцы» Казанской губернии искали убежище в Башкортостане, вернее, в его центральной части, потому что на пустынных землях современных Самарской и Саратовской областей было небезопасно от калмыков.

В 1716 г. в Москву прибыл казанский татарин Бикбов Чимкин с письмом от татар и башкир Уфимского уезда. В письме сообщалось о том, что после переговоров с Хованским в 1708 г. большинство беглых татар вернулось в Казанский уезд. Но при последующей переписи многие ясачные крестьяне, в том числе и не покидавшие Казанский уезд, якобы намеренно не были включены в списки. Исключенные из ясака под видом беглых, они нелегально платили дань казанским чиновникам и дворянам, выполняли для них разные работы. Служилые татары и мурзы якобы также держали в рабстве ясачных татар и даже сами переходили на нелегальное положение, чтобы уклониться от государственной службы. Бикбов обещал указать на всех известных ему мошенников, что, по его мнению, «императорскому величеству принесет великую прибыль, и с тех утаенных и з беглецов збиратца будет великая казна». Татары просили официального разрешения на проживание в Уфимском уезде и обложения их ясачным оброком; башкиры также обещались по-прежнему платить ясак и просили прислать к ним «розыщика розыскать отчего они, башкирцы, возмутились и для чего они императорскому величеству учинились непослушны». Челобитчики выражали категорическое недоверие казанской администрации и просили прислать столичных следователей и переписчиков¹¹¹. Бикбов передал письма полковнику Плещееву, который направил их в Сенат¹¹².

Однако реакция правительства, почему-то, последовала только после второго обращения башкир, направленного в мае 1719 г. через казанского дворянина Дмитрия Молодцова. Бывший уфимский вое-

вода решил заступиться за тех, кого четверть века назад отправлял на взятие Азовской крепости. В феврале 1721 г. неуязвимый Кудрявцев жаловался Петру I: «Прошу милосердия на сумасбродного старого Молодцова: ездил по деревням татарским и, собирая татар, рассказывает им, что он прислан от вашего царского величества с полным указом установить в мире правду... и внушает им, что от податей государство все разорилось... татарам сказал, что поедет в С.-Петербург и привезет указ, чтоб меня перед ними, татарами казнить»¹¹³.

Ситуация в Казанском уезде, описанная татарскими челобитчиками вполне вписывалась в общую картину. По словам В. Ключевского, «у Петра было два врага казны и общего блага, которым не было дела ни до какой правды и равенства, но которые были посильнее царской тяжеловесной и беспощадной руки: это дворянин и чиновник, и тот и другой – творение той же власти, которой они так плохо служили. О дворянах ... пишут, что ничто на свете не занимает их столько, как забота сколь возможно освободить своих крестьян от казенных повинностей – не для облегчения крестьян, а для увеличения собственных доходов, и здесь они не брезгают никакими средствами. Чиновники изображаются истинными виртуозами своего ремесла. Средства для взяточничества неисчислимы, и их так же трудно исследовать, как и исчерпать море... Сведущие в чиновничьих извотах русские люди серьезно или шутливо рассчитывали тогда, что из собранных 100 податных рублей только 30 попадают в царскую казну, а остальные чиновники делят между собой за свои труды... При проверке подушной переписи вскрыто было до 1 миллиона утаенных душ, около 27 % всего податного населения. Указы строжайше предписывали разыскивать беглых, а они открыто жили целыми слободами на просторных дворах самих господ в Москве – на Пятницкой, на Ордынке, за Арбатскими воротами. Другим убежищем был лес»¹¹⁴.

Тщетность борьбы царя с укоренившимся общественным пороком Ключевский иллюстрирует следующим рассказом: «Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он вышел из себя и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру: «Разве, Ваше Величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся и не издал указа»¹¹⁵.

Вероятно, поэтому вышеупомянутую челобитную царь решил использовать не для наведения порядка в Казани, а как удобный повод для мероприятий в Уфимском уезде. В 1719 г. Сенат, по высочайшему распоряжению, постановил направить знатного человека с грамотой, «чтоб они, башкирцы, были его царскому величеству в подданстве по-прежнему, а за то обнадежить его царского величества милостию, что все их прежде показанные противности им оставлены будут...». Отправить «розыщиком» сначала было решено «ис царедворцов» Ивана Бахметева с переводчиком Муртазой Тевкелевым, либо князем Сулейманом Зинкеевым¹¹⁶, однако потом, видимо, посчитали рискованным поручать столь ответственное дело офицеру, участвовавшему в подавлении восстания, и назначили другого знатного человека — графа Ивана Гавриловича Головкина, сына канцлера Г.И. Головкина. 1 апреля 1720 г. командир драгунского Рязанского полка получил приказ отправиться из Мензелинска в Уфу. Указ от 8 апреля 1720 г., который Головкин должен был зачитать башкирам всех четырех дорог, гласил: «... понеже известно Нам, Великому государю, учинилось, как вы в прошлых годах с каракалпаки и с изменники во многих тысячах в Уфимском и других уездах ясашные мордовские, черемисские и других народов многие села и деревни выжгли и разорили и многих людей побили и в полон побрали, также которые Казанской губернии и других городов уездные русские и иноверцы бежали к вам в Уфимский же уезд и тех беглецов вы к себе принимали и ... ис Казани и с Уфы к вам посылаках не токмо, чтоб тех беглецов из Уфимского уезда в прежние жилища выслать, но и противные в том вы ответы чинили и посылаемых ис Казани для переписи и высылки им чинили ослушки, а и посланных били и за караулом держали, а те к Нам, Великому государю, приехали. Вы з заручным своим челобитьем челобитчика татарина Бикбавку Чимкина, в котором объявляете, что к вам послать мимо казанских сюда для сыску доброго человека, и Мы, Великий государь, Наше царское величество, милосердуя о вас, послали на Уфу полковника нашего графа Ивана Головкина, которому, по наказу из Сената, помянутые ваши вины велено, объявя, говорить вам, дабы вы от таких своих противностей и непослушания прятали и впредь Нам, Великому государю, верно служили во всем по-прежнему, с надлежащим послушанием, за что все вышепомянутые ваши вины и учиненные противности Мы, Великий государь, по своей высокой милости, оставляем, а

какой ради причины те противности вы чинили, о том помянутому полковнику нашему графу Головкину дали ведомость на письме. Также какие у вас из городов Нашего царского величества и уездов русские и иноверцы, взятые в полон и беглые люди живут, тех отдавали бы вы присланным ис Казанской губернии от губернатора...»¹¹⁷.

Головкину было разрешено на случай, «ежели они, башкирцы при том будут просить, чтоб их в Казани не ведать и в том Его государевой милостию их обнадежить, что по челобитью их царское величество укажет их ведать мимо Казани»¹¹⁸.

Позднее, 10 ноября, Головкин получил задание переписать и выдворить из Уфимского уезда всех, без исключения, сходцев, в том числе испомещенных по грамотам правительства в течение XVI – XVII вв. служилых татар и мишарей, так как они, пользуясь ситуацией, также уклонялись от исполнения государственных повинностей. Между делом полковник должен был тайно собирать сведения об уральских рудах и вести географическую разведку на случай введения в уезд войск.

Царский посланник прибыл в Уфу 7 июня 1720 г. По этому случаю в трех верстах от деревни Чесноковки собралось около трех тысяч башкирских делегатов. Головкин трижды приглашал их «на песок» для слушания царской грамоты. Наконец, приехали 7 представителей Сибирской и Казанской дорог и после переговоров дали согласие на выдачу беглых. После этого во все дороги были отправлены уфимские дворяне и толмачи в сопровождении драгун. Такая реакция правительства на челобитную вызвало недовольство. Большее сопротивление команды встретили в западной части уезда в Юрминской, Иланской, Кыр-Иланской, Дуванейской и Киргизской волостях Казанской дороги¹¹⁹. Летом 1721 г. Алдар Исекеев даже ездил за военной помощью к казахскому хану Абулхаиру и каракалпакским ханам Ишиму и Султанмурату. Какой ответ получил башкирский владелец, неизвестно, но Абулхаир подарил своему старому товарищу «двести лисиц, полтора ста волков, двести корсаков, шесть лошадей»¹²⁰.

Головкин, чтобы как-то успокоить башкир, 29 октября 1720 г. переправил в Сенат их жалобу на казанских чиновников. Этот документ опубликован в «Материалах по истории Башкирской АССР» и у С.М. Соловьева. Отметим, что историк ошибается, полагая, что это челобитная, которую привез Бикбов Чимкин¹²¹.

Всего в период с 7 июня 1720 по 1 марта 1722 г. из Башкортостана было выслано 4965 семей, или 19 815 человек¹²².

Осенью 1721 г. расследовать причины восстания прибыл генерал-майор Гаврил Семенович Кропотов (кстати, этот факт является одним из убедительных доказательств того, что восстание не было подавлено в 1711 г.). Башкиры, не надеясь на объективное расследование, восприняли эту весть без особого энтузиазма. Тем не менее, снова три тысячи человек собралось у р. Берсувань. Кропотов 31 октября и 16 ноября безуспешно пытался вызвать их представителей в Уфу. Лишь 12 февраля 1722 г. 55 башкир во главе со старшиной Кипчакской волости Ногайской дороги Арсланом Аккуловым были в Уфу и выслушали «допросные речи» казанцев.

14 февраля они привезли 2 письма с подробными «уликами» на эти «речи». Прибывшие в Уфу А. Сергеев, Л. Аристов и А. Жихарев дали новые показания. Они не только сваливали всю вину за происшедшее на башкир, но отрицали даже сам факт появления указа о 72 «прибылях»¹²³. Следствие, как и следовало ожидать, завершилось безрезультатно. Поэтому встречающиеся в литературе сведения о том, что А. Сергеев был повешен по приказу Петра I, ошибочны.

17 декабря 1721 г. император приказал Головкину «быть в Москве по первому зимнему пути и об управлении своего дела привести ему обстоятельную ведомость, также и из башкирцов знатных людей человека 2 или 3 взять ему с собою». 28 апреля 1722 г. полковник докладывал, что приехал в Москву с восемью представителями четырех дорог Уфимского уезда¹²⁴. 3 июня в С.-Петербурге башкиры подали императору челобитную, в которой, ссылаясь на свои древние права и прежние службы, просили отменить таможенные пошлины с различных продаж, ликвидировать откупы посторонним лицам на рыбные ловли, разрешить свободную добычу и реализацию илецкой соли и т.д. Письмо было подписано жителями Ногайской дороги Кипчакской волости тарханом Арсланом-батыром Аккулиным, Табынской волости Ислыкаем Сеитовым, Минской волости Мусой Кошкالتаевым, Сибирской дороги Кудейской волости Келчюрой Байкильмяковым, Казанской дороги Енейской волости Мамет муллой Якуповым, Осинской дороги Уранской волости Чура муллой Токбулатовым, Гайнинской волости Боташем Комышевым и Байрасом Тобанаевым¹²⁵.

4 июня 1722 г. вышел сенатский указ об исключении башкир Уфимской провинции из ведомства фискалов¹²⁶. 20 июля Сенат постано-

вил: «... присланным башкирцам восьми человекам, дав им Е.И.В. жалования денег по десяти рублей, да сукна красного по портищу по два рубли аршин, да по паре соболей по десять рублей пара человеку, а и протчим башкирцом за то, что они ныне пришли в прежнее послушание и беглецов отдали и отдадут и восемь человек прислали к Москве, послать к ним грамоту с милостивым словом с похвалою, в котором написать, дабы они, видя Его И. В. милость, когда каракалпаки и киргиз кайсаки в российские города возымеют намерение приходить для воровства, и они б того пристерегали и проходить их в российские уезды не допускали. И в таких случаях с войски на них ходили и о том заблаговременно на Уфу и в протчие города, куда надлежит к воеводам ведомости подавали... Им, башкирцом, во всем быть ведомым уфимского воеводы... а в пригородах Уфимского уезду в Бирску и в Каракулине, Казанского уезду в Мензелинске, в Заинске, в Сарапуле, в Осе, Сибирского уезду в Кунгуре на них, башкирцов, ни о каких делах никому не бить челом и тем их не убытчить, и для дальности оных городов уфимскому воеводе определить от себя к ним особливового судебного комисара и быть ему под ведением ево ж воеводы. А ежели воеводским решением они будут недовольны, или и решении чинить не будут, или от него какие будут обиды, то им для челобитья и всяких своих нужд ездить в С.-Петербург не запрещать и для проезда ему, воеводе, давать им проезжие письма»¹²⁷.

Но это согласие было непрочным. На Урале строились металлургические заводы. К концу царствования Петра в Екатеринбургском округе находилось 9 казенных и 12 частных заводов, медных и железных. На землях башкир и народов Западной Сибири был создан обширный горнозаводской округ. Население Казанского уезда, по-прежнему угнетаемое своей администрацией, снова хлынуло в Башкортостан. Поэтому 9 июня 1725 г. был издан указ о размещении на его западных границах Вологодского полка¹²⁸.

Башкортостан снова стал приходить в движение. В июне 1724 г. отправленный на разведку новокрещен Яков Федоров привез в Казань известие о том, что на озере Берсевен у башкир проходит собрание, и туда приехал Алдар-батыр с 700 башкирами и с ним сын «изменника» Сеита (Сеит Аднагулов – татарин, по другим сведениям чуваш Казанского уезда, бежавший после восстания в Казахстан) с 500 казахами; что туда прибывают и другие башкиры и татары Уфимского уезда «и хотят Уфу город осадить для того, что де ныне

на Уфе трое судей и, чтоб оставить из них одного, а двоих отдать им, а на Уфе, чтоб троим не быть, прибыльщики им не надобны». Башкиры предлагали Якову с женой и детьми приехать к ним: «Для чего тебе жить в Казанском уезде: будет скоро война с Русью и будет война не такая, что прежде была; с нами будут сибирские и яицкие козаки»¹²⁹.

Трое «судей» – уфимский воевода Иван Шаховской, ассессоры Андрей Лихачев и Иван Тюменев установили такой распорядок, что приезжавшие по делам в Уфу должны были давать взятки всем троим поочередно¹³⁰. Соловьев сообщает дополнительные сведения об этом случае: «Башкирцы же жаловались Геннину на уфимских судей, что волочат их верст за 700, а правосудия никакого не оказывают, берут взятки; поэтому они просили, чтоб был над ними один судья». Правительство поручило Геннину расследовать, какие обиды терпят башкирцы от откупщиков; Геннин, в свою очередь, поручил это дело верному человеку – бургомистру купеческой ратуши Юхневу, который указал грабительство, «от чего, – писал Геннин, тайная искра, которая под пеплом тлеет, может со временем огненное пламя родить»¹³¹.

В 1724 г. башкиры послали депутацию к кубанскому правителю Бахти-Гирею «для согласия с кубанцы, чтоб итить войною на российские города для разорения, того ради, что де берут с них всякие подати и не велят рубить дубового лесу, также почали брать у татар детей и свойственников в службу, и ежели де не пойдут войною, то станут в службу отбирать и у них»¹³². Слухи о готовящейся новой «башкирской войне» были восприняты со всей серьезностью. Так, воевода отдаленного Симбирского уезда требовал тогда от правительства гарнизона и снарядов для защиты Симбирской крепости¹³³.

Новая активизация башкирского движения, в определенной степени, могла быть вызвана и внешними факторами. Мы имеем в виду вызванную джунгарским нашествием 1723 г. миграцию казахов во главе с Абулхаиром в северном направлении. В августе 1724 г. казахи, каракалпаки и башкиры под командованием казахского батыра Исета Отарова вторглись на территорию Астраханской губернии, но на речках Большой и Малый Узень они были разбиты тайшей Доржи Назаровым и его сыном Лобжой¹³⁴. Однако в 1727 г. башкиры помирились с калмыками и ездили к хану Дондук-Омбо, собиравшемуся воевать с Россией. Русское правительство поспешило успокоить баш-

кир: во все дороги были направлены увещательные грамоты с призывом, чтоб все «жили спокойно, и если от кого есть им обиды, чтоб жаловались, и получат удовлетворение без волокиты, могут ехать с жалобами в Петербург или Москву». Ассессор Лихачев, сменивший Шаховского, был снят с поста и привлечен к ответу¹³⁵. Следующая большая депутация башкир весной 1728 г. была приурочена к торжествам по случаю коронации Петра II. Представители всех четырех дорог в количестве 31 человека во главе с Яркеем Янчуриным вручили юному императору челобитную с жалобой на захват вотчин, вымогательства и притеснения. Их главная просьба состояла в том, чтобы воеводами назначались вызывающие доверие люди, которые бы не подчинялись Казани. Башкиры приехали нелегально, потому что ни уфимский воевода, ни казанский губернатор не выдали им «пашпорта»¹³⁶.

27 июля был подписан именной указ башкирам всех 4-х дорог об отделении Уфимской провинции от Казанской губернии и передачи ее в ведение Сената. Новым воеводой был назначен бригадир П. Бутурлин. Уфимские воеводы по некоторым правам приравнялись к губернаторам. Отныне сборщиками ясака вместо русских дворян должны были назначаться башкиры. Было подтверждено право башкирских представителей на беспрепятственный проезд в столицу¹³⁷.

Итак, при Петре I произошло значительное увеличение налогового бремени и повинностей. В государственных органах процветали казнокрадство, взяточничество и произвол. Народ подвергался жестокой эксплуатации. Это вызвало протест в разных уголках страны, причем повстанцы предпринимали попытки объединить свои силы. Башкиры, опираясь на помощь других нерусских народов России, взяли курс на создание независимого государства под эгидой своих прежних сюзеренов — чингизидов. Русское правительство в условиях Северной войны было вынуждено пойти на переговоры и отказаться от новой фискальной политики в Башкортостане, что привело к некоторой разрядке обстановки. Однако наиболее решительно настроенные повстанцы во главе с Алдаром Исекеевым не удовлетворились полумерами правительства и продолжили борьбу. В результате успешной борьбы они фактически добились независимого положения края. Впоследствии жители Башкортостана пошли на диалог с центральной властью, направленный на восстановление подданных отношений на договорной основе. В 1720-х годах башкирские пред-

ставители были приняты императором и получили грамоту, подтверждающую условия добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства.

¹ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии ... – С. 86-87.

² Атласи Х. История Сибири /Пер. с тат. яз. А.И. Бадюгиной. – Казань:Тат. книж. изд-во, 2005. – С.28.

³ Валиди А.-З. История башкир. История тюрок и татар (на баш. яз.). – С.27; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – С. 325, 373.

⁴ Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVII вв.: (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). – Алма-Ата: Наука, 1971. – С. 82, 86.

⁵ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. – Т. I. – С.123; Абусейтова М.Х. Указ. соч. – С.52; Исин А. Указ. соч. – С.69; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этнополитический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – С.103, 104; Трепавлов В.В. Указ.соч. – С. 206.

⁶ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – С. 51.

⁷ Карпык Аль-Халел. Белая кость прошлого. Наши современники: просветительско-рекламная серия «Звезды Казахстана». – Алматы: РГЖИ «Дауир», 1994. – С. 48-49.

⁸ Исин А. Указ. соч. – С. 82.

⁹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – М.: Наука, 1972. – С. 19.

¹⁰ Атласи Х. Указ. соч. – С. 48-49.

¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. I. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 260-261, 487.

¹² Там же, С.351.

¹³ Валиди А.-З. Указ.соч. – С. 27.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. – Т. II. – С. 32, 34, 183, 194, 197; Русско-монгольские отношения. 1607–1636. – С.120.

¹⁵ Валиханов Ч. Ч. – Т. I. – С. 138.

¹⁶ Трепавлов В.В. Указ. соч. – С. 373.

¹⁷ Златкин И.Я. История джунгарского ханства 1635-1758. Изд. второе. – М.: Наука, 1983. – С.75, 76, 103, 104; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. – М.:Наука, 1978. – С. 15; Борисенко И.В. Расселение калмыков в процессе их добровольного вхождения в состав России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические

корни и значение. — Элиста, 1985. — С. 23; *Эрдниева У.Э.* Историческое значение добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. — С. 7; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период/Ред.-кол.: Н.В. Устюгов, И.Я. Златкин, Е. Н. Кушева и др. М.: Наука, 1967. — С. 13.

¹⁸ *Эрдниева У.Э.* Указ.соч. — С.5-6.

¹⁹ Русско-монгольские отношения 1607-1636. — С. 102, 106, 127.

²⁰ *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI—первая треть XVIII в.). — Уфа: РИО Баш ГУ, 2005. — С. 85.

²¹ Русско-монгольские отношения 1607-1636. — С.77, 102, 105, 106, 117-120, 122, 127.

²² *Трепавлов В.В.* Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь». — С. 104.

²³ *Волкова К.В.* Восстание татар Тарского уезда 1628-1631 гг. / Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. — Новосибирск: Наука, 1965. — С. 121-122.

²⁴ *Валиди А.З.* — Указ.соч. — С.66.

²⁵ НА УНЦ РАН. — Ф.23. — Оп.1. — Д.3. — Л.90.

²⁶ НА УНЦ РАН. — Ф.23. — Оп.1. — Д.7. — Л.48 об.; *Миллер Г.Ф.* Ук. соч. — Т.II. — С. 126, 710.

²⁷ *Нефедьев Н.И.* Подробные сведения о волжских калмыках. — СПб., 1834. — С. 18.

²⁸ Русско-монгольские отношения 1607 — 1636. — С.148, 154.

²⁹ НА УНЦ РАН. — Ф.23. — Оп.1. — Д.3. — Л.41 об., 125 об.

³⁰ *Лоссиевский М.В.* Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам//Справочная книжка Уфимской губернии, — Уфа, 1883. — С. 379-384.

³¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. — М.: Изд-во соц. - экон. лит-ры, 1961. — Кн. VI, Т.12. — С. 577.

³² *Небольсин П.И.* Очерки быта калмыков хошоутовского улуса. — СПб., 1852. — С.6.

³³ *Батмаев М.М.* Отражение русско-калмыцких отношений в процессе шертования // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение — С. 37; Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе/Сост. А.В. Бадмаев — Элиста, 1969. — С.60.

³⁴ *Любавский М.К.* Русская история XVII—XVIII веков. Изд. второе. — СПб.: Лань, 2002. — Изд. второе. — С.574.

³⁵ *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII — начало XX в.). — Уфа, 2002. — С.16.

- ³⁶ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. – 1947. – № 24. – С. 70, 71, 94; Азнабаев Б.А. – Указ. соч. – С. 101.
- ³⁷ ДАИ-4. 1655–1664 гг. – СПб., 1851. – С. 287, 302, 307, 308; Русско-монгольские отношения 1654–1685. Сб. док. / Сост. Г.И. Слесарчук; Отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Восточная литература, 1996. – С. 321.
- ³⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. – М., 1828. – С. 74–75.
- ³⁹ Словоцков П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II / Вступ. стат., подг. текста В.А. Зернова. – М.: Вече, 2006. – С. 122.
- ⁴⁰ ДАИ-4. – С. 281, 283, 289; ДАИ-8. 1678–1681. – СПб., 1862. – С. 35; Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. – С. 261–263.
- ⁴¹ Валиди А.-З. Указ. соч. – С. 48, 55.
- ⁴² Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа: Китап, 1993. – С. 97–99.
- ⁴³ ДАИ-4. – С. 291–293.
- ⁴⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 163.
- ⁴⁵ Русско-монгольские отношения 1654–1685. – С. 91.
- ⁴⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 183; Акманов И.Г. Указ. соч. – С. 105–106.
- ⁴⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. VI, т. 11. – М., 1961. – С. 163.
- ⁴⁸ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. – С. 99, 105–107.
- ⁴⁹ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 132. – Л. 71 об.
- ⁵⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 238–239.
- ⁵¹ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 936; ДАИ-8. – С. 45.
- ⁵² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 94.
- ⁵³ РГАДА, – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 286.
- ⁵⁴ Валиди А.-З. Указ. соч. – С. 32, 64.
- ⁵⁵ Валиди А.-З. Воспоминания. – Кн. II. – Уфа: Китап, 1998. – С. 27–30.
- ⁵⁶ РГАДА, – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 1–2.
- ⁵⁷ ЦГИА РБ. – Ф. 384. – Д. 16а. – Л. 180 об. – 81; Материалы по истории Башкирской АССР / Сост. Н.Ф. Демидовой, под. ред. С.М. Васильева. – Т. V. – М., 1960. – С. 574.
- ⁵⁸ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 65.
- ⁵⁹ Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. – С. 317–318.
- ⁶⁰ Акманов И.Г. Указ. соч. – С. 84, 111–120; Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, и особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / Вступ. стат. М.М. Бадмаева. – Элиста, 1995. – С. 26.

- ¹⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VIII, т.15. – С.159-160.
- ¹⁸ РГАДА. – Ф.248. – Кн.115. – Л.995 об. – 996.
- ¹⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. – С. 241-243, 256, 295.
- ²⁰ Там же. – С. 223.
- ²¹ Там же. – С. 236.
- ²² Письма и бумаги Петра Великого. Т.7. Вып. второй. – М.; Л., 1946. – С. 750-751.
- ²³ РГАДА. – Ф.248. – Кн.115. – Л.602 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. – С. 295.
- ²⁴ РГАДА. – Ф.248. – Кн.115. – Л. 828-829.
- ²⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. – С.491.
- ²⁶ Валиди А.-З. История башкир. История тюрков и татар (на баш. яз.). – С.49, 64.
- ²⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. – С.116, 120-122, 212, 262.
- ²⁸ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. – С.148-149.
- ²⁹ РГАДА. – Ф. 248. – Кн.115. – Л.997.
- ³⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. – С. 215, 229-230; Письма и бумаги Петра Великого. Т.7 (январь – июнь 1708). Вып. первый. – Петроград, 1918. – С.607-608, 618; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.VIII, т.15. – С.167-168; Азнабаев Б.А. Указ. соч. – С.166-167.
- ³¹ Записки путешествия академика Лепехина/Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук, по предложению ее президента. Т.4. – СПб., 1822. – С.32.
- ³² РГАДА. – Ф.248. – Кн.115 – Л. 679 об. – 680.
- ³³ Акманов И.Г. Ук. соч. – С.159.
- ³⁴ Байназаров И.Н. А.И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-х гг. XVIII века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С.18-19.
- ³⁵ Байназаров И.Н. Алдарбай Исекеев и некоторые вопросы его биографии // Научное наследие А.-З.Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России (V.Валидовские чтения): Тез. докл. межрег. конф. 20- 21 дек. 2005г. – Уфа: РИО Баш. ГУ, 2005. – С.152-153.
- ³⁶ РГАДА. – Ф.248. – Кн.740. – Л.100-103 об.
- ³⁷ Материалы по истории Башкортостана. Т.VI. – С. 369-370.
- ³⁸ ГАОО. – Ф.1. – Оп.1. – Д.1. – Л.114; РГАДА. – Ф.248. – Кн.147. – Л.152; Кн. 750. – Л.119-120.
- ³⁹ Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737г. – С.4-6; Акманов И.Г. Челобитная башкир Уфимской провинции на имя императрицы России Анны Ивановны о своих нуждах от 1733г.// Ватандаш. – 2005. – №6. – С. 81-92.

- ⁴⁰ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 137, 196.
- ⁴¹ Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – С. 123.
- ⁴² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 359; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 469.
- ⁴³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 327.
- ⁴⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 139. – Л. 750.
- ⁴⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 413, 414; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 618-620.
- ⁴⁶ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 251. – Л. 894-903, 1001-1001об.
- ⁴⁷ Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. – С. 79.
- ⁴⁸ Таймасов С. У. К вопросу о происхождении Карасакала // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2004. – №4. – С. 67-70.
- ⁴⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 373-375; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 604-609, 611-631; Сб. РИО. Т. X. – Юрьев, 1909. – С. 585-587, 651-652.
- ⁵⁰ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 646;
- ⁵¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 393, 395-397, 399, 423; Сб. РИО. – Т. XI (1740 г.) (январь-май). – Юрьев, 1912. – С. 264; ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 25-26; Д. 8. – Л. 43-43 об; РГАДА. Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 393 об-394.
- ⁵² ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 25-29; Д. 8. – Л. 67.
- ⁵³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 419-431, 435-454; Сенатский архив. Т. II. – С. 39; Сб. РИО. Т. XII (1740 г.) (июнь-октябрь). – Юрьев, 1915. – С. 349, 418.
- ⁵⁴ Сб. РИО. Т. XII. – С. 490-491; Валиханов Ч. Ч. Т. I. – С. 431; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 393 об. 401; Кн. 143. – Л. 997 об.
- ⁵⁵ Валиханов Ч. Ч. Т. I. – С. 431-436; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 480-481.
- ⁵⁶ Сенатский архив. Т. VII. – С. 580, 614.
- ⁵⁷ НА УНЦ РАН. – Ф. 23. – Д. 3. – Л. 36 об.
- ⁵⁸ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 181, 232-233; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 484.
- ⁵⁹ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 181-183, 194, 231.
- ⁶⁰ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 181, 195, 210, 211; Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России XVI-XVIII вв. – С. 155-157.
- ⁶¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 476.
- ⁶² РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 143. – Л. 101-104.

- ⁶¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – С. 53.
- ⁶² Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. VI. Т.12. – С. 586.
- ⁶³ Валиди А.-З. Указ. соч. – С.55.
- ⁶⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. – Т.І. Ч.І. – С.122–123.
- ⁶⁵ Акманов И.Г. Указ.соч. – С.113-115, 120-121; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.11-Л.93 об.
- ⁶⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. – Ч.І. – С. 94.
- ⁶⁷ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. – С.5-7.
- ⁶⁸ См., например: Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф. О национальной политике России в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI – начале XIX в. (постановка проблемы, пути изучения) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. и сообщ. к междунар. науч. конф. (1617 ноября 1993 г.). – Уфа, 1993. – С.18-25; Алдашов А.Н., Хайрtdинов Р.Х. Этапы взаимоотношений башкирского общества с центральной властью (середина XVI – 60-е годы XVIII в.) // Россия и Башкортостан. История отношений, состояние и перспективы: Мат. междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добр. вхож. Башкирии в состав России. 56 июня 2007г. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 21–22.
- ⁶⁹ Ключевский В.О. Указ. соч. – Т. 3 – С. 58-62.
- ⁷⁰ Азнабаев Б.А. Указ. соч. – С. 149-150, 191.
- ⁷¹ Ключевский В.О. Указ. соч. Т.3. – С. 77, 581.
- ⁷² Азнабаев Б.А. Указ. соч. – С. 152, 160.
- ⁷³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. І. – С. 108–111, 119, 259.
- ⁷⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 877.
- ⁷⁵ Порталь, Рोजе. Башкирия в XVII – XVIII вв. / Пер. с франц. и немец. / Сост. И.В. Кучумов; Отв. ред. Р.Г. Кузеев. – Уфа, 2000. – С. 77.
- ⁷⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. І. – С.112, 113, 226, 260.
- ⁷⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115 – Л. 1069 об., 1101.
- ⁷⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. – М.,1962. Кн. VIII, Т.15. – С. 291, 292, 294.
- ⁷⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т.4. Ч. II. (1706) – СПб.,1900. – С. 524.
- ⁸⁰ Акманов И.Г. Указ. соч. – С. 135-136.
- ⁸¹ Там же. – С. 142.
- ⁸² Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.VIII. Т.15. – С. 291.
- ⁸³ Акманов И.Г. – Указ.соч. – С. 180; Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705-1711 гг.//Исторические записки. – 1937. Т.1. – С. 90.
- ⁸⁴ Акманов И.Г. Указ. соч. – С. 133.
- ⁸⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.І. – С. 225.
- ⁸⁶ Там же. – С. 212-213; Письма и бумаги Петра Великого. Т.6 (июль-декабрь 1707). – СПб., 1912. – С. 202–203.

⁸⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 216-217, 219; *Акманов И.Г.* Указ. соч. – С. 170.

⁸⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 224.

⁸⁹ *Акманов И.Г.* Указ. соч. – С. 171; *Валиди А.-З.* Указ. соч. – С. 58; *Азнабаев Б.А.* Указ. соч. С. 170; *Чулошников А.Н.* Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. / Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 42.

⁹⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 286-287.

⁹¹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 142.

⁹² Материалы по истории Башкирской АССР. – Ч. I. – С. 246-249; *Акманов И.Г.* Указ. соч. – С. 181-182, 186-187.

⁹³ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VIII. Т. 15. – С. 175.

⁹⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 254-256.

⁹⁵ Там же. – С. 257-258.

⁹⁶ Там же. – С. 256-257.

⁹⁷ Там же. – С. 264-265.

⁹⁸ Материалы по истории каракалпаков: Сб. // Труды Ин-та востоковедения. Т. VII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 159.

⁹⁹ *Валиди А.-З.* – Указ. соч. – С. 69, 91.

¹⁰⁰ *Акманов И.Г.* Указ. соч. – С. 197, 203-205.

¹⁰¹ Материалы по истории каракалпаков. – С. 161.

¹⁰² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 277.

¹⁰³ См., например, *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. / Исторические записки. – 1961. Т. 68. – С. 211-237.

¹⁰⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 119.

¹⁰⁵ Там же. – С. 303.

¹⁰⁶ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные императорской Академией наук под ред. Н.В. Калачова. Т. V. Год 1715-й. Кн. 1 (январь-июнь). – СПб., 1892. – С. 288.

¹⁰⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 613. – Л. 808.

¹⁰⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 487.

¹⁰⁹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 101.

¹¹⁰ Материалы по истории России: Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Сост. А.И. Добромыслов. Т. I. – Оренбург, 1900. – С. 5.

- ¹¹¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 285–288.
- ¹¹² РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 47. – 47 об.
- ¹¹³ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VIII, т. 16. – С. 534–535; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 103.
- ¹¹⁴ Ключевский В.О. Т.3. – С. 73, 127.
- ¹¹⁵ Там же. – С. 126.
- ¹¹⁶ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 1–5 об., 42 об. – 43, 47–47 об.
- ¹¹⁷ Там же. – Кн. 132. – Л. 21–21 об.; Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 141–142.
- ¹¹⁸ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 132. – Л. 130.
- ¹¹⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 288–297.
- ¹²⁰ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 602 об. – 608, 829, 853–854; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 299, 300.
- ¹²¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 108; Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. VIII. Т. 16. – С. 596–597.
- ¹²² Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. IX, т. 18. – М., 1963. – С. 532; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 897.
- ¹²³ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 874–877, 883–884, 991–997 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 108–122.
- ¹²⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 895 об.; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 298.
- ¹²⁵ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 678–681 об.
- ¹²⁶ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 56–57.
- ¹²⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 696–697.
- ¹²⁸ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 92.
- ¹²⁹ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 911, 956; Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. IX. Т. 18. – С. 516.
- ¹³⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 123.
- ¹³¹ Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. IX. Т. 18. – С. 620.
- ¹³² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 301.
- ¹³³ АВПРИ. – Ф. 108. – 1724 г. – Д. 1.
- ¹³⁴ Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. – С. 134–135; Бакунин В.М. Указ. соч. – С. 42–43.
- ¹³⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. X. Т. 19. – М., 1963. – С. 158; Архив правительствующего Сената. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящим-

ся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. II. 1725–1740 / Сост. П. Баранов. – СПб., 1875. – С. 131.

¹³⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 122–135; АВПРИ. – Ф. 108. – 1728 г. – Д. 1.

¹³⁷ Архив правительствующего Сената. Опись высочайшим указам. Т. II. – С. 161; Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 29.

Глава V

«КЛЮЧ И ВРАТА» В АЗИЮ

1. Казахстан накануне больших перемен

По мнению казахских историков, в первой четверти XVIII в. наиболее значительная часть казахских общинных структур концентрировалась в южной, центральной и северо-восточной частях современного Казахстана. Зимние пастбища казахов Старшего жуза находились в песках Южного Прибалхашья, Мойынкума, в долинах рек Или, Чу и Талас, а летние – на северных отрогах Тянь-Шаня и хребтах Каратау. На юге региона кочевья Старшего жуза простирались в долинах рек Чирчик и Арысь вплоть до северо-западной части Ферганской долины, включая Ташкент и прилегающие к нему города и оседло-земледельческие селения и граничили у Сырдарьи с Бухарским ханством, а его северные пределы, проходившие по территории Семиречья, непосредственно смыкались с районами расселения казахов Среднего жуза. Казахи Среднего жуза занимали обширные пространства Северо-Восточного, Центрального и частично Юго-Восточного Казахстана, границы которых проходили на юге с Джунгарским ханством по р. Сарысу и низовьям р. Чу к бассейну нижнего течения Сырдарьи, оттуда простирались на север по линии Аральское море – Ирғиз-Тургай, примыкая на этом участке к восточным кочевьям Младшего жуза; далее шли по притокам Тобола, р. Большой Тургай и озерам в верховьях Тургая, где граничили с кочевьями башкир Сибирской дороги. На севере они продолжались к верховьям Нуры и Ишима, по приишимским степям в направлении к Иртышу, а на востоке – по течению Иртыша до Ямышевского озера и в Тоболо-Иртышском междуречье соприкасались с русскими переселенческими поселками, станицами сибирских казаков и кочевьями барабин-

ских татар. Южнее Ямышевки в верхнем Прииртышье, казахские роды Среднего жуза вновь имели общую границу с Джунгарским ханством, земельные владения которого доходили здесь до левых притоков Иртыша – Чары, Аягуза и Баканаса.

Земли Младшего жуза простирались на востоке к кочевьям Среднего жуза, а на юге – к пескам Каракумов и до низовьев Сырдарьи к кочевьям каракалпаков, а также в район города Туркестана, где соприкасались с племенами Старшего и Среднего жузов ¹.

По отдельным подсчетам, в конце XVII – в начале XVIII веков в состав всех трех жузов входило около 112 родовых подразделений. Общая численность казахского населения определяется некоторыми исследователями на тот период в пределах 2-3 млн человек.

На рубеже XVII–XVIII веков в казахском обществе усилились интеграционные тенденции, укреплялась ханская власть, стали относительно регулярно созываться собрания представителей трех жузов, на которых обсуждались и решались наиболее актуальные вопросы. В это время сфера политического влияния ханов и султанов распространялась не только на традиционные кочевнические районы, но и на соседние оседло-земледельческие и торгово-ремесленные области по нижнему и среднему течению Сырдарьи, где казахам были подчинены в 1695 г. 32 города и прилегающие к ним местности вместе с Ташкентским оазисом. Жители таких городов как Ташкент, Сыгнак, Сайрам, Сузак, Аккурган, Отрар, Карнак, Икан, Сауран и др. платили в пользу казахских правителей ежегодную подать деньгами и товарами, а с сельского земледельческого населения взимался ясачный сбор с наличного поголовья коров и овец и хлебная пошлина в размере 1/5, либо 1/10 собранного урожая. В то же время во внутриполитической жизни и в сфере внешних контактов с соседними народами городское население присырдарьинского региона сохраняло определенную автономию и управлялось местными органами самоуправления, избираемыми из среды торгово-ремесленных слоев жителей и мусульманского духовенства городов ².

В период правления Тауке были предприняты важные шаги, направленные на укрепление государственности казахов. С именем этого хана связано объединение семи малочисленных и слабых родов Младшего жуза в одно поколение Жетыру, а уваков и киреев Среднего жуза в одно объединение Увак-кирей. Однако, несмотря на большие усилия, предпринимавшиеся ханом Тауке и его ближайшими соратника-

ми по усилению центральной власти и политической консолидации казахских племен, достигнуть желаемых результатов не удалось. Уже в последние годы жизни Тауке в казахском обществе вновь усилились центробежные тенденции, его ближайшим приемникам все труднее было сдерживать сепаратистские устремления других ханов и султанов³.

«Потестарно-политическая организация кочевого общества, — пишет казахский историк Н. Масанов, — отличается дискретностью во времени и пространстве, тенденцией к перманентной сегментации и дифференциации. Координация общественных функций, лежащая в основе процессов централизации, с последующей бюрократизацией общественной и политической жизни социума не могла эволюционировать у кочевников в сколько-нибудь развитые формы государственности, прежде всего в силу дисперсной организации системы материального производства, «деспотии пространства», малой плотности населения, недостаточной его концентрации, отсутствия городов, оседлых поселений и сколько-нибудь развитой системы разделения труда. Ранние формы государственности могли получать развитие лишь в случае концентрации номадов вблизи городских центров (у казахов, например, в Присырдарьинском регионе), либо при завоевании оседло-земледельческих ареалов, но в собственно кочевых ареалах не известно ни одного случая возникновения государственности. Военно-потестарные организации не могут считаться государственными образованиями»⁴.

Хотя ойраты были такими же кочевниками, их правители обладали гораздо большей властью, чем казахские ханы. Джунгария была более сплоченной, имела относительно сильную политическую и военную организацию. Это обстоятельство существенным образом влияло на ход борьбы между двумя враждующими народами. Крупное вторжение джунгарских войск в Казахстан произошло в 1710–1711 гг. В 1710 г. было созвано собрание представителей казахских жузов в Каракумах, на котором предводителем ополчения был избран батыр Букенбай. Объединение усилий казахских жузов определяло на некоторое время успех войск Тауке. Отряды народного ополчения не только возвратили утраченные кочевья, но вторглись в пределы джунгарских владений и захватили много пленных. Однако раздробленность жузов, несогласованность действий и соперничество различных группировок сводили на нет усилия целого народа. В 1717 г.

казахи потерпели поражение на р. Аягуз из-за несогласованности действий военачальников Абулхайра и Каипа, враждовавших между собой.

Воспользовавшись политической раздробленностью казахских ханств и основательно подготовившись к предстоящей войне, джунгарские владетели в 1723 г. двинули свои войска в пределы Казахстана. Этот год и считается годом начала «великого бедствия». Застигнутые врасплох, казахи вынуждены были отступить, бросая скот, кибитки, имущество. Немало народу было перебито, немало погибло при переправах через реки Талас, Боролдай, Арысь, Чирчик, Сырдарью. Казахские роды бежали к Сырдарье, считая, что только за ней можно чувствовать себя в безопасности.

Ч. Валиханов так передает бедственное положение своего народа: «1723 год особенно памятен киргизам своим роковым характером и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшимся глубокими снегами и гололедицей, Галдан Церен – джунгарский хонтайши, с несметным чериком (войском) вторгается в киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства. Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы, подобно стадам испуганных сайгаков, бегут на юг, оставляя на пути своем имущество, детей, стариков, домашний скот, и остаются: Средняя Орда – около Самарканда, Малая – в Хиве и Бухаре, а буруты – в неприступных ущельях Болора и в паническом страхе достигают до окрестностей Гисара. Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства»⁵.

В этой тяжелой внешней и внутренней политической обстановке казахские ханы и султаны оказались неспособны организовать отпор джунгарам. Борьбу за независимость возглавили представители знати «черной кости», народные батыры. Среди них такие батыры как Букенбай, Тайлак, Саурык, Малайсары, Джанибек и др. В условиях паники, упадка духа и общей растерянности Букенбай горячими призывами сумел организовать массы на отпор врагу. Народные ополчения возглавили батыры трех казахских жузов: Младшего – Тайлак, Среднего – Букенбай и Старшего – Саурык, ставшие героями борьбы в годы «Ақтабан-шубырынды, Алкакол-сулама». Организованный отпор казахи начали с 1726 г., когда ополченцы всех трех жузов

стали действовать сообща. Весной 1728 г. в предгорьях Улутау, на берегах рек Буланты и Белеуты, в местности Карасиыр, казахи разбили джунгаров. Эта первая крупная победа над джунгарами имела большое значение, она подняла настроение народа, вдохновила на дальнейшую борьбу. Следующая победа, одержанная казахами на местности Анракай («место стонов и рыданий джунгар»), была результатом объединенных действий казахских ополчений трех жузов. Анракайское сражение под предводительством Абулхаира произошло предположительно весной 1730 г. Джунгарские войска потерпели серьезное поражение и были вынуждены поспешно отступить на восток на территорию собственно Джунгарского ханства⁶.

После Анракайской битвы произошел раскол между казахскими владетелями. В источниках не говорится о причинах такой несогласованности в поведении султанов – участников Анракайского сражения. Известно, что вскоре после него султан Абулмамбет откочевал к резиденции казахских ханов – Туркестану, а Абулхаир спешно отступил к русским границам. Видимо, основной причиной раскола между казахскими ханами и султанами после Анракайской битвы явилась борьба за верховную власть⁷.

16 декабря 1731 г. Букенбай-батыр так описывал А.И. Тевкелеву положение Казахстана после войны с Джунгарией: «Большая Орда кочует от них в дальнем разстоянии к Бухарам, и с Среднею и с Малою ордами она не съезжается, и у них же хан особливо, имянем Чолбарс. И все оные орды кочевныя, хлеба не пашут, а довольствуютца скотом. А в Средней орде два хана – Шемяки-хан да Кочек-хан, два салтана – Барак-салтан, Аболмаммет-салтан, а в Малой орде один Абулхаир-хан, салтанов двое: Батыр-салтан, которой женат на племяннице Абулхаир-хана, да сын Абулхаир-хана, Нуралы-салтан. У них, киргис-кайсаков, прежде были города, а имянно: Ташкент, Тюркустан, Сейрам с принадлежащими ко оным городками и деревнями, и оными владели киргис-кайсацкие ханы и старшина. В тех городех живут сарты, то есть посацкие мужики, с которых брали они дань. А из тех городов выслал их хонтайша тому с 15 лет... А числом – де их, кайсаков, всего 80000. Токмо ж после Тавке-хана Абулхаир-хан был главным и много чинил по своей воли, не имея ни от кого препядствия, но ныне, по известному случаю, киргис-кайсаки на него злобятся»⁸.

В начале XVIII в. с новой силой возобновились попытки царских властей проникнуть дальше в Азию. Усилению колониционного движения на Восток способствовали разные обстоятельства. Русские торговцы, возвращаясь из среднеазиатских владений, Восточного Туркестана, Юго-Западной Сибири в русские города, приносили и распространяли баснословные сведения «об азиатских странах» лежащих за Иртышом, слухи «о золотых россыпях» в г. Еркети, т.е. Яркенде в Уйгурии. Ф. Трушников, побывавший в 1713 г. в Восточном Туркестане, рассказал русским властям об имеющихся там богатых запасах золота и других цветных металлов. Таким образом, необходимость удержания приобретенных Россией владений, установление со странами Центральной Азии торговых взаимосвязей сочеталось с вождением восточных сказочных богатств, расположенных в стратегически важном направлении. Все это определило интенсивный характер осуществления плана овладения кратчайшими путями к далекой Индии и Китаю⁹.

Сибирский губернатор князь М.П. Гагарин убедил царя в необходимости построить русские крепости на пути от Тобольска до Яркенда. Петр I, находившийся в Кронштадте на кораблях, готовившихся к морскому сражению со шведским флотом, 22 мая 1714 г. на галере «Святая Наталья» подписал указ о снаряжении экспедиции И.Д. Бухгольца. Людей для военной экспедиции набрали в Томске, Тюмени, Таре и в других окрестных селениях. Орудий разных калибров было взято около 70. В составе экспедиции было много пленных шведских офицеров – специалистов разного профиля, а также русских торговцев, непосредственно заинтересованных в освоении нового пути на Восток. После завершения всех приготовлений в июле 1715 г. отряд Бухгольца, имевший в своем составе 2797 человек, выступил в поход. 1 октября экспедиция, достигнув Ямышевского озера, заложила крепость. Правитель ойратов контайша Цеван Рабтан, получив известие о постройке крепости и намерении русских продолжать свой поход далее, отправил своего двоюродного брата Церен Дондуба с войском в 10 000 человек. После неудачного нападения командующий ойратскими силами предложил Бухгольцу удалиться, угрожая в противном случае принудить его к этому «голодом и силою». Однако Бухголец предпочел перейти к длительной обороне. Его положение усугубилось пленением джунгарами каравана с 450 людьми, продовольствием и деньгами недалеко от Ямышевской крепости. Потеряв

большое число людей и лошадей, и не дождавшись тобольского каравана, изнуренный распространившимися среди солдат болезнями, отряд Бухгольца, состоявший теперь из 700 человек, оставив крепость, 28 апреля 1716 г. поплыл по Иртышу обратно. Бухголец достиг устья р. Омь и, получив долгожданное подкрепление, 20 мая 1716 г. основал Омскую крепость¹⁰.

Вскоре по личному распоряжению царя была подготовлена еще одна воинская команда под начальством майора И.М. Лихарева, в задачу которого входило подробное исследование озера, поиск сведений о «золотом песке», расследование причины неудачи экспедиции Бухгольца. Однако под натиском джунгар Лихарев вынужден был отступить. На обратном пути в 1720 г. он построил Усть-Каменогорскую крепость, которая, будучи узловой точкой в системе военно-инженерных сооружений России на границе с Цинской империей, опираясь на другие фортификационные сооружения, контролировала значительную территорию. В том же году возникли Черноморецкий, Черноярский, Верблюжский, Осморыжский, Убинский, Семиярский форты, создавая основу для трех линий – Сибирской, Иртышской и Колыванской. Наряду с Абаканским острогом и Бикатунской крепостью, эти укрепления с хорошо обученными гарнизонами, стратегически выгодным расположением обеспечивали закрепление за Россией Обь-Иртышского междуречья, вытесняя местных жителей на малопригодные земли. Сибирская администрация создавала казачьи поселения. При этом царизм придавал важное значение недопущению подчинения казахов Джунгарскому ханству, стремясь держать «Киргис-Кайсацкую степь» в орбите политических интересов России¹¹.

В последующем была организована еще одна, самая крупная экспедиция. Русское правительство располагало сведениями о том, что богатые залежи золота имеются и на берегах Амударьи, которая якобы раньше впадала в Каспийское море. В России было известно о том, что Хивинское и Бухарское ханства очень ослаблены постоянными междоусобицами. На основе этих данных родился план восстановить старое русло Амударьи, построить на нем крепость, подчинить среднеазиатские государства, после чего откроется беспрепятственный водный путь от Волги почти до самой Индии. Главой экспедиции Петр I назначил князя Александра Бековича-Черкасского (Давлет-Гирей). Крещеный потомок кабардинского правителя Тем-

рюка Идарова прибыл в Астрахань, откуда под своим прежним мусульманским именем завязал дружественную переписку с хивинским ханом Ширгази. Но калмыцкий хан Аюка уведомил Ширгази об истинных намерениях русских. В 1717 г. корпус Бековича численностью в 7500 человек прибыл в Хиву, где и был уничтожен¹².

На следующий год на поиски русла Амударьи на восточное побережье Каспийского моря был отправлен поручик князь Василий Урусов¹³. Наконец, в том же году в Бухару был направлен знаток восточных языков Флорио Беневени. В его задачу входила тайная разведка водных и сухих путей на Восток и склонение бухарского хана к союзу с Россией. Здесь Беневени познакомился с башкиром Максудом Юнусовым¹⁴.

Неудачи заставили Петра I обратить свой взор на Казахстан. По воспоминаниям Тевкелева, царь, будучи в Астрахани, говорил о том, что «всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные способные меры взять». Причем, якобы, Петр I хотел поручить Тевкелеву миссию по склонению казахов, а «буде оная орда в точное потданство не пожелает, то стараться мне несмотря на великие издержки хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцию Российской империи быть обязались»¹⁵. Однако смерть помешала Петру приступить к осуществлению этого замысла.

Со своей стороны, казахи сами стали предпринимать шаги к сближению с Россией. Летом 1725 г. старшинами Младшего жуза из приаральских степей в Петербург был отправлен посланник Койбагар Кобяков с дипломатической миссией. По мнению казахских историков, конкретным поводом к организации данного посольства послужило вынужденное пребывание в кочевьях казахских родов Младшего жуза почтового курьера российского посланника Флорио Беневени в Бухаре торгового башкира Максуда Юнусова по прозвищу Амремзей, захваченного в плен казахами и союзными с ними каракалпаками на территории Северо-Восточного Приаралья в 1724 г. Казахские старшины почти полгода продержали этого пленника у себя на положении аманата и объявили Максуду Юнусову, что не отпустят его из своих аулов до тех пор, пока они от русского императора «на прошение их о мире добрые и приятные ответы не получат».

18 января 1726 г. казахский посланец прибыл в сопровождении Максуда в столицу России, где вручил чиновникам Коллегии иностранных дел два письменных послания от казахских и каракалпакских старшин. В первом из них и устном донесении самого посланника было выражено желание «быть под протекцией Е. И. В. как так, Аюки-хана владения калмыки» и излагалась просьба о том, чтобы разрешить казахам кочевать «между башкир и Яику, по горе Малый яр», обеспечить им свободный и безопасный проезд в глубь страны к крупным российским городам, дать гарантии безопасности от нападений яицких казаков и башкир, а также право производить размен пленных непосредственно в Уфе. Кобяков был отправлен из Петербурга не получив никакого ответа. Официальная резолюция Коллегии иностранных дел по поводу состоявшегося визита гласила: «Пользы, чтоб под протекцией ее императорского величества быть, не находится». Такое решение было связано с тем, что принятие казахов под протекцию было чревато для России обострением отношений с Джунгарией¹⁶.

К тому времени большие группы казахов перекочевали на территорию Башкортостана. В 1721 г. казанский губернатор Салтыков доносил в Сенат о том, что «каракалпаки и киргис-кайсаки с женами и детьми всеми своими улусы поднялись и пошли зимовать нынешнюю и будущую зиму в башкирцы, а знатно, что к соединению войны под государева города и уезды, и идут днем и ночью»¹⁷.

2. Переход казахов под протекцию России

Более чем двухвековая историография события, открывшего новую эпоху в истории народов, населявших центр евразийского пространства, обширна и противоречива. Русские дореволюционные и советские историки говорили о положительном, прогрессивном значении присоединения Казахстана. Правда, первые советские историки-марксисты, возглавляемые академиком М.Н. Покровским, придерживались тезиса «абсолютного зла», которое Россия несла покоренным народам. Соответственно отмечались негативные последствия вхождения Казахстана в состав России. Положение изменилось после выхода Постановления ЦК ВКП (б) Каз. ССР в августе 1945 г., в котором обращалось внимание на необходимость более последовательной разработки тезиса о прогрессивных последствиях при-

соединения казахских земель. Здесь нет необходимости обозревать эту литературу, ознакомимся лишь с основными концепциями казахских историков.

Проблема вхождения Казахстана в состав Российской империи была рассмотрена прежде всего в трудах А. Букейханова. В работе «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» автор говорит о завоевании, покорении и подчеркивает, что казахи Младшего и Среднего жузов, «прижатые с юга своими врагами, были вынуждены признать русскую власть». В колонизации огромных казахских территорий Букейханов рассматривает два момента: появление вольных, стихийных переселенцев и движение по их следам правительственных отрядов. Вольная колонизация, по его мнению, осуществлялась крестьянами, преступниками, сектантами и разным сбродом, бежавшим сюда от тяжелых условий существования в самой метрополии или ради легкого способа наживы от беззащитного «инородца». Таким образом, по мнению Букейханова, вхождение Казахстана в состав империи состоит из колонизации и завоевания¹⁸.

После революции 1917 г. интерес к проблемам истории казахского народа возрос. Среди многочисленных работ выделяются произведения Т.Г. Галузо, Х. Досмухаммедова, М.О. Ауэзова, Т. Рыскулова, С.Д. Асфендиярова.

Галузо отметил факт неравноправного партнерства России и Казахстана и большую заинтересованность империи в «присоединении» инородцев края. В книге «Туркестан – колония» («Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии») он писал: «Продвижение войск царской России в казахскую степь началось еще в первой половине XVIII в. Русские цари продвигались в страну настойчиво и почти непрерывно, но продвигались, надо сказать, с некоторой оглядкой...» Здесь имеется в виду, что Россия побаивалась своих западно-европейских соперников по колониальным захватам и, прежде всего, Англии. Галузо считал, что вхождение Казахстана в состав империи есть результат: во-первых, лишения народов политической самостоятельности и их завоевания; во-вторых, экономического закабаления; в-третьих, русско-английского соперничества при делении мира на будущие колонии¹⁹.

Х. Досмухаммедов считал, что сущность завоевательной политики России состоит в том, чтобы использовать казахские земли как плацдарм для продвижения в Азию. Окончательное подчинение Рос-

сией Казахстана он считал результатом поражения национально-освободительной борьбы казахов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Он считал, что Абулхаир и небольшая кучка старшин родов пошли на сговор с царизмом и вынудили страну принять подданство. Досмухаммедов на примере неравномерного представительства родов Младшего и Среднего жузов в переговорных процессах доказывал, что основная масса народа не принимала участия в акте подчинения казахов российскому государству²⁰.

М.О. Ауэзов в книге «История литературы» отмечал, что «причин, вынудивших казахскую страну подчиниться русским, много. С одной стороны, проявляли враждебность калмыки, с другой, исходила угроза со стороны среднеазиатских ханств; в-третьих, русское государство поставило перед собой цель – подчинить казахов, наряду с этим, серьезной причиной стали происки самих казахских ханов. Усиление внутренней вражды и ненависти, использование помощи извне во имя завоевания друг друга раздирали казахскую страну на части. Все эти причины вместе взятые доводили внутренние противоречия до крайности. К этому времени преуспело русское государство, протянувшее свои ненасытные щупальца на казахскую степь. Подчинение русским подобно чашке с мясом, подаваемой почетному гостю, помимо воли казахов, становилось реальностью»²¹.

Проблема присоединения Казахстана к России нашла отражение и в историческом исследовании Т. Рыскулова. Он использовал термины «покорение», «усмирение казахов», «завоевательная сила». В освещенной им «колонизаторской политике царизма» выделяются два момента: с конца XVI в. – казачья колонизация, с середины XIX в. – крестьянская. Причины перехода казахских жузов в российское подданство Рыскулов связывал в первую очередь с внешнеполитическим положением Казахстана. Последнее выражалось в том, что с востока казахи были теснимы джунгарами, с юга – тюрками Хивы, Бухары, Кокандского ханства, с запада – калмыками²².

В «Истории Казахстана» С.Д. Асфендиярова, написанной в 1930-х гг., об этом периоде говорится так: «Не благоденствие, мир и культуру несло царское завоевание казахским массам, оно несло разорение, грабеж и убийство»²³.

В дальнейшем казахская историческая наука советского периода освещала эту проблему в ключе прогрессивного значения присоединения Казахстана к России.

По мнению современных казахстанских историков, после обретения независимости Республики Казахстан, впервые за долгие годы, исследователи получили возможность изучения без вмешательства сверху и идеологического диктата проблем отечественной истории. Официальная точка зрения на проблему была выражена в докладе «Слово об Абае» Президента Республики Н.А. Назарбаева, который сказал следующее: «То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Нетрудно представить положение огромных степных просторов, оказавшихся на пути хищных стратегических интересов империи, решившей захватить как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Империи во всех отношениях было невыгодно лишаться такого лакомого куса. Для этого нужно было разрушить исторически сложившуюся национальную систему правления страной. Надо было силой внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии. Было спешно и искусственно создано несколько карликовых ханств, нарушена этнотерриториальная целостность. Потом раздробили народ и земли ханства по родовым и племенным признакам на волости и аулы.

Более плачевной участи некогда единого народа невозможно было и представить... Таковой была коварная колониальная политика, преследовавшая цель – превратить огромное пространство кочевников в стратегический плацдарм для расширения своей территории. Ради этого империя пошла на разрушение исторической государственности и лишение всяких человеческих прав ее исконных обитателей»²⁴.

Участники Всесоюзного «Круглого стола» (27-28 июня 1990 г.) по проблемной теме «Национальные движения в условиях колониализма: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ» пришли к выводу, что понятие «присоединение» следует понимать как многовекторный процесс, «включающий в себя не только добровольность признания власти империи, но и завоевание, колонизацию (крестьянскую и военную)»²⁵.

Действия ключевой фигуры того периода – хана Абулхаира получили весьма противоречивые оценки в историографии. В качестве негативных его сторон названы корыстные интересы борца за единоличную власть, забвение интересов казахского народа, поскольку он выступил от имени всех казахов; стремление Абулхаира и его окружения возвыситься над остальными соперниками, благодаря покрову

вительству могущественной державы. В числе причин, оправдывающих подписание акта с Россией казахами Младшего жуза во главе с Абулхаиром, называются: внешнеполитические факторы – необходимость предотвращения джунгарской агрессии; появление угрозы на южных рубежах Казахстана в связи с завоеваниями иранского шаха Надира; притязания среднеазиатских ханств на южные земли Казахстана; рейдовые набеги башкир, волжских калмыков, яицких казаков, сибирского казачьего войска на пограничные земли казахов. Внутренние и некоторые другие факторы – необходимость в подрыве основ сепаратизма родовой знати и местной вольницы; потребность в создании централизованного государства; усталость казахского народа от междоусобных войн между ханами, султанами, старшинами, от блокады от внешнего мира; разведывательная деятельность российских экспедиций в казахской степи и строительство крепостей на казахских землях; деятельность российской дипломатии в лице А.И. Тевкелева, И.И. Неплюева, подтолкнувшая Абулхаира на принятие русского подданства; сложность экономического состояния Казахстана в первой четверти XVIII в.²⁶

Современные казахстанские историки Ж.К. Касымбаев («Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.)») и И.В. Ерофеева («Абулхаир: полководец, правитель и политик») провели исследование деятельности Абулхаира. Оба автора положительно оценивают роль инициатора процесса присоединения Казахстана к России. И.В. Ерофеева пишет: «Многолетний драматический опыт собственного правления на ханском престоле и продолжительные размышления на тему взаимоотношений власти и народа сформировали в мировоззрении Абулхаира к концу 20-х годов глубокую внутреннюю убежденность в том, что наиболее многообещающей и перспективной моделью современного ему политического устройства казахской государственности, находившейся по соседству с двумя мощными централизованными империями континента, может быть только институт ханской автократии, который он понимал как реализованное в социальном и территориальном пространствах региона триединство следующих основополагающих принципов: полновластия правящего монарха, прямого внутридинастийного порядка наследования ханского титула и наличия при верховном правителе-хане специального аппарата административно-силового принуждения, пронизывающего все сословные звенья социальной иерархии кочевников... Понимание бесперспектив-

ности попыток реформировать политическую систему кочевого социума изнутри, опираясь только на собственные силы, объективно привело его к поиску потенциальных союзников и покровителей за пределами казахской степи. Поскольку же в сложившейся внутри- и внешнеполитической ситуации имело смысл апеллировать только к самой сильной и авторитетной на евроазиатском пространстве державе, имевшей, помимо военной силы, устойчивую традицию монархического режима, то, естественно, вектор геополитической ориентации хана Абдулхаира обратился на рубеже 20-30-х годов XVIII в. в сторону соседней России»²⁷.

Ж. Касымбаев комплиментарно характеризуя Абулхаира, одновременно критически оценивает факт присоединения Казахстана, политику России, «утвердившей колонизаторский режим в Младшем жузе»²⁸.

Публицист Аль-Халел Карпык пытается построить своеобразную концепцию – идеологему. Так, он пишет: «Нужна была такая авторитетная личность, которая решилась бы на этот экстраординарный шаг. И им стал хан Абулхаир, взявший на себя груз исторической и моральной ответственности за вступление в российское подданство ради национального спасения перед лицом джунгарского порабощения, преодоления феодальной раздробленности и междоусобиц; за создание единого государства под российским покровительством. В этом его можно сравнить с вождем итальянского народа Гарибальди, который также всю свою жизнь посвятил преодолению феодальных усобиц, сепаратизма и созданию сильного централизованного государства. Можно также вспомнить слова польского национального героя генерала Тадеуша Костюшко: «Бывает время, в которое нужно пожертвовать многим, чтобы спасти все»²⁹.

Перейдем к событиям, получившим столь неоднозначную оценку. После Анракайской победы 1729 г. и заключения мира с джунгарами, а также в связи с началом джунгарско-китайской войны, продолжавшейся до 1740 г., южные проблемы для казахов Младшего и Среднего жузов отходят на второй план. Поэтому ханы Абулхаир и Семеке откочевали на север к башкирским границам, где в мае 1730 г. состоялось собрание казахской знати, посвященное проблеме урегулирования военных конфликтов с российскими подданными – башкирами и калмыками. Здесь, видимо, было решено добиваться заключения договора, цель которого заключалась в поиске возможности

официального закрепления за казахами плодородных травянистых пастбищ по левобережью Яика. Осуществление этой миссии было возложено на Абулхаира. По мнению И.В. Ерофеевой, «по личной инициативе хана Младшего жуза и при сознательном участии его ближайшего окружения данный социальный заказ претерпел существенную авторскую редакцию и был облечен в форму официального прошения о принятии казахов Младшего и Среднего жузов под «высочайшую протекцию России»³⁰.

В мае – июне в ставку Абулхаира на р. Ирғиз прибыл башкир Алдар Исекеев. «Во время конфиденциальной встречи с ханом», опять же по предположению И.В. Ерофеевой, Алдар «инициировал своего старого боевого товарища и друга пойти дальше заключения мирного договора с Россией и просить русскую императрицу о принятии его вместе с подвластным казахским народом в российское подданство. Причем сама идея российского протектората для казахских жузов была поставлена тарханом Алдаром перед Абулхаиром в качестве неперемennого условия будущего мирного соглашения между казахами и приуральскими башкирами и последующего возвращения из башкирского плена казахских джигитов, захваченных в предшествующие годы его людьми в ходе многократных набегов в приграничные казахские аулы»³¹.

Это мнение автор аргументирует известным письмом Абулхаира Анне Иоанновне от 8 сентября 1730 г., в котором тот пишет: «Желая быть совершенно подвластным Вашему величеству, я посылаю своего посланника вместе с Вашим подданным Алдарбаем. Этот Алдарбай требовал посланника от нас к Вашему величеству и поэтому мы, Абулхаир-хан с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Малого жузов... желаем Вашего покровительства и ожидаем Вашей помощи, чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии... и будем Вашими подданными»³². Далее И.В. Ерофеева дает собственную интерпретацию действий башкирского старшины: «Иницируя Абулхаира на такой радикальный политический шаг, Алдар Исянгельдин, естественно, меньше всего руководствовался альтруистической заботой о благополучии казахов, а исходил, в первую очередь, из интересов подвластных ему приуральских башкир... Объясняя несколько месяцев спустя в Петербурге (в действительности, в это время императорский двор находился в Москве, где и была принята казахско-

башкирская делегация. — С.Т.) сотрудникам Коллегии иностранных дел причины заинтересованности башкирских старшин и батыров в принятии казахами протектората России, Алдар Исянгельдин и его товарищи указали, что «им, башкирам, польза в том та, что ежели оные казакские народы всемилостивейшим указом Е.И.В. в подданство приняты будут, то они, башкирцы, будут жить в покое, и от них башкирцам разорения и нападку не будет...» И, наконец, исследователь резюмирует: «Главными итогами знаменательной встречи двух самых авторитетных лидеров кочевого населения Волго-Уральского региона явились проведенная Абулхаиром в течение июня-начала июля 1730 г. интеллектуальная ревизия дипломатического поручения, возложенного на него казахскими султанами и старшинами и последующее обращение хана к местным царским властям с просьбой о предоставлении ему вместе с подвластным народом российского подданства... предложения и доводы башкирского тархана оказались в целом созвучными собственным представлениям и намерениям хана Младшего жуза...»³³.

Эти суждения не выглядят бесспорными. Во-первых, на указанной встрече едва ли мог ставиться вопрос о казахско-русском мире, по вполне понятным причинам (Россия не находилась в состоянии войны с Казахстаном, а Алдар не имел никаких полномочий для подобных переговоров); во-вторых, Алдар не мог требовать от казахов признания власти чужого государства, да еще в качестве «непременного условия» мира между башкирами и казахами, особенно, находясь в казахском лагере, в положении ничем не гарантированной собственной безопасности. Считаем, что инициатива принятия подданства, прежде всего, исходила от Абулхаира и его окружения, о чем, кстати, исследовательница подробно писала выше. Полагаем, что во время встречи мог обсуждаться вопрос о целесообразности этого ответственного политического шага, а также вестись поиск его приемлемой мотивировки перед российской стороной. Не случайно этот вопрос в первую очередь заинтересовал Коллегию иностранных дел, и в своей инструкции А.И. Тевкелеву она поручала ему «как лутче возможно проведать, с какой причины оной киргиз-кайсацкой хан на-шего подданства просит и желает...»³⁴.

После переговоров Абулхаир отправил к уфимскому воеводе Петру Бутурлину одиннадцать человек во главе с батыром алчинцев Младшего жуза Сеиткулом Куйдагуловым и бием племени Керей

Среднего жуза Кутлумбетом Коштаевым с письмом на имя русской императрицы. Казахов сопровождали 6 башкир во главе с Мансуром Алдаровым. В пути делегация подверглась нападению отряда казахов и каракалпаков³⁵. По прибытии в Уфу 20 июля доверенные лица Абулхаира вступили в переговоры с Бутурлиным. 1 августа воевода отправил казахов в Москву в сопровождении Алдара Исекеева, его сына Мансура, Таймаса Шаимова, Кидряса Муллакаева и еще четырех башкир, а также каптенармуса уфимских драгунских рот Ивана Тарбеева с четырьмя солдатами. 28 августа они прибыли в Москву³⁶.

21 октября в Коллегии иностранных дел Сеиткул и Кутлумбет объявили, что хан Абулхаир желает вступить в российское подданство на таких же условиях, как и башкиры, т.е. служить Российскому государству и платить ясак, а также возвратить всех российских подданных, захваченных в плен в предыдущие годы. В то же время царское правительство должно будет взять на себя обязательство оберегать казахов от разного рода «обид» и «разорения» со стороны других российских подданных, урегулировать их взаимоотношения с башкирами, а также содействовать освобождению из башкирских кочевий и пограничных русских городов казахских пленных. Предложение Абулхаира было передано на рассмотрение Кабинета министров, который вынес по нему 14 марта 1731 г. свой положительный вердикт. Еще раньше, 19 февраля Анна Иоанновна подписала две грамоты Абулхаиру и всему казахскому народу о принятии их в российское подданство и отправлении посольства в Казахстан во главе с «поверенным переводчиком ориентальных языков» Коллегии иностранных дел Алексеем Ивановичем Тевкелевым (крещеный татарский мурза Кутлумухаммет Тевкелев)³⁷.

Дальнейшие события, связанные с пребыванием посольства в Казахстане, передадим по материалам «журнала» Тевкелева.

30 апреля 1731 г. русская миссия с посланцами Абулхаира отправилась в Уфу, куда прибыла 4 июля. 7 июля в Уфу явился Алдар-тархан с авторитетным казахским духовным лицом Мухаммед-ходжей и сообщил, что Абулхаир ждет между реками Тургай и Ирғиз. Тевкелев, желая обезопасить себя от случайностей в пути, решил предварительно уведомить Абулхаира. 9 июля Алдар отправил в казахскую степь одного из своих сыновей, Кидряса Муллакаева и казаха Рысбая. Тевкелев приказал Кидрясу выяснить, действительно ли казахи имеют намерение принять российское подданство. 22 августа

Кидряс вернулся с четырьмя посланцами Абулхаира и султана Батыра. 26 августа миссия направилась в Казахстан в сопровождении вооруженного караула из десяти солдат, конвоя из десяти уфимских дворян, десяти казаков и более ста башкир. В числе башкир были старшины Алдар Исекеев, Таймас Шаимов, Козямыш Бекхужин, Уразай Абызанов, Кидряс Муллакаев, Шима Калтырчаков, Козяш Рахманкулов, Ака Камакаев. Для обеспечения успеха миссии в нескольких десятках подвод повезли различные подарки.

5 октября посольство прибыло в летнюю ставку Абулхаира в урочище Май-тюбе на реке Иргиз. К удивлению высокого гостя, его встретили не только без подобающих официальных торжеств, но и без соблюдения элементарного этикета, в обстановке конспирации. Тевкелев должен был не появляться публично и пересылаться с ханом через Таймаса Шаимова и Кидряса Муллакаева. Хан передал, чтобы Тевкелев пришел к нему ночью, переодевшись в «худое платье кайсакское».

На первой встрече Абулхаир признался, что обратился к императрице без согласия других ханов, султанов и старшин. На вопрос, почему он так поступил, хан сказал «сущую правду», что к этому его вынудила опасность от джунгар, волжских калмыков, башкир и бухарцев. Он рекомендовал Тевкелеву не принуждать казахов к присяге, а поступать осторожно, и главное – не скупиться на подарки. Дипломату такой ответ показался неубедительным и тогда хан сказал, что пошел на ложь, опасаясь, что императрица оставит без ответа его индивидуальное обращение. 7 октября Тевкелев в сопровождении семи башкирских старшин нанес официальный визит. В ханской кибитке он зачитал царскую грамоту. Старшины выслушали молча и велели Тевкелеву удалиться. Затем они с криками и дракой разделили подарки, после чего решили убить Тевкелева и разграбить его обоз.

Встревоженный мурза созвал для совета башкир. Ему ответили, что существует единственный способ спасения, это пригласить трех влиятельных казахов – старшину Букенбай-батыра, его зятя Исет-батыра и двоюродного брата Худайназар-мурзу. За Букенбаем срочно отправился его старый знакомый Таймас Шаимов. Букенбай обещал поддержку и передал дипломату совет держать себя смело на предстоящем общем собрании.

На съезде 10 октября казахские старшины спрашивали Тевкелева «с великою яростию и гневом» о цели его прибытия. Посол отве-

чал, что прислан по указу Ее Величества в ответ на просьбу Абулхаир-хана. Тогда старшины стали с возмущением спрашивать хана: «Для какой причины просил он, хан, подданства российского один без согласия их, киргизских старшин, и приводит их в неволю», угрожая ему смертью за превышение своих полномочий. Понимая исключительную опасность своего положения, хан не решился говорить неправду и сказал с упреком, что хочет обладать реальной политической властью, а не просто носить титул хана, ибо «он, хан, не имеет себе оборонителя и избрал, яко лутчее есть, иметь подданство великого монарха». В ответ старшины заявили, что в подданстве быть не желают, а Тевкелева убьют, потому что он пришел все «высмотреть и потом будет воевать». В этой критической ситуации Тевкелев проявил редкую находчивость, недюжинную выдержку и красноречие. Его поддержал Букенбай, заявив о своем желании быть в российском подданстве. После этого присягнули на Коране на верность императрице Абулхаир, Букенбай, Исет, Худаназар и еще 27 знатных старшин. Все были награждены подарками.

Казахи, отказавшиеся принимать подданство, устроили настоящую охоту за Тевкелевым. Башкиры самоотверженно защищали главу миссии от покушений. Озлобленные казахи угрожали расправой хану и его жене Попай, которую обещали «привезав за волосы к хвосту лошади, таскать по полю». Хан, более озабоченный собственной безопасностью, мало заботился о высоком госте и каждый раз требовал от него подарки. Но постепенно дела российского дипломата продвигались. Однажды старый воин Букенбай признался ему, что устал участвовать в бесконечных войнах и стычках, затеваемых казахами и готов в случае, если ему будут даны в помощь башкиры и яицкие казаки, со своим зятем «киргиз-кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблею».

11 ноября Абулхаир-хан спросил Тевкелева, может ли он рассчитывать на российскую сторону, чтобы непокорных казахов «разорить и неволю в подданство российское привести?». Посол заверил, что хан может рассчитывать не только на помощь, но и на «великую милость» государыни ему и его детям. Впервые тема строительства крепости прозвучала 17 декабря, когда хан завел разговор о караванной торговле между Россией и среднеазиатскими государствами. Абулхаир рассчитывал на выгоду от транзита товаров через его территорию. Тевкелев заявил, что это невозможно, ибо казахи — «люди

непостоянные, страху от ханов не имеют, что купцам обид учинят, а ханом безславие... И разве тогда то может чиниться, как он, Абулхаир-хан, будет Е. И. В. всемилостивейшей государыни просить, чтоб соизволила указать на устье реки Орь, где впала в реку Яик, сделать крепость, в которой бы ему, хану, зимовать со всем ево домом и для его пребывания построены будут удобные покои... то подлинно потом киргис-кайсаки будут находиться в немалом страху». Эти, очевидно давно заготовленные слова, попали в цель – хан загорелся заманчивой идеей. Тевкелев немедленно направил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором убеждал начальство: «А по моему слабому мнению на устье реки Ори всеконечно надобно сделать фортецию». Далее он прямо спрашивал: «А о строении на устье реки Орь города Абулхаир-хана обнадежить ли?». Следовательно, автором идеи строительства Оренбурга был не Кирилов, а Тевкелев.

Абулхаир отправил своего сына Нурали-султана к хивинскому хану Ильбарсу, чтобы и тот принял российское подданство и договорился с бухарскими купцами о торговле. Однако Нурали, возвратившись 2 марта 1732 г., сообщил, что Хива резко отрицательно отреагировала на происходящие события и заявила, что «Абулхаир-хан волю имеет в киргис-кайсаках, а в Хиве-де ему воли нет, и здесь-де в Хиве, слушать ево Абулхаир-хана никто не будет, и он-де затеял безделицу». Башкир Козяш Рахмангулов в ноябре 1731 г. был свидетелем того, как хивинские посланники отговаривали Батыра-султана от принятия российского подданства. Но Батыр все же приехал к Тевкелеву. 25 декабря вернулся с приятной вестью Таймас Шаимов, отправленный к хану Среднего жуза Семеке. Хан заявил о своем согласии быть в подданстве, добавив при этом, что делает это по своей воле, а не по совету Абулхаира, на которого «сердце имеет... чего для он, без согласия их, ханов и старшин, подданство принял...».

9 февраля личная охрана Тевкелева усилилась, поскольку Букенбай-батыр привел 160 кибиток башкир, живших в Каракалпакии; из них сложился отряд в 300 вооруженных башкирских конников. Тем не менее положение Тевкелева продолжало оставаться серьезным. «Противные» казахи искали случая убить его, потому что он, по их словам, «прислан к ним в киргис-кайсачью орду для смотрения их земли и воды, леса, что как можно их российским войскам, где способнее воевать и всю орду разорить». Летом 1732 г. калмыцкий тайша Доржи Назаров, кочевавший по Эмбе, дважды присылал к Абулхаиру

людей, убеждая не подчиняться России и вместе воевать против русских. Впоследствии Тевкелев с полным основанием заявлял, что он «не щадя своего живота, единственно желая своему отечеству верную услугу показать, подвергая себя близ двух лет всегда смертельным опасностям, всю орду склонил, таким счастливым успехом и такое время в точное подданство привел». Ему удалось привести к присяге большую часть Младшего жуза, хана Среднего жуза и каракалпакского хана Каипа.

24 ноября 1732 г. российское посольство отправилось в обратный путь. Его сопровождали представители хана: его второй сын Ирали-султан, двоюродный брат Нияз-султан, старшины Худайназар-мурза, Садык-бий, Тювелбай-мурза и др. 2 января посольство прибыло в Уфу³⁸. Прикинувшись больным, Тевкелев отлучился и тайно помчался в Петербург, видимо для того, чтобы подсказать руководству своего ведомства сценарий будущих переговоров³⁹. Очевидно, здесь он встретился и с Иваном Кириловым. В рапорте в Коллегию иностранных дел он сообщает о намерении Абулхаира через российскую протекцию «себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить». Далее следуют его предложения из шести пунктов о целесообразности и настоятельной необходимости строительства крепости на реке Орь. Причем, ни в одном из этих пунктов нет даже упоминания о том, что крепость предназначается казахскому хану⁴⁰.

В столице чрезвычайно обрадовались возвращению посланника, которого считали либо погибшим, либо находящимся в плену и послали деньги в Уфу для выкупа. Через некоторое время мурза отправился в Уфу и в начале 1734 г. привез в столицу казахскую делегацию в сопровождении знатных башкир. В основном это были участники дипломатической миссии в Казахстане, среди новых лиц были Бекчур Тютеев, Сеит Яраткулов и Токчур Алменев⁴¹. 10 февраля 1734 г. султан Ирали в торжественной обстановке был принят императрицей Анной Иоанновной и вместе со своими людьми вторично принял присягу. В ходе русско-казахских переговоров были окончательно закреплены условия российского подданства казахов Младшего жуза⁴².

¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 96.

² Там же. – С. 97.

- ³ Там же. – С. 98-99.
- ⁴ *Масанов Н.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевников). – Алматы: Социнвест. – М.: Горизонт, 1995. – С. 159–160.
- ⁵ *Валиханов Ч.Ч.* Т.1. – С. 426-427.
- ⁶ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3 – С. 139–147.
- ⁷ Там же. – С. 156.
- ⁸ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 62.
- ⁹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3 – С. 150; Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв.: Док. и материалы/Отв. ред. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. – М.: Наука, 1989. – С. 348.
- ¹⁰ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3 – С. 151–154.
- ¹¹ Там же. – С. 155-156.
- ¹² *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. IX, т.18. – М., 1963. – С. 350–353; *Валиди А.-З.* История башкир. История тюрок и татар (на баш. яз.) – С. 85.
- ¹³ Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. – Ашхабад, 1963. – С. 36.
- ¹⁴ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах/Отв. ред. Н.А. Халфин. Подг. текста, вступит. статья и комп. В.Г. Воловикова. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1986. – С. 17, 75-80.
- ¹⁵ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 31.
- ¹⁶ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3. – С. 113-114; *Ерофеева И. В.* Указ. соч. – С.137-140; *Басин В.Я.* Указ. соч. – С. 130–131; АВПРИ. – Ф.122. – Д.1. 1726 г. – Л.61 – 62.
- ¹⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн.115. – Л.820.
- ¹⁸ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3. – С. 13–14.
- ¹⁹ Там же. – С. 15-16.
- ²⁰ Там же. – С. 16.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. – С. 17.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. – С. 17-18.
- ²⁶ Там же. – С. 21.
- ²⁷ *Ерофеева И.В.* Указ.соч. – С. 162,173-174.
- ²⁸ *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). – Алматы: Билим, 1999. – С. 24-25, 26, 37, 38, 40, 42, 48, 61-62, 121.
- ²⁹ *Карпык Аль-Халел.* Указ. соч. – С. 65.
- ³⁰ *Ерофеева И.В.* Указ.соч. – С. 156.
- ³¹ Там же. – С. 185–186.

- ³² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. – С. 35.
- ³³ *Ерофеева И.В.* – Указ.соч. – С. 186–187, 187–188, 190.
- ³⁴ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 42.
- ³⁵ АВПРИ. – Ф.108. – Оп.1. – Д.1. – 1730 г.
- ³⁶ *Рычков П.И.* История Оренбургская. – С. 6; *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 190–191.
- ³⁷ *Ерофеева И.В.* Указ.соч. – С.191; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 40–41; АВПРИ. – Ф.108. – Оп.1. – Д.1. – 1730 г.
- ³⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 48–86.
- ³⁹ *Рычков П.И.* Указ.соч. – С. 10; *Левшин А.И.* Указ. соч. – С. 106; АВПРИ. – Ф.122. – Оп.1. – Д.1. – 1733 г.
- ⁴⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 99–101.
- ⁴¹ Там же. – С. 106; *Рычков П.И.* Указ.соч. – С. 29, 38.
- ⁴² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 103.

Глава VI

АПЕЛЛЯЦИЯ К РОДСТВЕННОМУ НАРОДУ

1. Башкирско-казахские отношения в период восстаний 1735 – 1740 годов

Правительство поручило обер-секретарю Сената Ивану Кирилловичу Кирилову разработать проект новой экспедиции. Активный участник подготовки Камчатской экспедиции В. Беринга составил грандиозный план. Строительство Оренбурга являлось в нем лишь начальным пунктом. Далее планировалось изготовить из орских лесов военные суда, в разобранном виде доставить их на Аральское море, создать здесь военную флотилию, завладеть морем, заложить в устье Сырдарьи пристань, затем по Амударье проникнуть вглубь Азии и по суше добраться до Бадахшана и Индии¹. Вскоре были намечены и конкретные меры по осуществлению проекта. Дорогу в Индию должен был показать индийский купец Марагви Бараев (прибыл в Уфу 25 февраля 1735г.)². Намечалось начать заселение устья Сырдарьи ссыльными людьми и приступить к учреждению русской администрации в Средней Азии³.

В тот момент ни Кирилов, ни его сторонники в правительстве, увлеченные сказочными перспективами, не помышляли о кампании против башкир. Напротив, Кирилов даже рассчитывал на участие башкир в Экспедиции, ибо, по его словам, они «всегда верно служили, не токмо против шведов и поляков, но и против турков и крымцев»⁴. В письме из Уфы к кабинет-министрам Остерману и Черкасскому Кирилов даже критиковал Татищева за его намерение строить на башкирских землях медные заводы, ибо этим башкир «на прежние худые замыслы принудим напрасно»⁵. Дело не в симпатиях Кирилова к башкирам, его отношение к «инородцам» хорошо известно.

Так, в «Изъяснении» от 13 января 1735 г. он писал правительству: «В службы башкирцы и мешеряки и ясашные к назначенному городу Оренбурху хотя по малу наряжены будут, однако ж которое время там пробудут, в то жены без плода останутца, а кого убьют, тот и вовсе не возвратитца. Как исстари сию политику во всем государстве над татарами во время Шведской и Польской и Турецкой войн делали, везде их перед войски в первых на пропажу посылками, вменяя в службу, а самим делом, что они в домех не надобны»⁶.

1 мая 1734 г. проект был утвержден императрицей. Его реализация была возложена на самого Кирилова и его помощника Тевкелева. В состав Экспедиции были включены 130 специалистов разного профиля и военные.

Башкиры, находившиеся в Петербурге, поняли, что вместо строительства резиденции для казахского хана готовится широкомасштабное мероприятие, которое радикально отразится на их положении. Поэтому мулла Суун-Кипчакской волости Ногайской дороги Токчура Алменев послал на родину письмо, составленное в иносказательных выражениях. В частности, он писал: «...есть де у него 4 загона посеянной пшеницы, и тут де пшеницу собрать, а куколь и солому не отделять». Адресаты приведенные слова правильно истолковали как призыв к башкирам всех четырех дорог объединиться с другими нерусскими народами, чтобы воспрепятствовать строительству города⁷. Кирилов, приехав в Уфу, более полугода не догадывался о заговоре башкир. Он даже подтвердил Токчуру в тарханском звании и ходатайствовал о награждении его за то, что «он в своем Кипчакском роду силен и земли подошли ево, где город будет строитца»⁸. Тархан выехал из Уфы вместе с Экспедицией и расстался лишь в начале июля 1735 г., когда приблизился к своим кочевьям. В сентябре он стал одним из активных участников восстания⁹.

Прибытие в Уфу 10 ноября 1734 г. большого воинского контингента подтвердило опасения башкир. Кирилов приказал башкирам готовиться к предстоящему походу, не разъясняя его цели. Есть основания предполагать, что, несмотря на свою масштабность, Экспедиция имела в известной степени приватный характер. Например, такой осведомленный человек как Татищев утверждал, что «...сенатской секретарь Кирилов, от беспутных предприятий впадши в великие долги и не зная чем отплатиться, по совету с переводчиком Тевкеле-

вым для того ж искания золота с башкирскую сторону представили и по определению начали, но и те с великим вредом производя, обман тот узнали»¹⁰.

Упорство и крайний волюнтаризм, проявленные при организации Экспедиции, были столь мало присущи неспособной к государственной деятельности Анне и ее Кабинету, который, по словам историка XIX в. А.Д. Градовского, «не любил заглядывать внутрь страны», что это заставляет подозревать личную заинтересованность неких вполне конкретных лиц. Это обстоятельство было известно даже башкирам. В те дни среди них ходили упорные слухи о том, что Кирилов и Тевкелев – обыкновенные «прибыльщики» и действуют ради личной выгоды¹¹.

Близ Уфы, в древней Азиевой мечети, прошел всенародный съезд. Башкиры, по словам историка А.И. Добросмыслова, «пришли к заключению, что с постройкой города и крепости на устье Ори Башкирия постепенно будет окружена с восточной стороны и таким образом навсегда войдет в состав России, и, кроме того, не будет никакой возможности возвратить от киргиз те земли (северные части нынешней Тургайской области), которые они отняли у них не более четверти века тому назад»¹². Башкиры напрасно ждали, когда им, по старинному обычаю, будет зачитан царский указ, поэтому в июне в ставку Кирилова прибыла делегация узнать «о подлинном указе: в какой силе они на службу наряжаются?»¹³. Тевкелев и Кирилов расправились с парламентарями. Оренбург (совр. г. Орск) был заложен 15 августа 1735 г. В торжествах по этому поводу участвовали брат Абулхаира Нияз и сыновья Нурали и Ирали. На следующий день начальник Экспедиции послал императрице поздравление в связи с приобретением «Новой России».

Но дальнейшие запланированные мероприятия были сорваны начавшимся восстанием. Его инициатором стал мулла Юрматинской волости Ногайской дороги Кильмяк Нурушев. 1 июля близ горы Зирган его джигиты напали на Вологодский полк, шедший из Уфы к р. Ор на соединение с основными силами Кирилова, и нанесли ему ощутимый урон. В западной части Башкортостана на Казанской дороге действовали отряды старшины Тамьянской волости Акая Кусюмова, на Сибирской дороге и в Зауралье народ поднимал старшина Кара-Табынской волости Юсуп Арыков. Повстанцы осадили Мензелинск, Табынск, окружили Уфу, напали на вновь построенную Верхне-Яицкую

крепость, сибирские крепости. Таким образом, сопротивление Экспедиции быстро переросло во всеобщее восстание.

Первые слухи о башкирском возмущении встревожили правительство. Министры выражали недовольство Кирилову за то, что он не смог предугадать и предупредить последствия своего предприятия и приказали приостановить деятельность Экспедиции. Казанскому губернатору графу Мусину-Пушкину поступил указ «... ехать из Казани без всякого отлагательства немедленно... на Уфу и приехав туда...» принять меры, чтобы башкиры «оставя нынешнее свое возмущение... прислали к тебе чрез таких людей, которым они сами в том поверяют, на письме, обстоятельно, в чем их жалобы и учиненные им обиды. А ежели они намеренное строение крепости на реке Орь себе в обиду какую поставить похотели, то им на то показать, что та крепость для единого их защищения и пользы от киргис – кайсаков строится...»¹⁴.

Кирилов дал знать Абулхаиру, что их встреча откладывается до весны следующего года, и 7 сентября направился на Ногайскую дорогу, рассчитывая жесткими и решительными мерами быстро покончить с мятежниками. Тевкелев, получивший за свои дипломатические заслуги чин полковника, начал карательные операции на Сибирской дороге, начальник горных заводов Василий Татищев действовал в Зауралье. Для скорейшего замирения края правительство учредило специальную Башкирскую комиссию. В сентябре начальник Комиссии генерал Александр Румянцев с войсками прибыл в Мензелинск. В свою очередь, башкиры пытались поднять татар, мишарей, чувашей, мари, удмуртов, а Кильмяк отправил делегацию из 17 человек для переговоров с казахами¹⁵.

В конце декабря Кирилов отбыл в Петербург и представил императрице проект указа, суть которого сводилась к следующему: служилые мишари, татары, тептяре, чуваш и другие нерусские народы, жившие на башкирских землях, освобождались от арендной платы вотчинникам, что должно было сделать их более лояльными к властям; башкирам запрещалось иметь кузницы и оружие; каждый башкир, явившийся с повинной, должен был уплатить штрафную лошадь; взятые в плен подлежали смертной казни; отныне и навсегда запрещались общешкирские съезды; запрещалось без специального разрешения строительство мечетей и башкирских школ; родовая знать отстранялась от власти и заменялась назначаемыми волостными старшинами; местная русская администрация получала право по соб-

ственному усмотрению отчуждать башкирские земли и строить города, крепости, заводы и т.п. Этот указ вышел в свет 11 февраля 1736 г.¹⁶ Он ознаменовал переход правительства к новой политике в Башкортостане посредством существенной корректировки целей Экспедиции. Ровно через месяц Кирилов вернулся в Башкортостан, после чего началось общее наступление войск: Кирилов из Уфы двинулся на юг, Румянцев из Мензелинска направился к р. Деме, Татищев из Екатеринбурга — к озеру Чебаркуль, где основал одноименную крепость с целью перекрыть башкирам дорогу в Средний жуз, Тевкелев из Верхне-Яицкой крепости направился вниз по Яику.

Башкиры Сибирской дороги решили пригласить хана Кучука и заключить союз со Средним жузом. Предварительно в мае 1736 г. Юсуп Арыков отправил к казахам старшину Кара-Табынской волости Таймаса Шаимова для «замирения». Вопрос о мире возник в связи с тем, что в 1733 г. хан Среднего жуза Семеке был разбит Таймас-батыром, когда с десяти тысячным отрядом совершил набег на Сибирскую дорогу. Казахи обещали прислать для переговоров 60 старшин. Вскоре в Барын-Табынскую волость прибыли 4 посла и передали: «Мы де ведаем — у вас зделалась война с белым царем, и вас рубят, а мы де с вами одного рода и одной веры, и ежели вам будет от русских студено, то де к нам пришлите, и если хотите хана, мы вам хана дадим, если же хотите салтана, то салтана пришлем, буде же похотите мириться, то де без нас не миритесь, а станем де мириться вместе...»¹⁷. Казахи Среднего жуза некоторое время принимали участие в боевых действиях в Тобольском ведомстве, Крутихинском, Шадринском и Окуневском уездах.

Иначе отнесся к башкирам Абулхаир. В июне 1736 г. он вместе со старшиной Джанибеком отправил в Оренбург сообщение о необходимости срочных переговоров. Прибывшему в верховья Ори Джону Кэстлю хан сообщил, что к башкирам хотят примкнуть 40 тысяч казахов, якобы подстрекаемых Оттоманской Портой, но он не собирается помогать бунтовщику Кильмяку. Англичанин пробыл в ставке хана с 14 июня до 5 июля и, по его словам, способствовал претворению целей русских. Абулхаир, ожидая встречи с Кириловым и Тевкелевым, пробыл под Оренбургом до глубокой осени. Занятый Кирилов прислал своих представителей, которые заново привели к присяге Абулхаира с Джанибеком, потом Барака и Абулмамбета¹⁸. Кирилов стремился не допустить союза башкир с казахами. 13 августа 1736 г.

он доносил в Кабинет о том, что дал волю казахам совершать набеги на Ногайскую и Сибирскую дороги «... понеже в том Вашего Величества высокий интерес зависит дабы сии народы всегда в несогласии были...»¹⁹.

Превосходство российских войск, отсутствие надежных союзников (уфимские мишары, татары и тептяри в восстании не участвовали), огромные потери тяжело действовали на повстанцев. Кильмяк решил прекратить борьбу и сообщил об этом на Сибирскую дорогу, после чего Юсуп Арыков и Сабан Севергулов с четырьмя тысячами воинов явились с повинной в Чебаркульскую крепость. Однако другие предводители Сибирской дороги старшина Куваканской волости мулла Бепеня Турупбердин, старшина Кыр-Кудейской волости Тюлкучура Алдагулов и мулла Кыр-Кудейской волости Юлдаш Суярымбетов продолжали сопротивление. 14 апреля 1737 г. Кирилов умер, и вскоре Оренбургская экспедиция была переименована в Оренбургскую комиссию. Начальником нового учреждения был назначен Василий Татищев, а отбывшего на турецкую войну М.С. Хрущева заменил генерал Леонтий Соймонов. Кабинет потребовал от нового руководства в кратчайшие сроки успокоить край. Повстанцы были готовы сложить оружие. Однако Татищев и Соймонов еще более ужесточили условия принесения повинной. Отныне каждому являющемуся требовалось не только заплатить штрафную лошадь, но и доставить живым или мертвым своего командира. Татищев подверг колесованию явившегося с повинной одного из предводителей Сибирской дороги Сабана Севергулова, после чего число желающих сдаться резко уменьшилось. Опасения повстанцев были не напрасны. Татищев, действительно, собирался жестоко казнить, в случае явки, Юсупа, Тюлкучуру, Юлдаша, Бепеню и других зачинщиков²⁰. Не исключено, что властители края намеренно затягивали войну, ибо несколько лет спустя, когда башкирские челобитчики добрались до Петербурга, открылись многочисленные факты произвола и злоупотреблений. Начались разбирательства. Татищеву, чтобы остановить начатое против него следствие, пришлось прислать канцлеру в подарок 30 тыс. рублей²¹.

Башкиры не оставляли попыток привлечь на свою сторону южных соседей. Приехав к Абулмамбету в марте 1737 г., они жаловались, что «Россия их разоряет, старых казнят, а молодых – в солдаты, детей их бояре к себе берут и крестят насильно». В следующий раз посланцы просили султана, чтоб он «дал им войско идти в Оренбург и другие города разорить...»²². Летом 1737 г. к Абулмамбету,

Аблаю и Бараку, в верховья Илека, приехал башкир Казанской дороги Султан-Мурат Дюсеев и предложил Аблаю стать башкирским ханом. Аблай в Башкортостан не поехал, но туда были отправлены около 800 казахских воинов. Летом и осенью казахи совместно с башкирами действовали по р. Деме и окрестностях Уфы. До правительства дошли слухи, что башкиры с казахами и каракалпаками собираются идти войной на Оренбург, Озерный городок, Сакмарск, Самару и Казань²³. Осенью 1737 г. башкиры Сибирской и Ногайской дорог на съезде в Кубалаякской волости говорили: «... ныне нашли себе хана, ...они, башкирцы, у Е.И.В. люди вольные – хотят де служат, а хотят де не служат, куды они, башкирцы, служить захотят, туды де они и пойдут. И у прежних де государей они, башкирцы, служили волею, и в подданство де пошли волею, а не войною их, башкирцов, русские взяли де, и ныне тамо у того хана, с которым они возымели согласие, живет их, воров, Салтан-Мрат со 100 человеками...»²⁴. В те дни другой башкирский предводитель Кусяп Султангулов с товарищами просил Аблая принять к себе «на жилье», т.е. просил убежища. Впоследствии, вплоть до 1770-х годов башкиры неоднократно обращались к Аблаю за покровительством.

Абулхаир оказался в сложном положении. Он не мог пойти на разрыв с оренбургской администрацией и, порой, в его словах и действиях прорывалось чувство отчаяния. Так, весной 1737 г. геодезист Шишков, находившийся некоторое время при хане, докладывал начальству: «...хан Абулхаир прошлой осени думал, чтоб взять обманом сына своего из Оренбурга, а город разорить и ныне нас отослал от себя прочь, и всем велел собраться на вершине реки Илека. А сказывают многие из них кайсаки, что либо мир с Е.И.В. будем иметь, а не подданстве жить, или нынешним летом пойдем всею силою Россию воевать...»²⁵. Башкиры не раз предлагали Абулхаиру совместными усилиями освободить его сына и затем вместе вести борьбу. В знак солидарности башкир Бердекеш приехал в Казахстан с двумя тысячами кибиток и участвовал в походе султана Баттала (младший брат Абулхаира), хана Кучука, султана Аблая, старшины Джанибека и др. (всего 30 тысяч всадников) на владения противника казахов и сторонника России в войне с турками калмыцкого хана Дондука Омбы²⁶. Чтобы расстроить складывающийся союз Татищев стал подстрекать башкир напасть на владения Абулхаира; Абулмамбету обещал награду за поимку десяти главнейших башкирских бунтовщиков²⁷.

Остановимся на одном событии, получившем, на наш взгляд, неверную трактовку у историков. В сентябре у ворот Оренбурга, где содержался султан Ирали, появились Абулхаир и Джанибек. Комендант крепости подполковник Останков не проявил должной учтивости и не впустил высоких гостей. Простояв некоторое время на берегу Ори, Абулхаир получил письма от Татищева и Тевкелева с просьбой поймать башкирских главарей. Хан обещал за вознаграждение доставить десять человек²⁸. Получив согласие, хан со своей свитой прибыл в южные башкирские волости. Здесь его встретили как почетного гостя, несколько месяцев держали у себя и даже женили на башкирке (от нее у хана родился сын по имени Каратай). Башкиры жаловались на русское начальство, хан обещал свое покровительство. Во время поездки по восточному Башкортостану он приглашал «к себе» в Оренбург Юлдаша, Кусяпа, Бепеню, Аккузю, Султан-Мурата и других видных повстанцев.

Рычков пишет, что Абулхаир хотел «одного из детей своих в Башкирии ханом учинить»²⁹. Однако весьма сомнительно, что Абулхаир действительно намеревался пойти на разрыв с русскими и подвергать опасности жизни своих сыновей Ходжахмета и Ирали. Думаем, что прав был историк И. Левшин, считавший, что Абулхаир обманывал башкир³⁰. Это подтверждает и участь Кусяпа Султангулова, поехавшего с ханом за Ходжахметом. Он был схвачен в пути и впоследствии повешен Татищевым³¹.

В это время среди башкир находился еще один претендент на титул хана султан Шигай, но в марте 1738 г. после безрезультатного четырехмесячного пребывания на Сибирской дороге сын Барака вернулся в Казахстан. Вместе с ним отправилось четыреста башкирских семей во главе с Султан-Муратом. В пути они подверглись нападению казахов, вероятно, из Младшего жуза. Потеряв значительную часть своих людей, Султан-Мурат бежал обратно в Башкортостан. Спустя некоторое время он с сыном все же добрался до Барака, провел у него зиму и затем уехал в Ургенч³². Любопытно, что приблизительно в это время у каракалпаков появляется хан по имени Султан-Мурат, бежавший из Башкортостана³³. Поэтому вполне возможно, что Султан-Мурат Дюскеев был по своему происхождению чингизидом.

В августе 1738 г. Тюлкучура, Сеитбай, Рысайбай и Мандар принесли повинную. Один Бепеня упорствовал и тщетно ждал помощи извне. В последней надежде он послал своего сына Баязита к Бараку. В пути Баязит был схвачен казахским старшиной Джанибеком, но сумел бежать. После этого Бепеня с сыном и двумястами воинов сдался (вернее, явился просить разрешения на поездку в столицу с коллективным прошением от башкир)³⁴.

Это было расценено Татищевым как окончательное поражение башкир, и он дал команду вывести из Башкортостана 3 полевых полка³⁵. 22 февраля 1739 г. он рапортовал Кабинету о том, что «две опаснейшие – Казанская и Ногайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а протчия – Уфимская (Осинская) и Сибирская дороги – хотя не столько людей пропало, однако ж у всех лошади и скот пропали, деревни позжены и, не имея пропитания, многие з голоду померли»³⁶. По предложению Татищева, правительство решило провести перепись башкир, чтобы обложить их податью и усилить полицейский надзор.

Попытку замены ясака подушной податью башкиры расценили как покушение на их вотчинное право. Продолжал действовать невыполнимый для разоренного народа закон о штрафных лошадях. Поэтому башкиры снова взялись за оружие. На этот раз их возглавил неизвестный человек по прозвищу Карасакал, объявленный ханом Султан-Гиреем. Восстание началось на Сибирской дороге, затем перекинулось на Ногайскую. Генерал Соймонов бросил против повстанцев свыше семи тысяч солдат. В начале июня 1740 г. разбитый последний башкирский хан бежал в казахские степи. Здесь остатки его войск подверглись нападению людей Абулхаира. Раненый Карасакал был схвачен и отвезен в казахские улусы. Вскоре он получил покровительство влиятельных старейшин братьев Казбек-бия и Кабанбай-батыра и остатки жизни провел в Казахстане³⁷.

Итак, восстание 1735–1740 гг. перечеркнуло планы Экспедиции и убедило царское правительство в том, что без кардинального решения башкирской проблемы продвижение в Азию невозможно. Поэтому оно приступило к осуществлению более реальных планов по полному освоению юго-восточной окраины империи.

2. Образование Оренбургской губернии

В ходе борьбы с башкирами Кирилов задумал коренное переустройство края. Совместно с генералом П.И. Румянцевым он разработал свод правил, выдержки из которого приводятся ниже:

«1. Служилым мещерякам от башкирцев быть отделенным и за их верность и службу, что они к противностям башкирцев не пристали и против их служили, земли и угодья, которыми они по найму у башкирцев владели, а те башкирцы были в воровстве и бунте, те дать им вечно безоборочно. Указные дачи: первому старшине – двести, есаулам, писарю, сотникам – по сту, рядовым – по пятьдесят четвертей и за претерпенной убыток от воров – башкирцев обещать награждение.

2. Застарелых тептерей и бобылей, по примеру мещеряков, от башкирского послушания отрешить, и за претерпенное их разорение от воров-башкирцев, оброков им платить не велеть и оставить их при одном прежнем ясачном платеже в казну, а которые приставали к ворам, с таких за вину, сняв башкирский оброк, брать сверх прежнего ясака хлебом с сохи по четверухе ржи и по четверухе же овса;...

3. С бывших аймаков в нынешнем воровстве за казенный убыток и партикулярное разорение, усмотря удобное время, развитя взять лошадей годных в службу, с каждого аймака по пятисот, и из тех лошадей учинить достойное награждение разоренным, а затем оставших лошадей употреблять в драгунские полки.

4. Всех волостей бывших в воровстве башкирцам, тептерям и бобылям ружье носить и с ним ездить и в домах иметь запретить...

5. В Уфимском уезде и в башкирских жилищах кузнецов и кузниц не иметь и из городов кузнецов и насекальщиков не отпускать, а быть только в одних городах, и то числу потребному без излишества; и кому потребны сошники, косы, конская сбруя, те могут покупать и делать в городах. Причем прежние указы подтвердить, дабы из других уездов ружья и пороху, и свинцу, пансырей, сабель, луков, копей и стрел не ввозили и не продавали и не меняли, в чем особливо воеводам крепкое смотрение иметь и винных штрафовать по указам...

6. Служилым при Уфе мещерякам и в верности оставшим башкирцам ружье иметь для себя, токмо с теми, кому иметь и носить запрещено, не ссужаться и не продавать.

7. Башкирцев и татар, кто во время воровства и бунту пойманы и винились в нападении на вологоцкия роты и в других воровствах и в смертных убийствах, казнить смертию, а других в ссылку сослать, а не освобождать; а пущих заводчиков, хотя они и отпущении получили – Акая, Кильмяка, Бепеня, Мясегута, Умира, Ишалю, Салтан-Мурата, по причинам партикулярных дел, одного по другому забрав, жестокою казнить смертию.

8. Башкирцев, кто пойманы будут в воровствах, по-прежнему с наказанием кнутом, отнюдь не освобождать, а ссылатъ всех, хотя б кто и в одном малом воровстве явился, не пытав, и не наказывая кнутом, годных в службу – в остзейские гарнизонные полки в солдаты, а негодных, учиня наказание кнутом – в Рогервик в работу и в здешния места на пашню.

... 13. В жилищах башкирских, от коих воровство было, в каждой волости, вместо волостных старост, определить выборных старшин по два или по три человека, и быть им с переменою погодно, на которых всякое преступление и неисправу взыскивать. Также запретить без позволения городовых командиров сборищев делать, а оставить обыкновенный старинный мирской сбор о семике, один день съезжаться к речке Чесноковке, и тогда о нуждах мирских советовать, и письменно доносить, и бить челом.

14. В башкирах ахунам быть по одному на дороге, итого четырем, и тем ахунам чинить особая присяги, дабы им о всяких худых поступках объявлять и не таить, и никого из других вер в свой закон не приводить и не обрезать, без указов мечетей и школ вновь не строить, и который ахун из них умрет, то на их места с челобитья, усматривая верности, определять.

... 16. Хотя по прежним указам и воевоцским наказам в Уфимском уезде у башкирцев земли и угодыя покупать и крепить не велено, однако ж ныне усмотрено, что то запрещение им, башкирцам, весьма бесполезно, того ради, для лучшей их впредь пользы, указали Мы то запрещение отменить, и впредь, с сего указа, земли и угоды тамошним жителям – дворянам и офицерам и мещерякам у башкирцев покупать и за себя крепить позволить ..., а тептерям и бобылям надлежащее в покупке земель позволение дать, о том вам обще рассмотреть и сюда писать со мнением.

... 24. О строении горных заводов, одного в Оренбурхе, другого пониже Сакмарска у Яика, третьяго большого завода в Казанском

уезде на реке Шешме, или на иной ниже вяцкого устья, статскому советнику Кирилову чинить...»³⁸.

11 февраля 1736 г. этот закон был утвержден в Санкт-Петербурге. Историк И.Г. Акманов расценивает его как официальное нарушение условий добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства³⁹. По мнению А.П. Чулошникова, документы, составленные Кириловым, давали наглядное представление «о политической физиологии их автора и общем взгляде его на Башкирию». Известный историк пишет: «Физическое истребление в военных походах и в тяжелых условиях службы на новостроящейся Оренбургской линии и замедление естественного роста населения путем разрушения его семейного быта – вот венец той жестокой и варварской политики, которая, по мнению Кирилова, должна была способствовать окончательному слиянию Башкирского края с царской Россией. В полном соответствии с отмеченной политической линией стояли и практические мероприятия этого царского администратора. Массовое физическое истребление и сожжение целых деревень, высылка семейств, признанных виновными башкир далеко за пределы их родины – вот та кровавая и беспощадная политика, которую Кирилов проводил в течение всего башкирского восстания 1735–1736 гг.»⁴⁰.

Свою деятельность первый оренбургский начальник начал с разрушения построенной в XIII в. каменной Азиевой мечети на р. Берсувань, где издревле проходили всенародные съезды – йыйыны. 14 июля Кирилов практически заново отстроил Табынскую крепость. В том же году он заложил Нагайбакскую крепость, предварительно уничтожив 25 близлежащих башкирских «воровских» деревень. Затем повернув на запад, он выбирал по берегам Самары места для новых укреплений, где оставлял гарнизоны из солдат и казаков. Из этих укреплений стала образовываться Самарская линия, предназначенная не только для осуществления пограничных функций, но и для обеспечения охраны рабочей силы, материалов и провианта для строительства Оренбургской пограничной линии. Штаб Экспедиции был перенесен в Самару в связи с тем, что поход в Казахстан откладывался. В 1736 г. А.И. Тевкелев и В.Н. Татищев ставят крепости Миасскую, Челябинскую, Чебаркульскую, в 1737 г. Еткульскую и др. Таким образом, Башкортостан охватывается не только с юго-запада, но и с востока и юго-востока, что, в свою очередь, обеспечивает возможность строительства крепостей на Уйской и Верхояицкой погранич-

ной линиях. Кирилов начинает переселение крестьян (в основном из Среднего Поволжья) и отставных солдат вдоль Самарской линии. В последующем на новую Яицкую линию будет переселяться служилое население Закамской линии. С целью заполнения осваиваемого пространства русским элементом Оренбургский край сделают местом ссылки⁴¹.

Указ от 11 февраля 1736 г. положил конец эпохе протектората. Однако быстрой интеграции башкир в состав Российской империи препятствовали целостность и замкнутость патриархального башкирского общества и традиция его взаимоотношений с внешней властью. Сменивший Кирилова В.Н. Татищев внес дополнения к проекту административной реформы. В проекте, принятом на «генеральном консилиуме» в Мензелинске 14 июля 1737 г. с участием Татищева, Соймонова, Тевкелева, предусматривались меры по децентрализации системы управления краем⁴². Преследовалась цель разделить башкирский народ и свести отношения с ним на сугубо административный уровень.

Татищев, отправленный правительством заведовать горными заводами Среднего Урала, с самого начала уделял повышенное внимание башкирским делам. Так, еще в 1724 г. он представлял в Кабинет свои соображения о причинах башкирских «своевольств»: «Оные нигде инде несудимы, токмо на Уфе, для которого они повсягдно из разных отдаленных мест ко Уфе съезжаются многолюдством и в тех съездах о делех своих имеют советы, в которых один бездельник из богатых мурз многих на пакости и своевольства обратить может... оных разделить на разные суды... и для того зделать в разных пристойных местах городки и определить особых судей, чтоб они на Уфу бить челом не ездили...»⁴³.

17 марта 1735 г. из Екатеринбурга Татищев писал в Кабинет о целесообразности учреждения из Уфимской, Вятской и Камской провинций «особной» губернии с центром в Кунгуре, которой должен управлять вице-губернатор⁴⁴. Похоже, в этой должности он видел самого себя. Между прочим, этот документ указывает на то, что Оренбургская экспедиция тогда не рассматривалась в качестве административного органа.

На упоминавшемся выше совещании в Мензелинске было решено приписать башкир не только к Уфе, но и к Мензелинску, Красноуфимску, Осе и Чебаркульской крепости. С этой целью предполагалось

лось провести перепись всего населения Башкортостана, а также заменить башкирские племенные волости территориальными.

Бюрократическая реформа местного самоуправления путем введения института старшинства была призвана ослабить значение старой аристократии в башкирском обществе. В соответствии с пунктом 13 указа от 11 февраля 1736 г. наследственные старосты подлежали замене на выборных старшин. В действительности же – старшины не выбирались, а назначались начальниками чрезвычайных органов – Оренбургской комиссии и Комиссии башкирских дел⁴⁵. Обязанности старшин и их помощников были изложены в ряде инструкций, составленных Кириловым и его преемниками совместно с уфимскими воеводами. Старшины и их помощники приносили клятву верности властям. Они обязаны были следить за исполнением всех указов и повелений администрации, содержать население в послушании и ежемесячно доносить в провинциальную канцелярию об обстановке в волости. Помимо полицейского надзора старшины отвечали за своевременную выплату налогов и несение натуральных повинностей. После подавления восстания были введены должности писарей, на которые назначались, в основном, мишари. Наряду с ведением письменных дел у старшин на писарей был возложен тайный надзор за деятельностью старшин и сотников⁴⁶.

В Зауралье с начала XVII в. селились русские крестьяне из внутренних районов России. Численность русских переселенцев, зачисленных в Сибирской губернии в разряд государственных крестьян и занимавшихся преимущественно земледелием, была выше числа представителей коренного населения в этом регионе. Учреждение Исетской провинции «для удовлетворения Оренбурга от здешних яко хлебородных мест провиантом и прочими потребностями» рассматривалось Кириловым, а впоследствии Татищевым, как одно из важных государственных мероприятий. Кроме того, целью этого нововведения была более эффективная борьба с башкирским восстанием⁴⁷. 13 августа 1737 г. Сенат принял указ об образовании Исетской провинции с включением в ее состав территорий, находившихся в ведомстве Тобольской провинции. В нем указывалось: «Исецкой провинции быть особно и в ней быть особливому провинциальному воеводе в Чебаркуле, к которой подчинить Исецкой, Окуневской и Шадринской уезды, а к тому всех за уральских башкирцов по реке Ай и

вершину Яика и оной провинции быть в ведении к Оренбургу, так как Уфимская провинция»⁴⁸.

Оренбургские начальники пытались внушить башкирам мысль о том, что Башкортостан является неотъемлемой частью государства, чей статус ничем не отличается от статуса внутренних провинций Российской империи. Более того, Татищев однажды в полемике с башкирами пытался отрицать факт их добровольного подданства⁴⁹, несмотря на то, что в своем «Лексиконе» он пишет, что они «просили царя Иоанна IV о принятии их в подданство»⁵⁰. Он под страхом смерти запрещал повстанцам называть восстание войной, а его прекращение – миром. Во время пребывания Татищева в Уфе в начале 1738 г. башкиры всех четырех дорог передали ему коллективное письмо на имя императрицы с отказом платить штрафных лошадей и объявлением своего выхода из российского подданства⁵¹. На это последовал такой ответ: «Сего марта 19 числа получил я ваше письмо, на которое, хотя вы от меня ответа не достойны, понеже вы пишете непристойно и должности подданнической противно, однако ж я, видя, что вы, в такое безумие вшедши, хотя крайнюю свою погибель сами видите, по опаматоваться и в совершенный разум притти не можете, наичаче же разумею, что междо вами некоторые плуты, радуясь погибелью других, всех ничим иным, как токмо красноречием прильсчая, в погибель ведут, сожалея о вас, чтоб невинные, которых большую часть междо вами знаем, напрасно не погибли, и вечно не токмо домов, но живота не лишились, советую вам, чтоб вы, то безумие оставя, с надеждою в волю Е.И.В. покорились, и в знак того оной малой за вину вашу штраф заплатили...»⁵².

Несмотря на жестокие меры, восстание башкир продолжалось. В Самаре Татищев получил грозное письмо из Петербурга от 22 июня 1738 г. Правительство отметило неэффективность его действий. Встретившись в начале августа в Оренбурге с ханом Абулхаиром, тайный советник приступил к строительству новых укреплений по Яику и Самаре. Появились Переволоцкая, Чернореченская, Тевкелев брод (Новосергиевская), Камыш-Самарская (Татищева) крепости и город Ставрополь на Волге (ныне г. Тольятти). В начале января 1739 г. Татищев получил приказ передать руководство делами полковнику Петру Дмитриевичу Аксакову и прибыть в Петербург с докладом. Обвиненный в злоупотреблениях, он был отстранен от командирования Оренбургской комиссией, 29 мая лишен звания и взят под домашний

арест. Башкирские челобитчики добрались до столицы и вскрылись многочисленные факты взяток и поборов лошадьми, скотом, медом, мехами, бесплатными работами и т.д. Татищеву грозило суровое наказание, но он с помощью взяток сумел выпутаться⁵³. Следственное дело было заведено и против его брата исетского воеводы полковника Ивана Татищева⁵⁴.

Именным указом от 17 июня 1739 г. начальником Оренбургской комиссии был назначен советник адмиралтейской коллегии князь Василий Алексеевич Урусов, произведенный в генерал-поручики⁵⁵. Он был потомком ногайского бия Уруса, данниками которого в 1570-80-х годах были башкиры. Морская служба Урусова с 1710-х годов была связана с Каспием, который к тому времени стал объектом пристального внимания Петра I, в начале 1730-х он переводится в адмиралтейскую коллегию⁵⁶.

20 сентября генерал получил указ императрицы перенести Оренбург на Красную гору, а прежний город переименовать в Орскую крепость; от нового Оренбурга вверх по Яику до Верхнеяицкой крепости и от нее по рекам Ую и Тоболу до Царева городища (совр. г. Курган) строить крепости; Закамскую линию, отделявшую Казанский уезд от Уфимского, оставить, а полки закамской ландмилиции поселить на Самарской и Оренбургской линиях; вместо беглых, принятых и определенных от Кирилова, в Казани принимать и селить черкас, т.е. украинцев; для поселения в крепостях великороссийских людей и крестьян не принимать, принятых же помещичьих возвратить, а селить старых служб служилых людей; принять в подданство владельцев Большого и Среднего казахских жузов⁵⁷.

В связи с указом Урусов начал заселять «российским народом» Миасскую, Челябинскую, Иткульскую, Чебаркульскую, Уклыкарагайскую и Верхнеяицкую крепости, расположенные на землях Барынтабынской и Кара-Табынской волостей⁵⁸. В своем рапорте на имя императрицы от 8 сентября 1740 г., после сообщения о массовых казнях башкир «для потомственного страха», он докладывал: «...а хотя б, паче чаяния, оной вор (Карасакал. — С.Т.) и прокрался, или б оставшия башкирцы вознамерились к весне паки противности оказать, то б Башкирия так окружена была, чтоб при малейшем и возмутительном их движении В.И.В. войски на тех воров в готовности были... оставлено в имеющихся по Яику, по Самаре, так же и Сибирской стороны крепостях, а именно, по Яику от Оренбурга в семи крепостях

драгун четыре роты, солдат четыре ж роты... велено разъезды иметь в осторожность как от тех воров башкирцов, так и от набегов воровских калмык и киргис-кайсаков, по Самаре в шести крепостях оставляется драгун и солдат по две роты... и с сибирской стороны, откуда в первых нынешнею весною бунтовщицье намерение во всю Башкирию произошло, велено оставить в Верхояицкой, Уклыкарагайской, Чебаркульской, Эткульской и Миясской крепостях в прибавок к тамошним казакам регулярных людей по роте...»⁵⁹.

При Урусове были запрещены всякие коллективные представления в Уфу и Петербург от имени всего башкирского народа. Всем волостным старшинам для «вспоможения» приказано было определить подчиненных лиц — есаулов, сотников и писарей, а в каждый аул — десятников и пятидесятников. Для более точного учета населения и прекращения перехода башкир из одной местности в другую было предписано составить в каждой волости точные ведомости о количестве аулов, дворов и жителей в них. Была запрещена поездка в степь для охотничьего промысла без специальных «отпускных писем».

Указом 31 октября 1740 г. Уфимская провинция и Зауралье перешли под «особое ведомство» Сената⁶⁰. Правительство предполагало постепенное введение на территории Башкортостана атрибутов губернской власти, и в качестве первого шага учредило в Уфимской провинции должность вице-губернатора. 7 ноября 1740 г. на эту должность назначается бригадир Петр Дмитриевич Аксаков, служивший в 1739 г. уфимским воеводой⁶¹. В инструкции Сената от 26 июня 1741 г. предписывалось: «...будучи в Уфимской провинции вице-губернатором, поступать по данному в 728 году губернаторам и воеводам с товарищи генеральному наказу и пополнительной, в том же году данной отправленному в Уфу воеводою бригадиру Петру Бутурлину инструкции ... что же принадлежит до осторожности от башкирского замешания и чаемых от того впредь опасностей, о том ему иметь сношение с Башкирскою комиссиею и поступать по наставлениям тамошнего генералитета, который для усмирения оных воров башкирцев нарочно для того в тех местах определен...»⁶².

После смерти Урусова, последовавшей 22 июля 1741 г., указом от 14 августа обязанности начальника Оренбургской комиссии были временно возложены на генерал-лейтенанта Леонтия Яковлевича Соймонова⁶³. Еще будучи начальником Башкирской комиссии Соймонов пытался проявить себя как администратор-преобразователь:

в каждой дороге Уфимского уезда ввел должность главного старшины⁶⁴, в 1739 г. начал перепись башкир⁶⁵, а в 1740 г. направил в Кабинет «представление» об учреждении в Уфимском уезде особой Закамской провинции с центром в Мензелинске⁶⁶. В этой крепости с застенком с весны 1737 г. находилась штаб-квартира Соймонова, здесь в продолжение четырех лет он периодически устраивал публичные экзекуции.

Получив новое назначение, генерал должен был выехать в Самару, но остался на прежнем месте. Историк А. Алекторов пишет, что он очень боялся быть убитым по пути в Самару⁶⁷, а В. Витевский сообщает, что башкиры даже покушались на его жизнь⁶⁸. Другой причиной задержки была ссора с П.Д. Аксаковым, прибывшим в Уфу 14 октября 1741 г.⁶⁹ Вице-губернатор разрешил башкирам не ездить в Мензелинск, где они, несмотря на добровольную явку, нередко подвергались суровому наказанию. Впервые за многие годы увидев внимание со стороны начальства местные жители стали в массовом порядке подавать жалобы. Узнав о добрых переменах на родине, стали возвращаться из Казахстана беженцы. Снова стали собираться запрещенные собрания и йыйыны. Движение за восстановление законной справедливости возглавил старшина Каршинской волости Казанской дороги Аракай Акбашев. Челобитные с помощью Аксакова уходили в столицу. Почувствовав опасность, «верные» старшины сплотились вокруг Соймонова. Арест Аракай еще более озлобил башкир, после чего генерал начал передвигаться только в сопровождении надежной охраны⁷⁰.

Только 2 февраля 1742 г. Соймонов смог выехать в Самару. Но в пути он получил указ о назначении начальником Оренбургской комиссии тайного советника Ивана Ивановича Неплюева, а ему было велено явиться в Москву⁷¹. Ранее туда отправились и преданные ему старшины под предлогом поздравления императрицы Елизаветы Петровны с вступлением на престол. «Группа поддержки» Соймонова состояла из 22 человек. Кроме 12 служилых башкир и мишарей, в числе депутатов находились представители всех четырех дорог: от Казанской – старшина Каршинской волости Шерып Мряков, от Осинской – мулла Елдякской волости Ахмер Асанов, от Сибирской – старшина Шайтан-Кудейской волости Шиганай Бурчаков и старшина Сунларской волости Якуп Чинмурзин, от Ногайской – старшина Кара-Табынской волости Кидряс Муллакаев; кроме того, были мишарский

старшина Яныш Абдуллин, мишарский сотник Иткай Кильмаев и башкирский сотник Ибраш Кутуев⁷². Внезапная смерть в начале 1743 г. избавила генерала от разбирательств⁷³.

Для знаменитого правителя Оренбургского края И.И. Неплюева эта служба началась как политическая ссылка, вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны⁷⁴. Именной указ о его назначении был подписан 16 января 1742 г.⁷⁵ 26 апреля Неплюев прибыл в Самару и в начале мая принял дела у Соймонова⁷⁶, причем под его команду переходили одновременно Оренбургская комиссия и Башкирская комиссия⁷⁷. В июне тайный советник отправился в инспекционную поездку. Навстречу ему из Уфы выехал Аксаков. 10 июля в Бердской крепости они встретились⁷⁸. Видимо, Неплюев был немало удивлен, увидев вице-губернатора в окружении 500 вооруженных башкир, добровольно взявшихся сопровождать своего покровителя. На совещании были обсуждены вопросы управления краем и башкирские дела. Для их успешного выполнения необходимо было провести перепись. Это непростое мероприятие взял на себя Аксаков⁷⁹. Тогда же решили направить в Сенат доношение о прекращении деятельности Башкирской комиссии «за успокоением бывших башкирских замешаний»⁸⁰.

В Бердской крепости Неплюев принял решение о строительстве на этом месте нового Оренбурга, которое было подтверждено правительственным указом от 15 октября 1742 г.⁸¹ В мемуарах Неплюев заканчивает обоснование своего решения так: «Для всех сих обстоятельств и более для ближайшего надзирания над склонным к бунтам башкирским народом, внутри тех линий поселенном, избрал я место ниже по течению реки Яика прежде означенной главной крепости 250 верст и основал тут крепость, которую и наименовал, следуя первому названию, Оренбургом»⁸².

Среди ошибок, вменяемых И. Кирилову, историки часто называют неправильный выбор места для Оренбурга. На наш взгляд, это неверно. Во-первых, вовсе не Кирилов, а Тевкелев является автором этой идеи, во-вторых, не следует забывать, что город задумывался как плацдарм и отправной пункт для Оренбургской экспедиции. Именно отсюда лежал наиболее короткий, удобный и безопасный путь к Аральскому морю⁸³.

У Неплюева, никак не связанного с только что завершившейся кровавой эпохой, была возможность начать строить отношения с баш-

кирским народом, что называется, с чистого листа. Но он пренебрег этой возможностью, публично казнив 6 сентября 1742 г. в старом Оренбурге содержащегося два года под стражей одного из предводителей повстанцев Юлдаша-муллу Суярембетова⁸⁴.

В начале 1743 г. Неплюев отправился из Самары обследовать пограничные территории. Его путь лежал через Уфу. О своих неприятных дорожных впечатлениях генерал писал 2 февраля Аксакову: «Высокородной и высокопочтенной г-н бригадир и уфимский вице-губернатор, милостливой государь мой! В проезд мой от Мензелинска к Уфе чрез Уфимской уезд и иноверческие жила, самым мною усмотрено, что подлой народ старшинам надлежащего послушания мало чинит, а при том не только от них, но и от главной команды, как я следовал, страх не имеет. Все сие тем более подтверждается, что они будучи небезызвестны, яко я, по высочайшему Е.И.В. указу, как Оренбургской, так равно и Башкирской комиссий главной командир, в разных местах подводы под меня и находившихся при мне с великим огурством (так. — С.Т.) давали, а в иных местах и посланных за тем от старшин били... которые подвод не дали, а иные несмотря на то, что я сам приказывал, чтоб ко мне приезжали, не приехали... Ваше высокоблагородие легко можете рассудить, какие консеквенции могут быть, когда такая подлость будет в безстрашии от главных командиров и определенных старшин надлежащим образом слушаться не станет. А при том Вы совершенно изволите ведать, с каким государственным убытком и многим пролитием крови человеческой весь оной своевольной народ обуздан и по многим трудным действием в страх и подданническое послушание едва приведен, так что прежних следствий и опасаться от них не можно, ежели оные не будут допущены так своевольно и безстрашно жить, как живали, чего всемерно наблюдать иже должно. В противном случае сей легкомысленной и к противностям весьма склонной народ легко может страх и доброй порядок от себя отторгнуть, приттить в прежнее усильство и время от времени к большим противностям приходить, так что наконец ничего инаго ожидать, как прежних или тому подобных затруднений...»⁸⁵.

С 30 января по 7 февраля Неплюев находился в Уфе. Видимо, здесь обозначались принципиальные противоречия между двумя администраторами, впоследствии переросшие в открытое соперничество и противостояние. Начальник Оренбургской комиссии имел возможность воочию убедиться в том, что симпатии местных жителей

принадлежат Аксакову. Последний был правителем реально существующей Уфимской провинции, а в будущем мог стать во главе одноименной губернии, идея создания которой уже созревала.

В Уфе Неплюев и Аксаков приняли ряд решений по делам Оренбургской комиссии и Уфимской провинции. «Верным» старшинам во главе с Шерыпом Мряковым и Ахмером Асановым было объявлено, что с нынешнего лета для башкир и мишарей начнется караульная служба по Яику, начиная от нового Оренбурга до Орска и далее до р. Кызыл, «которая их служба сколько Е.И.В. в угодность будет, а наипаче в пользу их самих, ибо то для охранения их же, башкирских, жилищ от киргис-кайсаков делается, которые прежде сего своими набегами немалые им разорения причиняли, а чрез то ныне от них во охранении и покое остаются». Затем Неплюев сообщил о строительстве нового Оренбурга, «которой для их же, башкирского народа, пользы и защищения заводится»⁸⁶.

А. Чулошников так характеризует службу башкир, введенную Неплюевым: «...отрываемые от своих семейств ежегодно, с ранней весны на все лето до глубокой осени, башкиры должны были выполнять эту обязанность «каждый о дву конь на своем собственном содержании», без всякой поддержки со стороны правительства, терпевшая крайнюю нужду, так что иные, «имея в содержании себя недостаток, принуждены все и имеющееся при себе оружие и лошадей продавать и в дома пешие с великою нуждою и в глубокую зиму возвращаться». Тяжесть этой повинности усугублялась еще тем, что кроме несения ее башкиры привлекались одновременно к ряду посторонних и зачастую совсем не предусмотренных служб: подводной гоньбе, разным разъездам, «партикулярным услугам к тамошним командирам» и другим подобным обязанностям... еще определение местных властей 1742 г., намечавшее для этой цели также 2500 человек, считало нужным подчеркнуть, что, привлекая башкир «под видом службы» к разным разъездам и посылкам, «хотя б в том и дальней нужды не было», не следует никогда останавливаться перед тем, чтобы при известных обстоятельствах этот наряд увеличить... вся эта крайне тягостная повинность часто не вызывалась действительными нуждами обороны края, а служила для местной администрации лишь ловким прикрытием для постепенного политического обезоружения башкирского народа»⁸⁷.

На строительство Оренбурга было привлечено 1526 башкир и 707 тептярей и бобылей. Несколько позже на казенные работы стали привлекать мордву, черемисов и чувашей, переселившихся из Казанской губернии в Оренбургскую. Здесь люди массами умирали от непосильного труда и болезней⁸⁸.

Из Уфы Неплюев направился через Красноуфимскую крепость и Екатеринбург в Исетскую провинцию. Он осмотрел Теченскую слободу, Миасскую, Иткульскую, Челябинскую, Чебаркульскую крепости, Шадринск, где 10 марта встретился с сибирским губернатором Алексеем Михайловичем Сухаревым. В конце апреля он выступил к Цареву городищу, откуда по Тоболу и Ую дошел до Верхояицкой крепости, 14 июня прибыл в Орск, а в начале августа – в Оренбург, где с 19 апреля полным ходом шла работа под руководством генерала Штокмана. На протяжении всего маршрута Неплюев наметил места для будущих крепостей⁸⁹.

5 февраля тайный советник отправился в Москву и представил в Сенат свой план по образованию Оренбургской губернии. Указ об этом был подписан 15 марта 1744 г. Неплюеву поручалось управление губернией и ведение всех пограничных дел. В связи с этим должность уфимского вице-губернатора была упразднена, а Аксаков 19 июня 1744 г. получил отставку⁹⁰.

В своем «Представлении» императрице Елизавете Петровне Аксаков писал, что «Неплюев и определенные от него тщались, помогая народным разорителям с их помощники и согласники, закрывая свои непорядки и нерадение... И как он с умыслу представлял, дабы учинить Оренбургскую губернию и башкирской народ взять к себе в точную команду, а меня оттуда выжить, ибо я оной народ в спокойство привел и больше их разорять и обижать не дал и разорителей нашел и вредное пресек, а ево, Неплюева, до вспомогательства не допускал...»⁹¹.

Неплюев вышел победителем из этой борьбы. Ему даже удалось с помощью таких уфимских чиновников, как ассессор Ф. Мертваго, прокурор С. Зубов и башкирских «верных» старшин, обвинить Аксакова и начать против него следствие⁹². Не повезло правозащитнику XVIII в. и на историков, которые в течение полутора веков, начиная с Р.Г. Игнатьева, В.Н. Витевского и заканчивая современными, пишут о его «злоупотреблениях и взятках»⁹³. Но в народе он оставил о себе добрую память. Через 12 лет Батырша писал: «Весь народ, все знат-

ные и престо­на­ро­дье без­гра­ни­чно вос­хва­ля­ли ве­ли­ко­ду­шие Ак­са­ко­ва: он без вни­ма­ния и при­стра­стия к бо­гат­ству и чи­ну бо­га­тых и чи­нов­ных зло­де­ев, так арес­то­вы­вал и ук­ро­щал их, что в го­ро­дах все пра­ви­те­ли под­ья­чие и дру­гие, ко­то­рые взя­тки бра­ли, не сме­ли брать ни од­ной по­лу­шки»⁹⁴. От­няв у Ак­са­ко­ва Баш­ки­рию, Не­плюев пре­вра­тил Орен­бург в глу­бо­ко эше­ло­ни­ро­ван­ный фор­пост, на­це­лен­ный на Вос­ток.

Ви­тев­ский так оце­ни­ва­ет ре­зуль­та­ты де­я­тель­но­сти сво­е­го ге­ро­я: «...во всем Орен­бург­ском крае при Не­плюеве было око­ло 114 ук­реп­лен­ных мест, из них бо­лее по­ло­ви­ны были ос­но­ва­ны, ус­тро­е­ны и за­се­ле­ны бла­го­да­ря инициативе, за­бо­там и энер­гии это­го за­ме­ча­тель­но­го де­я­те­ля. Не­плюев ви­дно хо­ро­шо осоз­на­вал горь­кую ис­ти­ну: «если же­ла­ешь ми­ра, будь го­тов к вой­не», а баш­кир­ские бун­ты, про­дол­жа­в­шиеся око­ло двух ве­ков, еще бо­лее дол­жны были убе­дить его в не­об­хо­ди­мо­сти этой пре­дос­то­ро­ж­но­сти»⁹⁵.

3. Башкирско-казахские отношения в период восстания 1755 года

По­гра­нич­ные крепостные линии становились причиной конфлик­тов между каза­ха­ми и при­бы­ва­ю­щим по­то­ком пе­ре­се­лен­цев. Ка­за­хи Сред­не­го жу­за были не­до­воль­ны тем, что в ре­зуль­та­те стро­и­тель­ства Ишим­ской ли­нии их ли­ши­ли паст­бищ в ме­ж­ду­ре­чье И­ши­ма и Ир­ты­ша, еще рань­ше за­пре­ти­ли ко­че­вать на пра­вом бе­ре­гу Ир­ты­ша. Зи­мой 1754–1755 г. ко­чев­ни­ки от­кры­то пе­ре­се­ка­ли кор­дон и всту­па­ли в кон­фликт с по­гра­нич­ны­ми вла­стя­ми. Под­дан­ные сул­та­на Аб­лая го­во­ри­ли рус­ским: «По­ра де вас за Вол­гу про­гнать по-преж­не­му»⁹⁶. Ка­за­хи Мла­д­ше­го жу­за про­тес­то­ва­ли про­тив огра­ни­че­ний в пе­ред­ви­же­нии в ме­ж­ду­ре­чье Яи­ка и Иле­ка. Стро­и­тель­ство в 1754 г. крепо­сти на Иле­цком ме­сто­ро­ж­де­нии вы­з­ва­ло воз­му­ще­ние всех мест­ных на­ро­дов, ис­по­кон бес­плат­но поль­зо­ва­в­ших­ся иле­ц­кой со­лью. Баш­ки­ры вос­при­ня­ли за­ме­ну яса­ка обя­за­тель­ной по­куп­кой соли по за­вы­шен­ной цене как но­вое по­ку­ше­ние на их вот­чин­ное пра­во.

Во вто­рой тре­ти XVIII в. ца­ризм ак­ти­ви­зи­ро­вал по­ли­ти­ку хри­сти­а­ни­за­ции. В 1731–1732 гг. на­ча­ла дей­ство­вать Но­во­кре­щен­ская ко­мис­сия, за­тем ука­зом им­пе­ра­три­цы Ан­ны Иоан­но­в­ны от 11 сен­тяб­ря 1740 г. была уч­ре­ж­де­на Кон­то­ра но­во­кре­щен­ских дел для обра­ще­ния

в православие мусульман и язычников Казанской, Астраханской и Воронежской губерний. Во главе этого учреждения был поставлен архиепископ Казанский и Свияжский Лука Конашевич, прозванный нерусскими народами Аксак Каратуном. К середине 1750-х годов Луке удалось окрестить в Казанском крае 269213 душ⁹⁷. 19 ноября 1742 г. Сенат издал указ о сломе всех вновь построенных мечетей в Казанской, Астраханской, Сибирской и Воронежской губерниях⁹⁸. В течение неполных двух лет в одной только Казанской губернии было закрыто и разрушено 418 мечетей из 536⁹⁹. В Уфимском уезде мечети были оставлены «впредь до указа».

Нередко православные учреждения действовали сверх правительственных установлений. Так, Казанская архиерейская духовная консистория 22 сентября 1743 г. издала указ «Уфимским духовным делам» описать мечети в Уфимском уезде. Это встревожило вице-губернатора П.Д. Аксакова. 23 ноября он доносил в Сенат: «...А как Уфимская провинция состоит особо под ведением Правительствующего Сената, да Уфимского уезду башкирцы на особых основаниях указах состоят, и без указа ис Правительствующего Сената в Уфимском уезде имеющиеся мечети описать Уфимской провинциальной канцелярии небезопасно как нового дела, дабы башкирцы не поставили себе в тяжесть, ибо сего 1743 года минувшего февраля 5 числа по данным ими прошениями просили, чтоб старые мечети вновь построить, о чем в Высочайшеуправляющий Сенат мая 23 числа сего 1743 года донесено, и на оное от Правительствующего Сената нижайше требуется резолюция»¹⁰⁰.

21 марта 1751 г. Сенат рассмотрел представленное И.И. Неплюевым предложение митрополита Tobольского и сибирского Сильвестра Гловацкого Исецкой провинциальной канцелярии. Бывший руководитель Новокрещенской комиссии предлагал объявить провинившимся в чем-то одиннадцати башкирам Салжеутской волости, что в случае принятия ими «веры греческого исповедания они не только не будут отосланы в Tobольск, но и вовсе получают прощение». На это Салей Бускунов, якобы, заявил: «... воля де нашей государыни, хотя смерти предаст, креститься не желаю и не буду...» Обсудив дело Сенат пришел к мнению о том, что башкиры «в богопротивном своем магометанском законе толь крепки и замерзели, что весьма сумнительно, дабы они, по легкомыслию своему, в разсуждение онаго своего закона не впали в какое крайнее отчаяние... легкомыслию и

отважности их пример последнее их замешание, ибо под видом, якобы охраняя свои вольности и земли, почти ни за что бунтовали и помирали, к чему хотя может быть ныне и не отважатся, зная, что ограждены крепостями, в которых военные регулярные и нерегулярные люди есть, но того больше опасно, чтоб не устремились многие на побег в киргис-кайсаки и другие орды и тамо будучи, пустых эхов не наплодили... В разсуждении ж сего... до будущей резолюции оных требуемых от преосвященного Сильвестра митрополита башкирцов не токмо к нему не отсылать, но и в провинциальную канцелярию по таким делам не забирать...»¹⁰¹.

Следовательно, в правительстве были люди, трезво оценивавшие обстановку в башкирском крае и не желавшие доводить ее до очередного кризиса. После опубликования указа от 16 марта 1754 г. о запрете бесплатной добычи соли жителям Уфимского уезда среди башкир снова стали нарастать мятежные настроения. Однако неблагоприятный баланс сил и отсутствие харизматических лидеров удерживали их от самостоятельного выступления. Состояние башкирского общества в середине XVIII в. путешественник Георги охарактеризовал такими словами: «Из давняго уже времени не имеют они у себя ханов, также и дворянство у них в смятениях их истребилось»¹⁰².

Поэтому башкиры решили поднять всеобщее восстание мусульман России. В качестве идейного руководителя им требовался хорошо известный, авторитетный религиозный деятель. Для этой роли подходил мишарский мулла Абдулла Алиев. Батырша (прозвище) согласился с предложением. Он составил ряд воззваний к населению. Одно из них сохранилось. В.Н. Витевский и ряд других историков ошибочно полагают, что оно было адресовано башкирам. Но башкир не было необходимости агитировать, оно предназначалось другим мусульманам, в первую очередь, казанским татарам¹⁰³.

Современник событий Рычков пишет, что Батырша «...еще в 1754 году, как то по допросам открылось, по всей Башкирии и в другие места ездил с истолкованием своего закона, рассеяв в народ разные возмутительные мысли и якобы еще в том же 1754 году со многими волостями согласился, чтоб сделать бунт и усилясь склонить на то, с одной стороны, в Казанской губернии живущих магометан, а с другой киргизцев и прочих тамошних народов, а потом рассыл в разные места возмутительное письмо, сочиния его весьма ухищренно на основании нечестивой своей веры...»¹⁰⁴. Впоследствии Ба-

тырша вспоминал, что уже летом 1754 г. весь Башкортостан знал о готовящемся восстании. Непосредственным поводом к началу выступления стали беззакония некоего Брагина, начальника горно-изыскательских работ, присланного из Петербурга для поиска и обработки цветных камней. Брагин и шесть его товарищей, в числе которых были две женщины, несколько лет работали в Бурзянской волости около озера Талкас. При этом Брагин, по свидетельству старшины Усерганской волости Кувата Кинзягулова, делал башкирам «обиды побоями и взятками, а особливо что де у многих жен и хороших дочерей отнимал и содержал при себе для блудодейства»¹⁰⁵. Неоднократные жалобы башкир Неплюеву и Тевкелеву были безрезультатными.

15 мая группа башкир расправилась с Брагиным и razорила ближайший почтовый стан. Узнав об этом, губернатор немедленно выслал воинскую команду. До ее подхода 124 бурзянца с семьями бежали к казахам. 21 мая они переправились через Яик между Кизильской крепостью и Березовским редутом. Для наглядности сообщаем читателям наименование фортификационных сооружений вдоль р. Яик в порядке расположения: Магнитная кр., Янгельский и Сыртинский ред., Кизильская кр., Грязнушинский ред., Березовский ред., Уртазымская кр., Орловский ред., Таналыкская кр., Тереклинский и Калпацкий ред., Орская, Губерлинская и Ильинская кр. Среднее расстояние между пунктами равнялось 20-25 км. После переправы башкиры разгромили пытавшуюся преградить им путь команду капитана ландмилицкого Сергиевского полка Григория Лядомского и ушли в степь. Через два дня они были встречены казахами и разделены на две группы: одна была уведена в Младший жуз, в кочевья старшины Джагалбайлинского рода Серки-батыра, другая – в Средний жуз, к увак-гирейцам и кипчакам. Дорога в казахские улусы заняла 8 дней¹⁰⁶. Башкирские народные предания указывают, что после убийства Брагина бурзянцы бежали в сторону Кустаная¹⁰⁷. Оставив семьи, повстанцы в сопровождении казахов двинулись обратно за имуществом и скотом. Согласованность действий башкир и казахов указывает на то, что имела место предварительная договоренность, и казахи знали о готовящемся восстании. О переговорах накануне восстания свидетельствуют и документы. В частности, известно, что один из организаторов восстания – старшина Бурзянской волости Бикбулат Аркаев сообщался с казахами¹⁰⁸. Впоследствии власти установили, что осе-

нию 1754 г. башкиры ездили в Средний жуз и договорились, чтоб «по разорении всех от Воздвиженской к Верхояицкой крепости почтовых станом и ближних заводов и крепостей в той Орде приняты были, что де киргис-кайсацкой Аблай-салтан в таком случае учинить и обещал»¹⁰⁹.

Летом 1755 г., вернувшись из поездки в сторону Оренбурга, Батырша сообщил своим единомышленникам, что все башкиры Ногайской дороги «уже с киргизцами чрез посланных давно с Среднею ордою согласились и как де башкирцы к ним за Яик в орду з женами и з детьми и со скотом уберутца, тогда де и они киргизцы с ними башкирцами пойдут на российские города с войною для разорения...»¹¹⁰.

Примечательно, что руководители семиродцев, приютившие башкир, были единомышленниками Абулхаира в период принятия российского подданства. Старшина джагалбайлинцев Рысбай в 1731 г. был послан Абулхаиром к Алдару Исекееву. Главный старшина семиродцев Исет-батыр, совместно со старшинами Букенбаем и Худайназаром, активно способствовал успешному осуществлению миссии Тевкелева. Худайназару пришлось даже провожать российского дипломата до Уфы, чтобы спасти его от расправы казахов. Отсюда видно, что некоторые представители казахской знати, находившиеся у истоков казахско-русских связей, со временем изменили свои взгляды. Не исключено, что хан Младшего жуза Нурали и его братья султаны Айчувак (правитель семиродцев) и Ирали (правитель алиулинцев) также знали о готовящемся восстании. Известно, что Нурали выражал свое недовольство по поводу строительства русской крепости на р. Илек и порядком содержания его сыновей в качестве аманатов в Оренбурге¹¹¹.

Неплюев чутьем почувствовал всю опасность ситуации. Он решил во что бы то ни стало разрушить союз двух народов, дабы не повторились события 1740-х годов, когда бежавший из Башкортостана Карасакал сумел установить тесные связи с казахами и доставил немало хлопот российской администрации. 29 мая он направил Нурали письмо с требованием «злодеев-башкирцов в киргис-кайсацких улусах ограбить и разобрав по разным рукам, пленниками учинить». 7 июня аналогичное письмо было направлено правителю Среднего жуза Аблау¹¹².

Нурали не сразу выполнил требование, и губернатору пришлось проявить настойчивость. Раз за разом он направлял хану, султанам и

знатым старшинам депеши с подарками, укорял хана за то, что его подвластные вместе с бунтовщиками-башкирами «между башкирских жилищ шатаются». 10 июля он доносил в Сенат, что употребляет все силы для возвращения беглецов, ибо «ежели так оставить, то сие башкирцам весьма соблазном будет, яко башкирской народ весьма жестокой и отчаянной, паче киргисцов...». На это Сенат рекомендовал действовать осторожно, а с Нурали-ханом видеться персонально и склонить его к выполнению указания, напоминая ему и другим о той пользе, которую они получили с вступлением в российское подданство¹¹³.

Тем не менее губернатор отдал военным приказ поступать «не щадя не токмо жилищ, но самих башкирцов, жен их и детей, для вкоренения страха к недопущению сему злу распространиться»¹¹⁴. В Бурзянской волости были проведены массовые аресты. Большинство схваченных, независимо от степени вины, было замучено в застенках Оренбурга и других крепостей. Причем Неплюев принимал личное участие в пытках и казнях. Вот как описывал его методы знаток местной истории оренбуржец И.В. Чернов: «Тайный советник Иван Иванович Неплюев был разумный, деятельный, но строг до жестокости в исполнении своих приказаний, которые не отменял, каждое дело доводил до конца, не стеснясь в принятии мер к устранению препятствий. Он строгими мерами усмирив второй бунт башкир, казнями, им самим придуманными. Из них приведу одну. Он приказал построить на льду р. Сакмары, когда она замерзла, избу; потом выкликивались из собранных по именам башкиры, замеченные в неблагонадежности, для допроса. Как только входил башкир в избу, стоявшие внутри солдаты спускали его в прорубь под лед. Таким образом исчезали с лица земли все входившие, а возвращавшихся не было, хотя и было оповещено, что народ собирается для совещания, но по объему избы догадались, что входящие в избу спускаются без всякого шума в воду, и народ с берега разбежался...»¹¹⁵.

В центре волости в спешном порядке была возведена новая Зилаирская крепость. На всем протяжении тысячекилометровой крепостной линии вдоль восточных и южных границ Башкортостана были усилены караулы за счет прикомандированных донских, яицких казаков и крещеных калмыков. Им разрешили присваивать скот и имущество башкир, которые будут уничтожены при попытке пересечения границы. Татарам, мишарам и тептярам, проживающим в Башкортостане,

стане, разослали грамоты с призывом выступить против башкир, которые якобы хотят поработить их¹¹⁶.

Усилия Неплюева не пропали даром. Нурали, находившийся в своем улусе по нижнему течению Яика, наконец, решился действовать и сообщил об этом Ирали. Султан из приаральских Каракумов прибыл в Оренбург, где получил от Неплюева инструкции вместе с подарками и обещанием за каждого приведенного башкира по кафтану. В середине июля на р. Илек прошло совещание представителей верхушки Младшего жуза, которое вынесло нужное начальству решение¹¹⁷. Через несколько дней алчинцы (род из объединения Алиулы) Ирали-султана напали на бурзянцев и приютивших их джагалбайлинцев¹¹⁸. Получив долгожданную весть, Неплюев 28 июля приказал султану прислать к нему башкир, а их женщин, детей и имущество разрешил оставить себе.

Майский инцидент не перерос в восстание, что, вероятно, было предусмотрено организаторами. Позже выяснилось, что Батырша хотел дать сигнал для всеобщего выступления своим походом на Уфу во главе 12 тысяч башкир Гайнинской волости¹¹⁹. Однако перед решительными действиями он решил уточнить обстановку вблизи Оренбурга и согласовать действия с южными башкирами. В первой половине июля Батырша выехал из дома. Об этом путешествии он впоследствии подробно напишет в своем письме императрице Елизавете. До самого конца губернские власти не догадывались о подлинной роли муллы. В Оренбурге ему даже предложили должность ахуна Сибирской дороги. Документы указывают, что он тайно встречался не только с башкирами, но и с казаками. На допросе один из повстанцев признался, что «Батырша-мулла и нынешним летом в страдную пору, в Оренбурх для того ж соглашения с ахуном Ибраем и с переводчиком Якупом Гуляевым и с киргисцы к бунту, как и в прошлом году ездил»¹²⁰. Через месяц Батырша вернулся в деревню Карыш-баш, в северной части Башкортостана.

В июне произошел еще один инцидент. Патруль во главе с капитаном напал на группу бурзянцев, в которой находилась семья старшины Бек-Булата. В ходе столкновения погибло 27 башкир, остальные были взяты в плен¹²¹.

Восстание началось 8 августа. В этот день в деревне Зяпаново Бурзянской волости, близ Кано-Никольского завода, башкир, бежавший в мае к казакам, поднял своих сородичей. Башкиры расправи-

лись с недавно приставленным Неплюевым мишарским старшиной и его людьми. На следующий день они появились около Преображенского и Вознесенского заводов, 11 августа окружили Зилаирскую крепость. Вслед за бурзянцами поднялись усергены, тангауры, тамьяне и кипчаки.

По разрозненным, отрывочным архивным сведениям можно более или менее подробно восстановить картину бегства башкир в Казахстан. Первыми за границу устремились бурзяне во главе с сотником Умитом. Свыше тысячи человек, пройдя через гору Ирендык, приблизительно 12 августа пересекли Яик между Янгельским и Сыртинским редутами. На перехват им бросились из Кизильской крепости майор Амачкин, из Магнитной – поручик Полников (Пальчиков?). В 30 верстах за Яиком произошел бой. Отбившись от преследователей, бурзянцы разделились на две группы: одна направилась в Младший жуз и через 4 дня пришла к джагалбайлинцам; другая – в Средний жуз, где, в свою очередь, разделилась на две части: первая – через пять дней остановилась в улусе Танабугацкого рода; вторая – через 7 дней пришла к кипчакам¹²². Второй поток во главе со старшиной Усерганской волости Куватом Кинзягуловым 11 августа двинулся на восток со стороны р. Куруил (правый приток Сакмары). Отдельно от него две небольшие группы усергенов ушли в южном направлении, форсировав Яик по обеим сторонам от Ильинской крепости, и были сразу встречены казахами. Приблизительно 13 августа отряд Кувата, в котором было 700 дворов Усерганской, Тангаурской и Бурзянской волостей, разделился на две части. На следующий день одна часть прошла выше Таналыкской кр., а другая – ниже, между Тереклинским и Калпацким ред. На исходе дня в 20 верстах от Яика башкиры были встречены казахами. Бурзянцы и тангаурцы были приняты увак-гирейцами и кипчаками Среднего жуза, а усергены ушли с табынцами старшины Миньяшара в Младший жуз¹²³. Старшина Куват вскоре отправил 1500 мужчин обратно, чтобы поднять центральный Башкортостан. Но Неплюев успел поставить в Бугульчане отряд секунд-майора фон Боргентрейха и перекрыть пути. Третий поток под командой старшины Бушмас-Кипчакской волости Сатлыка Явкеева и сотника Аптрака Явгостина вышел со стороны Бугульчана и сформировался в пути из кипчаков, тамьянцев и небольшой группы бурзянцев общей численностью свыше двух тысяч человек. 15 августа они уничтожили Покровский завод, 18 августа близ

Зилаирской кр. разбили команду капитана Шкапского и двинулись в Зауралье. Обойдя с двух сторон Уртазымскую кр. башкиры переправились через реку и направились в кочевья кипчаков Среднего жуза¹²⁴. Четвертый поток из тамьянцев и кипчаков во главе со старшиной Масыгутом прошел между Магнитной кр. и Янгельским ред. При переправе произошел продолжительный жестокий бой с казаками и калмыками. Уцелевшие башкиры бежали в Средний жуз. Через некоторое время на этом же участке прошла еще одна партия кипчаков, которая в степи была атакована казаками во главе с Ирали-султаном¹²⁵.

Таким образом, определенно устанавливается, что в Казахстан бежало не 50 тысяч башкир, как указывается в ряде изданий, а около 10 тысяч.

Оставив семьи, повстанцы с казаками стали совершать рейды в Башкортостан, нападать на Яицкую и Сибирскую пограничные линии. Партизанская война продолжалась до глубокой осени. Правда, существенной помощи от казахов не последовало. Султан Аблай, к несчастью для башкир, откочевал на юг для решения собственных проблем с Джунгарией и Китаем. Нурали же изначально не годился в союзники. Тем не менее, ситуация в крае стала угрожающей: если бы Батырше и башкирским старшинам удалось поднять Башкортостан и Поволжье и опереться на часть казахов, то последствия были бы серьезными.

В августе Нурали и Ирали находились в верховьях Илека. Получив известие о нахождении большой группы башкир в верховьях Ори (это были усергены Кувата) у джагалбайлинцев и табынцев, они с тысячью вооруженных алчинцев направились туда. Прибыв в кочевья Серки-батыра, Нурали спросил: «Почему эти башкиры скрылись здесь?». В ответ услышал: «...Господин генерал ни разу нас не выслушал и прошения наши не пересылал Ее Величеству. Людей наших захватывал и истреблял, подвергая их тысяче мучений. Прежде у нас были свои земли и воды, а теперь уже нет... В разных наших местах понастроили крепостей, чтобы в дальнейшем не ходили так свободно. Лес рубили мы, землю копали мы, каменщиками были мы; подводчиками, в службе и караульными были мы. Бесплатная наша соль стала 35 копеек за пуд... Если падишаху не нужны рабы, то нам не нужна земля и вот мы пришли... Тот день, который пришел для нас — он придет и для вас, казахов... Там нас притесняют и, если мы по

бедности не находим имущества, чтобы расплатиться, нас принуждают перейти в русскую веру... Не находя у себя никакого милосердия... пришли...»

На требование хана выдать беженцев, джагалбайлинцы ответили категорическим отказом, не желая нарушать клятвы, данной на Коране. Завязалось сражение в ходе которого погибло много казахов и башкир, в том числе женщин и детей. Затем аналогичные события произошли в аулах Табынского рода старшины Миньяшара и Таминского рода старшины Исета и в других местах. Действия хана резко осудил влиятельный казахский ходжа Кушум: «Этих пришедших иштеков (башкир) не грабьте, не убивайте, а, захватив, не передавайте, а не то вы будете безбожники». Он же говорил: «А зачем Нурали-хан грабит иштеков? Эти иштеки являются нашими. И какое дело русским до них? Мусульманин есть наш...»¹²⁶.

Избежавшие плена башкиры ушли на зимовку в Средний жуз, часть вернулась домой. Причем пограничные власти не препятствовали им. Рассказы беженцев взбудоражили Башкортостан. Стали стихийно формироваться отряды возмездия. Они также беспрепятственно уходили за кордон. В этом состоял особый расчет Неплюева. В своих мемуарах он писал: «Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадёживателях такое над женами их и над дочерьми наси́льства, принуждены нашлись защищать их с потерянн́ем жизни, и сим способом погибло немало башкирцов и киргисцов... Многие, потеряв матерей, сестер и жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отмщения и воздаяния за обиду обманувших их киргисцам; я в них более старался влагать к ним ненависти... озлобленные башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшие киргизские улусы, многих побили и взяли их жен и детей и весь скот... Сие происшествие положило таковую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»¹²⁷.

Более всех от башкир пострадали алчинцы. Это означает, что башкиры совершали глубокие рейды, вплоть до Аральского моря. Весной 1756 г. восстание переросло в башкиро-казахскую войну. В мае Нурали обратился с жалобой на башкир, на что Неплюев ответил, что этих бед можно было избежать, если бы казахи не оказали прием бунтовщикам. В другой раз хан жаловался, что до него дохо-

дят слухи, будто башкиры «от киргис-кайсак лошадей отгоняют по приказанию генеральскому»¹²⁸.

Политика властей воспринималась подвластным населением как норма, поэтому иногда происходили курьезные случаи. Так, башкиры нередко осведомлялись у русского начальства: «Нет ли дозволенного к езде за Яик для воровства киргизских лошадей указа?». Одна большая группа под командой Даута Аднашева, убежденная в существовании подобного указа, открыто совершила набег на казахов. Впоследствии организаторы были схвачены и наказаны кнутом «в разсуждении их невежества прав». Для предупреждения подобных инцидентов правительству пришлось издать специальный манифест от 12 декабря 1760 г., с опровержением вредных слухов¹²⁹.

Подлинные масштабы готовившегося восстания открылись в начале сентября 1755 г., когда были обнаружены воззвания Батырши к мусульманам России. В преддверии войны с Пруссией это угрожало безопасности государства. Поэтому правительством был принят ряд экстренных мер. 31 августа Коллегия иностранных дел потребовала от астраханского губернатора Жилина принять меры к предотвращению возможных контактов башкир с Турцией, Крымом и Кубанью¹³⁰. 1 сентября вышел манифест, объявляющий прощение всем башкирам, добровольно возвратившимся из Казахстана в течение шести месяцев. Впоследствии сроки неоднократно передвигались и к декабрю 1763 г. сумело вернуться 6879 человек¹³¹. 26 сентября был обнародован манифест служилым и ясачным мурзам и татарам Казанской губернии. Правительство обещало им за выступление против башкир жалованье на два месяца вперед, а также разрешило забирать их имущество, а жен и детей обращать в рабство и продавать. С казанских татар сняли большой доимочный долг в казну, уменьшили натуральные повинности и рекрутский набор в армию. Самой существенной уступкой стало прекращение политики христианизации, ликвидация Новокрещенской конторы и разрешение татарам строить мечети и медресе¹³².

Батырше не удалось поднять татар, мишарей и тептярей. Его небольшой отряд был разбит командой мишарского старшины Яныша Абдуллина, сам Батырша бежал. Из допросов его соратников открылось, что он, в случае неудачи, намеревался скрыться в Казахстане¹³³. В течение года его искали от Казани до сибирского городка Тара, засылали шпионов в казахские улусы. 16 февраля 1756 г. пору-

чик Ураков передавал добытые им сведения о том, что, якобы, беглый мулла находится в Среднем жузе в Кунделен-кипчакском роде у казахов Ураза и Якуба¹³⁴. По признанию самого Батырши, он скрывался близ Бугульмы. Его схватили 8 августа 1756 г. близ родной деревни и осудили на пожизненное заключение в Шлиссельбургской крепости. Он там погиб в 1762 г., вступив в схватку со стражниками. Батырша оставил след в истории не только как борец за свободу, но и как философ-моралист. Его пространное письмо императрице Елизавете, написанное в неволе, является памятником общественной мысли XVIII в. и представляет собой «историко-политический, социально-экономический, этико-философский трактат о Башкирии того времени»¹³⁵.

Итак, восстание 1755 г. не получило развития и осталось локальным выступлением башкир. Тем не менее по своим результатам и значению оно является значительным событием в истории социально-политических движений в России. Правительство вынуждено было навсегда отказаться от прямых посягательств на свободу вероисповедания своих граждан, а это было одним из главных лозунгов восстания.

¹ Материалы по истории России: Сб. указов и др. док., касающихся управления и устройства Оренбургского края. — Т. I. — С. 34-50; *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк. — С. 13-16; Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. — С. 97-101.

² Материалы по истории России: Сб. указов и др. док., касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. II. — Оренбург, 1900. — С. 50, 279.

³ Архив Правительственного Сената. Т. II. — С. 399.

⁴ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. — С. 100; РГАДА. — Ф. 248. — Кн. 143. — Л. 300-300 об.

⁵ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. X, т. 20. — М., 1963. — С. 589.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. — С. 494.

⁷ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. — С. 365.

⁸ ГАОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 114, 258-258 об. 260.

⁹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. — С. 41, 68, 364, 365.

¹⁰ *Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский // Собр. соч. в 8 томах. Т. VIII. — М., 1996. — С. 253.

¹¹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. — С. 31, 32; РГАДА. — Ф. 248. — Кн. 169. — Л. 140.

- ¹² *Добросмыслов А.И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. – С. 9.
- ¹³ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. X, т. 20. – С. 592.
- ¹⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 169. – Л. 156-157 об.
- ¹⁵ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 66.
- ¹⁶ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 145-149.
- ¹⁷ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 182, 226, 230.
- ¹⁸ *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 220; *Доннелли А.С.* Указ. соч. – С. 149-150; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 215, 282; Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 125-126.
- ¹⁹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. X, т. 20. – М., 1963. – С. 597.
- ²⁰ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 344, 380, 456.
- ²¹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XI, т. 21. – М., 1963. – С. 183.
- ²² *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 124.
- ²³ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 134. – Л. 652; Кн. 139. Л. 801.
- ²⁴ Материалы по истории Башкортостана. – Т. VI. – С. 490.
- ²⁵ ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 46.
- ²⁶ Там же. – Д. 3. – Л. 39 об. 40.
- ²⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – М.; Л., 1936. – С. 344; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 430.
- ²⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 343-344.
- ²⁹ *Рычков П.И.* История оренбургская. – С. 83-84.
- ³⁰ *Левшин А.И.* Указ. соч. – С. 130.
- ³¹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 557-560, 586.
- ³² Там же. – С. 592-593, 632, 645.
- ³³ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 209.
- ³⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 583, 588-593, 595, 639.
- ³⁵ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. VIII. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Собраны и изданы под редакцией А.Н. Филиппова (Далее: Сб. РИО). – Юрьев, 1906. – С. 436.
- ³⁶ Там же. – С. 602; *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. – С. 107, 116.
- ³⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 377-494;
- ³⁸ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 145-149.

- ³⁹ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – С. 113.
- ⁴⁰ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – С.22-23.
- ⁴¹ Таймасов С.У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии. – С. 49-50.
- ⁴² Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 455-464.
- ⁴³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 481-482.
- ⁴⁴ Сб. РИО. Т. IV (1735г.). – Юрьев, 1901. – С.146.
- ⁴⁵ Таймасов С.У. О численности башкир, о старшинах и тарханах в период образования Оренбургской губернии// Ватандаш. – 2006. – №10. – С.94-104.
- ⁴⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – С. 230; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 542-543.
- ⁴⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. – С. 98.
- ⁴⁸ Законы Российской империи и башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С.160.
- ⁴⁹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С.189.
- ⁵⁰ Татищев В.Н. Указ. соч. – СПб., 1793. Ч. I. – С.120-122.
- ⁵¹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 544 -545.
- ⁵² Там же. – С. 545-546.
- ⁵³ Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. XI, т.21. – С.183.
- ⁵⁴ Сенатский архив. – Т. III. Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. – СПб., 1890. – С. 264, 293; Т. IV. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. – СПб., 1891. – С. 38-39.
- ⁵⁵ Архив Правительствующего Сената. Т. II. – С. 595.
- ⁵⁶ Таймасов С.У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии. – С.135; Сб. РИО. Т. I. – Юрьев, 1898. – С. 541.
- ⁵⁷ Рычков П.И. Указ. соч. – С.107-108.
- ⁵⁸ ЦГИА РБ. – Ф.6. – Оп.1. – Д.7. – Л.183-186 об.
- ⁵⁹ РГАДА. – Ф.248. – Кн.145. – Л.74-78 об.
- ⁶⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 529.
- ⁶¹ Сенатский архив. – Т. II. Журналы и определения Правительствующего Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг. – СПб., 1889. – С.183; Т. III. – С.175, 394-395, 416-417; Т. IV. – С.29, 150.
- ⁶² Там же. Т. IV. – С. 551.
- ⁶³ Там же. – С. 275.
- ⁶⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 515.
- ⁶⁵ Сб. РИО. – Т. IX. (1739г.) (январь-июнь). – Юрьев, 1907. – С. 533; Т. X. (1739 г.) (июль-декабрь). – Юрьев, 1909. – С. 585.

- ⁶⁶ Архив Правительствующего Сената. Т. II. 1725-1740. – С. 696.
- ⁶⁷ *Алекторов А.Е.* История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883. – С. 32.
- ⁶⁸ *Витевский В.Н.* Указ. соч. – С. 193.
- ⁶⁹ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 256 об. РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 201.
- ⁷⁰ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 201-201 об. Кн. 146. – Л. 312-315; Кн. 147. – Л. 38, 67, 68.
- ⁷¹ *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 144; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 146. – Л. 81; Архив Правительствующего Сената. Т. III. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. 1740-1762/Сост. П. Баранов. СПб., 1878. – С. 86
- ⁷² РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 143. – Л. 968 об. – 969; Кн. 147. – Л. 145; АВПРИ. – Ф. 108. – Оп. 1. – Д. 1. – 1742 г.
- ⁷³ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 146. – Л. 343; Кн. 147. – Л. 49.
- ⁷⁴ Жизнь И.И. Неплюева (им самим написанная). (Факсим изд. «Записок И.И. Неплюева»). – Оренбург: Оренбургская губерния, 2004. – С. 129-135, 140; *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренб. книж. изд-во, 1999. – С. 50-51.
- ⁷⁵ Архив Правительствующего Сената. Т. III. – С. 86.
- ⁷⁶ *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 145.
- ⁷⁷ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 145. – Л. 91 об.
- ⁷⁸ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 143. – Л. 1134 об.; Сенатский архив. Т. VI. Журналы и определения Правительствующего Сената за 1744-1746 гг. – СПб., 1893. – С. 94.
- ⁷⁹ Сенатский архив. Т. VI. – С. 94; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 530-531; *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 149.
- ⁸⁰ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 143. – Л. 1134-1135.
- ⁸¹ *Матвиевский П.Е.* Очерки истории Оренбургского края XVIII-XIX веков/Сост. Г.П. Матвиевская. – Оренбург: Оренбургская книга, 2005. – С. 37.
- ⁸² Жизнь И.И. Неплюева. – С. 136-137.
- ⁸³ *Таймасов С.У.* Было ли ошибкой строительство Оренбурга на реке Орь?// История Оренбурга: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти проф. П.Е. Матвиевского. – Оренбург, 2006. – С. 420-425.
- ⁸⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 657; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 222 – 222 об. Кн. 143. – Л. 1043 – 1043 об.
- ⁸⁵ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 147. – Л. 109-113.
- ⁸⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 516-517.
- ⁸⁷ *Чулошников А.П.* Указ. соч. – С. 40-41.
- ⁸⁸ *Матвиевский П.Е.* Указ. соч. – С. 38-39.

- ⁸⁹ Рычков П.И. Указ. соч. – С.163-168.
- ⁹⁰ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 256 об.
- ⁹¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. – С. 545-546.
- ⁹² ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 15-18, 28-29, 48-50; Д. 2. – Л. 1-2 об.; 26-27 об.; Рычков П.И. Указ. соч. – С. 193.
- ⁹³ Игнатьев Р.Г. Суд над бригадиром Аксаковым/ Изд. Уфим. губерн. стат. ком. – Уфа, 1875; Витевский В.Н. Ук. соч. – С. 179–197, 394; Смирнов Ю.Н. Указ. соч. – С. 161.
- ⁹⁴ Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне /Сост. Г.Б. Хусаинов; Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1993. – С. 107.
- ⁹⁵ Витевский В.Н. Указ. соч. – С. 278.
- ⁹⁶ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – С. 7.
- ⁹⁷ Там же. – С. 65-66; Башкирские родословные. – С. 99.
- ⁹⁸ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. С. 67-68; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 803. – Л. 3-3 об.
- ⁹⁹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 71; Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 66.
- ¹⁰⁰ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 803. – Л. 4-5.
- ¹⁰¹ Сенатский архив. – Т. VIII. Протоколы Правительствующего Сената 1750, 1751 и 1752 гг. – СПб., 1897. – С. 285-287.
- ¹⁰² Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. II. – СПб., 1796. – С. 94.
- ¹⁰³ Подробнее об этом см: Таймасов С.У. Батырша и башкирское восстание 1755 года// Вестник Башкирского университета. – 2005. – №4. – С. 71.
- ¹⁰⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – С. 183.
- ¹⁰⁵ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 200.
- ¹⁰⁶ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 71, 101-101 об.; Д. 63. – Л. 154, 276-278 об.; ЦГИА РБ. – Ф. 1. – Д. 3381. – Л. 107; Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 93.
- ¹⁰⁷ Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. – С. 226.
- ¹⁰⁸ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 204-208, 217.
- ¹⁰⁹ Сенатский архив. – Т. IX. Протоколы Правительствующего Сената 1753-1756 гг. – СПб., 1901. – С. 388.
- ¹¹⁰ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 241.
- ¹¹¹ Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках. – С. 456, 528, 533-534.
- ¹¹² НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 149, 151, 169, 176.
- ¹¹³ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 124-126.
- ¹¹⁴ Жизнь И.И. Неплюева. – С. 144-146.

¹¹⁵ Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XVIII. – Оренбург, 1907. – С. 15-18.

¹¹⁶ Жизнь И.И. Неплюева. – С. 153.

¹¹⁷ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 163-163 об.

¹¹⁸ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 149, 181, 186, 189; Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 95.

¹¹⁹ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 92, 248.

¹²⁰ Там же. – С. 99.

¹²¹ Сенатский архив Т. IX. – С. 391.

¹²² НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 72, 79, 115; ЦГИА РБ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 69, 84, 99; Д. 2. – Л. 31.

¹²³ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 69, 153, 200-201; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 162, 208, 212, 312, 387 об.; ЦГИА РБ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 28, 78 об., 101, 107, 139, 142, 182, 231, 240.

¹²⁴ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 175, 176, 187, 206, 208, 209; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 125, 170, 191, 210, 276, 359 об.; ЦГИА РБ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 70, 73-75, 78, 103, 157, 223, 226; Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 82-84.

¹²⁵ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 168, 175, 176; ЦГИА РБ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 105, 113, 241; Д. 2. – Л. 108.

¹²⁶ НА УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 139. – С. 155-158, 179-180; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 113, 208, 387 об.; Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 98-99, 101.

¹²⁷ Жизнь И.И. Неплюева. – С. 157, 159, 161.

¹²⁸ Чулошников А.П. Указ. соч. – С. 105.

¹²⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Приложение. – С. 85. – Оренбург, 1898; Сенатский архив. Т. XI. 3. Протоколы Правительствующего Сената 1760 г. – СПб., 1904. – С. 471-472; Архив Правительствующего Сената. Т. II. – С. 656.

¹³⁰ ГАОО. – Ф. 3. – Д. 37. – Л. 152.

¹³¹ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – С. 172-175.

¹³² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – С. 358-359.

¹³³ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 346 об.

¹³⁴ Там же. – Д. 38. – Л. 84.

¹³⁵ Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. – С. 5.

Глава VII

ПОД ЗНАМЕНЕМ ПУГАЧЕВА

1. Вместо хана – «справедливый царь»

В документах, составленных государственными деятелями и местными чиновниками, осуществлявшими национальную политику, содержатся порой ценные, порой просто любопытные сведения. Приведем выдержки из двух таких документов, появившихся на свет до восстания.

22 января 1759 г. временно исполняющий обязанности оренбургского губернатора генерал-майор А.И. Тевкелев совместно с П.И. Рычковым писал в Коллегию иностранных дел: «... Хотя и самое многотрудное дело, чтоб в целом народе переменить национальный нрав и застарелые общности, но в разсуждении управления новоподданных народов, какия б они и были, существенная польза наипаче в том состоит, чтоб с самого начала, визнавая их нравы и состояние и употребляя с ними всякую справедливость и умеренность, к тому их направлять и наклонять, чего от них государственный интерес требует. На сие ближайший пример и доказательство здешней башкирский народ, которого о приведении в людскость и в подданническое послушание с начала подданства их по делам надлежащаго учреждения и наблюдения не видно, без чего он от времени до времени, усиливаясь и обогащаясь, по грубому своему состоянию и дикости в великое своеволие приходил. Итак, зделался, что не упоминая прежних их бунтов и вредительных замыслов ис состояния Оренбургской комиссии (чему ныне двадцать шесть лет еще не минуло), дважды уже бунтовать отважился и по многом бывшем кровопролитии едва и разве токмо ныне в состояние людскости приходить начал, а уже более двухсот лет подданным именуется. Что до киргис-кайсака принадлежит, то хотя народной их нрав или паче интерес (ибо они собственных земель

и вотчин так, как башкирцы, не имеют, но кочуют кто где хочет) и основан у них больше на вольности... можно про всех про них до-
нести, что они весьма не толь суровы и упруги, как башкирцы, и во
всем гораздо их понятнее, а особливо между владельцами их и стар-
шинами такие находятся, которые и чрез недавно временные обхож-
дения в такое состояние разума пришли, что людскость и довольное
разсуждение в них видно, чего в башкирцах поныне нет. Одним сло-
вом, можно заключить, что они к обхождению гораздо склоннее не-
жели башкирцы и калмыки...»¹.

5 декабря 1767 г. Екатерина II письменно уведомляла оренбургс-
кого губернатора А.А. Путятина о том, что из Киева пришло извест-
ие о переписке казанских и астраханских татар с крымским ханом,
«касающейся до заведения бунта, будто по причине происходящего
им утиснения в законе». Причем императрица выражала сомнение в
том, что подобные действия могли исходить от татар, что, скорее
всего, это дело рук башкир, ибо «нет нужды вам припамятовать о
бывших от онаго многократных бунтах и сколь сей народ груб, жест-
ток, упрям, стремителен и по самым малейшим поводам ко всяким
колебаниям преклонен...»².

Итак, власть сильно сомневалась в лояльности башкир. Тем не
менее, когда в Оренбургской губернии вспыхнул мятеж яицких каза-
ков во главе с Е. И. Пугачевым, губернатор И.А. Рейнсдорп решил
направить против них башкир. Сразу после получения дурных вестей
он потребовал от старшин прислать в Оренбург 500 воинов. Творение
Неплюева – Оренбург – представляло собой мощную крепость: его
4-метровые стены с двенадцатью бастионами были опоясаны рвом,
внутри находилось около трех тысяч вооруженных людей и 70 пушек.
Этих сил было вполне достаточно для активных наступательных дей-
ствий, но губернатор не решился на это.

1 октября 1773 г. трехтысячный отряд Пугачева подошел к Орен-
бургу со стороны Татищевой крепости, обошел его слева и на следу-
ющий день вступил в Сакмарский городок. 3 октября здесь к нему
присоединились 400 джигитов старшин Кинзи Арсланова и Яманса-
ры Япарова³, успевшие получить письма Пугачева. В своем манифе-
сте «император Петр Федорович» обещал башкирскому народу:
«...отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловля-
ми, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом ва-
шим... всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И бутте подоб-
ными степным зверям...»⁴.

О взаимоотношениях Пугачева с башкирами писали многие и по-разному. Наиболее откровенными были дореволюционные авторы. Приведем высказывания двух авторитетных русских историков. По словам Н.Н. Фирсова, «магометанское духовенство, руководившее прежними башкирскими восстаниями, мечтало создать в башкирских землях независимое ханство и эта политическая мечта воодушевляла башкир в их новой борьбе с русскою властью и покровительствуемым ею капиталом, в борьбе под знаменами русского же царя, не скупившегося на обещания башкирскому народу всяческих льгот и освобождая от произвола общих и заводских властей...»⁵. Н.Ф. Дубровин писал: «Пугачев обошелся со старшинами очень ласково, и, зная их ненависть к русским, предоставил полную свободу разорять все крепости до основания, обещая, что в будущем вся земля в Башкирии будет принадлежать одним башкирцам и все русское население будет выведено»⁶.

После встречи с Пугачевым Кинзя Арсланов тотчас послал в Башкортостан своих агитаторов с манифестами. Рейнсдорп, в свою очередь, 9 октября направил уфимскому воеводе полковнику А.И. Борисову ордер о сборе пяти тысяч башкир; аналогичный указ ушел и в Исетскую провинцию. К концу октября на Стерлитамакскую пристань съехались около четырех тысяч башкир и мишарей; исетским властям удалось собрать менее трех тысяч башкир, мишарей и исетских казаков.

14 октября из Петербурга выехал с войсками генерал-майор В.А. Кар. В начале ноября на Оренбург, с трех сторон, двинулось до шести тысяч солдат. 7 ноября в деревне Юзеево Кар был атакован яицкими атаманами А.А. Овчинниковым и И.Н. Зарубиным, и в ходе двухдневного сражения потерпел поражение. 13 ноября, при подходе к Оренбургу со стороны Самары был внезапно атакован и захвачен в плен почти тысячный отряд полковника П.М. Чернышова. В те дни на сторону восставших перешли отряды башкир и мишарей, отправленные из Стерлитамака на соединение с Каром. Одним из них руководил молодой башкирский батыр Салават Юлаев. Только бригадир А.А. Корфу, командовавшему тремя тысячами человек, собранными в Исетской провинции, Верхнеяицкой и Озерной дистанциях, удалось благополучно добраться до осажденного Оренбурга.

14 ноября войска оренбургского гарнизона и Корфа предприняли большую вылазку. Многочасовой бой закончился безрезультатно. Под

Оренбургом сложилось равновесие сил: осажденные не могли снять блокаду, а повстанцы были не в состоянии взять сильно укрепленную крепость. Тогда Пугачев, уступая требованиям части яицкого казачества, решил прекратить осаду и провести холодную зиму в Яицком городке. Этому намерению воспротивились башкиры, заявившие: «Ты нас уверял, что ты – государь, и обещал, Оренбург взяв, сделать, чтоб губернии не быть, и чтоб мы были оной неподвластны. А теперь бежать хочешь и нас оставить на такую же погубу, которую за мятеж терпели отцы наши, которых казнили смертью; и так мы до того времени тебя никуда не отпустим, покуда ты действительно не исполнишь своего обещания»⁷.

Если в середине ноября, согласно сведениям Рейнсдорпа, под стенами Оренбурга находилось около десяти тысяч человек, из них: тысяча яицких казаков, четыреста илецких казаков, пять тысяч башкир, семьсот ставропольских калмыков, три тысячи оренбургских казаков, татар и заводских крестьян, то уже в конце ноября, по другим источникам, одних только башкир было около тридцати тысяч. Артиллерия повстанцев состояла примерно из восьмидесяти пушек⁸. Всего же в восстании приняло участие около пятидесяти тысяч башкир⁹.

После разгрома Кара восстание стало стремительно распространяться вокруг. Многие башкирские старшины, примкнувшие к Пугачеву, в первые дни были пожалованы в атаманы и полковники и с воззваниями отправлены обратно. Проходя через селения и заводы, они набирали людей. 19 ноября четыре тысячи башкир под командованием старшин Каскина Самарова, Канбулата Юлдашева напали на Стерлитамакскую пристань. Здесь они встретили сильное сопротивление. Следует иметь в виду, что в XVIII в. все населенные пункты в Башкортостане, построенные администрацией, в том числе заводы и пристани представляли собой крепости с военным гарнизоном, артиллерией. После падения Стерлитамака повстанцы захватили Богоявленский завод и Табынск. Затем они разделились: часть повернула на восток на Сибирскую дорогу и Исетскую провинцию, остальные двинулись на Уфу¹⁰.

Окружив уездный город, пугачевцы расположились лагерем в селах Чесноковка, Юрмаш, Богородская. Сначала главное командование осуществлял полковник Каскин Самаров, командирами отдельных отрядов были полковники Канбулат Юлдашев, Каранай Муратов, Ибрагим Мрясов, Тура Ишалин, Ибраш Уразбахтин, Абдусалям

Мамеделин, Кутлучура Саитмамбетов. Вскоре к ним присоединился прибывший из ставки Пугачева полковник уфимский казак И.В. Губанов.

Повстанческие командиры приводили жителей окрестных русских деревень к присяге на верность «государю Петру Федоровичу». Крепостным крестьянам объявляли, что отныне они люди не боярские, а государевы. Большинство крестьян, в том числе заводских, было мобилизовано башкирами. Через десять дней в Чесноковку приехал яицкий казак Иван Зарубин-Чика, получивший от «государя» титул «Высокографское сиятельство, казацкого войска господин главный предводитель Иван Никифорович Чернышев» и командование над всеми повстанческими войсками в Башкортостане. 19 декабря «граф» направил в Уфу ультиматум. Не получив ответа, он с десятью тысячами человек пошел на штурм города. Активные бои продолжались несколько дней, после чего Уфа, так же, как Оренбург, подверглась продолжительной блокаде¹¹.

В начале декабря от Уфы часть повстанцев двинулась дальше. Татарский старшина Ишкильде Ишмурзин направился на запад и захватил Шаранский завод, Бакалинскую и Нагайбакскую крепости. Недалеко от Нагайбака, в Бугульме, расквартировался корпус генерала Ф.Ю. Фреймана, заменившего Кара. Здесь же находилось около двух тысяч башкирских и мишарских конников, вернувшихся накануне из Польши, где они участвовали в подавлении конфедератов. В конце декабря они почти в полном составе перешли на сторону повстанцев¹².

Пугачевцы под командованием Караная Муратова направились в Прикамье. Проходя через Бирск, Ангасякский винокурный завод, дворцовые села Касево, Каракулино и Сарапул, они устанавливали новую власть. Из Сарапула Каранай отправил часть людей на взятие Варзино-Алексеевского медеплавильного, Ижевского передельного заводов, а сам с основными силами двинулся к Мензелинску. Окружив город, повстанцы расположились лагерем в деревнях Гулюково, Деуково, Старое Мазино, Старый и Новый Мелкен, Бикбоу. Командирами отдельных отрядов были пугачевские полковники старшины Бузан Смаков, Тайгузя Мамыков, Ишкара Арсланов, Ишкильде Ишмурзин и др. 26 декабря семь тысяч пугачевцев, поддерживаемые огнем из 14 пушек, бросились на штурм Мензелинска. Бой продолжался весь день, но взять город не удалось. Повстанцы перешли к

осаде. В начале января 1774 г. была осаждена Елабуга, выдержавшая в последующем 12 приступов. Передовые отряды Караная перешли Каму, Вятку и приблизились к Казани¹³.

На Среднем Урале в Екатеринбургском ведомстве, Чердынском и Соликамском уездах на многочисленных заводах работало около сорока тысяч человек. Главному начальнику Екатеринбургского горного ведомства полковнику В.Ф. Бибикову удалось удержать этот район в повиновении и даже использовать крестьян для отражения повстанцев. Кстати, это далеко не единственный случай, показывающий, что не крестьяне, а яицкие казаки и башкиры были инициаторами и главной силой Пугачевщины. Недаром власти разделяли участников восстания на «чернь» и «злодеев».

21, 22 декабря башкиры Осинской дороги, возглавляемые старшинами Абдеем Абдуловым и Батыркаем Иткининым, вошли в пригородок Осу, где их встретили русские крестьяне. Из Осы на Пермский край наступление началось в двух направлениях: Абдей направился на север, с целью прорваться на заводы Чердынского и Соликамского уездов, Батыркай – на восток, к Кунгуру. 30 и 31 декабря Абдей атаковал село Верхние Муллы, но был отброшен. Батыркай с 1300 башкирами, присоединяя по пути заводских крестьян, 2 января дошел до Кунгура – центра Пермской провинции. 4, 9, 11, 16 января город подвергался атаке. Вскоре на помощь Батыркаю пришли мишарский полковник Канзафар Усаев, затем Салават Юлаев и уполномоченный Зарубина табынский казак бригадир Иван Кузнецов. 23 января четыре тысячи повстанцев пошли на штурм Кунгура. Осажденные отбивались интенсивным пушечным и ружейным огнем. 24 и 26 января атаки повторились, но без успеха¹⁴. Неудачи пугачевцев при штурме крепостей объясняются отсутствием у них специальных военных навыков, тяжелой осадной техники, дефицитом пороха и снарядов.

Башкиры, направившиеся из Табынска к Уралу, вошли в Архангельский, Симский, Усть-Катавский, Юрюзанский, захватили Саткинский и Златоустовский горные заводы. События в Исетской провинции и в восточной части Сибирской и Ногайской дорог отличались драматизмом. Уже в первой половине декабря боевые действия развернулись на большом пространстве – от Златоустовского завода до Магнитной крепости. Близ Верхояицкой крепости, в д. Москоу, собрались башкиры Кубалякской, Телевской и Каратабынской волостей под

предводительством Мусы Килкина, Мурата Абталова, Баима Кедяева и других командиров. Повстанцы вступили в бой с войсками генерала И.А. Деколонга, атаковали Уйскую, Карагайскую, Петропавловскую, Магнитную крепости, Белорецкий завод, готовились напасть на Челябинскую крепость.

В начале января 1774 г. в Исетскую провинцию прибыл полковник Иван Грязнов. 10 января Грязнов с пятью тысячами человек атаковал Челябинск, 1 февраля вступил в решительное сражение с Деколонгом. Генерал, не добившись успеха, вскоре оставил Челябинск и отступил к Шадринску, после чего восстание распространилось по всей Исетской провинции и перекинулось на Западную Сибирь¹⁵.

Таким образом, в начале 1774 г. весь Башкортостан оказался во власти восставших. Лишь Оренбург, Уфа, Мензелинск, Кунгур и ряд крепостей продолжали сопротивляться.

Екатерина II назначила новым командующим генерал-аншефа А.И. Бибикова, имевшего опыт в подавлении восстаний. В 1762 г. он усмирал волнения заводских крестьян в Казанской и Сибирской губерниях, в 1771–1773 годах боролся с поляками. Ему дополнительно было выделено шесть тысяч регулярной пехоты и кавалерии во главе с опытными генералами П.М. Голицыным и П.Д. Мансуровым. 26 декабря Бибиков прибыл в Казань. Здесь главнокомандующий объявил сбор дворянского конного ополчения во главе с генерал-майором А.Л. Ларионовым. Первым в наступление перешел Мансуров. Он двинулся к Оренбургу по Самарской крепостной линии. В сторону Уфы были отправлены два отряда: 4 января из Казани выступил полковник Ю.Б. Бибиков, на следующий день – капитан Кардашевский. Через некоторое время вдогонку им выехали гусары полковника Г.И. Хорвата и подполковника А.Ф. Бедряги. 18 января Голицын, которому Бибиков передал непосредственное командование всеми войсками, направился в Бугульму, чтобы оттуда начать наступление на Оренбург.

В течение января войска очистили Казанский уезд и вошли в Мензелинск. Однако дальнейшее продвижение в Башкортостан замедлилось, поэтому Бибиков направил туда храброго, опытного И.И. Михельсона. 24 марта под Уфой подполковник разгромил Зарубина, положив на месте пятьсот и захватив полторы тысячи человек. «Граф» бежал на Богоявленский завод, где был предательски схвачен табынскими казаками и передан Михельсону. После этого, – докладывал екатерининский офицер, – к нему стали являться с повинной

«разного звания люди, кроме башкирцев, в коих злость и жестокосердие с такой яростью вкоренилось, что реткой живой в полон отдавался». К началу апреля в центральной части Башкортостана была восстановлена прежняя власть. Также с января по март вели упорную борьбу с наступающими правительственными войсками повстанцы в Кунгурском уезде и Исетской провинции¹⁶.

Главное сражение произошло 22 марта в Татищевой крепости. Здесь встретились войска Пугачева (восемь тысяч человек) и Голицына (шесть с половиной тысяч). Ожесточенная схватка длилась шесть часов. Несмотря на храбрость и упорство, повстанцы не устояли. Пугачев потерпел сокрушительное поражение, потеряв убитыми две с половиной тысячи, пленными четыре тысячи и сам едва избежал плена. В этой ситуации положение спас Кинзя Арсланов. Он увел предводителя на Урал, обещав через 10 дней привести к нему 10 тысяч башкир¹⁷.

Итак, башкиры снова поднялись на борьбу, теперь уже под знаменами русского «справедливого царя», что не было проявлением «наивного монархизма». Один из активных участников подавления восстания член канцелярии правления заводов Урала М.И. Башмаков заявил, что башкиры знали о том, что Пугачев – самозванец, но пошли за ним «не для него, а для освобождения своих земель и свободы»¹⁸. Сотник Упак Абзанов на допросе говорил, что башкирские старшины «из-за того ему повиновались единственно, льстясь лестным его обещаниям, что он может возвратить имевшуюся в здешних местах заселившую землю и что господ никого не будет, а всякий сделается самовластным»¹⁹. Во главе движения снова стала национальная элита. Из 193 старшин в движении участвовали не менее 159, из 86 башкирских военачальников большую часть составляли представители этого сословия²⁰.

На поимку Пугачева были употреблены все средства. 4 апреля в Башкортостан отправились 2 сводных отряда гусар, казаков и солдат: по тракту Оренбург – Уфа во главе с генералом Ф.Ю. Фрейманом, по Новомосковской дороге – с подполковником Н.Я. Аршеневским. На следующий день через Воздвиженскую крепость в село Ташлы направился подполковник С.Л. Наумов. В Сакмарском городке расположился полковник Одоевский, в Берде (бывшая ставка Пугачева под Оренбургом) – полковник В.В. Долгоруков, в Бакалах на-

ходились полковники Н.Н. Кожин и А.Ф. Обернибесов, в Уфе – И.И. Михельсон, в Исетской провинции расположились части Деколонга, пермские заводы прикрывали В.Ф. Бибилов и М.И. Башмаков. Повсюду разослали манифесты Екатерины II, указы Рейнсдорпа и Голицына с требованиями сложить оружие и выдать самозванца. Однако все эти меры не могли утешить башкир, которые даже о манифестах императрицы «со всякой бранью отзывались»²¹. Башкиры возобновили свои контакты с казаками. В начале мая в походной канцелярии Голицына было получено известие о том, что в Бурзянской волости хотят продолжить бунтовать и «намерение полагают, ежели им удачи не будет, бежать в Киргизскую орду»²².

Пугачев укрылся в Белорецком заводе, где собрал новое войско. Отсюда 2 мая начался его поход, потрясший Россию. Кроме главного войска Пугачева в разных местах действовали отряды Салавата Юлаева, Карая Муратова, Каскина Самарова, Канзафара Усаева и десятков других командиров. Башкортостан превратился в зону сплошных боевых действий. Башкиры уничтожали заводы. «Ступайте домой, срок ваш кончился, – говорили они заводским рабочим, – отцы наши, отдавшие вам эту землю, умерли, а мы не хотим более уступать ее»²³.

В начале июля, после ухода Пугачева в сторону Казани и Москвы, своими громкими делами выделился Салават. Даже после поимки Пугачева, когда сопротивление повсюду было подавлено, Салават продолжал борьбу. По свидетельству Н.Я. Аршеневского, Салават, в случае окончательного поражения, намеревался «уйти прямо лесом и горами в киргизцы, к чему все его товарищи согласны были. Равно и уральской старшина Юламан Кушаев, поставленной от Пугачева главным в Башкирии, с ним же согласен был»²⁴.

Мятежные настроения среди башкир не утихали еще долго. 22 июня 1775 г. генерал А.В. Суворов, следивший за обстановкой в крае, докладывал командующему генералу П.И. Панину: «Ныне выходят з заводов мужики и разглашают, что башкирцы говорят: “Хотя одного Пугачева и искоренили, только еще у него два брата живых...” Они говорили также, что Пугачева «команда около реки Дону», и что «рано Демидов заводы строит, ибо Бог знает, что будет»²⁵.

2. Повстанческое движение среди казахов

По мнению казахских историков, основной причиной, обусловившей участие казахов в восстании, был вопрос о земле, который возник в связи со строительством Яицкой, Уйской, Иртышской и Ишимской крепостных линий, ограничивших перекочевки степняков.

Казахи были одними из первых, к кому Пугачев обратился за помощью. В манифесте от 6 сентября 1773 г., адресованном хану Нурали, он обещал: «Я вас всех не оставлю и буду жаловать верно, нелицемерно землею, водою и травами...»²⁶. 20 сентября Нурали приблизился к Яицкому городку и прислал Пугачеву сообщение о том, что готов служить «государю»²⁷. Одновременно хан отправил Рейнсдорпу письмо с заверениями в собственной лояльности. 6 ноября он опять извещал предводителя восстания: «В послушании высокого вашего повеления и быть в службе находимся в желании»²⁸. В дальнейшем Нурали, его братья и дети исподтишка совершали набеги на приграничные российские селения, вне зависимости от того, на чьей стороне находились их жители, либо открыто помогали властям. Так, в начале 1774 г. Нурали послал 1000 человек на выручку подполковника И.Д. Симонова, осажденного в кремле Яицкого городка. Поэтому Пугачев потребовал от казахов выдать ему хана, которого обещал повесить за ребро²⁹.

Аналогично действовал двоюродный брат (племянник?) хана Досали-султан. Сначала он даже рискнул присоединиться к мятежникам, но после их неудачной попытки взять Яицкий городок, удалился и прислал своего сына Сеидали с 200 воинами, затем еще двух сыновей и брата³⁰. 8 декабря Досали направил письма Рейнсдорпу и Пугачеву. Первому он выражал дружеское расположение, второму обещал убедить братьев и весь народ в том, что он действительно Петр III. Он благодарил Пугачева за приближение к себе Сеидали и желал благополучного завершения предпринятого дела³¹. Сеидали-султан и его дядя Ширгази-султан участвовали в осаде Оренбурга, Мирзали-султан Досалиев с отрядом яицких казаков М. Толкачева брал Кулагинскую крепость. Один из сыновей Досали в марте погиб под Татищевой крепостью. По другим сведениям, он был «изрублен» при бегстве к Сакмарскому городку после сражения в Каргалинской слободе в начале апреля. Сеидали, Ширгази и Досали после поражения Пугачева под Оренбургом бежали на полуостров Мангышлак и Туркмению³².

Успехи Пугачева в октябре – ноябре 1773 г. при взятии станиц и в столкновениях с правительственными войсками возбудили казахов. Они подступили вплотную к Яицкой линии, стали переходить в междуречье Яика и Волги, что им было запрещено в 1764 г. специальным указом. В связи с появлением казахских кочевий у Черного Яра астраханский губернатор вызвал 1000 донских казаков³³. В течение всего 1774 г. казахи совершали набеги. 31 июля Рейнсдорп жаловался генералу Ф.Ф. Щербатову, что они «Яицкую дорогу так заперли, что и куриеры проезжать не могут»³⁴. 24 августа начальник Казанской секретной комиссии генерал П.С. Потемкин доносил Екатерине II: «Главное беспокойство наносят киргизцы. Сначала думал я, что их набеги простираются для отогнания одного скота, и советовал было губернатору оренбургскому их не раздражать; но, получая известия отовсюду, что набеги их простираются почти до Волги, что они пленяют много людей, писал к губернатору, чтоб он в содействие посланных от меня команд отрядил от себя и повелел бы также послать из Яика полковнику Симонову, и предписал полковникам Якубовичу и Кожину послать на подводах команду к Бугульчанам...; сверх того послал с письмом к хану, где объявляя ему о заключенном мире, толь славном для России, с Портою, чтоб он запретил делать скаковые набеги по доброй и соседственной дружбе, и послал к нему в подарок черных лисиц: надеюсь, что и то и другое споспешествует скоро пресечь их набеги...»³⁵. 24 октября Рейнсдорп рапортовал Панину о том, что Нурали и Айчувак «по учинении здешней стороне великого зла захватом от разных мест весьма большого количества здешних людей и грабежа имения» были наказаны аналогичным образом «захватом людей и их скота», и, опасаясь отмщения от приближавшихся войск, ушли на зимовку к Каспийскому морю³⁶.

Начиная с 1772 г. казахи самовольно перегоняли скот через Яик, воспользовавшись переговорами о помощи, которые вели с ними восставшие яицкие казаки. Осенью 1773 г. во время осады Оренбурга казахи снова перегоняли табуны через Яик и зимовали на его левобережье. Царское правительство не могло препятствовать этому переходу в 1773 г., т.к. часть войск с восточных окраин было переброшена на турецкий театр войны, а оставшиеся силы использовались против Пугачева. Не предпринимало решительных действий оно и в 1774 г. Несмотря на то, что Екатерина II грамотой, посланной Нурали-хану 27 февраля 1774 г., формально подтверждала запрещение казахам

переходить на правобережье Яика, правительство фактически не мешало казахам использовать земли по левому берегу реки. Подтверждение мы находим в отчете майора Ваганова, посланного астраханским губернатором для переговоров с Нурали-ханом. Правительство, по словам Ваганова, не столько было обеспокоено самовольным переходом казахов через Яик, сколько действиями казахских отрядов, усиливших нападения на купеческие и помещичьи рыбные ватаги на Каспийском море и казачьи хутора по Волге.

Рейнсдорп считал, что «поиски безрезультатны», т.к. территория казахских жузов огромна и требует посылки значительных войск, которые трудно обеспечить продовольствием и фуражом в связи «с неурожаем хлеба и упадком лошадей» в губернии. Он боялся, что репрессии усилят волнения казахов, а это приведет «к голоду и гибели» жителей, т.к. уже четвертый год они не могут сеять хлеб и заготавливать сено для скота. Вице-президент Военной коллегии князь Г.А. Потемкин считал нецелесообразным продолжение посылки карателей в Казахстан, т.к. войска приходится снимать с государственных границ, которых там было недостаточно. Поэтому Государственный совет в 1775 г. пришел к мнению, что по отношению к казахам следует придерживаться политической линии, близкой к той, которая была предложена Тевкелевым и Рычковым в 1759 г.: 1. «Приучить сии Орды мало-помалу торгом и ласкою к поселению и домоводству, склонять их к пользе государственной и содержать их военными для употребления в случае нужды против других соседственных и подданных народов. 2. Получать всегда от них аманатами ханских и старшинских детей их. 3. Сохранить бытие в каждой из сих Орд особого хана, и стараться довести избрания оных зависящим не от народа, но от соизволения Е.И.В., подкрепляя для того ханов деньгами. 4. Усилить ханов для приведения орд в порядок построением для их житья крепостей и содержанием при них офицера с небольшим числом драгун и казаков, изыскав что построение для хана Меньшей орды крепости удобно будет на устье Эмбы. 5. В случае общего сих народов возмущения, чего без особенного их раздражения по их обстоятельствам быть не чаятельно, усмирять их произведением между ними разврата и несогласия. 6. Удерживать их ласкою и справедливостью от удаления на Зюнгарские и другие места для избежания могущих быть тогда от них продерзостей и самой, ежели б они с другими соединились, опасности»³⁷.

После поимки Пугачева и подавления восстания правительство отказалось от политики репрессий в отношении казахов. Более того, командующий карательными войсками Петр Панин, стремясь к установлению желательных отношений, заинтересовался вопросом о жаловании, выплачивавшимся казахской верхушке и направил об этом в Оренбург 10 марта 1775 г. свое «повеление». В ответ «Оренбургская Пограничная и иноверческих дел экспедиция» 6 апреля рапортовала генералу о том, что Нурали-хан и Айчувак-султан «определенным им жалованьем по сей 1775 г. удовольствованы». Султаны Эрали и Досали не получали жалованья за прошлый год: один «за отдаленностью кочевья его и по бывшим обстоятельствам», а другой по причине «прилепления его к... Пугачеву и учинения при уральских форпостах злодейства. Также и Средней орды Аблай-султану... ко-ему по близости всегда из Троицкой крепости отпускалось, за разорением оной и за нетребованием его, на прошлый год выдано не было»³⁸.

Досали написал покаянное письмо, прося возобновить ему содержание, на что 12 августа 1775 г. Екатерина II подписала указ производить ему «определенное жалованье в год по сту рублей деньгами, да разными вещами на пятьдесят рублей...»³⁹.

В сентябре 1775 г. на реке Хобде в родах Тама и Табын неожиданно для властей зародилось новое движение. Среди казахов распространился слух о некоем Куктемире, призывавшем казахов нападать на башкир и казаков, изменивших «государю» — т.е. Пугачеву. Этот человек, якобы, жил в кибитке 22-летней женщины по имени Сапара. К женщине посторонних не пускали, поэтому никто не видел в лицо Куктемира. Приходившие люди слышали только его голос. Невидимку взяли под свое покровительство Досали и Сеидали. Последний, по требованию Куктемира, составил письмо к башкирам, обвиняя их в разорении казахских аулов и призывая к миру. В случае, если башкиры не захотят оставить казахов в покое, они должны прийти к верховьям Ори, где их будет ждать казахское войско. Затем около 10 тыс. казахов стали совершать нападения на русские селения по всей Яицкой линии, а Сеидали разгромил ряд башкирских аулов, захватил людей и скот. В феврале 1776 г. башкиры совершили ответное нападение. К лету о Куктемире не стало слышно. Как выяснили оренбургские власти, под его именем действовала сама Сапара, в которую «с детства вселился нечистый дух»⁴⁰.

Средний жуз находился в отдалении от эпицентра восстания; отношение к башкирам здесь было более дружественным, чем в Младшем жузе. В силу этих причин башкиры стали посредниками между Пугачевым и подданными Аблая, здесь имело место боевое содружество.

Для переговоров с Аблай-султаном Пугачев направил старшину Барын-Табынской волости Шукура Абзямова и старшину Салзаетской волости Баязита Максютова. Не застав Аблая, башкиры начали переговоры с его сыном Вали-султаном, которому сообщили: «Мы-де посланцы государя Петра III... он велел всем киргисцам... нападение учинить на Россию». Вали ответил: «Мы не почитаем его государем, а единственно предносим злодеем, вором и разбойником, когда-де он с башкирцами согласился и воюет с российскими храбрыми и верноподданными войсками Е.И.В.». Посланцы Пугачева были также у султанов Худайменде и Салтанбета (брат Аблая)⁴¹.

Казахские старшины во главе с Даутбай-тарханом решили удостовериться в происхождении Пугачева, для чего послали «издревле у них находившегося» башкира Еланской волости Иткула Ураева. В начале апреля Иткул привез Аблаю письмо от Пугачева с просьбой о помощи и обещанием после завоевания Сибирской губернии отдать ему «всех сибирских дворян в подданство»⁴². Даутбай отправил Иткула и казанского татарина Раима со своими людьми обратно к предводителю восстания, которого уверял в том, что казахи готовы поддерживать его. Делегация застала Пугачева в Магнитной крепости, где он впервые после сокрушительных поражений праздновал победу. «Государь» принял ее торжественно, стоя около палатки, окруженный знаменами, «на нем была парчевая бекеша, род казацкого трюклина, сапоги красные, шалка, сделанная из покровов церковных». Он «с великой ласковостью» беседовал с казахами, очень жалел, что крепости Таналыцкая, Орская и Губерлинская остались неразоренными и «приказал им все оставшиеся от разорения крепости до основания, разорить, ничего не опасаясь»⁴³.

Обратно посланцы Даутбая пошли вместе с Упаком и Шукуром Уразовыми (Абзямовыми). Их встреча с Даутбаем и Ембетеем-батыром произошла на реке Сары-Тургай, куда для совета съехались более 30 казахских старшин. Узнав о просьбе Пугачева собрать несколько тысяч казахов и напасть на крепость Звериноголовскую, старшины решили ему помочь и просили только дать указания, «куда де

явитца или какие места разорять прикажет». Затем Упак в сопровождении Аралбая-сына Ембетя и десятка казахов отправился к Пугачеву, а его брат Шукур с Иткулом и Раимом ушли к Аблай-хану⁴⁴.

После взятия Троицкой крепости Пугачев направил еще две представительные делегации: полковников Утява Яраткулова, Чагыра Илияманова и Суяргула Яманаева к Аблаю, старшину Баязита Максютова и сотника Махмута Калмакаева «с товарищи» к Даутбаю. Он приказал казахам разорять линейные крепости, а сам обещался быть в Звериноголовской крепости «по свидании под Уфою с сыном своим Павлом Петровичем»⁴⁵. Аблай сообщил Пугачеву что «он с сорокью тысячью человеками к Звериноголовской крепости подошел и тут стан ево расположил и с таким намерением, чтоб на нее напасть и три крепости уже выжег и людей в полон побрал»⁴⁶. Вокруг распространились вести о присоединении к повстанцам казахов. В те дни ходили слухи о том, что к Салавату Юлаеву должны подойти пять тысяч казахов, после чего состоится поход на Кунгур⁴⁷.

21 мая под Троицкой крепостью и 22 мая под Кундравинской слободой Пугачев потерпел сокрушительные поражения. Это нарушило взаимодействие повстанческих сил. Одна группа во главе с Упаком Абзямовым провела несколько дней в поисках Пугачева. 14 июня близ Санарской крепости Упак был захвачен и после допроса казнен.

Султаны Худайменде, Даир и казахские старшины встретились на реке Нижнем Тургае и решили, собрав до 700 человек, ехать под Троицкую крепость. Поэтому Деколонг в июле 1774 г. не стал снимать войска с Ново-Ишимской линии и задержал свой отъезд в Башкортостан и на уральские заводы. В середине лета казахские отряды возобновили активные действия по Уйской и Ново-Ишимской линиям. В донесениях появились сообщения о действиях подданных Аблая в Исетской провинции и на Уйской линии, где «в здешних крепостях каждодневно происходят неприятельские приступы, с здешними драки, смертоубийства, захват людей и кроме этого отгон большого количества скота». Старшины не теряли надежды связаться с Пугачевым через башкир. Со слов старшины Бурзянской волости Кинзябулата Аликашева, летом прибыли нарочные Худайменде-султана «с тем чтоб с башкирским народом тем киргисцам жить в тишине, без драки, да и в России что будет присходить, то б оне, башкирцы, с теми киргисцами переписку имели письменну и разведывая уведом-

ляли их, что в России будет происходить и что делать будут башкирцы, то с согласия заедино».

Осенью 1774 г. и в начале зимы 1775 г. казахи нападали на крепости Кабанью, Крутоярскую, Пресновскую, Степную и Красный яр; на форпосты и редуты Плоский, Пресный, Луговой, Крутоярский и Болото-колодезный. Перезимовав на Сырдарье и у границ Бухарии, весной 1775 г. они прикочевали к Иртышу, вершинам Тобола и Ишима, собираясь продолжить борьбу⁴⁸.

¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 575–576.

² ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 275–277.

³ Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. – С. 9–10.

⁴ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии / Сост. Р. В. Овчинников, И. М. Гвоздиков, А. П. Николенко; Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Р. В. Овчинников. – Уфа, 1975. – С. 26–27.

⁵ Фирсов Н. Н. Пугачевщина: Опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. – М., 1921. – С. 122–123.

⁶ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.: В 3 т. Т. III. – СПб., 1884. – С. 30.

⁷ Пугачевщина / Под общ. ред. М. Н. Покровского: В 3 т. Т. 2. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – С. 415–416.

⁸ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 55.

⁹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – С. 300.

¹⁰ Таймасов С. У. Указ. соч. – С. 41.

¹¹ Там же. – С. 42–43.

¹² Там же. – С. 46–50.

¹³ Там же. – С. 51–64.

¹⁴ Там же. – С. 65–75.

¹⁵ Там же. – С. 76–84.

¹⁶ Там же. – С. 85–94, 98–99; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 111–115.

¹⁷ Таймасов С. У. Указ. соч. – С. 95–97.

¹⁸ Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Мавродин. Т. 2. – Л., 1966. – С. 82.

¹⁹ Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачев и пугачевцы. – Л., 1974. – С. 153.

²⁰ Таймасов С. У. Указ. соч. – С. 183, 265.

²¹ Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. – Уфа, 1999. – С. 406.

²² Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 138.

²³ Ханыков Я.В. Обзорение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г. – СПб., 1841. – С. 30.

²⁴ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 320.

²⁵ Рознер И.Т. Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг. – Львов, 1966. – С. 194.

²⁶ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 213–215; Бекмаханова Н.Е. Легенда о невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773 – 1775 годах). – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 28.

²⁷ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 215.

²⁸ Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг./Сост.; А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.Ф. Прохоров; Отв. ред. Р.В. Овчинников. – М.: Наука, 1975. – С. 359.

²⁹ Бекмаханова Н. Е. Указ. соч. – С. 68, 154.

³⁰ Бекмаханова Н. Е. Указ. соч. – С. 60, 64, 68, 75; История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 217.

³¹ Матвиевский П. Е. Указ. соч. – С. 134.

³² Бекмаханова Н. Е. Указ. соч. – С. 114; Записка полковника Пекарского о бунтах яицких, что ныне уральские казаков, и о самозванце Емельяне, донском казаке Пугачеве// Москвитянин. Ч. III. – М., 1841. – С. 462.

³³ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3 – С. 217.

³⁴ Крестьянская война 1773 – 1775 гг. на территории Башкирии. – С. 218.

³⁵ Грот Я.К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. – СПб., 1862. – С. 22.

³⁶ РГАДА. – Ф. 127 4. – Д. 196. – Л. 71.

³⁷ Бекмаханова Н. Е. Указ. соч. – С. 184.

³⁸ Пугачевщина. – М.; Л., 1929. Т. 2. – Доп. к док. № 105.

³⁹ Крафт И.И. Из киргизской старины. – Оренбург, 1900. – С. 63; Рязанов А. Ф. Отголоски Пугачевского восстания в киргиз-кайсацкой Малой Орде// Советская Киргизия. – 1925. – № 1. – С. 90.

⁴⁰ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 148–153; Рязанов А.Ф. Указ. соч. – С. 96–97.

⁴¹ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 165, 169, 170.

⁴² Бекмаханова Н. Е. Ук. соч. – С. 170; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 190.

⁴³ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 172–173; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 138, 181.

⁴⁴ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 173; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 190.

⁴⁵ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 389; Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 172.

⁴⁶ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 170-171.

⁴⁷ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. – С. 382.

⁴⁸ Бекмаханова Н.Е. Указ. соч. – С. 174, 177-179.

Глава VIII

ПОРОЗНЬ В ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ

1. Окончательное утверждение царизма в Башкортостане

В XVIII в. численность башкир, в силу известных причин, прекратила свой рост, остановившись на отметке приблизительно 250–270 тыс. человек¹ (У автора специальной монографии Н.Н. Томашевской эта цифра колеблется от 190–200 тыс. в первой четверти XVIII в. до 185 тыс. в конце века²). Пришлое население в начале XVIII в. не превышало 50–60 тыс., а общее население Оренбургской губернии по результатам пятой ревизии (1795) составляло 853 тыс.³ Таким образом, доля коренного населения в течение века сократилась с 81–84 % до 29–31 %. Этот фактор явился важным условием для более эффективной правительственной политики в крае. То, что было невозможно при деспотичном Петре I, стало вполне осуществимым при либеральной Екатерине II.

Р. Порталь пишет: «После подавления Пугачевщины башкиры не представляли больше опасности для российских границ. Их ностальгия по былому величию, национальным чувствам и религии выражалась теперь лишь в поэзии и устном народном творчестве, окрашенном меланхолией и прославлявшем вождей, поднимавших народ на борьбу с Россией»⁴. С этим мнением, вероятно, можно согласиться, но с некоторыми оговорками.

После подавления восстания первой заботой правительства стало исключение самой возможности повторения открытого вооруженного выступления. В русле этой идеи проводятся административные преобразования в России. Для усиления надзора и оперативности руководства в провинциях перестраивается весь администра-

тивный аппарат. 7 ноября 1775 г. были опубликованы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». По этим «Учреждениям» вся империя разделялась на губернии или наместничества, во главе которых ставились губернаторы или генерал-губернаторы. Губернии или наместничества делились на уезды, управлявшиеся капитан-исправниками. Была проведена реформа в области судостроительства и судопроизводства. Новые государственные учреждения вводились постепенно. Указ об учреждении вместо Оренбургской губернии Уфимского наместничества, состоявшего из Уфимской и Оренбургской областей, был издан 23 декабря 1781 г. Первым уфимским наместником стал генерал И.В. Якоби. Уфимская область состояла из Уфимского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Белебеевского, Стерлитамакского, Челябинского и Бугурусланского; Оренбургская – из Оренбургского, Верхнеуральского, Бузулуцкого и Сергиевского уездов. Уезды делились на волости⁵.

Центром наместничества стала Уфа. Губернатор был не только полновластным хозяином края, он осуществлял дипломатические связи с Казахстаном и среднеазиатскими государствами. Особое внимание уделялось надзору над башкирским населением. В 1782 г. секунд-майор Тимашев и приказчик Твердышев отправили Екатерине II донесение о том, что башкиры готовят новое восстание. Императрица приказала Якоби предпринять «особые меры» «в рассуждении дошедших слухов о намерении башкирцев к бунту». После осмотра чиновниками башкирских волостей, Якоби доносил, что эти слухи оказались необоснованными, что башкиры «... после последнего смятения не могут и поныне исправить своего разорения и состоят в самой бедности и поэтому не можно ожидать (от них) дурных последствий». Екатерина II приказала генерал-губернатору еженедельно докладывать ей «о благополучии края». Эти установки Екатерины II соблюдались всеми генерал-губернаторами наместничества и они регулярно рапортовали монархам «о состоянии вверенной им губернии»⁶.

Передвижение населения стало строго регламентироваться. Желаящих отъехать от своих жилищ на расстояние от 9 до 70 верст отпускали со специальными отпускными билетами сроком не более 1 месяца. Отпуск за пределы губернии разрешался только провинциальными канцеляриями. Категорически запрещалось переезжать за Урал в казахские степи. Возникновение уездов способствовало уси-

лению надзора за населением края, внесло ряд изменений в организацию управления башкирами. Над башкирскими старшинами появилась новая инстанция в лице капитан-исправников. Их полномочия значительно сократились: рассмотрение всех судебных и других дел было передано нижним расправам и нижним земским судам, находящимся в уездных центрах. Постепенно исчезла башкирская знать в лице тарханов. При определении границ уездов территории башкирских волостей, принадлежавших определенному племени или роду, не брались во внимание. Многие волости были поделены на части, что привело к увеличению количества старшин и уменьшению числа подчиненных им людей. Это мероприятие также служило усилению надзора над людьми⁷.

По признанию правительства, «заселение Оренбургского края, толико обильного землями... было со времен императрицы Анны Иоанновны предметом постоянных попечений правительства»⁸. Одновременно представители власти отмечали, что «... башкиры ничто столь много не уважают, как свои земли и уголья», добавляя, что за нее происходили все башкирские «замешания», то есть восстания⁹.

Со второй половины XVIII в. в результате усиленной колонизации, темпы изъятия башкирских земель значительно ускорились. Кроме отвода территорий под различные строения, правительство создавало фонд так называемых «казенных земель». Сюда входили конфискованные «бунтовщицьи земли», а также расположенные на окраинах и стыках башкирских «дорог» и волостей общие пастбища и леса под видом «пустопорозжих» или «празднолежащих». Башкирским припущенникам в лице мишарей, тептярей и бобылей были переданы оброчные земли, находящиеся в их временном пользовании. При активном содействии правительства на территорию Башкортостана было поселено и обеспечено землей большое количество военно-служилого населения (унтер-офицеры, солдаты, отставные чины). Причем пришлое население, от дворян до крестьян, не довольствовалось пожалованными, купленными и надельными землями, и самовольно расширяло свои владения¹⁰.

Приведем типичный пример. 14 июля 1783 г. башкиры Белебеевской округи Казанской дороги Кипчакской волости команды старшины Ишкары Арсланова подали челобитную в Уфимское наместническое правление от своего имени и от башкир Кыриланской и Минс-

кой волостей. Они жаловались на массовый захват их вотчин, на которые у них имелись «вводные грамоты», «владенные указы» и планы. Из письма следовало, что по указу бывшей Оренбургской губернской канцелярии по реке Кинель поселились черкасы (украинцы) и обыватели Бугурусланской слободы, на речках Аманаке, Савруше Аманацкой и Саврушской слободе – отставные солдаты. Кроме того, произошло множество самовольных заселений. На речке Бугуруслан «люди разного звания» основали деревню Павловку. Новокрещенные мордвины основали Мордовский Бугуруслан, а на р. Букле они осели в деревне Албаево. На той же Букле и на р. Асюле поселился Алексей Наумов «с товарищи». На р. Мочагае появилась деревня Раскольники, на Нижнем Савруше пахотные солдаты основали д. Сосновку. На землях Кыриланской волости по речке Кандыз на Ново-Московской дороге самовольно поселились «иноверцы» из деревень Шалты, Усманово, Якупово. Живущие на казенной земле по речке Сок-Карамалы новокрещены присоединили к себе смежные башкирские земли. Владения Минской волости по Ново-Московской дороге захватили «иноверцы» из деревень Амирово и Кутлумбетово по р. Садак и д. Наурузово по р. Деме. Причем башкиры продолжали вносить ясак и исполнять различные повинности за уже не принадлежавшие им земли¹¹.

Заводовладельцы при оформлении купчих прибегали к мошенничеству, обманам и подлогам. Башкиры в своих наказах в Уложенную комиссию жаловались, что заводчики составляют договоры «со включением совсем других меж» и при спорах не показывают действительных договорных писем. Так, по купчим документам под Ревдинский завод отводилась земля «в 30 верст кругом», а при ревизии оказалось 79 верст «в округ». Башкиры Гайнинской волости со старшиной Тухтамышем Ишбулатовым долго и упорно боролись с влиятельным царедворцем обер-прокурором А.И. Глебовым против отвода больших площадей своих земель под Шермяитский завод. Башкиры согласились на аренду земли 5-верстной нормы, Глебов добивался 50-верстного участка. Таких фактов незаконного приобретения башкирских земель было множество. В результате по материалам V ревизии, под заводы было отведено 5766752 десятин земли, что составляло около 16,5 % всей территории края. Заводовладельцы «покупали» башкирские вотчины за баснословно низкие цены. Так, под Белорецкий завод Твердышев и Мясников «купили» 300 тыс. де-

сятин сортового леса за 300 рублей. Цена одной десятины колебалась от 1/10 до 1/1000 копеек¹².

В Башкортостане появились крупные дворянские латифундии. Помещик И.Л.Тимашев приобрел в Бирском, Бугурусланском, Оренбургском и Уфимском уездах 212 тыс. десятин (2311 км²). Левашов имел в Мензелинском, Верхнеуральском и Стерлитамакском уездах 172 973 десятины. Большими поместьями владели помещики Куроедов (в трех уездах 40 425 десятин), Осоргин (в двух уездах 31 401 десятины), Аксаковы (в четырех уездах 35 300 десятин), Зубовы (в трех уездах 43 272 десятины), Самарины (в двух уездах 28 539 десятин земли). Согласно данным «Экономических примечаний», в конце XVIII в. за помещиками числилась 2 651 481 десятина земли, то есть примерно 8 % всей территории Оренбургского края¹³. При этом, помещики и предприниматели практически ничего не делали для блага края. За 200 лет они не построили здесь ни одного общественно-полезного здания: больницы, школы, библиотеки, приюта и т.д. Сегодня на месте бывших заводов виднеются, кое-где, лишь остовы металлургических цехов.

Важную роль в земельной политике царизма сыграло Генеральное межевание башкирских земель. В июле 1797 г. Сенат издал указ о размежевании Оренбургской, Саратовской, Новороссийской и Симбирской губерний. Башкиры, недоверчиво относившиеся к мероприятиям царизма в крае, восприняли известие о межевании весьма настороженно. 15 мая 1798 г. старшина Бирской округи Абдук Чаптарбаев от имени своего народа обратился с письмом к императору Павлу I, в котором, в частности, писал: «А как мы, верноподданнейшие, из древних времен своими землями владеем с добрым порядком и общим согласием без всяких кому-либо обид и споров, и каждый из нас, пользуясь своим владением, считает себя довольным, по таковому нашему согласию, не почитая нужным здесь оное межевание, всеподданнейше просим... оного не производить ...»¹⁴.

Лишившись политических основ народного единства, башкиры пытались сохранить хотя бы его экономическую составляющую в виде общинного землевладения. Оно, кроме того, было совершенно необходимо для скотоводческого уклада экономики.

Правительство, разумеется, не отказалось от своей аграрной программы, но некоторые ходатайства вотчинников были удовлетворе-

ны. Так, в местах преобладания полукочевого скотоводческого хозяйства земли целой волости, состоящей из нескольких деревень, межевались в одну дачу, а в некоторых случаях земли нескольких волостей межевались вместе. Было сохранено вотчинное право башкир на оставшиеся в их распоряжении наделы. Генеральное межевание Оренбургской губернии продолжалось с 1797 по 1842 г. Столь долгая продолжительность объясняется как громадными размерами губернии, так и большим количеством земельных споров, возникавших в процессе разделения дач и участков. Генеральное межевание во многом упорядочило земельные отношения. Правительство же получило реальные и полные сведения о количестве и распределении земли между различными категориями населения. Эти сведения впоследствии (во второй половине XIX – начале XX в.) использовались царским правительством для массовой колонизации края¹⁵.

По инициативе и проекту уфимского и симбирского генерал-губернатора барона О.А. Игельстрома было учреждено Оренбургское духовное магометанское собрание. Игельстром мотивировал свою инициативу тем, что во второй половине XVIII в. в России ослаб контроль над исламом, в результате чего значительно увеличилось количество мусульманского духовенства и стало заметно влиять на сознание нерусского населения империи. Игельстром учитывал и внешнеполитические обстоятельства. В 1788 г. он доносил Екатерине II, что по сведениям «... испытанных в верности казанских и Сеитова посада татар», стало известно о приезде «... в Бухарию через город Багдад из Константинополя от турецкого султана в качестве посла паши ... с определением, чтобы бухарские и другие магометанского закона в здешнем краю обитающие народы, при настоящей Порты Оттоманской с Россиею войны, по силе заповеди закона их подкрепляли силы турецкие и восприяли против России оружие...». Бухарский хан Аталык призывал казахских старшин «... выступать на стороне правоверной Турции против неверных россиян». Игельстром писал казахским старшинам, что императрица защищает мусульманскую религию и заботится о строительстве мечетей и обеспечении их муллами. Губернатор издал указ о построении мечетей и школ при них для казахов в Троицке и Оренбурге. Тогда же ему было приказано направить верных татарских мулл в казахские степи¹⁶.

В итоге 22 сентября 1788 г. императрица издала указ: «Приняв за благо представление ваше, чтобы муллы и прочие духовные чины магометанского закона между народами оной в империи нашей исповедующими, определялись не инако, как по учинении им надлежащего испытания и с утверждения наместнического правления, повелеваем вам произвести сие в действо и в следствие того учредить в Уфе Духовное Собрание магометанского закона... председательствовать первому ахуну Мухамед Джан Гусейнову, коего Мы Всемиловитейше жалуем муфтием, с производением ему жалованья по 1500 рублей на год, и с ним заседать 2 или 3 муллам из казанских татар, в верности к Нам и в добропорядочном поведении их испытанным с жалованьем по 120 рублей в год...»¹⁷.

Мухаметжан Хусаинов (Гусейнов) родился в татарской торговой семье. Еще в молодости был послан с секретным поручением в Бухару и Кабул, где выдавал себя за учащегося, приехавшего для получения высшего духовного образования. По возвращении в Оренбург служил офицером. В 1785 г. был назначен ахунотом Башкортостана. Раньше он неоднократно входил в состав посольств, направляемых к казахским ханам и старшинам¹⁸. В 1790 г. муфтий объезжал казахские степи и убеждал казахскую знать в том, что «пребывать в подданстве всероссийском», даже если Россия воюет с мусульманской Турцией «магометанскому закону не противно»¹⁹.

Перемены в религиозной политике были заметны на всем протяжении казахской границы. В 1782 г. по Сибирской линии велено было строить мечети, а при них школы и караван-сарай. В 1784 и 1786 гг. были приняты указы определять мулл с жалованьем из казны для распространения ислама среди казахов и о строительстве мечетей, школ и гостиных дворов в казахской степи. По мнению татарского историка Г. Файзрахманова, все эти меры преследовали целью использовать ислам для привлечения мусульманского населения при вторжении России в Казахстан и Среднюю Азию²⁰.

Пришедший на смену Екатерине II император Павел I издал 10 декабря 1796 г. указ «О новом разделении государства на губернии». Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию, которая была поделена на 10 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугулуцкий. 23 марта 1797 г. центр новой губернии был перенесен в Оренбург. Ввиду не

совсем удачного географического расположения Оренбурга и недостатка зданий, в 1802 г. все губернские учреждения были снова переведены в Уфу, которая стала местом пребывания гражданского губернатора. Военный губернатор – высшее должностное лицо, в обязанности которого входило также управление Казахстаном, остался в Оренбурге. На эту должность император назначил барона Игельстрома.

В 1798 г. в крае была введена кантонная система управления, просуществовавшая до 1866 г. По указу от 10 апреля были образованы 11 башкирских, 5 мишарских кантонов, 5 оренбургских казачьих и 2 уральских казачьих кантона²¹. Башкирские кантоны были образованы на основе территориального (уездного), а не родоплеменного (волостного) принципа. В состав кантонов обычно волости входили полностью. Но немало было случаев, когда волость оказывалась разделенной между несколькими кантонами. Это вело к ликвидации прежних волостей и раздроблению общей волостной собственности башкир на землю, оказавшуюся в разных кантонах.

Указ от 10 апреля 1798 г. подтвердил прежние положения о запрещении самовольных отлучек жителей из деревень. Для передвижения по территории уезда башкиры и мишари получали отпускные свидетельства от юртовых старшин, по губернии – от кантонных начальников. На поездку в другие губернии требовалось согласие командующего Башкиро-мещеряцкого войска. Введение кантонной системы привело к полной ликвидации остатков башкирского самоуправления. Были запрещены традиционные башкирские праздничные йыйыны (съезды). С 11 мая 1747 г. по 1846 г. существовал запрет на брак мусульман Башкортостана с казашками²².

Задолго до введения кантонов военная служба была основной обязанностью башкир. В мирное время башкиры охраняли юго-восточную границу, во время войны часть из них отправлялась в действующую армию. Служба по охране границ исполнялась за собственный счет башкир, «без всякого производимого им жалованья»²³. Поэтому башкирские депутаты Амирхан Абызаев и Абдулзелил Султанов в 1793 г. просили изменить порядок несения линейной службы. Они писали, что «многие, распродав все свое имущество, оставили жен и малолетних детей своих на произвол судьбы, а большая часть, оставив не только хлебопашество, сей первой для жизни человеческий состав, домостроительство и протчую экономию, но даже со-

старевшихся и немоществующих своих родителей без всякия помощи, удалились на службу В.И.В., употребив к тому, так как и всегда исполняемо было, собственное свое одяание, оружие и протчия приличествующия и необходимо нужная воину вещи»²⁴.

Пограничная линия подвергалась частым нападениям. В 1787 г., в связи с ожидаемым нападением бухарцев, хивинцев и казахов, Игельстром приступил к формированию специального башкирского полка²⁵. В 1780-х годах в Младшем казахском жузе шло восстание под предводительством Срыма Датова. Видимо, среди башкир были сторонники этого движения, так как оренбургская администрация уведомила, что «... между башкирцами имеются тайные злоумышления». Игельстром докладывал Екатерине II, что «... почти ни один год не проходит чтобы не рождалась искра, стремящаяся воспламенить внутреннее беспокойство...» и «лишь бы явился отважный... предводитель», башкиры готовы «тотчас произвести бунт или мятеж»²⁶.

2. Политическое положение Младшего жуза во второй половине XVIII века

Столкнувшись со своевольным ханом Абулхайром, Неплюев представил в Сенат совместно с проектом учреждения Оренбургской губернии «Разсуждение о состоянии киргис-кайсацкого народа и мнение о приведении оного, при случаях, во успокоение и послушание». Этот так называемый «запасный план» предлагал действовать против казахов «не одним корпусом, но разными и с разных сторон, то есть: 1) от Яицкого казачья городка, 2) от Оренбурга, 3) от Орска, 4) от новой Уйской линии, 5) от новоназначенной Сибирской линии, назначенными в оном доношении регулярными и нерегулярными войсками, а именно: в 1-й, корпус от Яицкого казачья города тамошних казаков доброконных 1000 человек, а другая 1000 возьмется к Оренбургу и Орску, как ниже означено, со стороны Астраханской губернии нарядить волских калмыков до 5 тысяч, а буде возможно, и более (яко их и в бывшие башкирские замешания 3 тысячи человек было наряжено и с пользою употреблялись...)»; во второй, от Оренбурга ... нарядить донских казаков 1000 человек (кои и напредь сего во время бывшего башкирского замешания, 1000 ж человек в наряде было), к ним башкирцев из Уфимской провинции 3 тысячи, мещеряков 500,

ясашных татар ведомства старшины Надыра 300, крещеных калмык при Ставрополе живущих от 300 до 500, да из Казанской губернии вольницы и приписных к адмиралтейству татар и других тамошних иноверцов до 3-х или 4-х тысяч; весь сей наряд учинить нерегулярных людей около 9300 человек...; в 3-й, из Орска яицких казаков 500, уфимских башкирцев 2 тысячи, мешеряков 500; в 4-й, от Уйской линии ... нарядить яицких казаков от 2 тысяч; 500 Исецкой провинции зауральских башкирцев, мешеряков и служилых татар 1000, красноуфимских, нагайбацких и елдякских казаков до 300..., итого учинить тамо нерегулярных 2500 человек...; в 5-й, со стороны Сибирской линии под командой сибирского полка полковника Павлуцкого... сибирского ведомства крестьян 1000 человек или более из татар Сибирской губернии... 500 человек...»²⁷.

Проект был заслушан в Сенате 1 марта 1744 г. в присутствии самого Неплюева и одобрен. Началась постройка крепостей, которые вместе с прежними образовали сплошную полосу укрепленной границы от Гурьева до Сибири.

К 1746 г. отношения между губернатором и правителем Младшего жуза были сильно испорчены. На последнее послание Неплюева Абулхаир даже не ответил. Но отозвался его сын Нурали. Это дало Неплюеву повод для интриги. В своем следующем письме он просил султана о «поправлении известных отца его поступок», обещая за оказание услуги «награждения»²⁸. Видимо, метод сработал, т.к. весной 1747 г., при встрече с доверенным лицом губернатора, Нурали «говорил порицая поступки Абулхаир-хана, отца своего, кой всем худым делам причинствует... хан на него, салтана, за то яко он поступкам его не согласует и от оных отвращает, так озлобился, что будто (ежели сие можно доверить) и убить его Нуралея, в намерении находится...»²⁹.

Среди ряда претензий Абулхаира к российской стороне и лично к Неплюеву было требование отпустить содержавшегося с 1738 г. в аманатах его любимого сына Ходжахмета, которого якобы собирались крестить³⁰. Оказавшись в фокусе казахско-русских и внутренних казахских коллизий, Абулхаир, в конце концов, погиб. Неплюев не преминул воспользоваться благоприятным случаем для укрепления власти над Ордой. В донесении от 26 августа 1748 г., извещая Коллегию иностранных дел о «смерти толь великого интриганта», он высказал мнение о том, «какая интересная надобность есть, дабы кир-

гис-кайсацкие ханы ханство получали не по своей или по одной народной воле, но с Высочайшего Е.И.В. соизволения и подтверждения, будет то знаком прямого подданства»³¹.

По утверждению ханши Попай Абулхаир назначил своим преемником Нурали, но так ли это было на самом деле – неизвестно. 2 октября «по совету» Неплюева и Тевкелева Нурали был выбран ханом. Выборы прошли с нарушением многовековой традиции чингизидов, с участием ограниченного количества людей. Не удовлетворившись этим, партия Попай попыталась добиться утверждения императрицей Елизаветой Нурали в качестве главного хана Младшего и Среднего жузов³². Однако это не удалось. Русская сторона была не заинтересована в централизации власти в Орде. Кроме того, это было неосуществимо практически. Сильная оппозиция власти Нурали существовала даже внутри Младшего жуза. Здесь на ханство давно претендовал Батыр-султан, обладавший не меньшим авторитетом и влиянием, чем Абулхаир. Потомок Джадька, сын бывшего хивинского хана Каипа, отец правящего хивинского хана Каипа, Батыр был самым старшим по возрасту среди казахских династов. Этого умного, независимого правителя хорошо знали в Джунгарии, Китае, Иране и Турции. Батыр был выбран ханом рядом родов, живших у Аральского моря, параллельно с назначением Нурали. Попай и Нурали начали вынашивать планы по физическому устранению своих конкурентов в Младшем и Среднем жузах, чтобы под эгидой России властвовать над этими территориями³³. Они объявили, что согласны признать Батыра главным ханом и пригласили его на переговоры, но тот не поддался на эту хитрость. Остался неуязвимым и убийца Абулхаира султан Среднего жуза Барак.

Жалованной грамотой Елизаветы от 26 февраля 1749 г. Нурали был утвержден, причем для удобства назван «киргиз-кайсацким ханом, не именую ни Меньшой, ни Средней орд», и в августе присягнул на верность императрице³⁴.

Знарок казахской истории М. Вяткин считал, что Нурали «жил еще политическими представлениями своего отца: мыслью о восстановлении союза Орд на основе вассальных отношений. Он достиг лишь укрепления вассальных отношений своих владений к царской России, но не достиг воссоздания на феодальной основе объединенного казахского ханства... Слабость нового хана и позволила царскому правительству поставить его в полную от себя зависимость, пре-

вратить его в своего агента в степи. Но опора хана на царскую администрацию уже в 50-х годах создала для Нур-Али многочисленные трудности внутри Орды и в конце концов привела его к разрыву со старшинами»³⁵.

Ярко и точно изобразил положение хана другой русский историк А. Рязанов: «Имея много врагов в Орде, Нурали-хан не мог вести самостоятельную политику, подобно предкам. Он постоянно опасался потери своей власти и поэтому искал опоры в русском правительстве. Русское правительство поддерживало Нурали, но за то требовало определенного курса политики, которая часто шла в ущерб национальным интересам киргиз-кайсацкого народа. Идя путем уступок русскому правительству и проводя русскую политику в Орде, в конце концов хан Нурали превратился в русского чиновника, получавшего содержание из русской казны, правительство вечно грозило хану: если не сделаешь то-то, то не получишь жалованья. Превратившись в русского чиновника, хан почувствовал безответственность, свойственную царским воеводам того времени, и стал злоупотреблять своей властью в Орде. Он был корыстолюбив и несправедлив; притеснял и грабил враждебные его власти киргизские роды и таким образом возбудил к себе ненависть в Орде... Проживая вдали от Орды около русских границ, Нурали к концу своей долгой жизни потерял всякое влияние на внутренние дела Орды»³⁶.

После того, как ханский сын Аблай, находившийся аманатом в Оренбурге, крестился, ненависть и презрение народа к своему правителю увеличились³⁷. Нурали отвечал казахам тем же. Оренбургской администрации было известно, что «хан, имея на них, киргиз-кайсак, негодование, пограничным командирам сообщает и рекомендует неповинных людей разорять... скот их велит захватывать, а при том и людей ловить, которых со временем выручая, от каждого по несколько лошадей и баранов берет... Во время расположения их, киргиз-кайсак, со скотом их на летние и зимние кочевки, некоторым он, хан, к тому позволения не дает, а ежели которые лошадей и баранов во взятку ему не дадут, да и без позволения ево скот перегонят (через реку Урал. — С.Т.), о таковых сообщая и называя ворами, делает озлобление»³⁸.

Действия хана вызывали неодобрительную реакцию даже у русского начальства. Впоследствии о злоупотреблениях Нурали вынужден был поставить в известность правительство генерал-губернатор О. Игельстром³⁹.

Нурали был недоволен отношением к нему русских, при помощи которых он, по словам В.Н. Витевского, так же, как его отец, хотел «внушить киргизам страх и уважение к себе и сделаться полновластным их ханом». Не без сарказма Витевский пишет: «Несмотря на шаткость своего фальшиваго положения, Нурали слишком заходил далеко в своих требованиях и недостаточно был сдержан по отношению к пограничному начальству... Нурали дошел до такой дерзости, что в минуту гнева заявил при всех, что он больше в Оренбург не поедет и о построении памятника над могилою отца и о выдаче пленных заботиться не будет. Не довольствуясь этим, он приказал киргизам откочевать дальше от Оренбурга, объявив им, что Россия ими недовольна... хан сказал: «...я перестану подданных мне киргиз удерживать от грабежей и разбоя; киргизы тогда будут считать меня не только за хана, но и за святого, теперь же они не хотят слушаться меня только потому, что я кочую близ России и служу ей верно; благодаря генералу (Неплюеву) и мурзе (Тевкелеву), я не хан, а пастух лошадей, — Бог взыщет с них за это. Пусть зюнгорцы с прочими ордами окружают меня, я и тогда найду себе место, а своим — пропитание. Русские хотят поступить с нами, как с калмыками и башкирцами, но мы лучше согласимся умереть, чем жить под тяжким игом»⁴⁰.

В 1759 г. Нурали безуспешно просил Елизавету о постройке для него крепости на Эмбе «для приведения в порядок и послушание» казахов⁴¹.

М. Вяткин описывает случай, который, по его словам, нанес большой удар по авторитету хана. В сентябре 1760 г. в степи произошло убийство племянника хана Мамбет-Али и двадцати знатных старшин родов Ожрай, Кипчак, Шекты и Тама. Убийство было совершено башкирами разведывательной партии Тимашева, что вызвало сильное негодование казахов, и «султан Айчувак собрал около 10 000 человек, чтобы двинуться на разорение линии. Нур-Али ограничился одной перепиской с губернатором»⁴².

Действительно, 19 января 1761 г. Сенат рассматривал доношение оренбургского губернатора А.Р. Давыдова с приложенными письмами Нурали-хана и Айчувак-султана «с нареканием на башкирцов, якобы они, будучи в прошедшем сентябре месяце за Яиком рекою с надворным советником Тимашевым, в числе 200 человек для прииска к заводам его сиятельства сенатора генерал-аншефа и кавалера

графа Александра Ивановича Шувалова медных рудников убили до смерти салтана и 19 человек киргизцев». После обсуждения Сенат пришел к заключению, что «хотя о таком смертном убийстве, кроме полученных от Нурали-хана и брата его Айчувак-салтана писем другого достоверного известия нет и надворный советник Тимашев... обнадеживает, что в бытность его за Яком от них ничего противоположного произойти не могло...»⁴³.

Таким образом, причастность башкир к убийству казахов была признана недоказанной. Хотя исключать такой возможности нельзя. После установления буферной зоны между Башкортостаном и Казахстаном, в особенности после восстания 1755 г., наступил качественно новый этап в истории башкирско-казахских отношений. Однажды 800 башкир «по подстрекательству» Даута Аднашева совершили набег на казахов, ссылаясь на то, что «имеется указ, разрешающий башкирцам нападать на киргизов». (Слухи о существовании такого указа появились в ходе конфликта с казахами в 1755 г., и, возможно, являлись очередным «методом» Неплюева). 12 декабря 1760 г. был издан «Высочайший манифест» о том, что «указа грабить киргизов не издавалось, и что виновные в этом будут ссылаться на каторгу». Даут был схвачен и летом 1761 г. с двумя товарищами сослан в Рогервик⁴⁴.

Еще более враждебными были взаимоотношения казахов с линейными казаками и солдатами, участвовавшими как в санкционированных карательных операциях, так и самовольных грабительских набегах. М. Вяткин пишет: «В качестве репрессивных мер против казахов, заподозренных в нападении на линию или на караваны, применялся захват приезжавших на линию казахов и так называемая пограничная бармта, т.е. нападения русских пограничных отрядов на казахские аулы... Бармты устраивались в степь по всякому мелкому предлогу, и нередко нападения казахов на пограничную линию, которые служили основанием для организации бармты, измышлялись или крайне преувеличивались местной администрацией. Бармта превращалась в одну из форм колониального грабежа»⁴⁵. В.В. Вельяминов-Зернов утверждает, что идея такой бармты была подсказана русским самим Нурали-ханом в 1749 г.⁴⁶

С 1760-х годов правительство начинает менять политику по отношению к новым подданным, постепенно переходя от дипломатических приемов к административно-полицейским. 17 ноября 1766 г. Кол-

легия иностранных дел следующим образом наставляла оренбургского губернатора А.А. Путятина: «Киргис-кайсаки, становясь время от времени продерзностнее, производят здесь нужду заблаговременно мыслить и намерение положить, каким образом удобно было б, естли от них когда великия злодейства произойдут, чего и в самом деле чаять можно, ежели далеко от здешних границ в степь отлучатся, смирить их за то оружием и привести к нашей стороне в почтение так, как они напредь сего боялись зенгорцев, а ныне китайцов, по неупущению им никаких противных поступок, и в какое время над ними произвести для того поиски, и сколько к тому надобно будет нарядить яицких казаков, башкирцов и волских калмык. А особливо, не можно ли будет обойтись и без башкирцев, яко их однозаконцев, дабы они прежде времени их не уведомили. И не надобно ли где приготовить для подкрепления регулярную команду, и с какой стороны их атаковать. О том о сем имеете Вы положить Ваши рассуждения...»⁴⁷.

Казахско-русские противоречия, сложная обстановка в Младшем жузе нашли отражение в таком неоднозначном явлении, как движение под руководством Срыма Датова. Батыр Срым был знатным и весьма состоятельным представителем “черной кости”. Он был бием рода Байбакты, являлся зятем самого Нурали-хана и управлял 2000 кибитками. В 1778 г. во время набега уральские казаки убили его детей. В отместку в 1783 г. батыр захватил в плен и продал в Хиву уральского казачьего старшину Чаганова, но вскоре сам попал к казакам и был выкуплен своим именитым шурином в мае 1784 г. Освободившись, Срым продолжил набеги на линию. Несмотря на оказанную услугу, его отношение к Нурали было отрицательным. Бий ориентировался на Каипа. Но по поводу большого вопроса о власти в Орде партия Срыма, видимо, сочла возможным обратиться к русской администрации. 27 ноября 1784 г. Екатерина II направила указ Симбирскому и Уфимскому генерал-губернатору, где есть такие пункты: «... 3. Отложение толь многих родов киргизских от повиновения Нурали-хану, нимало не почитаем Мы предосудительным для интересов Наших: ибо если бы сей хан и не столько сам участвовал в набегах и воровствах, сколько многие околичности его в подозрении приводят, то уже одна оплошность его, потеря им всякой доверенности у народа своего и, наконец оказанное им не один раз уклонение от свидания с предместником Вашим делают его для нас бесполезным и

ненадежным. 4. Если Нурали-хан и другие салтаны будут упорствовать или уклоняться от приезда на свидание с Вами, в таком случае, Вы можете дать им возчувствовать, что они признаются сущими ослушниками и недостойными никакого покровительства; напротив того буде они призыву Вашему не преминут последовать, и в ожидании решения всего сего дела станут повторять прошение, ханом уже внесенное о дозволении им убежища, под защитою которого, либо из крепостей наших, Вы не оставьте удовлетворить таковому требованию... 5. Весьма нужно, чтоб Вы приложили всемерное старание Ваше разведать о представленном Вами к избранию в ханы киргиз-кайсацкой орды Каип-хане, какого он происхождения и свойств, где находится и поколику на него можно положиться...»⁴⁸.

Еще в 1783 г. Нурали просил генерал-губернатора А.И. Апухтина защитить его от казахов⁴⁹, а в следующем году стал просить правительство об отставке⁵⁰.

Эти факты ставят под сомнение справедливость утверждения Ж. Касымбаева о том, что Игельстром (заступивший на свой пост в 1784 г.), «пользуясь однозначной поддержкой императрицы, решил изнутри разрушить то единство кочевников, которое поддерживалось и сохранялось казахскими ханами», и что «открытая вражда (Срыма Датова. – С.Т.) с потомками Абулхаира, личная неприязнь к Нуралы – усугубили политическую ситуацию» и привели к падению «законной власти»⁵¹.

В 1784 г. отряды казахов действовали на Нижнеуральской линии, в районе Орской крепости, готовилось нападение на линию между Верхнеуральской крепостью и Илецким городком. В феврале 1785 г. против Срыма был направлен генерал-майор Смирнов с 237 оренбургскими казаками и 2432 башкирами. Действия карателей вызвали недовольство в Младшем жузе и привели к активизации движения. В ответ Оренбург направил дополнительные отряды казаков. Нурали никак не контролировал власть в Орде и оправдывался перед Игельстромом своим бессилием⁵². В этой обстановке генерал-губернатор пошел на сближение со старшинами. Осенью 1785 г. по его инициативе состоялся съезд старшин, который поставил вопрос о смещении хана Нурали и разделении жуза на три части – Байулинскую, Семиродскую, Каракесецкую, а батыр Срым был поставлен «начальным советником» во всей Орде. Было принято решение об учреждении пограничного суда и поставлен вопрос о новом хане – Каипе, которо-

го старшины были готовы единодушно признать своим ханом⁵³. В апреле 1786 г. Нурали бежал в Уральск, а 3 июня Екатерина своим рескриптом отстранила его от власти. Бывший хан был вызван в Оренбург и оттуда отправлен в Уфу⁵⁴.

Прежде, чем завершить обзор событий в Младшем жузе, изложим некоторые новые подробности пребывания отверженного правителя в изгнании. В Уфе Нурали жил под охраной караула солдат Пермского пехотного полка. В 1790 г. он регулярно жаловался на свою болезнь подагрой⁵⁵. На содержание его и свиты уфимская казенная палата выделяла крупные суммы: в 1789 г. – 5 тыс. рублей, в 1790 г. – 4 тыс., в 1791 г. – 4 тыс.⁵⁶ Принято считать, что Нурали умер в 1790 г., однако выясняется, что в 1791 г. он был еще жив. Умер Нурали не позднее 1792 г. – это видно из жалобы его сыновей от 1792 г. о притеснении их после смерти отца⁵⁷.

14 мая 1793 г. генерал-прокурор А.Н. Самойлов направил «Предложение» уфимской казенной палате о назначении вновь избранному хану Ирали « годового жалованья наравне напротив покойного хана Нурали, яко то по шести сот рублей, да на хлеб по пятидесяти рублей »⁵⁸.

Реставрация власти потомков Абулхаира толкнула группу казахов во главе с Срымом на возобновление военных действий. В письме к генерал-губернатору А.А. Пеутлингу старшины разоблачали политику царизма по разобщению и деморализации казахов: «...вы нас хотите довести так же, как нагайцев и башкирцев, поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы, и разные тягости хотите на нас возложить. Каковые все ваши намерения мы поняли, ибо и перед сим вы, россияне, скольких, обласкивая серебром и прочим, довели в свое рабство»⁵⁹. По сведениям Ж. Касымбаева, максимальное количество воинов Срыма в пик движения доходило до 7 тыс.⁶⁰ После организации убийства хана Ишима Нуралиева в 1797 г. Срым прекращает борьбу и через некоторое время откочевывает в Хиву⁶¹.

К концу XVIII в. власть русской администрации в Младшем жузе утвердилась настолько, что на степняков стала распространяться юрисдикция российских законов. Так, в 1793 г. за убийство полковника Уральского казачьего войска Пролунщикова и двух казаков Оренбургским пограничным судом были осуждены казахи Мимбай Туяков, Десятьев и Сенгербанов. Первого наказали кнутом, вырезали

ноздри и отправили на каторжные работы в Иркутскую губернию, его товарищей наказали плетьюми⁶². В начале 20-х годов XIX в. самодержавие приступило к ликвидации последних остатков политической независимости казахского народа. Эта ликвидация была проведена в Младшем жузе в форме разделения его на три части и назначения вместо ханов в каждую часть особых чиновников из султанов со званием султанов-правителей⁶³.

¹ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – С. 222-224, 260; Таймасов С.У. О численности башкир, о старшинах и тарханах в период образования Оренбургской губернии//Ватандаш. – 2006. – №10. – С. 93.

² Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. – С. 42, 90.

³ История Башкортостана с древнейших времен 60-х годов XIX в. – С.187, 266.

⁴ Порталь, Роже. Указ. соч. – С.117.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1, ч.1. – С. 254-255.

⁶ Кульшарипов М.М. Политика царизма в Башкортостане (1775 – 1800гг.). – Уфа: РИО Баш ГУ, 2003. – С. 68 – 69; Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в. – Стерлитамак: Изд-во СГПИ, 2001. – С. 73.

⁷ Кульшарипов М.М. Указ. соч. – С. 63,70,71.

⁸ Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях. – С. 258.

⁹ Там же. – С. 549.

¹⁰ Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX вв.). – С.169.

¹¹ ЦГИА РБ. – Ф. 384. – Оп.1. – Д.1. – Л.180-181 об.

¹² Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII век. – Уфа: Китап, 2000. – С. 214-215.

¹³ Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. – М.: Наука, 1988. – С. 66.

¹⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. – С. 578.

¹⁵ Акманов А.И. Указ. соч. – С.114–118; Кульшарипов М.М. Указ. соч. – С.129.

¹⁶ Кульшарипов М.М. Указ.соч. – С.76-77.

¹⁷ Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях. – С. 74-75.

¹⁸ Кульшарипов М.М. Указ. соч. – С.78-79.

¹⁹ *Ряжнев А.С.* Просвещенное духовенство при Екатерине II // Вопросы истории. – 2004. – №9.

²⁰ *Файзрахманов Г.Л.* Указ. соч. – С. 296–297.

²¹ Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях. – С. 186–199.

²² История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. – С. 312–315; ЦГИА РБ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3018. – Л. 42–42 об.

²³ ЦГИА РБ. – Ф. 384. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 180 об.

²⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. – С. 567.

²⁵ АВПРИ. – Ф. 108. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 1–3.

²⁶ *Кульшарипов М.М.* – Указ. соч. – С. 88, 90.

²⁷ Сенатский архив. Т. VI. – С. 19–22.

²⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 331.

²⁹ Сенатский архив. Т. VII. Протоколы Правительствующего Сената. – СПб., 1895. – С. 149.

³⁰ Там же. – С. 40.

³¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 392–395.

³² Там же. – С. 397, 408–410

³³ Там же. – С. 207, 215, 423, 431, 437; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 364; *Валиди А.-З.* История башкир. История тюрков и татар. – С. 71, 123, 127; *Витевский В.Н.* Указ. соч. – С. 754–755.

³⁴ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 443–444; *Витевский В.Н.* Указ. соч. – С. 757.

³⁵ *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. – Л.: Огиз. Госполитиздат, 1941. Т. 1: С древнейших времен по 1870 г. – С. 162–163.

³⁶ *Рязанов А.Ф.* Батырь Срым Датов // Советская Киргизия. – 1924. – №10. – С. 94–95.

³⁷ *Валиди А.-З.* Указ. соч. – С. 127.

³⁸ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV / Подг. к печ. под рук. М.П. Вяткина. Отв. ред. В.И. Лебедев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 12.

³⁹ *Вяткин М.* Указ. соч. – С. 194–195.

⁴⁰ *Витевский В.Н.* Указ. соч. – С. 790.

⁴¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 599.

⁴² *Вяткин М.* Указ. соч. – С. 168–169.

⁴³ Сенатский архив. – Т. XII. Протоколы Правительствующего Сената 1761, 1762, 1763 гг. – СПб., 1907. – С. 5; *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Приложение. – С. 83.

⁴⁴ Крафт И.И. Указ. соч. Приложение. – С. 82, 85.

⁴⁵ Вяткин М. Указ. соч. – С. 170–171.

⁴⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абуль-Хайр хана (1748-1765 г.). Т.1. – Уфа, 1853. – С.18.

⁴⁷ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 683–684; Рязанов А.Ф. Указ. соч. – С. 96-97.

⁴⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т.1 /Сост. М.Г. Масевич; Отв. ред. С.З. Зиманов. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1960. – С. 41–43.

⁴⁹ Семенова Н.В. Указ. соч. – С. 79.

⁵⁰ АВПРИ. – Ф.122. – Оп. 2. – Д.1. – 1784 г. – С. 1-3.

⁵¹ Касымбаев Ж.К. Указ. соч. – С. 160, 163, 179.

⁵² Рязанов А.Ф. Указ. соч. – С. 98; История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 225–227.

⁵³ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 227–228.

⁵⁴ Рязанов А.Ф. Указ. соч. – С. 101; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сб. док. и мат. /Сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев и др. – Алма-Ата: Наука, 1964. – С. 125; Материалы по истории политического строя Казахстана. – С. 66.

⁵⁵ НА УНЦ РАН. – Ф. 23. – Д. 3. – Л. 76 об., 137.

⁵⁶ ЦГИА РБ. – Ф. 138. – Оп. 1 – Д. 815. – Л. 285; Д. 816. – Л. 72; Д. 817. – Л. 74 – 74 об.

⁵⁷ АВПРИ. – Ф. 122. – Оп. 2. – Д.1. – 1792 г.

⁵⁸ ЦГИА РБ. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 821. – Л. 45-46.

⁵⁹ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) – Т. IV. – С. 24.

⁶⁰ Касымбаев Ж.К. Указ. соч. – С. 159.

⁶¹ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) – Т. IV. – С. 25-26; История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 233.

⁶² ЦГИА РБ. – Ф. 384. – Д. 16а. – Л. 83-84.

⁶³ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. – С. 39.

Г л а в а IX

ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ БАШКИРСКОГО И КАЗАХСКОГО НАРОДОВ

Алдар Исекеев (не позднее 1667 – 1740)

На карте Уфимской провинции 1737 г. показаны д. Алдарбай, расположенная на левом берегу р. Кана, несколько выше современной д. Атиково Бурзянского района, и д. Кадыр, расположенная выше первой на левом берегу Куркатау – правого притока Каны¹. На карте Оренбургской губернии времен восстания Е.И. Пугачева обозначена д. Алдарово, находившаяся близ современной д. Исянгазино Бурзянского района на правом берегу Каны². На карте Уфимского наместничества 1786 г. на правом берегу Каны, несколько ниже Кананикольского завода, мы также видим д. Алдарово³. И наконец, на карте Оренбургской губернии 1830 г. на левом же берегу Куркатау, несколько выше того места, где располагалась д. Кадыр, отмечена д. Исакой⁴.

Известно, что Алдарово (Алдарбай) являлось вотчиной старшины Бурзянской волости Алдара (Алдарбая) Исекеева. Деревни Кадырово и Исакой, очевидно, являются вотчинами его деда Кадырбека Байбахтина и отца Исекея Кадырбекова. Владения тархана Алдара были весьма обширны. В 1700 г. он фигурирует как владелец вотчин по р. Ирғиз⁵. Вопреки мнению некоторых современных историков здесь речь идет о реке, протекающей в Актюбинской области Казахстана, а не одноименной реке в Саратовской и Самарской областях. Самые северные владения Алдара фиксируются в 1732 г. в окрестностях Табынска⁶.

Шежере знаменитого батыра было опубликовано его земляком, нашим современником Д. Ибрагимовым⁷. Сведения о его родослов-

ной содержатся в жалованной грамоте, отрывок из которой приводится ниже:

«...2. Дан сей Ея Императорского Величества указ из канцелярии Оренбургской Экспедиции Уфимского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости тархану Алдарбаю Исекееву, и детям ево Мурату, Мусе, Юсупу, Максюту, Мансуру, Мысыру, Сеитбатталу, Бахтыгирею, Адилгирею Алдаровым, да племянником ево Арасланбеку Деветееву да Качкару Деветееву ж, внучетом ево, сыновним детям Алтыялилу, Утегану Муратаевым, Кудаменде, Ушкилде, Чувашбаю Мусиным, Аббесю Юсупову, Худайназару Максютову, внучетом же, племянниковым детям, Чураю, Якшидавлетю, Багузе, Лякузе Арасланбековым, правнуку Егуге Чурину, для того, по присланному из Правительствующего Сената указу и по прошению ево Алдаркову и по справке с Уфимскою канцеляриею, что дед ево Кадырбак Бабахтин и отец его Исекей Кадырбакин и он Алдар в служилых списках и в грамотах в тарханех написаны, и за прежние ево службы как он Алдар служил и был в Крымском и в Азовском походех, и в Азовском походе ранен тремя ранами и выезжал на поединок и убил выезжего напротив себя Черкашенина, тако ж и поймал собою языка одного Крымчанина, и объявил блаженные и вечно достойныя памяти Его Императорскому Величеству Петру Великому и за ту ево службу убитого на бою брата ево Давлетбая тело для отвозу восвояси отдано ему Алдару и даны ему с прогонами подводы, и о том данные ему Алдару за послугу грамота и подорожная утерялись. Также и ныне он Алдар, служа Ея Императорскому Величеству, привел посланников из Киргис-Кайсацкой Орды, и с посланцом же от Ея Императорского Величества Государственной Иностранной Коллегии с переводчиком, что ныне полковником, Тевкелевым привели в подданство Российской Империи Киргис-Кайсацкого Аболгаир хана с ево владением и других владельцев, и с тем подданством привезли к Ея Императорскому Величеству Аболгаир хана сына ево Ерали салтана, который ныне в Уфе, и для того написать ево Алдарбая з детми и со внучеты и с племянники в новую тарханскую книгу, и Ея Императорского Величества службу служить с Уфимскими тарханы в равенстве, и сей Ея Императорского Величества указ иметь ему Алдару, детям и внучетам и правнучетам впредь для показания другим о службе ево и о тарханстве. Декабря 24 дня 1734 году»⁸.

Этот документ позволяет приблизительно определить год рождения Алдара. Принимая во внимание, что крымские походы под командованием князя В.В. Голицына состоялись в 1687 и 1689 гг., и исходя из того, что на военную службу призывались с 20 лет, можно заключить, что Алдар родился не позднее 1667 г. Азовские походы Петра I состоялись в 1695 и 1696 гг. Первый завершился неудачей, во втором порт Азов, закрывавший русским выход к Азовскому и Черному морям, был взят. Перед штурмом под стенами крепости состоялся поединок двух сильнейших воинов. С турецкой стороны вышел «черкашенин». Черкесские богатыри издревле отличались ловкостью и удалью, в единоборстве не знали себе равных. Вспомним, что Мстислав Тмутараканский прославился тем, что в 1022 г. сумел одолеть черкесского князя Редедю. Башкирский батыр повторил этот подвиг и вдохновил товарищей по оружию. За это и другие боевые заслуги Петр I наградил его и пожаловал в тарханы.

Последующее десятилетие, вероятно, было самым спокойным в бурной, мятежной жизни Алдара. Он был первым в своем народе, с ним считалась местная администрация, правительство выдавало ему крупное жалованье. Немногие люди, облаканные властью, могут пойти на разрыв с ней во имя интересов простых людей. Алдар встал на защиту своего народа и возглавил крупнейшее восстание. Спустя много лет он снова пошел на сотрудничество с властями, что дало некоторым историкам и публицистам повод говорить о его непоследовательности и даже соглашательстве. На самом же деле эти перемены и колебания являлись следствием и отражением сложных отношений царской власти с башкирским народом, в лице сначала биев, подписавших первый договор с русским царем, а затем представителей служилой верхушки, таких, как Алдар Исекеев. «Успешное взаимодействие элит, — считает историк-востоковед В.В. Трепавлов, — было определяющим обстоятельством, когда решался вопрос о переходе под покровительство или в подданство России. Утвердившаяся в советской историографии и унаследованная новейшей российской наукой формула о присоединении («добровольном вхождении») народов предельно условна. Судьба народов решалась представителями их высших социальных страт без референдумов и мониторингов общественного мнения, как правило, исходя из насущной политической ситуации. При этом ни одно государство или потестарное (архаичное предгосударственное) образование не желало по собствен-

ной воле лишаться независимости, обратившись в «холопов белого царя»⁹. Касаясь непосредственно русско-башкирских отношений, В.В. Трепавлов отмечает: «Подданство царю башкиры рассматривали как свой свободный выбор, как результат взаимного согласия с Москвой. Поэтому они считали себя вправе отстаивать вооруженным путем права, полученные некогда от правительства, а также расторгнуть прежние договоренности и, в конце концов, сменить сюзерена. Названные причины, вместе со злоупотреблениями чиновников, вызывали массовое возмущение башкир и череду их восстаний в XVII – XVIII веках»¹⁰. И, наконец, приведем еще одно высказывание этого историка, имеющее непосредственное отношение к нашей теме: «Начало радикальных перемен историки справедливо связывают с петровскими реформами, когда необходимость мобилизации ресурсов для победы в Северной войне ускорила административное и экономическое освоение окраин. Империя в ходе модернизации стала утрачивать средневековые, патриархальные нормы отношений между царем и «иноверными» подданными. Происходило это не только в результате целенаправленной политики, но и объективно, в ходе совершенствования административного механизма, расселения русских по окраинам...»¹¹.

Переподчинение башкир Казанскому уезду в начале XVIII в., brutальная политика казанских чиновников на фоне резкого ухудшения социально-экономического положения в стране привели к всплеску недовольства населения края. Эти настроения переросли в форму политического протеста к царю после расправы над башкирской делегацией в 1706 г. После двадцатилетнего затишья край снова приходит в движение. Башкирские предводители начинают поиск союзников как внутри страны, так и за ее пределами. А. Доннелли отмечает, что после того, как калмыки подчинились России, башкиры обратились за помощью к казахам, каракалпакам и кубанцам»¹². Впрочем, как мы уже видели, эти родственные народы были давними союзниками башкир, а чингизиды нередко выступали в роли их сюзеренов.

Рассмотрим более подробно взаимоотношения тархана с правящими династиями соседних мусульманских стран. В конце 1707 – начале 1708 г. татарин Булак Акбулатов на допросе в Казани показал: «...башкирцы Уфимского уезду батыри Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы, также и мещеряки Иманко да Келманко Кулаевы с товарищи и черемиса Уфимского уезду начали мыслить к

воровству тому четвертой год, чтоб им всем под рукою и под волею великого государя не быть. И для того посылали к салтану турецкому и к хану крымскому посланцов все башкирцы и мешеряки, чтоб им дал кому ими владеть. И те их посыльщики привезли с Кубани Салтан-Хозю, что называется ханом, и все ему куран целовали, чтоб им быть всем ему послушны; а откуда он Салтан и какой, того де он не ведает, только де батыри и все башкирцы за святого его почитают и воздают ему честь»¹³.

Происхождение «Султана-Хози» остается невыясненным. В документах он фигурирует то как «кубанец», то как каракалпакский, либо казахский правитель. Чингизиды, как известно, были легитимны на всей территории бывшей Монгольской империи, поэтому возможно, что «Хози» последовательно выступал в разных ипостасях, хотя не исключено, что мы имеем дело с разными лицами – тезками. Наконец, не исключено, что «Хози» – титул мусульманского хаджи, вероятно, члена суфийского ордена.

Существуют сведения о том, что Алдар до восстания приводил трех ханов¹⁴. Один из них, по имени Батыр, ушел в Казахстан до начала боевых действий осенью 1707 г.¹⁵, видимо, это был казахский хан Тауке. Двое остальных, по нашему предположению, – каракалпакские султаны Мурат и его племянник Ибрагим. Мурат в 1705 г. или 1706 г. с группой башкир отправился на поиски союзников. Он посетил крымского хана, потом турецкого султана Ахмеда III. Султан встретил башкир благосклонно, но в помощи отказал, сославшись на заключенный в 1700 г. мир с Россией¹⁶. Резидент в Турции П.А. Толстой немедленно известил царя о том, что «татары, живущие в русских областях, прислали к хану одного султанского сына и трех черных татар..., что хотят из царского подданства выйти все и переселиться в Крым, потому что в России обижают их в вере, берут с них много денег, и свадеб своих не могут они отправлять без русских попов; чтоб крымский хан прислал к ним на помощь войско, и они, с женами и детьми, выйти из Российского государства в Крым могут. Хан просил у Порты позволения дать требуемую помощь; vizирь созвал совет, на котором муфти говорил, что по их закону надобно принять татар»¹⁷.

По словам казанского комиссара А. Сергеева, Петр I приказал Кудрявцеву расставить заставы для поимки «воров», но «башкирцы, которые были в Крыму явились в Уфимском уезде, да с ними кубан-

цов 5 человек, в том числе один знатной из них Мурат Салтан, и башкирцы де Нагайской дороги воры Азал абыз с товарищи назвали того кубанца ханом и дальних волостей башкирцы к воровству их приняли многие и говорили те воры, что прислал к ним турецкой салтан хана з грамотою за золотою печатью, и на помощь де идут к ним кубанцов сорок тысяч, а иные де воинские люди будут плавным путем, и чтоб башкирцом перекочевать на нагорную сторону. И после того уфимским воеводою Львом Аристовым некоторые и пойманы...» Далее Сергеев упоминает о том, что Мурат с башкирами разбил полк П. Хохлова¹⁸. Однако это противоречит другим известным фактам, (Хохлов был разбит в декабре 1707 г., когда Мурат находился в восточных странах), в том числе показаниям самого Мурата. Известно, что на обратном пути из Крыма он возглавил восстание на Северном Кавказе, был пленен 26 февраля 1708 г. при штурме Терской крепости и повешен в Казани¹⁹. Впрочем, возможно, что Мурат все же добрался до Урала осенью 1707 г., и в начале 1708 г. ушел из-под Казани на Кавказ. Это как будто подтверждается показаниями ясачного татарина Зюрейской дороги Казанского уезда Урмета Бимякова о том, что зимой 1707/08 г. пришел к ним хан кубанец Салтан-Мурат, «чтобы де ему «хану государевою землею завладеть»²⁰. Однако этой версии, в свою очередь, противоречит донесение С. Вараксина князю А. Д. Меншикову от 14 апреля 1708 г. о том, что «умыслили они воры башкирцы, чтоб им не быть под державою его царского величества и посылали от себя посланцов в Турки к салтану и в Крым к хану домогатца, чтоб их приняли к себе в союз. И как им от салтана и от хана в том отказано, и те посланцы привезли с собою к башкирцом с Кубани вора и назвали ево салтаном и других с собою возмутили, чтоб им быть самовластным... и того вора учинить прямым салтаном... И о том их намерянии кубанец, которого те посланцы привезли, с помянутым самозванцом, кой и ныне в Казани, таже де и взятые языки в роспровах и с пыток говорят имянно»²¹.

Если считать, что под самозванцем Вараксин подразумевал Мурата, захваченного под Терской крепостью и содержавшегося в Казани, то следует, что из Кубани в Башкортостан прибыл другой человек. Возможно, это был Каип-Бахадур, также фигурирующий в документах того времени. В этом случае получается, что существовали два чингизида с именем Мурат.

20 марта 1708 г. П.М. Апраксин писал из Астрахани Петру I: «В прошлом 1707 году уфимский башкирец, который назвал себя салта-

ном, быв в Царьграде и в Крыме о башкирской измене и прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терка называются чеченцы, мичкисы, аксайцы; и те народы прельстя, называл себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона басурманского святым, учинился над ними владельцем ... и февраля в 26 день милостию Божью и счастием твоим государевым тех неприятелей под Терком побили и того злодея самого владельца их салтана взяли, ранена лехкою раною, жива... и того взятого злодея салтана куда повелит Ваше Величество мне прислать: к Москве или в Петербурх? И сей вышепомянутой злодей здешним народам чрез диавола страшен явился и башкирцы по ево пересылке изменили. И при нем под Терком ныне башкирцы были и с теми всеми намерен был тот злодей итти к нам и в башкирцы...»²².

Из этого документа также следует, что Мурат, возглавивший кавказцев в 1707 г., находился далеко от Башкортостана. Однако на этом загадки не заканчиваются. В 1720–1740 гг. один из каракалпакских ханов выдавал себя за казненного Султан-Мурата. 8 июня 1721 г. находившийся в Башкортостане полковник Иван Головкин писал Петру I: «В поданом мне доезде Уфимского иноземного списку Алексея Антропова написано: как де он послан был от меня в Уфимской уезд по Ногайской дороге в Бурзенскую волость к башкирцам Азию абызу с товарищи для проведывания про приезд каракалпаков, и он де Азий абыз ему, Алексею, сказал, что каракалпаков пять человек у него есть, и он де Алексей их и видел и слышал от них, что они приехали от хана Мурата, который в прошлых годах пойман под Терком и повешен в Казани, будто он жив и ныне у них стал быть ханом и ежели де они, башкирцы, хотят ево видеть, то б де к нему приезжали знатные люди Епан батыр, Ази абыз, Карчилайбай, Абзан батыр, Алдарбай»²³.

Этот невероятный факт косвенно подтверждается письмом другого каракалпакского хана Ишим-Мухаммеда от того же 1721 г. уфимскому воеводе И.Е. Бахметеву, которым он уведомляет, что «желает быть всегда царскому величеству в послушании... и Салтан Мурат хан в письмах своих, которые письма у товарища ево, пишет и изустно приказывал то же, что желает Ишим хан... понеже Салтан Мурат хан Ишиму хану брат...»²⁴ Через 20 лет участник восстания под предводительством Карасакала башкир Каратавлинский волости Сибирской дороги Ягафар Юлдашев, бывший в беге в 1740–1742 гг., рассказы-

вал, что каракалпаки «почитают у себя ханом одного беглого сарта Абдрахмана, кой наперед сего жил в Уфимском уезде на Ногайской дороге в разных местах и называет себя яко бы он Солтан-Мрат хан и будто наперед сего пойман он был в Астрахани и повешен был в Казани, и оттуда будто ж он яко бы своим святовством не обвесился и ушел и показывает на себе рану, пониже груди на боку, крючную»²⁵.

По свидетельству А.-З. Валиди, потомки донских казаков-булавицев, жившие за границей, в середине XX в. помнили султана Мурата; он же пишет, что о Мурате повествуется в дастане ногайцев — потомков жителей Кубани²⁶. Возможно, будущему исследователю удастся воссоздать, хотя бы в общих чертах, достоверную биографию этой незаурядной загадочной личности.

Уфимский воевода Л. Аристов не воспользовался затишьем 1706-1707 гг. для укрепления мира. Напротив, он всячески озлоблял народ: посадил в тюрьму башкирских представителей, занимался вымогательствами и поборами. Узнав о том, что в Бурзянской волости находится султан Ибрагим с группой кубанцев и башкир, вернувшихся из «Царьграда», Аристов в сентябре 1707 г. отправил туда команду дворянина Ивана Уракова. Тому удалось выяснить, что кубанец находится у башкира по имени Сеиткул. По требованию Уракова Алдар выдал Сеиткула, но кубанец скрылся. Алдар даже согласился отдать в заложники двух своих братьев с группой башкир. Видимо, в тот момент он еще колебался, но дальнейшие события вынудили его пойти на открытое выступление против власти. Ураков, возвращаясь в Уфу, разграбил имение Алдара; затем были убиты несколько башкирских заложников.

В начале октября башкиры подступили к Уфе во главе с каким-то султаном. Вероятно, это был кучумович Ибрагим. Об этом событии рассказывал тогда башкир Елпа: «... стоит де наш царь Салтан под Уфинским городом на речке Чесноковке в 3000-х, и с Ураковым у него де Салтана был бой, и прислал де к ним в вотчины башкирские свое знамя и коня, и велит под знамя нам башкирцом всем збиратца, и притти к себе в войско под Уфинской город на Чесноковку речку; и хочет Уфинской город взять и уездные деревни вырубить и хвалитца итти на сибирские слободы и деревни, и говорит де такие речи, я де ваш прямой царь и не берет де меня ни огонь, ни вода, и хочет в сибирских слободах и деревнях жить...»²⁷.

Казанские власти решили направить против повстанцев крупные силы. Кроме гарнизонов Уфы, Самары, Симбирска и закамских крепостей в Казани находилось 6 полков солдат и драгун, конный полк из 1380 служилых татар; в зауральских слободах кроме белопоместных казаков было 1000 драгун²⁸. Аристов рассчитывал использовать и часть башкир. Сергеев впоследствии рассказывал: «...воевода Лев Аристов писал в Казань, что ближние, которые около Уфы, башкирцы хотели того салтана Мурата и з другими присланными кубанцы, отдать и на тех башкирцов, где был тот Мурат салтан, обещали итти для поимки с воинскими людьми его царского величества. Чего ради уфимской полк, в котором был вместо полковника Петр Хохлов, с Уфы ото Льва Аристова и послан, а те башкирцы, которые обещали его царскому величеству служить, были при нем же, Хохлове, и отметчи от Уфы верст с полторасти или более, согласясь... и те, у которых был салтан Мурат с кубанцами, и внезапно на того Хохлова напали и его царского величества служивых людей и ево, Хохлова, всех побили...»²⁹.

Остановимся подробнее на сражении, предопределившем дальнейший ход событий. 16 ноября 1707 г. Аристов отправил на Ногайскую дорогу полк под командой казанского дворянина Петра Хохлова, состоящий из 1300 человек при 5 пушках. Следом он направил прибывшего из Казанской дороги Кусюма-батыра Тюлекеева с 5 тысячами башкир. 4 декабря около горы Куш-тау (севернее современного г. Стерлитамака) Хохлов был остановлен 3 тысячами джигитов Алдара и повернул назад. Но около горы Юрак-тау он был окружен объединенными силами башкир. По сведениям историка Б.А. Азнабаева, в ходе сражения на сторону башкир перешли даже некоторые уфимские дворяне. Построив оборону, Хохлов отбивался 10 дней, и, потеряв около тысячи человек, артиллерию и обоз, бежал в Соловарный городок. В это время из Уфы подошли полки Сидора Аристова и немецкого офицера Ивана Рыддера. Они также потерпели неудачу и укрылись в городке³⁰.

Путешественник XVIII в. И. Лепехин пишет, что «Кош-тау» (гора стана) так называется, потому-что «станом или кошевьем служило обитавшему кубанскому хану»³¹. Не связано ли название известного стерлитамакского шихана с описываемыми событиями?

Новые архивные документы позволяют нам дополнить картину событий трехсотлетней давности важными деталями. Оказывается,

в стане башкир находилось одновременно несколько чингизидов: кроме каракалпакского Султан-Мурата были два казахских правителя. Об этом свидетельствует челобитная Арслана Аккулова с товарищами от 3 июня 1722 г. Петру I: «... в прошлых же годах, как приходили и киргиз-казачьей орды два хана Зангир да Оболгаир с воинскими людьми под Уфу город и многие жилища наши и русских людей вырубили, а коней и животы побрали ... под Юряктавом горою с ними бились и на том бое Оболгаир ранен ушел, а из войска ево поймали двух человек: постельника да трубача...»³². Башкирские челобитчики, по вполне понятным причинам, передают вышеописанные события в ином свете.

После этого сражения поднялся весь Башкортостан, в начале 1708 г. число одних башкирских повстанцев достигло около 30 тысяч ³³. К башкирам присоединились татары, мишари, чуваша, мари, удмурты Приуралья и Поволжья. Это движение вошло в историю как «Алдар-Кусюмовская война», или «Алдаровщина».

Итак, Алдар Исекеев в течение 20 лет возглавлял борьбу за независимость. Но в июле 1730 г. он неожиданно появляется в Уфе в роли посредника Абулхаир-хана. Эта метаморфоза занимает многих исследователей. Башкирский историк И.Н. Байназаров, опираясь на мнение И.В. Ерофеевой и ссылаясь на известное письмо Абулхаира Анне Иоанновне от 8 сентября 1730 г., не только изображает башкирского тархана активным участником переговоров, но пытается возложить на него роль инициатора процесса принятия казахами российской протекции. Не остаются без внимания и мотивы башкирских посредников. «Значительная часть башкирских биев и старшин, — пишет он, — в свою очередь, рассчитывала через лояльность к политике царизма в Башкирии сохранить свои былые привилегии (Алдарбай-тархан) или, напротив, войти в состав привилегированных представителей феодальной верхушки (Таймас Шаимов, Кидрас Муллакаев и другие)». Затем следует описание сцены инициирования: «В июне 1730 г. в летнюю ставку Младшего жуза, расположенную на реке Ирғиз, прибыл знаменитый старшина Алдарбай. Во время встречи с ханом Абдулхаиром один на один он, фактически, уговорил хана послать в Россию посольство и просить императрицу о принятии его вместе с подвластным казахским народом в российское подданство. Причем сама идея российского протектората для казахских жузов была поставлена тарханом Алдарбаем перед Абулхаиром в качестве неперемennого условия будущего мирного соглашения между казахами

ми и приуральскими башкирами»³⁴. Аналогичную трактовку этих событий Байназаров дает в другой своей работе³⁵.

Но мы видели, что инициатива принятия российского протектората исходила от самого Абулхаира. Для осуществления этого замысла казахскому хану были нужны надежные партнеры-посредники, а враждебные волжские калмыки, или, скажем, яицкие казаки для этой роли мало подходили. Однако, как башкирский старшина оказался во владениях казахского хана летом 1730 г.? Возможно, ответом на этот занимательный вопрос является следующий эпизод. В начале октября 1729 г. группа из 18 казахов совершила нападение на владения Алдара, захватила в плен двух его сыновей и угнала 300 лошадей. Мысыр был отпущен по дороге, а второго сына, имя которого не сообщается, налетчики увезли с собой. Вскоре большая группа башкир, в их числе были Суяргул-батыр Чермышаков и Кильмяк абыз Нурушев Юрматинской волости, привезли в Уфимскую провинциальную канцелярию пойманного казаха Тамьянской волости Каипа Булбатаева (Бурбатаева). На допросе Каип признался, что набег был совершен без ведома хана Абулхаира³⁶.

Естественно предположить, что весной 1730 г. Алдар поехал в Казахстан за сыном, где и встретился с Абулхаиром. Хан же, видимо, решил воспользоваться случаем для установления контактов с русской администрацией. После состоявшейся беседы башкирский владелец, видимо, решил поддержать бывшего соратника и использовать его устремления для создания на краю Российской империи коалиции из родственных народов. Известно, что тархан пытался установить дружественные связи со среднеазиатскими народами и волжскими калмыками. В том же 1730 г. его посетил давний союзник каракалпакский хан Хази, а калмыки откликнулись на его предложение прекратить взаимные набеги и жить в мире³⁷.

28 августа 1730 г. посланцы казахского хана Кутлумбет Коштаев и Сеиткул Куйдагулов в сопровождении Алдара, его сына Мансура и башкир Кара-Табынской волости Таймаса Шаимова и Кидрыса Муллакаева прибыли в Москву, где временно находился двор недавно вступившей на престол императрицы Анны Иоанновны. После аудиенции правительство создало дипломатическую группу во главе с А.И.Тевкелевым. 4 июля 1731 г. царские посланцы прибыли в Уфу. 5 октября в сопровождении отряда башкирских джигитов и группы уфимских дворян Тевкелев прибыл на р.Иргиз. Успешное заверше-

ние трудной и опасной миссии во многом было обеспечено усердием башкирских старшин, самоотверженностью их воинов. Идея строительства города в устье Ори, очевидно, не могла обсуждаться без участия башкир, ибо эти земли принадлежали Бурзянской, Кипчакской и Усерганской волостям. Этот факт отражен в документах Оренбургской экспедиции за 1734 г., где в списке башкир, представленных к награждению, первыми фигурируют Алдар и Кипчакской волости Токчура-мулла, чьи «земли подошли, где город новый будет строитца»³⁸.

В 1733 – 1734 гг. Алдар участвовал в делегации султана Ирали в Петербург и присутствовал на церемонии принятия казахов под российскую протекцию. 24 февраля 1734 г. Алдар и 19 подначальных ему людей были представлены императрице. В столице произошла его встреча с обер-секретарем Сената И.К. Кириловым, которому он сообщил исторические сведения о своем народе. Здесь он вместе с представителями четырех дорог подал челобитные о возвращении земель, захваченных самовольными поселенцами³⁹.

Во время восстания престарелый тархан оказался в сложном положении. Повстанческие предводители отрицательно относились к башкирской знати, принимавшей участие в казахско-русских переговорах. В 1735-1736 гг. 60 деревень Бурзянской волости, находившиеся в ведении Алдара, не принимали участие в восстании, «опричь малых людей», т.е. кроме простых общинников. Тем не менее местные власти не доверяли ему⁴⁰. Летом 1737 г. повстанцы разграбили имение Алдара и увезли его сыновей⁴¹. Сам старшина с частью своего семейства был вынужден искать убежище в Оренбурге и Сакмарском городке⁴². Впрочем, нельзя исключать и инсценировки. Вполне возможно, что Алдар по тайному соглашению с повстанцами пожертвовал своим имуществом, в первую очередь лошадьми, столь необходимыми для войны. В пользу этого предположения говорит и активное участие в восстании его сыновей, двое из которых летом 1737 г. участвовали в нападении на Табынскую крепость⁴³.

Известно, что в 1737 г. 2000 башкир приходили к нему на совет⁴⁴. В мае 1739 г. Алдар принимал участие в йыйыне, где обещал башкирам употребить свой авторитет для облегчения условий принесения повинной, добиться отмены уплаты штрафных лошадей. Он отказывался отправлять воинов, требуемых для войны с Турцией до тех пор, пока не будет официально объявлено «куда поход будет и зачем», отговаривал башкир от поездки к Соймонову⁴⁵. Поэтому Соймонов ре-

шил расправиться с независимым старшиной. С этой целью он начал тайно фабриковать следственное дело. Летом 1739 г. в Табынской крепости башкир Меркитской волости Каныкай Беккулов под страхом смерти дал ложные показания о подготовке нового бунта группой башкир во главе с Алдаром. Соймонов сообщил Урусову о якобы имеющихся у него доказательствах об изменнической деятельности Алдара и предложил под благовидным предлогом вызвать его в Самару. Более полугода генералы ждали удобного случая.

В конце февраля 1740 г. Алдар со старшиной Тамьянской волости Сеитбаем Алкалиным, тарханом Телевской волости Емметом Бекевым, в сопровождении других башкир, всего 14 человек, выехали в Петербург с ходатайством за башкирский народ. По пути, 9 марта, они заехали в Самару, чтобы получить подорожную грамоту от Урусова. Начальник Оренбургской комиссии задержал делегацию и направил под конвоем в Мензелинск. 16 мая после допросов с пытками Алдару и восьмерым его товарищам отрубили головы. В 1741 г. в Мензелинске такой же казни Соймонов подверг сына Алдара Мусу. Эти обстоятельства получили огласку в 1742 г., когда большая группа башкир обратилась к уфимскому вице-губернатору П.Д. Аксакову с жалобами на Соймонова и его подручных⁴⁶.

Алдар-батыр является выдающимся героем башкирского народа. Образ воина, «который метал стрелу без промаха и чья лошадь на землю не падала»⁴⁷, долгие годы сохранялся в народной памяти, его песнях и преданиях.

Карасакал (ок. 1691 – 1749)

Предводитель башкирского восстания 1740 г. Карасакал является одной из наиболее загадочных и замечательных фигур в истории Евразии колониального периода. О его происхождении известно мало⁴⁸. Восстание 1740 г. является заключительным этапом башкирского национального движения, вызванного Оренбургской экспедицией. После разгрома повстанцев в 1738 г. правительство решило провести давно задуманную перепись. Для получения возможно полной информации о башкирском народе была разработана подробная анкета. Перепись началась в январе 1739 г. В волости были направлены

переписчики в сопровождении воинских команд. Встревоженные очередной акцией властей башкиры снова стали съезжаться на совещания. На Сибирской дороге старшины Чураш и Кадрыс Келдышевы, Мандар Карабаев, Тюлкучура Алдагулов призывали соплеменников к неповиновению. Приехавший сюда для переписи поручик Черкасов был изгнан. Башкиры Зауралья обратились к генералу Соймонову за паспортом для поездки в Петербург с челобитной. Перепись была сорвана и на Ногайской дороге, где организаторами были старшины Сеитбай Алкалин и Рысайбай Игембетов. Одновременно башкиры обратились за помощью к правителям Среднего жуза. 5 мая правительство приняло решение о прекращении переписи. Но эта мера уже не могла успокоить взбудораженных людей, т.к. не прекращался сбор штрафных лошадей, сопровождавшийся насилиями и грабежами. Начались стычки, в ходе которых был разбит и захвачен в плен Тюлкучура. В это время среди башкир объявился новый хан⁴⁹.

Местные власти впервые услышали о Карасакале 19 ноября 1739 г., когда захваченный в плен башкир Нуруш Кинзекеев показал, что у старшины Айлинской волости Сибирской дороги Алланзиангула всю предыдущую зиму и лето жил «шпион турченин», который пришел в Башкирию «чрез российские города прямо, знатно де русской язык знает, и шел пешком в черном кафтане и онучи были на нем черные ж, в лаптях»⁵⁰. Впоследствии власти установили, что Карасакал в 1739 г. неоднократно пересекал Уральский хребет, жил в Зауралье в Кара-Табынской и Барын-Табынской волостях, выезжал к казахам, и в начале 1740 г. на съезде в деревне старшины Дуванской волости Мандара Карабаева был провозглашен ханом Султан-Гиреем. Карасакал показывал свою родословную, говорил, что живет на р. Кубани, «токмо природою ногаец, старинные их жительства бывали в Башкирии. И для того он, Гирей-салтан, свои юрты по-прежнему взять старается», что у него имеется войско из 82 тыс. чел., которое стоит на р. Эмбе, в том числе 2 тыс. калмыков Лобжи Доржиева, а брат Искандер с 1500 чел. стоит на р. Караганде. Еще он говорил: «Я де приехал для взятъя здешней себе старинной земли, ибо де русские люди исстари плачивали ясак нашим дедам и прадедам, и вы для чего платите ясак и штраф, что де вам великое отягощение». В случае неудачи новоявленный хан предлагал бежать во владения калмыцкого тайши Доржи Назарова⁵¹. Очевидно, что слова о несметных войсках, шедших на помощь башкирам, были пропагандистским

мифом, но вполне вероятно, что Карасакал имел договоренность с калмыками и кубанцами о совместных действиях. Однако помощь не пришла, да и сам Карасакал появился слишком поздно. Происхождением и качествами он вполне соответствовал идеалу башкирских повстанцев, но их силы были на исходе.

2 апреля 1740 г. Кабинет повелел генералу Урусову распространить в крае печатные манифесты об окончании турецкой войны и разгласить о следовании новых войск против мятежников. Затем последовал приказ Кабинета и генерал-фельдмаршала Миниха разбить и схватить Карасакала. Военная коллегия считала, что в связи с миром с Турцией Карасакал не мог рассчитывать на прибытие большого войска, но даже малое число может «возмутить не токмо весь башкирский народ, но и киргисцов, от чего великая опасность воспоследовать может»⁵².

Соймонов бросил против восставших свыше 7 тысячи воинов, не считая гарнизонных команд, находившихся в крепостях, численностью свыше 11 тысяч. У Карасакала насчитывалось около двух тысяч джигитов. В конце мая на р. Кизил, после ожесточенного сражения, повстанцы были разбиты. Карасакал и следовавшие за ним 1500 башкирских семей со скотом и имуществом бежали за границу. 28 мая, при переправе через Яик близ современного г. Магнитогорска, они подверглись нападению подполковника Я.С. Павлуцкого и понесли большие потери. 4 июня за р. Тобол Павлуцкий вновь настиг Карасакала. В завязавшемся сражении пало много башкир, в том числе Мандар Карабаев. Около озера Сабарык-куль, близ речки Улькиян, приблизительно 26 июня остатки отряда Карасакала подверглись нападению людей Абулхайра. Тогда погиб гроза казахских барымтачей старшина Кара-Табынской волости Аккузя-батыр Кулумбетов. Его отрубленную голову в качестве трофея привезли Абулхайру. Тяжело раненого Карасакала и сына Мандара – Мавлюта на аркане увели в улус Канджагалы Аргынского рода. 10 июля казахский старшина Букенбай доложил Урусову, что его задание выполнено и получил приказ немедленно доставить пленника⁵³.

Еще ранее Урусов обещал за голову «башкирского возмутителя» 1000 руб. Нетрудно догадаться, какая участь ожидала Карасакала, если бы он не получил убежища у влиятельных старейшин Среднего жуза братьев Казбек-бия и Кабанбай-батыра. Его покровителями стали также султаны Барак и Батыр. Карасакал произвел на казахов

благоприятное впечатление. Казахская аристократия приняла его в свой круг. Он был назначен правителем племени найманов, а затем стал ханом Старшего жуза⁵⁴.

Было еще одно обстоятельство, способствовавшее его возвышению. Вероятно, не без совета своих новых друзей, Карасакал объявил себя джунгарским принцем Шуной. Он говорил, что вернулся свергнуть с престола Галдан Церена. Любопытно, что скитальца в течение многих лет сопровождали его спутники – калмык и казах, которые подтверждали его невероятные истории. Слухи о «воскрешении» Шуне мгновенно распространились вокруг. В 1742 г. к Карасакалу прибежали из Джунгарии настоящие братья Шуны – Кашка и Барга⁵⁵. Забегая вперед, сообщим, что Барга (Борин) после смерти Карасакала наследовал его улус в Старшем жузе⁵⁶.

Чтобы читателю был понятен смысл событий, следует сказать несколько слов об обстановке в Джунгарии после смерти контайши Цеван Рабтана. Его старший сын Галдан Церен, придя к власти в 1729 г., расправился со своей мачехой – дочерью правителя волжских калмыков хана Аюки, считая ее виновницей смерти отца. Подверглись репрессиям и сводные братья Галдана. Один из них, Лоузан Шуна, успел бежать к родственникам матери. Он отличался своими способностями и был любимцем народа. Враги Галдан Церена пытались использовать популярность Шуны. В 1731 г. китайский император Иньчжен даже отправил послов на Волгу и предлагал Шуне помощь. Однако в следующем году Шуна внезапно умер. С большой долей уверенности можно предположить, что Карасакал был лично знаком с участниками этой династической драмы. Известно, что до появления в Башкортостане он жил в разных странах, в том числе в Калмыцком ханстве, знал несколько языков. Скорее всего, он как многие потомки Кучума, состоял в родстве с калмыцкой и джунгарской знатью. Известно, что у его прадеда Давлет-Гирея женой была калмыцкая княжна Кирельти⁵⁷. Чокан Валиханов свидетельствует, что в середине XIX в. в преданиях казахов, киргизов, джунгар и калмыков имя Карасакала утратилось и существовал лишь образ Шуны. Оренбургские власти называли его «подлым башкирцем» – так было удобнее требовать у казахов его выдачи.

В сентябре 1740 г. новый претендент на джунгарский трон и султан Барак совершили набег на Джунгарию. В походе участвовали и беглые башкиры⁵⁸. Контайша был сильно встревожен появлением

нежданного конкурента. В конце года он послал в Казахстан 30 тысяч конников под командой полководца Сарыманжи. Ойраты заняли Ташкент, Туркестан и гнали казахов до самого Оренбурга⁵⁹. В ходе кампании попал в плен один из героев казахского народа султан Аблай. Галдан Церен потребовал от казахов выдачи карасакала. Однако казахская знать, не исключая Абулхаира, решила, что лучше «всем пропасть, а его, Карасакала, не отдать». Даже Аблай не согласился получить свободу взамен за Карасакала и передавал на волю, чтобы его «как в Россию, так и калмыкам не отдавать и, при случае, за него всем помереть»⁶⁰. На требования российской администрации Барак, Абулмамбет и другие отвечали, что «им вора Карасакала никоими мерами поймать невозможно, понеже он своими коварствами и многих киргисцов к себе в послушание склонил и от времени до времени усиляетца, что уже киргиской народ более почитают и слушают его вора, а их настоящих своих владельцев не слушают и не почитают»⁶¹.

Урусов, отправляя к Абулхаиру Д.Гладышева, выдал ему инструкцию «...касаком натолковать, что он не Шуна (которого в живых уже нет), но подлой башкирец, но и самово ево чрез удобно вымышленные способы в руки достать и в Оренбург за крепким караулом выслать, обещая касаком награждение... ежели сего учинить будет зачем либо невозможно, то стараться оного чрез какие ни на есть способы умертвить, чтоб такого великого возмутителя в живых не было...»⁶².

Карасакал быстро стал кумиром простого народа. Его харизма покоряла и вдохновляла людей. Он имел импозантную внешность, был искусным наездником и воином, его видели храбрым в битве, вместе с тем он был хладнокровен и сдержан, не увлекался удачей и никогда не терялся, не унывал в несчастье и неудаче. Он выделялся своей ученостью, знал наизусть Коран, совершил хадж в Мекку. Экстрасенсорные способности, в том числе дар целителя, добавляли ему популярности.

19 января 1742 г. башкирский сотник Сибирской дороги Китайской волости Зияняк Кашкин, прибывший из Среднего жуза, сообщил властям: «Вор Карасакал находится и поныне в Киргис-кайсацкой Средней орде в Лайманской волости в урочищах Каракум (то есть на Черном песку) и называют ево касаки ханом... и Карасакалом называть ево между собою воспрещено накрепко, но признавают ево все и поныне за сущевца Суну батыря, понеже де нынешней осенью при-

езжал в касаки из владения Галдан Чирина для опознания ево знающей про него калмык, а прислан он был для того нарочно от знатного калмыка Сарманзи и сказывал об нем Карасакале касакком, что подлинно он Суна батыр, а тот де калмык довольно ево знает, потому что в прошлых годех, когда он Суна был в своем калмыцком владении, то он жил при нем Суне батыре в поварах. И тем ево калмыцким речам киргис-касаки весьма веруют быть стали, ево ж называют по своему закону к Богу угодником для того, что де есть в нем такая проповедь, что хотя в России или где-нибудь делается, то он все якобы знает. И он де Суна имеет у себя четыре жены...»⁶³.

Но появление опасного конкурента не поколебало положения Галдан Церена в своем государстве. Джунгария была едина и сильна как никогда. Поэтому Абулмамбет, Барак и Батыр решили покориться контайше. Абулмамбет в 1742 г. заявил, что он «от России никакой пользы и защищения не имеет, а Галдан де Чирин отдает им в прежнее владения город Туркестант с тридцатью двумя городами»⁶⁴. О сближении с грозным правителем подумывал даже Абулхаир.

Сложное положение вынуждало казахскую верхушку лавировать между Россией и Джунгарией. Но еще труднее приходилось Карасакалу. Галдан Церен поставил казахам ультиматум: либо они выдают самозванца, либо «пусть просят срочного дни, когда и на котором месте быть бою». Пришелец должен был хорошо ориентироваться в сложной обстановке и всегда быть начеку.

В 1741 г. с отрядом казахов и башкир Карасакал совершил нападение на российские рубежи в Сибири. Автономно продолжали вести борьбу некоторые его бывшие соратники. Так, «главный бунтовщик» башкир Усерганской волости Муса-батыр, собрав 800 башкир и каракалпаков, напал на крепости Иртышской линии. Другая группа башкир и каракалпаков совершила рейд по р. Тобол. Инициаторами в этих акциях выступали башкиры⁶⁵. После поражения от Галдан Церена часть башкир ушла от своего вождя к хану «верхних» (живших в верховьях Сырдарьи) каракалпаков. Это была еще одна загадочная фигура, известная в документах под именами Абдрахман, Султан-Мурат, Хаджи. Каракалпакский хан также участвовал в башкирских восстаниях, и бежал из России около 1739 г. Он рассказывал, что был схвачен русскими в Астрахани и повешен за ребро в Казани, но «своим святовством не обвесился и ушел и показывал на себе рану пониже груди на боку крющую»⁶⁶. Об этих событиях мы писали в пре-

дыдущем параграфе. В 1741 г. он совершил набег на Тобольский уезд, воевал с казаками. Здесь в изгнании бывшие соратники столкнулись между собой. В конце февраля и начале апреля 1742 г. Карасакал дважды ходил войной на «верхних» каракалпаков по просьбе своего племянника хана «средних» каракалпаков Шайбака, у которого Султан-Мурат переманил людей⁶⁷.

В июне 1742 г. Иван Неплюев предлагал Сенату использовать «башкирского возмутителя» для приведения Большого жуза в подданство⁶⁸. Столь неожиданное пожелание было вызвано посланием Карасакала предыдущему начальнику края генералу Соймонову, в котором «Шуна» извещал, что не может явиться в Оренбург пока не искупит своей вины перед императрицей, и что сейчас он занят войной с противником России каракалпакским ханом Хаджи. Дело в том, что осенью 1741 г. он сообщил Соймонову о своем намерении явиться с повинной. Свирепый усмиритель башкир с радостью воспринял эту новость. Он заверил Карасакала, кочевавшего по р. Иргиз, что тот может приехать без всякого опасения, «положась на милость Ея Императорского Величества». На самом деле его хотели схватить и тайно доставить в Петербург. Теперь уже Неплюев предлагал кочевавшему недалеко от Орской крепости Карасакалу явиться для получения прощения⁶⁹.

Карасакал все это понимал и вел свою игру, стремясь не только обезопасить себя от происков врагов, но и застраховаться от не вполне надежных партнеров. Неплюев стремился посеять раздоры в противоположном стане, чтобы изолировать Карасакала и погубить его. В конце августа 1742 г. в Орск приехала группа представителей трех жузов для принятия присяги. Осенью у себя в Орде через переводчика Уразлина присягнул и Барак. Он обещал склонить каракалпакского хана Шайбака и просил за себя, чтобы «милостию Е.И.В. так, как и Абулхаир-хан, оставлен не был»⁷⁰. Султан намекал на денежное и материальное вознаграждение. Для засвидетельствования верноподданических чувств Барак направил в российскую столицу своего представителя. Это привело к охлаждению его отношений с Карасакалом. Последний отделился и стал кочевать по р. Колутон в верховьях Ишима⁷¹. От Карасакала стали уходить подвластные казахи. Башкиры также покидали его и возвращались домой, что стало возможным благодаря политике уфимского воеводы П.Д. Аксакова.

Влияние Карасакала падало. Оказывая внимание Бараку, Неплюев стремился также отвратить Средний и Большой жузы от Джунгарии и противопоставить Барака Абулхаиру.

В 1743 г. Галдан Церен с почестями и подарками отпустил Аблая, пообещав ему в придачу Ташкент и Туркестан, освободил находившегося в аманатах сына хана Абулмамбета с условием, что Барак прийдет в аманаты своего сына, а казахи схватят и приведут к нему самозванца⁷². Тучи сгустились над головой Карасакала. Надежными друзьями оставались лишь Казбек-бий и Кабанбай, у которых изгнанник жил в последнее время. В середине октября 1744 г. из Петербурга вернулся посланник Барака, присутствовавший на торжествах по случаю объявления принца Петра Федоровича наследником престола. Он привез императорскую грамоту, именную золотую саблю и другие подарки. Сопровождавший посланника из Оренбурга в Казахстан башкир Тюкан Болтачев впоследствии рассказывал, что царские подарки вызвали радость Барака и зависть других правителей. Несколько представителей знати, в том числе «находившийся к российской стороне прежде сего во всегдашнем непокорении знатной старшина Кабанбай батырь», будто бы, заявили о своем желании принять присягу на верность российской императрице. По свидетельству Тюкана, Карасакал пригласил его в свой улус и спросил, каким образом он, бежавший с ним в 1740 г., не только получил прощение, «а сверх того и милостию Е. И. В. награжден и пожалован и в Оренбург ездит?». На что Тюкан ответил, что «ежели Е. И. В. в вине своей повинною чистую совестью принесет, то и он прощение и высочайшую Е. И. В. милость получить может». После чего Карасакал, Кабанбай, Казбек-бий и другие знатные люди «имели собрание и совет... чтоб и ему, Карасакалу, со всем тем родом, где он находится, то есть найманским, у присяги еще не бывшем... быть в совершенном подданстве Е. И. В.» и выразили готовность действовать против неприятеля России Галдан Церена. Тюкан поведал, что отношения Карасакала с Баракком ухудшились после того, как последний согласился с предложением контайши обменять своего сына на Карасакала. Чтобы поймать его султан обещал в жены свою сестру, но Карасакал не поддался на эту уловку и откочевал с Кабанбаем к Казбек-бию. Зимой 1744 – 1745 гг. они напали на каракалпаков, которые по внушению Барака, хотели принять российское подданство⁷³.

25 июня 1745 г. сакмарский казак ногаец Кубек докладывал оренбургскому начальству, что «Бараксалтан напред сего Карасакала признавал за прямого зюнгорского владельца контайши сына Шуна. Чего ради с ним и согласен был и зговорил за него сестру свою в жены. Но ныне де признавает, что он, Карасакал, не Шуна, но самозванец, а что он, Карасакал владеет найманским родом Средней орды его Баракова владения, оное ему, Бараку, противно. Чего ради приезжающим зюнгорским калмыкам приказывает, чтоб, на него наехав, взяли и увезли к Галдан Чирину, понеже киргисцы за него стоять не будут, ибо они, киргисцы, Галдан Чирина опасны и сестру свою он, Барак, за него, Карасакала, отдать не намерен...»⁷⁴.

13 июня 1745 г. Тюкан привез из Средней орды семь писем, в том числе два от Карасакала. Эти документы хранятся в архиве Оренбургской области. Они написаны арабским письмом, тут же приводятся переводы. Процитируем с некоторыми сокращениями оба послания Карасакала. Первое письмо: «Всепресветлейшей державнейшей великой государыне контайшинской сын тюря, то есть владелец, учиня присягу с верностию моею в подданство пришел... понеже Тюкан батырь приехал к нам со всемилостивейшим объявлением, также и от господина генерала з благопристойнейшими обнадеживаниями, которого мы за благо приняв, и в подданство всемилостивейшей государыне пришли...». Второе письмо: «От дальнего расстояния доблорачительным сердцем я, Шуна батырь, высокопревосходному господину генералу Ивану Ивановичу Неплюеву желаю всякого блага и поклонения отдаю, да обретающему в Оренбурге господину полковнику поклон. Чрез пребывшего к нам со всемилостивейшем объявлением Тамъянской волости Тюкан батыря Болтачева со всеми знатными киргискайсацкими людьми о здравии вашем уведомились и о всем оной Тюкан Болтачев нас обнадежил и по его Тюканеву обнадеживанию я, Шуна батырь, в подданство Ея Императорского Величества пришел и ваше высокопревосходительство причитаю за милостивого приятеля, всему тому поверил. Ежели со страны Всемилоствейшей государыни на меня еще гнев будет, то злосчастливым себя признавать буду... На подлинном татарском письме ево, Шуны батыря, тамга приложена такова »⁷⁵.

Неплюев ответил так: «Карасакалу, называющемуся Шуною. Почтенный батырь. Два ваших письма мною здесь получены, ис кото-

рых ваши намерение и прозбу я видел и о вашем состоянии от податия того слышал... ежели вы желаете верноподданного Ея Императорского Величества себе получить высочайшее Ея Императорского Величества милости удостоиться, то должны сами в Орской крепости побывать и тут присягу формально учинить...»⁷⁶.

Однако 3 июля в Оренбург прибыл посланник Абулмамбета Ходжамберды батыр и сообщил, что в действительности Карасакал написал совсем другое письмо, где называя себя владельцем джунгар, казахов и акзеловского народа (жители Ферганской долины. — С.Т.), требовал, чтоб «ево и в российском государстве признавали за почтенного человека, а ежели де ево тако признавать не будут, то он поступать будет инако». Это письмо было изъято у Тюкана людьми Абулмамбета, которые заявили ему: «Ты де и сам был наш пленной, так, как протчие воры башкирцы, и мы де тебя от того высвобождая и всю твою семью тебе отдали, а ты ныне нам ищешь гибели и разорения». По словам Ходжамберды, Тюкана хотели убить, но затем заставили переделать послание⁷⁷. Так ли это было на самом деле — установить на основании архивных материалов нам не удалось. В августе 1745 г. в Оренбурге стало известно, что Карасакал намерен, в случае серьезной опасности от Галдан Церена, уйти к своему союзнику правителю Андижана и Намангана Абдулкаримбеку⁷⁸.

Оренбургские власти в течение девяти лет неотступно следили за Карасакалом и не оставляли попыток схватить его. В конце жизни Галдан Церен помирился с казахами, отпустил сыновей Абулмамбета и Барака. После его смерти в сентябре 1745 г. отношения Карасакала с Бараком, видимо, улучшились. По крайней мере, в августе 1748 г. Карасакал находился у Барака⁷⁹. В мае 1749 г. Карасакал умер при загадочных обстоятельствах⁸⁰.

Башкиры сложили о последнем своем хане песни и легенды, а восстание под его руководством назвали «Карасакальской войной»⁸¹.

Абулхаир-хан (не ранее 1683, не позднее 1687 – 1748)

Документы свидетельствуют об активном участии Абулхаира в Алдар-Кусюмовском восстании. Ташкентский купец Нур-Мухаммет мулла Алимов 15 марта 1735 г. рассказывал в Уфе о том, что «в

последний башкирский бунт башкирцы – Алдар и товарищи призвали к себе одного Абулхаир-салтана, тогда назвали ханом...»⁸². Участник Оренбургской экспедиции англичанин Джон Кэстль в своих записках также отметил, что Абулхаир «очень отличился» в этом восстании⁸³. И.К. Кирилов 16 декабря 1735 г. писал в Сенат: «С царства великого государя царя Михаила Федоровича, сколько ни было башкирских бунтов, во всяком не точию в помощь, но и в ханы призывали ис Кайсацких Орд, кои, имеючи огненное ружье, большое разорение делали, чему свежая память – известной новоподданной Абулхаир – хан, был султан, а ханом назван и призван бывшим бунтовщиком Алдаром для общаго с ним воровства...»⁸⁴. По сообщению группы башкир от 3 июня 1722 г., Абулхаир участвовал в сражении «... на Ногайской дороге под Еряк-тавом горою... и на том бое... ранен ушел»⁸⁵.

Последнее сведение ценно еще тем, что позволяет несколько уточнить возраст Абулхаира. Учитывая, что сражение под Юрак-тау происходило в декабре 1707 г., и предполагая, что к тому времени он достиг совершеннолетия, можно прийти к выводу, что он родился не позднее 1687 г. В письме императрице Елизавете от 22 сентября 1743 г. хан, в частности, писал: «Когда же приезжал к нам в орду мурза Тевкелев... я ... пятидесятилетнего большого брата послал ...»⁸⁶. Абулхаир имел в виду посольство в Петербург в конце 1732 г. во главе с его сыном Ирали и двоюродным старшим братом Ниязом. Из этого можно заключить, что он родился не ранее 1683 г.

Сообщение В.М. Бакунина о том, что Абулхаир одно время жил у калмыцкого хана Аюки «во услужении»⁸⁷, скорее всего, также относится к раннему периоду его биографии.

Сами казахи избрали Абулхаира ханом в 1710 г. на съезде в Каракумах, созванном в момент обострения борьбы с джунгарами⁸⁸. Приблизительно в 1717 г. джунгары изгнали правящий клан Абулхаира из Ташкента, Туркестана и Сайрама⁸⁹. В действиях Абулхаира с самого начала прослеживается ориентация на север. Сначала это были набеги на русские приграничные территории. В начале 1715 г. Абулхаир совершил набег на долину р. Черемшан и выжег казачью станицу Новошешминск; в 1717, 1720 гг. были совершены новые нападения на земли Казанского уезда, в 1718, 1719 гг. его воины дважды осаждали Яицкий городок. Одним из инициаторов казахских набегов, «вожем» (проводником) был участник Алдар-Кусюмовского восстания житель Казанского уезда Сеит, бежавший в Казахстан около 1714 г.⁹⁰.

Стычки с русскими перемежались переговорами, обычно по поводу обмена пленными. В конце 1717 г. из Казани к ханам Каипу и Абулхаиру был отправлен уфимский дворянин Федор Жилин, а в январе 1718 г. из Тобольска в Туркестан прибыло посольство сыновей боярских Бориса Брянцева и Якова Тарыштина. Ханы выразили желание жить в «вечном мире и союзнно с великим государем», развивать торговые связи с русскими купцами и сообща предотвращать «воровские угоны» скота. Для заключения антиджунгарского военнополитического союза к казанскому и сибирскому губернаторам были направлены казахские делегации. Однако эта идея не получила одобрения у российского правительства⁹¹.

После смерти Каипа Абулхаир стал самым влиятельным казахским ханом и управлял наиболее многочисленной группой кочевых родов и племен. В начале 1720-х годов он был уже опытным государственным деятелем и полководцем, хорошо известным за пределами казахской степи. По словесному описанию Джона Кэстля, посетившего Абулхаира в июне 1736 г. в его летних кочевьях на р. Ирғиз, это был «мужчина высокого роста и крепкого телосложения, с очень доброжелательным выражением румяного лица, обладающий наряду с этим очень хорошей и мощной силой, такой, что никто из всего народа действительно не способен сравниться с ним в натягивании лука»⁹².

Справедливости ради надо отметить, что джунгарские правители предоставляли казахским ханам возможность владеть Ташкентом и Туркестаном при условии признания своего сюзеренитета. Не исключено, что Абулхаир пользовался такой возможностью. Так или иначе, в 1719 г. он оставил кочевую ставку в Приаралье и поселился со своими родственниками в г. Туркестане. Во время джунгарского нашествия в 1723 г. он был снова изгнан из казахской столицы.

По мнению И.В. Ерофеевой, «в эти чрезвычайно сложные и трагические для своего народа первые месяцы «Актабан шубырынды» Абулхаир оказался первым и, по существу, единственным из современных ему степных правителей – чингизидов, кто сумел не только быстро преодолеть в себе психологическое состояние растерянности и отчаяния, вызванное появлением в южных кочевьях казахов многочисленных джунгарских войск, но и мобилизовать в короткий срок наличные силы подвластных ему казахских родов и племен на решительное отражение чужеземной агрессии»⁹³.

В августе 1723 г. хан во главе двадцатитысячного отряда казахов и каракалпаков совершил поход из Приаралья на северо-запад, чтобы нанести удар по владениям калмыцкого хана Аюки-союзника джунгарского хана Цевана Рабтана. Внезапное появление Абулхаира в районе р. Эмбы вызвало панику среди волжских калмыков тайши Дорчжи Назарова. Наибольшего накала борьба достигла к лету 1724 г. после смерти Аюки. Дальнейшее наступление Абулхаира было остановлено совместными действиями тайшей. В августе Дорчжи Назаров и его сын Лобчжи разгромили в урочище Узени совместный казахско-каракалпакско-башкирский отряд под командованием казаха Исета-батыра⁹⁴. В это время Абулхаир снова захватил Туркестан, но весной 1725 г. навсегда утратил этот священный для казахов город. Волжское калмыцкое ханство, раздираемое междоусобицей, уже не представляло собой организованной и потенциально опасной для казахов наступательной силы. Поэтому казахи, изгнанные джунгарами со своих прежних территорий, захватили кочевья калмыков и башкир по долинам Эмбы, Илека, Тургая и Иргиза. Таким образом, спустя столетие, казахи снова вошли в непосредственное соприкосновение с башкирами. В 1729 г. к югу от оз. Балхаш в местности Анракай объединенное войско всех трех жузов во главе с Абулхаиром нанесло поражение джунгарам. Как считает И. Ерофеева, «эта уверенная победа, фактически завершившая наиболее продолжительную, тяжелую и кровопролитную военную эпопею из всех предшествовавших ей и последующих ойрато-казахских войн, широко прославила полководческое искусство, мужество и исключительную смелость хана Абулхаира среди казахов всех трех жузов»⁹⁵. В результате Анракайской битвы значительная часть территории Младшего и Среднего жузов была освобождена. Ойраты отступили на восток по р. Или, но удержали за собой земли Старшего жуза⁹⁶.

В 1730 г. Абулхаир кочевал на южных рубежах Башкортостана по Тургаю и Иргизу. Именно тогда он, при посредничестве башкирских старшин, обратился к русскому правительству за протекцией. Среди историков до сих пор нет единого мнения о мотивах, побудивших казахского лидера пойти на этот ответственный, рискованный шаг. В русской, особенно советской, историографии популярностью пользовалась версия «джунгарской угрозы». Отчасти ее родоначальником можно считать Петра Рычкова, писавшего, что «Абулхаир-хан, претерпевая великия раззорения и обиды с одной стороны от зюнгорс-

ких калмык, которые время от времени разными киргис-кайсацким ханам в Великой Татарии принадлежащими городами завладели и непрестанно их утесняли, а с другой стороны, от смежного им башкирского народа не меньшую ж опасность имея, близ реки Яика, где лучшие к кочеванию их места, пребывать, ибо башкирцы на их киргиские улусы непрестанные чинили набеги, и многия тысячи лошадей у них угоняли, а управляться с ними было не без труда за такими ж нападениями, с зюнгорской стороны чиненными. И тако он, Абулхаир-хан, будучи и пред прочими киргис-кайсаками и владельцами гораздо умнее, принужден искать и просить о принятии его со всею тою Меньшею ордою в российское подданство...»⁹⁷.

По мнению же А.И. Тевкелева, Абулхаир действовал по собственной инициативе, втайне от казахов Младшего жуза, чтобы посредством России «в той киргис-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить». О келейном характере дипломатических инициатив хана свидетельствует и крайне негативная реакция казахов на появление осенью 1731 г. в ставке Абулхаира дипломатической миссии Тевкелева⁹⁸. Впрочем, это обстоятельство отражено и в книге Рычкова.

2 января 1732 г. Тевкелев послал из Казахстана Анне Иоанновне присяжное письмо Абулхаира, в котором хан «припадая к стопам Ея Величества» клялся верно служить «государыне императрице», не совершать нападений на российских подданных, в том числе на башкир, защищать российские купеческие караваны, проходящие через Казахстан в Среднюю Азию, освободить российских пленных и платить ежегодный ясак в размере 4000 лисиц⁹⁹.

Видимо, выполняя свои обязательства, Абулхаир предупредил башкир о готовящемся нападении на них недоброжелательных казахов, поэтому старшине Таймасу Шаимову удалось дважды (в августе 1733 г. и январе 1734 г.) разбить хана Семеке, приходившего на барымту с 20-тысячным войском¹⁰⁰.

Официальное принятие российского подданства правителями Младшего и Среднего жузов и просьба Абулхаира построить для него крепость явились удобным предлогом для организации новой экспедиции в Азию. Примечательно, что на всех фазах этого геополитического мероприятия главную роль играли не царский двор и правительство, а частные лица – А.И. Тевкелев, И.К. Кирилов, В.Н. Татищев и И.И. Неплюев. Эти «птенцы гнезда Петрова» – образованные,

энергичные, честолюбивые и жесткие люди, оказались для Абулхаира неудобными партнерами. Убедившись, что Оренбург предназначен не для него, он стал просить построить город на Илеке или Сырдарье¹⁰¹. Поэтому Урусов 5 сентября 1740 г. отправил в Казахстан поручика Д. Гладышева, геодезиста И. Муравина и инженера Назимова. 2 ноября они прибыли в ставку Абулхаира. Во время бесед хан стремился убедить русских в необходимости постройки города на Сырдарье, который должен стать опорным пунктом для борьбы с Джунгарией. 7 ноября Абулхаир с гостями приехал в Хиву, где объявил себя хивинским правителем. Прежний хан Ильбарс недавно был низложен персидским шахом Надиром. Абулхаир отправил к находившемуся неподалеку шаху Муравина, чтобы тот, предъявив грамоту Анны Иоанновны, подтвердил оказанное ему высокое российское покровительство. Надир выразил желание, чтобы хан сам приехал к нему, и тогда он «за соседственную дружбу наградит его». Но Абулхаир 11 ноября благоразумно бежал из Хивы¹⁰².

Отпуская Гладышева, хан просил передать новому начальнику Оренбургской комиссии, чтобы тот задержал в качестве аманатов Абулмамбета, Барака и Батыра, когда те придут в Оренбург¹⁰³, и отдал составленное в марте 1742 г. письмо на имя императрицы следующего содержания: «Доношу Е.И.В. о совете наших юртов о поступках и противностях братьев моих (то есть Абулмамбет хана, Барак и Батыр салтанов)... Абулмамбет салтан и Барак салтан мне сказывали: Абулхаир хан отдал сына своего, а мы того не желаем, отдав детей своих в подданстве быть русакам. Они же между собою пересылались з башкирцами и разорили Сибирский край... оные же братья мои отдав башкирцам от себя владельца, разорили тамошних... живет ныне Карасакал у них же Абулмамбета и Бараксалтана, и ото всех добрых дел отговаривают они народ; что Абулмамбет и Барак и Батыр салтаны и Карасакал, четверо советуют единогласно, чтоб зюнгорским калмыкам отдать детей своих и давать дани и отвращать свой народ от Вашего И.В. подданства...»¹⁰⁴.

Надежды хана на приобретение собственной резиденции с помощью русских не оправдались и на этот раз. Разведав в течение года обстановку в Казахстане и составив карту степей, «посольство» вернулось в Россию.

23 августа 1742 г. произошло знакомство Абулхаира с Неплюевым. Церемониал встречи в Оренбурге отличался такой же торже-

ственностью, какая практиковалась при приеме казахских правителей Татищевым и Урусовым. 25 августа состоялась первая беседа. Хан пожаловался на то, что по вине Абулмамбет-хана «власть его начала ныне разделяться, отчего он указов Е.И.В. беспрепятственно исполнять не может». Он сообщил, что Абулмамбет, Барак, Батыр и Карасакал хотят дать аманатов и платить подать Галдан Церену. Для усиления своей власти и «обуздания народа» хан просил войско из тысячи русских, тысячи калмык и тысячи башкир. На это Неплюев ответил, что надо стараться «напередь добрые способы употребить... как то и з башкирцами чинено, о чем ему, хану, известно. Ибо когда уже тем оные башкирцы довольны не были, тогда войски Е.И.В. введены, и их воров тысяч тридцать казнено, и прочие жестокости с ними показаны». 2 сентября состоялась последняя беседа, во время которой хан просил заменить содержащегося с 1738 г. в аманатах Ходжахмета на другого своего сына – Чингиза, рожденного от пленной калмычки. Неплюев, ссылаясь на указ, отказал и в этой просьбе. Тогда раздосадованный Абулхаир бросил, что он «в подданство Е.И.В. своею волею пришел, также и детей своих в службу Е.И.В., а не в полоненики отдаст»¹⁰⁵.

Вскоре Неплюев сознательно унизил Абулхаира, не пустив его семью в Оренбург холодной зимой 1742-1743 гг. Хан жаловался императрице Елизавете: «В городе Оренбурге пожелал было иметь дом, чего ради при свидании одного сына и с матерью привез, точию оно-го генерал не принел и дому меня иметь тамо не допустил»¹⁰⁶.

В.Я. Басин, посвятивший русско-казахским взаимоотношениям специальную монографию, рассматривает соотношение понятий подданства и протектората применительно к положению Казахстана в XVIII – начале XIX вв. Исходя из того факта, что после принятия присяги казахской верхушкой расширения территории Российской империи за счет Казахстана не было, он делает вывод о том, что «активизация царского правительства по подчинению казахских степей и присоединению их к России начинается с 1811 г., со времени включения в состав Оренбургской губернии территории между Уралом и Илеком и заселением «этих пространств русскими казаками». Фактически же начало этого процесса следует отнести ко времени ликвидации в Младшем и Среднем жузах ханской власти». Свой вывод автор подкрепляет следующим суждением: «Но если хан не имел реальной власти в степи, то могли ли ее иметь в то время представи-

тели царской администрации? Разумеется, нет»¹⁰⁷. Схожих взглядов придерживается А.Ю. Быков, рекомендуемый исследователям в качестве методологического образца работу Басина¹⁰⁸.

Однако не следует недооценивать фактор воздействия царской администрации на казахскую правящую верхушку, которой отводилась роль проводника ее влияния. В первую очередь, именно знать была поставлена в зависимость при помощи отработанной методики, включавшей такие элементы, как связывание присягой, взятие заложников, подкуп (подарки, угощения, награды, жалование, привилегии), политика «кнута и пряника», принцип «Divide et impera». Противостоять этой системе не смог даже Абулхаир, обладавший независимым, решительным и своенравным характером. Ошибочно отрицать наличие рычагов прямого воздействия и на казахских шаруа. Русская администрация распоряжалась пастбищами на приграничной территории, контролировала богатейшее Илецкое соляное месторождение, имела в своем арсенале и другие меры экономического и силового воздействия.

В 1743 г. Абулхаир с сыновьями Нурали и Ирали и тарханом Джанибеком ходил войной на каракалпаков, подвергнув их жестокому разгрому и разорению; по свидетельству Рычкова, «за вступление их в российское подданство возревновал»¹⁰⁹. «Запасный план» Неплюева по усмирению казахов появился на свет после нападения хана с двумя тысячами человек на Сорочинскую крепость, где содержался его сын. После отправки Ходжахмета в Москву Абулхаир начал совершать нападения на пограничные русские селения. Ввиду начавшейся конфронтации Петербург послал Тевкелева с особой грамотой для Абулхаира. Дипломат должен был примирить хана с губернатором, но если Абулхаир «той своей злобы и противностей не оставит, то ему, Тевкелеву, всеми мерами стараться его Абул-Хаира от ханства отставить, а вместо его, выбрав ханом, произвести из доброжелательных старшин». Правда, потом правительство посчитало эту меру рискованной и предложило бригадиру действовать убеждением. Он должен был сказать своему старому знакомому, что «... Ее Императорское Величество, сколько она ни милосердна, но притом и справедлива, может и прогневаться и тогда посланы будут на них с волжской стороны многочисленные казацкия войска, с приобщением к ним яицких казаков и калмыцких войск, а от Оренбургской стороны — регулярныя российския войска, также башкирцы, мешеряки и казан-

ские татары, а от Сибири – российские ж войска и разные иноверцы. В таком случае что будут делать бедные киргиз-кайсаки? – Разве только принуждены будут в Аральском море топиться, ибо тогда их от гнева Государыни никто не защитит»¹¹⁰.

В 1748 г. Тевкелев помог Абулхаиру обменять Ходжахмета на Айчувака. После визита в Орск хан кочевал в долине р. Улькайяк – притока Тургая. Здесь в начале августа произошла его встреча с султаном Среднего жуза Бараком. Конфликт двух честолюбивых владельцев назревал давно. Их взаимная неприязнь, искусно подогреваемая Неплюевым, постепенно переросла в острое политическое противоборство. В 1747 г. Абулхаир, полностью разуверившись в поддержке Неплюева, попытался самостоятельно ослабить джадыковских чингизидов. Его давняя вражда с верхушкой Среднего жуза, несомненно, имела вескую причину. На наш взгляд, дело не только в соперничестве династий. Возможно, яблоком раздора был Туркестан. Опираясь на сына Ирали, Абулхаир стремился оттеснить хана Абулмамбета со спорных территорий. Он грабил торговые караваны, направлявшиеся из Джунгарии и среднеазиатских ханств через кочевья султанов Барака и Батыра в Россию, стал требовать от торгующих сторон, чтобы караваны следовали только по кочевым местам, подвластных ему родов Младшего и Среднего жузов. Кульминационным моментом этой торгово-экономической блокады явилось разграбление ханом в начале 1748 г. свадебного посольства старшего сына Батыра, султана Каипа, сидевшего тогда на хивинском престоле. Направлялось посольство к султану Бараку с дарами, предназначенными в качестве калыма за сосватанную у него дочь. Возбешенный этим поступком Батыр предложил будущему свату, «чтоб он, Барак, ево, хана, убил и учиненную обиду отомстил». В августе каракалпаки – джалаирцы обратились к Абулхаиру за помощью после того, как их ограбили хан Среднего жуза Кучук и султан Барак. Вместо этого Абулхаир, в свою очередь, также ограбил каракалпаков. Несколько дней спустя произошла роковая встреча двух заклятых врагов. Во время стычки один из воинов Барака ударил Абулхаира копьем, а султан добил упавшего с коня хана. При этом кто-то произнес в адрес Абулхаира «и что ты на свете ни делал, токмо на тебя обратилось»¹¹¹.

Весть о гибели знаменитого правителя взбудоражила степь. Поэтому Барак, опасаясь за свою жизнь, откочевал к Туркестану и Таш-

кенту. Неплюев же дал понять Бараку, что ему не следует опасаться санкций со стороны Оренбурга. Абулхайр был похоронен недалеко от места гибели у р. Улькай, при впадении в нее р. Кабырга. У него осталось много детей, в том числе от жены-башкирки сын Каратай¹¹².

Аблай-хан (1711 – 1781)

Первая упоминаемая в русских документах встреча Аблая (настоящее имя Абулмансур) с башкирами произошла весной 1737 г. Тогда группа повстанцев во главе с Султан-Муратом Дюскеевым, Тамаком и Султан-Акберды Алгушаевыми прибыла на р. Илек в кочевья Абулмамбет-хана, султанов Барака и Аблая и предложила последнему стать их ханом. Аблай в Башкортостан не поехал, но туда были отправлены около 800 казахских воинов во главе с Караламан-батыром. Летом казахи, совместно с башкирами, действовали на берегах Демы и в окрестностях Уфы. Среди казахов был Якшимбет Кугуленов, который впоследствии, во время восстания Карасакала, выдавал себя за его брата. В 1740 г. Якшимбет попал в плен и в том же году был передан генералом В.А. Урусовым своему владельцу Аблаю¹¹³. Зимой 1738/39 года башкиру Нурушу Кинзекееву удалось привести Аблая и сына Абулмамбета султана Булата в верховья Яика «для разорения» «верных» башкир¹¹⁴.

В августе 1738 г. в Оренбурге В. Татищев устроил торжественную встречу Абулхайру, во время которой хан повторно присягнул на верность российскому престолу. Абулмамбет и Аблай уклонились от встречи, ссылаясь на то, что едут на зимовку на р. Иртыш, хотя в действительности зиму они провели недалеко от границы¹¹⁵.

Вскоре начальником Оренбургской комиссии был назначен Василий Алексеевич Урусов. Летом 1740 г. генерал провел серию казней. Первая массовая казнь состоялась 15 августа у стен Оренбурга. При большом стечении народа, среди которого было около 6 тысяч башкир, 5 ближайших сподвижников Карасакала были посажены на кол, 11 повешены за ребра, 85 просто повешены, 21 обезглавлены. Остальных погнали в Сакмарский городок, где экзекуция повторилась. Множество менее важных участников восстания с отрезанными носами и ушами были отпущены¹¹⁶.

22 августа Урусов устроил торжественный прием султанам Нурали, Ирали и батыру Джанибеку. Хан Абулхаир не приехал, сославшись на нездоровье, но на самом деле ему стало известно, что на совещание приглашены и правители Среднего жуза. 24 августа, действительно, прибыли Абулмамбет и Аблай с группой старшин. 28 августа их встретили военным парадом, артиллерийскими залпами и фейерверками. Гости подали Урусову письма, которые были публично зачитаны. Хан и султан благодарили императрицу за ее «щедроты и милосердие», «припадали к ее престолу». Генерал сказал, что их «Ея Императорское Величество в свое высокомонаршеское подданство и защищение принять соизволила». Сели в кресла: хан по правую сторону от портрета Анны Иоанновны, генерал – по левую сторону, подле него – Аблай. Состоялась присяга. Аблай обещал быть императрице и ее наследникам «верным, добрым и послушным рабом и подданным... и в том живота своего в потребном случае не щадить... пред Богом и судом страшным в том всегда ответ дать...». Клятва совершалась при участии муллы Мансура Абурахманова, который весной 1738 г., поклявшись на Коране, заманил в Оренбург Кусяпа Султангулова. После процедуры хану и султану вручили богатые сабли, оправленные серебром. На прощание Урусов дал новым российским подданным задание схватить и доставить к нему Карасакала¹¹⁷.

Но Аблай в сентябре того же года принял участие в походе Карасакала на Джунгарию¹¹⁸. Галдан Церен решил сполна отплатить своим соседям за набеги последних лет. Он двинул свои войска в трех направлениях: от озера Зайсан к р. Ишим, вглубь Среднего жуза; в сторону Барабинской степи; и через Ташкент, по Сырдарье, в кочевья Младшего жуза. В наступлении было задействовано около 30 тысяч всадников. Нойон Септен в конце 1740 г. с 20 тысячами вторгся во владения Аблая. На р. Ишим произошла схватка, Аблай был разбит и взят в плен. Абулмамбет был разгромлен в верховьях Илека. Казахы гнали до самого Оренбурга. В конце весны 1741 г. джунгары с большой добычей вернулись домой¹¹⁹.

Известны еще две версии пленения Аблая. Ч. Валиханов говорит, что Аблай убил любимого сына контайши Чарчу и был выдан «киргизами по настоящему требованию могущественного калмыка»¹²⁰. Кудайберды-улы передает легенду, по которой Аблай перед битвой казахов и джунгаров убивает зятя Галдан Церена батыра Чарыша. В 1741 г. хан калмыков, будучи в Ташкенте, посылает тридцатитысяч-

ное войско с батыром Жалбы, приказав ему изловить Аблая. В результате длительных и тщательных поисков казахского султана выслеживают и захватывают во время сна. Галдан говорит пленнику: «Я убью тебя заместо Чарыша, такого же батыра, как ты. Скажи, чего бы ты желал?». Тогда Аблай сказал: «Таксыр (ваше величество – С.Т.), у меня всего три желания. Первое: я убил Чарыша в честном поединке на поле брани. Вы же меня захватили спящего и хотите казнить. Я мечтал бы умереть в битве казахов с калмыками. Второе: казахи народ кочевой, не оседлый. Найти им землю, научить жить оседло, тогда бы и умереть было б не жаль. Третье: в моем роду в каждом колене рождался лишь один мужчина. Если умру нынче, ни детей, ни родичей не оставлю, исчезну, будто вовсе на свет белый не являлся».

После этих слов Галдан опустил голову и долго сидел так в задумчивости. Затем обратился на своем языке к визирю: «Все, что он сказал, – все истина. В особенности последнее. Я ведь тоже единственный в пятом колене, случись что с моим сыном Амирсаной, и мой род прервется». И Галдан отпустил Аблая с подарками и девушкой впридачу¹²¹.

Согласно подлинным документам, Аблай убил «знатного и свойственного» человека Галдана¹²². Источники сообщают и об обстоятельствах освобождения казахского султана. Ездившей в Казахстан по заданию русских, Тюкан Балтачев встретил Аблая, отпущенного в августе 1743 г. С его слов, Галдан отпустил Аблая вместе со своей дочерью и обещал дать вотчину в Ташкенте. Награды получили хан Абулмамбет, султан Барак и знатный казахский старшина Малай-Сары. Взамен Галдан потребовал прислать аманатов и доставить к нему Карасакала¹²³. Однако историк П.И. Рычков приписывает заслугу избавления Аблая Неплюеву.

Бывший повстанец Куваканской волости Сибирской дороги Кайряпкул Иткулов, вернувшийся из Казахстана, рассказывал на допросе, что Аблай приехал от контайши в Большую орду к Бараку с 40 казахами. После переговоров с представителями Галдана Барак, Абулмамбет, Аблай, Ирали, Джанибек-батыр и Карасакал, якобы, решили подчиниться ему; оставить у джунгаров свои семьи и скот, после чего «по первому снегу» напасть «на российские города». Казахи, якобы, говорили: «... мы в подданстве Е. И. В. никогда не будем», ибо «построились российские города по Яику и по Ую рекам

около коих имелись наши кочевья, а потом де уже оные русские люди будут строить оные города и по Тогузак реке, коя впадала в Уй, которой вершина состоит под Ябыкским сосновым лесом, от чего нам может приключиться великая теснота и кочевать будет негде...». На вопрос, сколько башкир находится в Казахстане, Кайряпкул ответил: «В Киргис-кайсацкой орде башкирцов мужеска и женска полу довольно, например, против киргисцов третья доля»¹²⁴.

Кармыш Асыллов, также вернувшийся из Казахстана, сообщил, что после освобождения Аблая казахи заключили мир с Галдан Цереном «до окончания житья» и намеревались идти войной на Россию, ибо «...на что нам в подданстве быть, а от русских людей никакого добра не будет, а башкирцы издревле были в подданстве и служат верно, кои де разорены без остатку, а нас де и подавну разорят...»¹²⁵.

Отпуская Аблая, контайша поставил еще одно условие: Аблай должен был связаться со вдовой калмыцкого хана Аюки ханшей Дарма Балой, жившей среди волжских калмыков, и передать, чтобы она со своим улусом бежала в Джунгарию и «... веры своей не оставляла и не забывала бы своего Бога. Лутче де смерть, нежели русской закон принять». Если ханша согласится вернуться на родину, то Аблай должен был обеспечить калмыкам безопасный проезд по территории Казахстана¹²⁶.

После смерти Галдан Церена в 1745 г. среди джунгаров начались распри. По сведениям историков А. Левшина и В. Басина, Аблай активно вмешивался в междоусобия и способствовал гибели Джунгарии. После окончательного разгрома Джунгарии китайцами, Аблай признал себя подданным императора Цянь Луня и получил от него грамоту на княжеское достоинство¹²⁷. Ч. Валиханов сообщает, что и Нурали-хан посылал посольство в Пекин, и что «среднеазиатцы были очень встревожены; падение сильной Джунгарии и завоевание единой Малой Бухарии навели на них панический и мистический страх, тем более что, по господствовавшему преданию суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир»¹²⁸.

В ходе подавления восстания 1755 г. оренбургские власти узнали, что Аблай был посвящен в планы башкир. Еще осенью 1754 г. их представители встретились с султаном и договорились о том, что «они башкирцы по разорении всех от Воздвиженской к Верхояицкой

крепости почтовых станов и ближних заводов и крепостей, в той орде приняты были, что де киргис-кайсацкой Аблай-салтан в таком случае учинить и обещал...»¹²⁹.

А. Чулошников, предполагая предварительную договоренность башкир с казахами Среднего жуза, сообщает, что «еще зимой 1754-1755 гг. некоторые казахские роды владения султана Аблая самовольно перешли реку Иртыш и в поисках корма для своего скота переправили его со степной на жилую сторону этой реки. Попытка обратного оттеснения их за Иртыш не увенчалась успехом и сопровождалась столкновением их с посланными драгунами, которых они избили, угрожая, что и людей из крепости не будут выпускать, сено сожгут и воды из Иртыша не дадут»¹³⁰.

В мае 1755 г. русские известились о том, что «Аблай с 10 000 человек пошел войной на зюнгорскую землю и что по разорении зюнгаров киргизы намерены на новый год напасть на русские крепости и форпосты»¹³¹. Видимо, этот поход завершился неудачей, т.к. находящийся на Уйской линии оренбургский комендант бригадир Бахметев получил известие, что казахи ожидают нападения джунгаров после того, как «Аблай-салтан в четырех тысячах ходил, но от них, калмык, разбит и притом киргизцев с две тысячи разбито, причем и он, Аблай-салтан, ранен и весьма болен»¹³².

Эти обстоятельства не позволили Аблаю оказать башкирам существенную помощь, но он дал им приют. В конце 1755 г. Аблай отказался выдавать находившихся в Среднем жузе от двух до трех тысяч беженцев¹³³. Через посланного к нему толмача Арапова казахский владелец отправил письмо в Оренбург, «которым особливую свою взмерчивость оказал, начав требовать возвращения людей его, которые командою сибирской губернской канцелярии еще в прошлых годах близ Иртыша захвачены и крещены»¹³⁴.

12 января 1756 г. Сенат направил Неплюеву указ, в котором представил мнение Коллегии иностранных дел о необходимости отправки в Средний жуз генерал-майора Тевкелева с подарками для решения ряда важных задач, а именно: добиться высылки башкир, тщательно разведать обстановку с тем, чтобы найти способ «ту орду в несостояние привести и сколько против их для того войска употребить и в какое способное время оное действо произвести, дабы впредь от оной орды к сибирскому краю вся опасность отнята быть могла...»¹³⁵. Против китайцев предполагалось отправить несколько тысяч баш-

кир, мещеряков, и рассматривалась возможность задействовать казахов Нурали-хана¹³⁶. Позднее Тевкелев получил задание всеми способами воспрепятствовать принятию Аблаем китайского подданства, а также внушить Нурали-хану и его братьям мысль о грозящей им опасности со стороны Китая¹³⁷.

Усиление китайского влияния на среднеазиатские государства ставило под угрозу политические и экономические интересы России в этом регионе. Всего несколько лет назад была учреждена ярмарка в Троицкой крепости, при открытии которой казахским владельцам было объявлено, что «сей новой торг в помянутой крепости определен из высочайшего к ним и ко всему киргис-кайсацкому народу Е.И.В. милосердия для вящего всем им, и паче Средней их орде, во удовольствие которым по способности пользуясь и чувствуя от Е.И.В. толь высокия и полезныя им милости, должны они содержать себя в непоколебимой Е.И.В. верности, и все, что им указами Е.И.В. повелено или впредь определится, оное так тщательно и усердно исполнять, как то верным рабам надлежит»¹³⁸.

В письме от 4 марта 1750 г. по поводу открытия ярмарки Неплюев дал понять Аблаю, что ждет его визита¹³⁹. Но Аблай не приехал. Судя по документам, несмотря на все усилия, Неплюеву только один раз удалось встретиться с Аблаем. Это произошло в первые годы его губернаторства¹⁴⁰. Другим губернаторам в этом отношении повезло еще меньше. Не помогло даже назначение годового жалования в 300 рублей, для получения которого султан должен был являться в Оренбург или Троицк. Он регулярно дипломатично отклонял приглашения, отправляя вместо себя своих представителей. Тем более, не могли быть успешными попытки оренбургской администрации заполучить в аманаты его детей.

Однако русские старались держать ситуацию в Среднем жузе под контролем и следили за тем, чтобы усиливающийся с каждым годом Аблай не стал ханом без их ведома¹⁴¹. Для связи с Казахстаном иногда использовались башкиры. 19 апреля 1761 г. башкир Барын-Табынской волости Шукур Абзанов сообщал в Троицкую крепость: «Аблай... состоит в верноподданнической к здешней российской стороне должности», и что «Средней орды киргисцы... пребывают спокойно и противу здешней стороны никаких худых предприятий не имеют». 24 октября 1764 г. Шукур, сотник Упак Абзанов и Мустай Утяшев подтверждали, что казахи Среднего жуза «к российской сто-

роне находятца спокойно. А Аблай-салтан противу прежних годов гораздо лутчее и к ним был склоннее...»¹⁴².

12 января 1763 г. Аблай был приведен к присяге на верность Екатерине II. Но даже на эту процедуру он не поехал ни в Оренбург, ни в Орск, ни в Троицк, и властям пришлось прислать к нему чиновников. Но с Китаем Аблай связи не прекращал. В 1767 г. русской стороне стало известно, что Богдыхан дал ему 9 тыс. воинов для войны с «ходжентцами» и «пожаловал ево, Аблая, над всеми киргисцами и салтанами начальником». Аблай направлял посольства в Петербург и Пекин, получая подарки с обеих сторон. Цинам тоже было выгодно дарить Аблая, чтобы не допустить его сближения с коренным населением Синьцзяна, ведущим национально-освободительную борьбу.

Долгое время ставка Аблая находилась на Кокчетаве, в трех днях езды от Петропавловской крепости. После избрания в ханы он переехал в Туркестан. Ч.Валиханов – правнук знаменитого правителя казахов пишет: «По мере сближения с китайцами Аблай явно стал избегать сношений с Россией и в 1771 г., избранный ханом, не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги, говоря, что он давно утвержден в своем достоинстве народным избранием и грамотою «сына неба». Русское правительство все-таки послало чиновника в орду для приведения Аблая к присяге и для возложения на него знаков ханского достоинства (сабли, шубы и шапки) в тех видах, чтобы не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо нашего утверждения. Аблай в наставлениях своим детям советовал более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией. Китайцы, по его мнению, не могли быть опасны для ханской власти, между тем, как в русском правительстве он видел сильную оппозицию туземной власти; притом и обстоятельства времени были такого рода, что киргизы менее всего нуждались в помощи России. Власть Аблая в орде была упрочена накрепко, и Большая орда также признала его власть. Джунгары были уничтожены китайцами; торгоуты, разграбленные киргизами, особенно самим Аблаем, кое-как дотащились до Или, где и попались в хитрые сети китайской политики»¹⁴³.

Вначале мы писали о походе ойратских племен на запад. В первой половине XVII в. им удалось обосноваться на «обетованной земле», где много веков назад Батый основал столицу своей империи. Однако идея воссоздания великого государства не могла осуществиться. Несмотря на отдельные случаи сотрудничества с народами быв-

шего Джучиева улуса, калмыки остались в одиночестве, в окружении чуждого им исламско-христианского мира. Оказавшись в геополитическом тупике, они постепенно подпали под власть быстро усиливающегося Русского государства. С каждым годом власть ханов слабела, а калмыцкий народ все более утрачивал свободу. Долгие годы на Волге зрела мечта о возвращении в родную Джунгарию.

Наконец, после того как русское правительство в очередной раз объявило о сборах, на этот раз для участия в войне с Турцией, калмыцкие вожди решились на осуществление своего замысла. В начале января 1771 г. хан Убаши отдал приказ об откочевке. Из-за погодных условий находившиеся на правом берегу дербеты и хошоуты в количестве 11 тыс. кибиток не смогли переправиться через Волгу. Поэтому Убаши и взявший на себя командирование тайша Цебек (Цеван) Дорчжи двинулись с 30 тыс. кибиток численностью свыше 170 тыс. человек.

Торгоуты переправились через Яик и на берегах Эмбы столкнулись с войском Нурали-хана. После этого они поднялись по Эмбе и, огибая горы Мугоджары, приблизились к южным границам Башкортостана. К тому времени русское правительство успело организовать погоню. Военная коллегия указом от 25 января 1771 г. потребовала от оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа задержать калмыков. Первыми приказ получили яицкие казахи во главе с генералом Траубенбергом, но, практически, не приступили к его выполнению. Уфимский и исетский воеводы к концу марта собрали 7299 вооруженных башкир и мишарей. Эти отряды вышли на территории Младшего и Среднего жузов, где пробыли 1-2 месяца. Отдельные отряды углублялись в степь на 800 и более верст¹⁴⁴.

Рейнсдорп писал в Коллегию иностранных дел, что «не намерен был башкирцев без крайности употреблять», ибо они, с казаками находясь во «взаимной злобе, вместо калмык, не сцепились бы друг с другом». Однако задача остановки калмыков была важнее, поэтому башкир увещевали, «чтобы злобу оставили в забвении и не делали киргиз-кайсакам никакого касательства»¹⁴⁵. Валиди сообщает интересную подробность: проходя мимо Башкортостана, беженцы пытались увлечь за собой живших в Зауралье башкир калмыцкого происхождения, но этому помешали другие башкирские племена¹⁴⁶.

Дальнейшее преследование осуществляли казахи. Чем дальше продвигались калмыки, тем чаще происходили кровопролитные стыч-

ки. В весеннее половодье, соорудив плоты из камышей, калмыки с трудом перебрались через Тургай; у них сильно исхудали лошади, скот. Начиная с марта, почти четыре месяца, калмыки двигались без остановки, с трудом отражая непрерывные атаки казахских отрядов. К концу июня они полностью пересекли наискосок Сарыарку и приблизились к Балхашу, где сделали остановку на берегу Мойынты. В этот момент войско численностью в 50 тыс. человек под предводительством Аблая взяло их в окружение. Отдельные дружины возглавляли Нурали-хан, Адиль-султан и Урус-султан.

В очередной раз калмыки обратились с просьбой пропустить их на родину, обещая мир и покорность в будущем. Но казахи решили не упускать благоприятного случая. Состоялась новая битва. В Джунгарию сумело пробиться всего 15-20 тыс. человек, которые уже были не в состоянии жить самостоятельной независимой жизнью¹⁴⁷.

Роль Аблая в пугачевском восстании не совсем ясна. Некоторые казахские авторы считают, что он занял выжидательную позицию, соблюдал нейтралитет¹⁴⁸. Вполне возможно. Однако остается фактом, что между ставкой Пугачева и Средним жузом существовала связь, и роль связных выполняли башкиры Исетской провинции.

Последние годы Аблая были наиболее успешными. Он завоевал города Азрет, Сайрам, Чимкент, Сузак и др., обязал Ташкент платить дань. Между своими сыновьями, которых было 71, он разделил на уделы территории Среднего и Большого жузов, а сам остался жить в Туркестане. Аблай умер в мае 1781 г. и был похоронен в семейном склепе, под мечетью Ходжи Ахмеда Ясави. Валиханов пишет: «Обязанный своему возвышению только личными достоинствами, он умел заслужить уважение народа, легкомысленного и необузданного в своих страстях, в такой степени, что уважение это имело какой-то мистический характер... Ни один киргизский хан не имел такой неограниченной власти, как Аблай. Он первый предоставил своему произволу смертную казнь, что производилось прежде не иначе, как по положению народного сейма, и усмирил своеволие сильных родоначальников и султанов, которые ограничивали советом власть хана... В преданиях киргизов Аблай носит какой-то поэтический ореол: век Аблая у них является веком киргизского рыцарства. Его походы, подвиги его богатырей служат сюжетами эпическим рассказам. Большая часть музыкальных пьес, играемых на дудке и хонбе, относится к его времени и разным эпохам его жизни»¹⁴⁹.

Отметим, что личность хана Аблая запечатлена и в башкирском эпосе. Башкирские предания помнят и аблаевского певца-импровизатора знаменитого Бухар-жырау, с которым состязался башкир Байк-сэсэн¹⁵⁰.

Если в исторической работе позволительны метафоры, то ханскую власть в Среднем жузе в период правления Аблая мы бы уподобили догорающей спичке, которая иногда ярко вспыхивает перед тем, как погаснуть окончательно. Преемник Аблая Вали не смог противостоять российской опеке. Положение России на северо-восточных границах Казахстана в результате последовательной политики, проводившейся в течение XVIII в., упрочилось настолько, что ликвидация ханской власти в Среднем жузе произошла в 1822 г., т.е. даже раньше, чем в Младшем жузе (Букеевском ханстве).

¹ РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 20618.

² РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 148. – Л. 1.

³ РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 20628. – Л. 1.

⁴ РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 3399.

⁵ Шакурова Ф. А. Малоизученные источники по истории Башкирии. – Уфа, 1986. – С. 165–166.

⁶ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 365, 675.

⁷ Ибрагимов Д. Народный герой Алдарбай (на баш. яз.) // Ватандаш. – 1997. – № 7. – С. 202–204.

⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к IV тому «Записок имп. Академии Наук». – № 6. – СПб., 1864. – С. 27–28.

⁹ Трепавлов В. В. Добровольное вхождение в состав России: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 162.

¹⁰ Там же. – С. 156.

¹¹ Там же. – С. 161.

¹² Доннелли А. С. Указ. соч. – С. 95.

¹³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I – С. 225.

¹⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 79.

¹⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 411.

¹⁶ Там же. – С. 238–240.

- ⁶³ Там же. – С. 1025.
- ⁶⁴ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 270.
- ⁶⁵ Там же. – С. 134, 209, 233; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 478.
- ⁶⁶ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 208, 209; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 491.
- ⁶⁷ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 210-211, 277.
- ⁶⁸ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 145. – Л. 118; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 481.
- ⁶⁹ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 145. – Л. 4-4 об. Сенатский архив. Т. V. 3. Журналы и определения Правительствующего Сената с 16 декабря 1741 г. по 15 декабря 1743 г. – СПб., 1892. – С. 322; Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 211, 219, 225; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 479-481.
- ⁷⁰ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 270.
- ⁷¹ Там же. – С. 290.
- ⁷² Там же. – С. 203-204, 296-297, 305; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России XVI-XVIII вв. – С. 152, 154; Он же. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII-XVIII вв. – М.: Изд-во «Наука» Гл. ред. вост. лит-ры, 1979. – С. 47.
- ⁷³ *Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч. – С. 431-436; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 136-140, 177.
- ⁷⁴ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 177.
- ⁷⁵ Там же. – С. 105-107 об.
- ⁷⁶ Там же. – С. 108-108 об.
- ⁷⁷ Там же. – С. 147-147 об.
- ⁷⁸ Там же. – С. 134-134 об. 165 об. - 166.
- ⁷⁹ Там же. – Д. 11. – Л. 208-209, 143-143 об. Д. 16. – Л. 157, 247.
- ⁸⁰ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 469, 488.
- ⁸¹ Карасакал. Исторический эпос// Башкирское народное творчество. Т. 10. – С. 245-277; Записки путешествия академика Лепехина / Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое имп. Академией Наук. Т. 4. – С. 129.
- ⁸² *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 103.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – Уфа, 2002. – С. 102.
- ⁸⁵ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 679 об. – 680.
- ⁸⁶ Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках. – С. 298.

- ⁸⁷ Бакунин В.М. Указ. соч. – С. 26.
- ⁸⁸ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 126.
- ⁸⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 49, 62.
- ⁹⁰ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 115. – Л. 824 – 827; Кн. 740. – Л. 102 – 103 об.
- Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 117.
- ⁹¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. – С. 112.
- ⁹² *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 159.
- ⁹³ Там же. – С. 130.
- ⁹⁴ Там же. – С. 130 – 135.
- ⁹⁵ Там же. – С. 147.
- ⁹⁶ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. – С. 39.
- ⁹⁷ *Рычков П.И.* История Оренбургская. – С. 6.
- ⁹⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 49, 51, 52, 53, 56, 57, 63.
- ⁹⁹ Там же. – С. 37 – 38.
- ¹⁰⁰ Материалы по истории России: Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. I. – С. 35; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 106, 108, 117; *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. – С. 39; *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 204–205.
- ¹⁰¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 149, 175, 180, 182, 184 – 185, 276; *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 126, 134, 135, 143; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 143. – Л. 100; Кн. 147. – Л. 34 – 34 об.
- ¹⁰² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 133–134, 176–179.
- ¹⁰³ Там же. С. 196.
- ¹⁰⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 145. – Л. 43 – 44 об.
- ¹⁰⁵ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 230, 235 – 237, 248.
- ¹⁰⁶ Там же. – С. 298.
- ¹⁰⁷ *Басин В.Я.* Указ. соч. – С. 254, 256.
- ¹⁰⁸ *Быков А.Ю.* Россия и Казахстан (XVII – XIX вв.) // Тюркологический сборник. 2002. Россия и Тюркский мир. – М.: «Восточная литература» РАН, 2003. – С. 52.
- ¹⁰⁹ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – С. 92–93.
- ¹¹⁰ *Витевский В.Н.* Указ. соч. – С. 710–713.
- ¹¹¹ *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 297–298; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 392, 423–426.
- ¹¹² *Ерофеева И.В.* Указ. соч. – С. 292.
- ¹¹³ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 323–324, 339, 344, 404, 437; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 496; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. – С. 163.

¹¹⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 608, 643; Сб. РИО. Т. X (1739 г.). (июль-декабрь). – С. 585-587.

¹¹⁵ Рычков П.И. История Оренбургская. – С. 89-103; Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. – С. 585.

¹¹⁶ Рычков П.И. Указ. соч. – С. 122-123; РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 145. – Л. 74-76.

¹¹⁷ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 134-169.

¹¹⁸ Там же. – С. 181; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – С. 484-485.

¹¹⁹ Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII-XVIII вв. – С. 43-44; Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 199, 222, 224, 225, 228, 231, 232; Рычков П.И. Указ. соч. – С. 139-140.

¹²⁰ Валиханов Ч.Ч. Т. I. – С. 427.

¹²¹ Кудайберды-улы Ш. Указ. соч. – С. 54-55.

¹²² Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 243.

¹²³ Там же. – С. 296-297.

¹²⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 136. – Л. 391-393.

¹²⁵ Там же. – С. 399-400 об.

¹²⁶ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 162-162 об.

¹²⁷ Левшин А.И. Указ. соч. – С. 210-211; Басин В.Я. Указ. соч. – С. 210-211.

¹²⁸ Валиханов Ч.Ч. Т. I. – С. 428.

¹²⁹ Сенатский архив. Т. IX. – С. 388.

¹³⁰ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – С. 57.

¹³¹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Приложение. – С. 43.

¹³² ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 225.

¹³³ Там же. – Л. 142 об.

¹³⁴ Там же. – Л. 226 об.

¹³⁵ Там же. – Л. 28-33 об.

¹³⁶ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 552.

¹³⁷ ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 1-2 об.

¹³⁸ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С. 501.

¹³⁹ Там же. – С. 504-505.

¹⁴⁰ Там же. – С. 648.

¹⁴¹ Там же. – С. 582, 590, 593.

¹⁴² Там же. – С. 613-614, 667-668.

¹⁴³ Валиханов Ч.Ч. Т. I. – С. 428-429.

¹⁴⁴ Гвоздиков И.М. Указ. соч. – С. 152-153.

¹⁴⁵ Султангалиева Г.С. Указ. соч. – С. 27.

¹⁴⁶ *Валиди А.-З.* История башкир. История тюрков и татар. — С. 130-131.

¹⁴⁷ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3. — С. 264-266.

¹⁴⁸ *Касымбаев Ж.К.* Указ. соч. — С. 129; *Карпык Аль-Халел.* Указ. соч. — С. 80.

¹⁴⁹ *Валиханов Ч.Ч. Т. I.* — С. 429-430.

¹⁵⁰ Башкирское народное творчество. Т.10. — С. 320, 321.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История башкирско-казахских отношений уходит в глубь веков. Восстановить ее ранний период из-за отсутствия документов можно лишь в общих чертах. Первые достоверные сведения появляются в русских источниках времен Сеитовского восстания, когда основная масса калмыков окончательно осела в Нижнем Поволжье, и казахи стали непосредственно соседствовать с башкирами. С этого времени роль политических покровителей башкир постепенно переходит от кучумовичей к представителям казахских правящих династий. Первым известным казахским ханом, оказавшим поддержку башкирскому национальному движению, был Тауке. Его подданные во главе с Джангиром и Абулхаиром приняли активное участие в Алдар-Кусюмовском восстании. Тогда башкиры, опираясь на поддержку казахов, каракалпаков и местных мусульманских народов, сумели установить фактическую автономию на своей земле.

Спустя несколько лет императоры Петр I в 1722 г. и Петр II в 1728 г., своими указами подтвердили особое положение Уфимской провинции, ее подведомственность непосредственно Сенату. Были высочайше подтверждены вотчинные права и привилегии, дарованные башкирам царем Иваном Грозным. Термин «Башкирия» долгое время продолжал функционировать на официальном уровне наряду с названиями «Уфимский уезд», «Уфимская провинция», «Оренбургская губерния», «Уфимская губерния», что являлось отражением особого статуса в прошлом этой части Российской империи.

В начале XVIII в. казахи, теснимые джунгарами, отступили в северном направлении и, в свою очередь, потеснили башкир, заняв под свои пастбища плодородные степи вплоть до левого бережья Яика. Это привело к стычкам между башкирами и казахами.

В 1730 г. правитель Младшего жуза Абулхаир обратился за протекцией к русскому правительству. Часть башкирских старшин, заинтересованных в урегулировании башкирско-казахских отношений,

согласилась принять участие в казахско-русских переговорах, дипломатической миссии А.И. Тевкелева, а затем сопровождала казахскую делегацию ко двору императрицы Анны Иоанновны.

Инициатива Абулхаира совпала с усилившимися при Петре I стремлениями царизма в Азию. Ученики и последователи царя И.К. Кирилов и А.И. Тевкелев составили план присоединения новых территорий и продвижения в глубь азиатского континента, в котором Башкортостану отводилась роль стратегической базы и опорного пункта. На пути к осуществлению этого геополитического проекта неожиданно встали башкиры, усмотревшие в строительстве Оренбурга, Верхояицка и других крепостей нарушение условий их добровольного подданства.

В последовавшей войне башкиры предпринимали многократные попытки привлечь на свою сторону казахов. На последнем этапе борьбы башкир возглавил потомок сибирского хана Кучума Карасакал. После окончательного разгрома восстания последний башкирский хан с остатками своего войска бежал в Казахстан и нашел убежище в Среднем жузе.

На основании указа от 11 февраля 1736 г. в Башкортостане приступили к осуществлению новой государственной политики. При Неплюеве в 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния с поручением ее администрации казахских дел. Одновременно с ликвидацией институтов самоуправления начинается интенсивная колонизация, сопровождавшаяся массовым изъятием земель под заводы, города, крепости. С началом строительства Оренбургской пограничной линии башкиры были привлечены к караульной службе, заключавшейся в охране губернии от казахских набегов. По мере заселения вновь построенных крепостей пришлому населению создавалась буферная зона между Башкортостаном и Казахстаном. Начался качественно новый этап в башкирско-казахских отношениях: они теряют свое политическое значение.

Быстрое усиление позиций царизма происходит и в Казахстане, в первую очередь в Младшем жузе. Политические цели Абулхаира, заключавшиеся в стремлении, опираясь на внешнюю силу, укрепить свое внутреннее положение, стать единовластным правителем казахов, не были достигнуты. Более того, его сыну Нурали достались в наследство гораздо меньшие владения. Нурали стал первым казахским ханом, чьи выборы прошли под контролем оренбургской админи-

страции, а их результаты потребовали утверждения российским монархом. Хан был поставлен в полную зависимость от царского правительства. Начало 1750-х годов было временем первых земельных захватов в Казахстане. Сокращения пастбищных угодий, ограничения районов перекочевок задевали интересы простых казахов-скотоводов. По мере реализации «запасного» плана Неплюева обострялись противоречия казахов с военными пограничными властями. Политика христианизации, усилившаяся в России в 1740-х годах, вызвала массовое недовольство и создала почву для совместного выступления народов Приуралья, Поволжья и Казахстана. Башкиры решили использовать эту возможность. События 1755 г. являются пиком и заключительной стадией активных башкирско-казахских взаимоотношений. В начале восстания десять тысяч башкир бежали к казахам, были созданы отряды для совместной борьбы. Однако губернатору Неплюеву удалось разрушить союз двух народов. Но давние традиции башкирско-казахского сотрудничества не были забыты, и в годы Пугачевского восстания они возобновились.

В конце XVIII в., ознаменованном административными реформами, введением кантонной системы управления, межеванием башкирских земель происходит окончательное утверждение царизма в Башкортостане. Полное присоединение Казахстана к России произошло в середине XIX в., спустя более столетия после организации Оренбургской экспедиции.

Приложение 1

Список уфимских воевод

№ п/п	Фамилия, имя, отчество и чин	Годы	Источники и литература
1	2	3	4
1	Нагой Михаил Александрович	1590, 1592, 1593, 1595 - 1597, 1599 - 1602, 1604, 1605	Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902. – С. 263; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. (Далее Материалы. Ч. I.) – С. 151, 153.
2	Годунов Никита Васильевич, окольничий	1605, 1606, 1607, 1610, 1611	Белокуров С. А. Разрядные списки за смутное время /7 113-7121 гг./ – «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1907. Кн. 3. – С. 84-85, 140, 143, 148; Азнабаев Б. А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. – Уфа, 1999. – С. 52.
3	Власьев Афанасий Иванович, думный дьяк	1605, 1606, 1608, 1612	Текст «Отводной книги по Уфе /1591-92-1629». Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. – Уфа, 1971. – С. 13, 37 об. (Далее – Отводная книга по Уфе); НА УНЦ РАН. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 217.
4	Онучин Михаил Андреевич, окольничий	1613	Отводная книга по Уфе. – Л. 66 об. 69 об.

5	Каловский Иван Ермолаевич, окольныйчий	1613-1614	Азнабаев Б.А. Указ. соч. – С.43.
6	Хилков Борис Андреевич, князь, стольник	1614-1617	Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; Материалы ... Ч.1. – С.89, 156; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.48, 56 об.; Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. – Уфа, 1879. – С.15.
7	Аничков Владимир Андреевич	1614-1615	Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; Материалы. Ч.1. – С.89.
8	Елецкий Федор Андреевич, князь, стольник	1615, 1616	Временник Общества и древностей Российских при истории Московском ун-те, 1849. Кн.1. – Отд.П. – С.54-55.
9	Хлопов Гаврил Васильевич (Матвеевич, Афанасьевич. Барсуков А. Ук. соч.-С.263.), стольник	1616-1620	Новиков В.А.Указ. соч. – С.15; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263;НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.48, 56 об; Д.10. – Л.378.
10	Прончищев Осип Яковлевич	1620-1621	Новиков В.А.Указ. соч. – С.15; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. – С.37; Русско- монгольские отношения 1607-1636. – С.102, 106, 126; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.48, 56 об.
11	Измайлов Григорий Васильевич	1621-1623	Новиков В.А.Указ. соч. – С.15; Русско-монгольские отношения - 1607-1636.-С.124; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.48 об., 56 об.

Генеральная карта Российской империи И. Кирилова. Фрагмент, 1734 г.
Из кн. А.В. Псянчина «Башкортостан на старых картах» (Уфа, 2001)

Казахский халат и головной убор.
Экспонат Музея истории г. Оренбурга. Фото автора

Продолжение прил. 1

12	Коробьин (Коробин) Семен Гаврилович, стольник	1623-1624	Новиков В.А. Указ. соч. – С.15; Барсуков А. Указ. соч. – С.263; Русско-монгольские отношения ... – С.126; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.48 об, 56 об.
13	Волынский Семен Иванович, стольник	1624-1626	Новиков В.А. Указ. соч. – С.15-16; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.48 об., 56 об.
14	Чичерин Иван Иванович, стольник	1626-1628	Новиков В.А. Ук. соч.-С.16; Барсуков А. Ук. соч. -С. 263; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.49,57; Д.10. – Л.409.
15	Желябужский (Желябовский) Иван Григорьевич	1628-1634	Новиков В.А. Указ. соч. – С.16-17; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; НА УНЦ РАН.-Ф.23.-Оп.1. – Д.1. – Л.49, 57; Д.10.-Л.409.
16	Трубецкой М.Ю.	1632	Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. – Уфа, 2007. – С. 215.
17	Загоскин Антон Павлович	1633	Русско-монгольские отношения 1607-1636. – С.201.
18	Вельяминов Никита Дмитриевич, стольник	1634-1636	Новиков В.А. Указ. соч. – С.17; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л. 49 об., 50, 57; Д.10. – Л.409.

19	Волконский Петр Федорович, князь, стольник	1636-1639	Новиков В.А. Указ. соч. – С.17; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л. 50, 57; Д.3. – Л.30; Д.10. – Л.409.
20	Салтыков Иван Иванович, стольник	1639-1640	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1.– Л.57.
21	Плещеев Лев Афанасьевич, стольник	1640-1642	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1.– Л.51,57.
22	Бутурлин Михаил Матвеевич, стольник	1643-1645	НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.9. – Л.114.
23	Головин Д.М.	1645	Асфандияров А.З. Указ. соч. – С.105.
24	Пожарский Петр Дмитриевич	1644-1646	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.3.– Л.42; Д.9. – Л.79.
25	Алябьев Федор Андреевич	1645-1647	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С. 263; Материалы ... Ч.1.– С.514.; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.3. – Л.44.
26	Панчулидзе (Подчулезде), Подгулезде) Иван Семенович, стольник	1648	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Материалы ... Ч.1. – С.514; Модестов Н. Село Табынское и Вознесенская пустынь. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. – С.57.

27	Плещеев Лев Афанасьевич, стольник	1646-1649	Материалы. Ч.I. – С.514.
28	Долгорукий Дмитрий, князь, стольник	1649	Материалы. Ч.I. – С.91.
29	Милославский Федор Яковлевич, стольник	1649-1652	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С. 264; НА УНЦ РАН.– Ф.23. – Оп.1.– Д.3. – Л.16 об. 55 об.
30	Францбеков Иван Андреевич, стольник	1653-1655	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1.– Д.3. – Л.88 об.
31	Нарбеков Афанасий Самойлович	1656-1657	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Рахматуллин У.Х. Указ. соч. – С.162.
32	Головин Алексей Иванович, стольник	1657-1658	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии – С.10.
33	Измайлов Александр Тимофеевич, стольник	1659-1661	Новиков В.А. Указ. соч.– С.18; НА УНЦ РАН.– Ф.23. – Оп.1.– Д.7. – Л.45.
34	Сомов (Сомин) Федор Иванович, стольник	1660-1662	Барсуков А. Указ. соч.– С. 264; НА УНЦ РАН.– Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.46; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. – С.105.

35	Волконский Андрей Михайлович, князь, стольник	1662-1664	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С. 264; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Т.1. – С.469; НА УНЦ РАН. Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.57.
36	Волконский Федор Федорович, боярин, князь	1662-1663	Барсуков А. Указ. соч. – С. 264;
37	Сомов Федор Иванович, стольник	1664-1667	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18; Материалы. Ч.1. – С.197; Материалы. Т.III. – С. 542.
38	Кондырев Петр Тимофеевич, стольник	1668	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18.
39	Кондырев Иван Тимофеевич, стольник	1672	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18; Материалы. Ч.1. – С.74.
40	Кондырев Петр Тимофеевич, стольник	1675	Материалы. Ч.1. – С.75, 198, 202- 204.
41	Аксаков Григорий Иванович, стольник	1675	НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.9. – Л.10 об.
42	Хитрово Венедикт Яковлевич, стольник	1676-1678	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С. 264; ДАИ. – Т.9. – С.88.

Продолжение прил. 1

43	Скуратов Петр Дмитриевич, окольный	1679-1681	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18; Материалы. Ч.1. – С.75; Асфандияров А.З. Указ. соч. – С.25.
44	Коркодинов Андрей Михайлович, князь, окольный, стольник	1681-1682	Новиков В.А. Указ. соч. – С.18; Барсуков А. Указ. соч. – С.264; Акты исторические. – Т.5. – СПб., 1842. – С.135.
45	Барятинский Данил Афанасьевич, князь, окольный	1683-1684	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Барсуков А. Указ. соч. – С. 264; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.3. – Л.174.
46	Кондырев Иван Тимофеевич, думный дворянин	1685-1686	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Асфандияров А.З. Указ. соч. – С.28.
47	Барятинский Иван Федорович, князь, стольник	1686-1687	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.78.
48	Толстой Иван Андреевич, стольник	1688-1690	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Асфандияров А.З. Указ. соч. – С.113; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.1. – Л.57.
49	Стрешнев Василий Федорович, ближний окольный	1691-1694	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.80; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.7. – Л.85.

50	Головин Дмитрий Никитич, стольник	1694-1696	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.82.
51	Юрьев Г.А.	1695	Материалы. Ч.1. – С.519.
52	Леонтьев Василий Федорович, стольник	1696-1697	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Барсуков А. Указ. соч. – С. 264; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.3. – Л.88 об.
53	Молоствов Дмитрий Иванович, стольник	1697	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19.
54	Пушкин Иван Калинин, стольник	1697-1700	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.101; Асфандияров А.З. Указ. соч. – С.83.
55	Аничков Борис Фирсович	1700-1701	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.102; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.7. – Л.59 об.
56	Зыбин Ефим Панкратович, стольник	1701-1703	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.520;РГАДА. – Ф.248. – Кн. 169. – Л.200.
57	Тухачевский Гаврил Яковлевич, стольник	1703	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19.
58	Синявин Аким	1704	ГАОО. – Ф.1. – Оп.1. – Д.1. – Л. 318.

Продолжение прил. 1

59	Аничков Александр	1706	Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII-начала XVIII вв. – С.135,138; НА УНЦ РАН. – Ф.23.– Оп.1. – Д.2. – Л.112.
60	Аристов Лев Федорович	1706-1708	Материалы. Ч.1. – С.229, 248; Акманов И.Г. Указ. соч. – С.57, 138.
61	Титов Григорий, полковник	1708	Материалы. Ч.1. – С.213; Акманов И.Г. Указ. соч. – С.186- 187.
62	Колычев Андрей Михайлович (уфимский комендант)	1714	Материалы. Ч.1. – С.104,107,134.
63	Бахметев Дмитрий (уфимский комендант)	1715	Материалы. Ч.1. – С.286,288.
64	Бахметев Иван Ефремович, стольник (обер-комендант, воевода)	1718-1721	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19; Материалы. Ч.1. – С.123,289,299; РГАДА. – Ф.248. – Кн.115. – Л.820 об.; Кн.613. – Л.808 об.; Буканова Р.Г. Указ. соч. – С.53.
65	Лошкарев Василий Васильевич, подполковник	1723-1725	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19.
66	Шаховской Иван Г., князь, полковник	1724-1727	Материалы. Ч.1. – С.123, 132, 133, 301; Азнабаев Б.А. Интеграция в Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI-первая треть XVIII вв.). – С.175.

67	Лихачев Андрей, ассессор	1727	Материалы. Ч.I. – С.123, 135; Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. X. Т.19. – С.158.
68	Шабумен, надворный советник	1726-1730 (?)	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19.
69	Анненков, полковник	1728	РГАДА. – Ф.452. – Оп.1. – Д.4.
70	Бутурлин Петр Иванович, бригадир	1728-173(?)	Сенатский архив. – Т. IV. Журналы и определения правительствующего Сената за июнь, июль, август и сен- тябрь 1741г. – С.551; НА УНЦ РАН. – Ф.23. – Оп.1. – Д.3. – Л.131.
71	Батурин Алексей Александрович, бригадир	1730-1733	Новиков В.А. Указ. соч. – С.19.
72	Кошелев Петр Дмитриевич, полковник	1733- 19.08.1735	Материалы по истории России: Сборник указов и других докумен- тов, касающихся управления и уст- ройства Оренбургского края. Т.I. – С.133; Сб. РИО. Т.XI – С.439; НА УНЦ РАН. – Ф. 23. – Оп.1. – Д.1. – Л.57.
73	Мерзлюкин Никита Дмитриевич, полковник	19.09.1735-не ранее июля 1736	Материалы по истории Башкорто- стана. – Т.VI. – С.221; Сб. РИО. Т.V. (1736 г.). – Юрьев, 1902. – С.137; Т.XI. – С.439; РГА ДА. – Ф.248. – Кн.169. – Л.293.

74	Шемякин Степан Васильевич, статский советник, полковник	не позднее сентября 1736- 10.01.1738	Материалы. Ч.I. – С.313; Материалы. Т.VI. – С.286, 531,715; Сб. РИО. Т.V. – С.113, 137.
75	Алфимов Андрей Иванович, ассессор, капитан	1737	Материалы. Ч.I. – С.349, 350.
76	Мартаков Прокопий, полковник	10.01.1738.- около октября 1738	Рычков П.И. История Оренбургская. – С.85; Материалы. Т.VI. – С.531.
77	Аксаков Петр Дмитриевич, подполковник (7.11.1740. – 15.03.1744. – уфимский вице-губернатор)	не позднее ок- тября 1738 - не ранее ию- ня 1739	Материалы. Т.VI. – С.588,601, 628,681; Сенатский архив. Т.II. – С.183.; Т.VI. – С.40.
78	Пекарский, секунд-майор	не ранее ию- ня 1739. - не ранее мая 1740	Материалы. Ч. I. – С.426; Материалы. Т.VI. – С.630; Сб. РИО. Т.X. – С.416; Т.XI. – С.439.
79	Еделев Иван, князь, полковник	1740	Сб. РИО. Т.X. – С.416; Т.XI. – С.439.

Приложение 2

Список правителей Оренбургского края

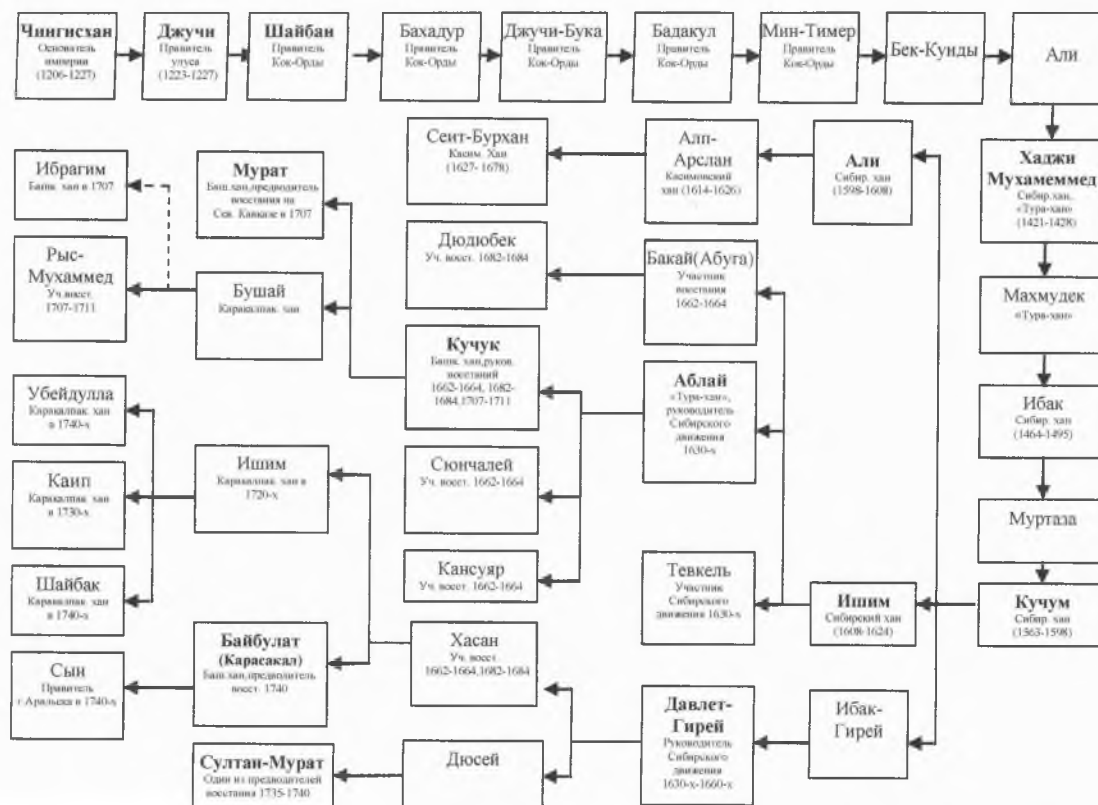
№ п/п	Фамилия, имя, отчество. Чин и должность	Даты	Источники и литература
1.	Кирилов Иван Кириллович, статский советник, начальник Оренбург- ской экспедиции	01.05.1734- 14.04.1737.	Рычков П.И. История Оренбургская. – С.14,76; Материалы по истории России: Сборник указов и других документов, ка- сающихся управления и устройства Оренбургского края. Т.I. – С.50.
2.	Бахметев Петр Степанович, подпол- ковник, временно ис- полняющий обязан- ности начальника Оренбургской экспедиции	04.1737- 10.05.1737.	Рычков П.И. Указ. соч. – С.78.
3.	Татищев Василий Никитич, тайный советник, начальник Оренбург- ской комиссии	10.05.1737- 12.01.1739.	Рычков П.И. Указ. соч. – С. 79-80,105; Соловьев С.М. Ук. соч. – Кн.Х. Т.20. – С.599; Матвиевский П.Е. Указ. соч. – С.56.
4.	Останков Борис Лу- кич, подполковник, временно исполняю- щий обязанности на- чальника Оренбург- ской комиссии	12.01.1739- 17.06.1739.	Рычков П.И. Ук.соч. – С.105; Материалы. Т.VI. – С.629,705.
5.	Урусов Василий Алексеевич, князь, генерал-лейтенант, начальник Оренбург- ской комиссии	17.06.1739- 22.07.1741.	Рычков П.И. Ук.соч. – С.106,140; Архив правительствующего Сената. – Т.II. – С.595; С6. РИО. Т.IX. – С.565.

6.	Соймонов Леонтий Яковлевич, генерал-лейтенант, начальник Оренбург- ской комиссии	14.08.1741- 16.01.1742.	Рычков П.И. Указ. соч. – С.142,144; Сенатский архив. Т. IV. – С.275; Архив правительствующего Сената. Т. III. – С.86; РГАДА. – Ф.248. – Кн.146. – Л.81.
7.	Неплюев Иван Иванович, контр-адмирал, тай- ный советник, на- чальник Оренбург- ской комиссии, орен- бургский губернатор (с 15.03.1744.)	16.01.1742- не позднее февр. 1758	Рычков П.И. Указ. соч. – С.144; Архив правительствующего Сената. Т. III. – С.86; Витевский В.Н. Указ. соч. – С.901; Матвиевский П.Е. Указ. соч. – С.79. Се- менов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.52,57.
8.	Тевкелев Алексей Иванович, генерал- майор, временно ис- полняющий обязан- ности оренбургского губернатора	1758-1759	Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.61; Энциклопедия «Челябинская об- ласть». – Т.4. – Челябинск, 2005. – С.736.
9.	Давыдов Афанасий Романович, тайный советник, ге- нерал-майор, оренбургский губер- натор	01.07.1759- 1763	Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.61; Казахско-русские отношения в XVI- XVIII веках. – С.594.
10.	Волков Дмитрий Васильевич, действительный стат- ский советник, орен- бургский губернатор	13.06.1763- 1764.	Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.71.

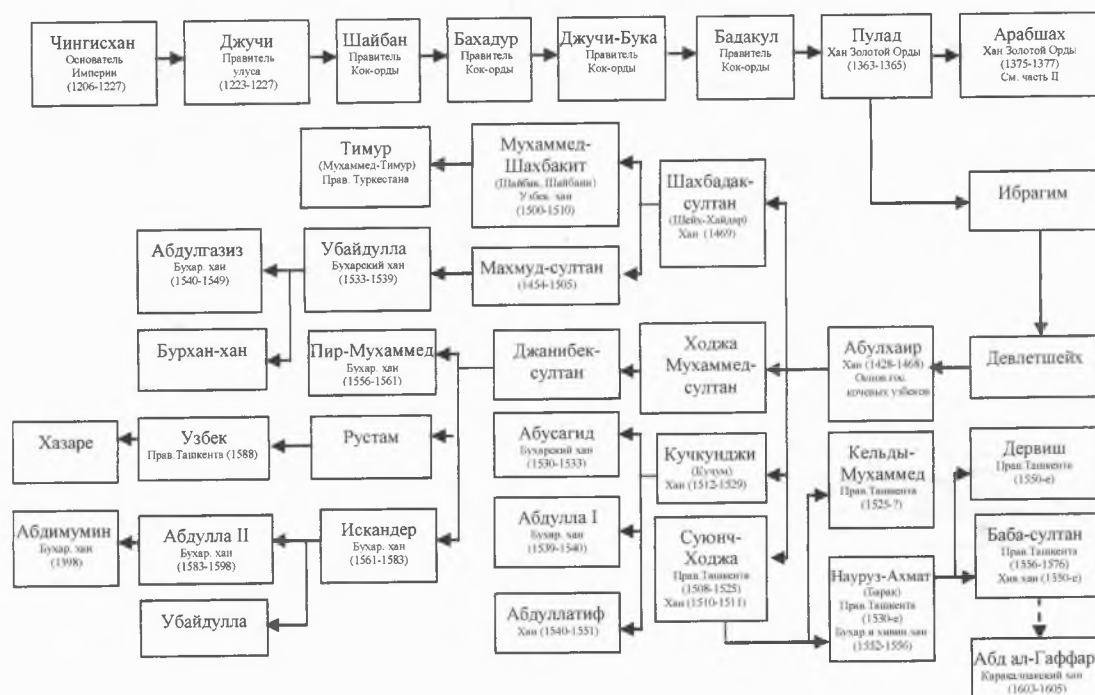
11.	Лачинов Александр Петрович, генерал-поручик, губернатор Воронежской губернии, временно исполняющий обязанности Оренбургского губернатора	1764.	Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. – С.665,669; ГАОО. – Ф.3. – Оп.1. – Д.73. – Л.279.
12.	Путятин Авраам Артемьевич, князь, тайный советник, генерал-майор, оренбургский губернатор	24.08.1764- 03.10.1768.	Сенатский архив. Указы и повеления имп. Екатерины II за февраль-декабрь 1764г. – СПб., 1910. Т.XIV. – С.417-418; Семенов В.Г., Семенова В.П. Ук. соч. – С.80, 86.
13.	Рейнсдорп Иван Андреевич, генерал-поручик, Оренбургский губернатор	29.09.1768- 3.02.1781.	Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. С.87, 88, 102.
14.	Хвабулов Матвей Афанасьевич, князь, генерал-майор, временно исполняющий обязанности Оренбургского губернатора	16.02.1781- 12.06.1781.	Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках (1771 – 1867 годы). – С.102,105; Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. С.102; Энциклопедия «Челябинская область». Т.4. – С.736.
15.	Якоби Иван Варфоломеевич, генерал-поручик, оренбургский губернатор (до 23.12.1781), уфимский и симбирский генерал-губернатор	18.03.1781- 12.1782.	Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. – С.562-563, 738; Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.104, 105, 110.

16.	Апухтин Аким Иванович, генерал-поручик, уфимский и симбир- ский генерал- губернатор	12.1782- 1784.	Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. – С.570, 595; Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.111, 114.
17.	Игельстром Осип Андреевич, барон, генерал- аншеф, уфимский и симбирский генерал- губернатор, орен- бургский военный губернатор (с 1796)	12.1784-1792, 12.12.1796- 27.10.1798.	Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. – С.347,393; Семенов В.Г., Семенова В.П. Ук. соч. – С.115, 116, 122, 124, 127.
18.	Пеутлинг фон Александр Александр- ович, генерал- поручик, уфимский и симбирский генерал- губернатор	1792- 01.11. 1794.	Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. – С.582, 584, 722; Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.128,135.
19.	Вязмитинов Сергей Кузьмич, ге- нерал-поручик, симбирский и уфим- ский генерал- губернатор	11.1794 - 12.12.1796.	Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. – С.488; Семенов В.Г., Семе- нова В.П. Ук. соч. – С.136, 140-141.
20.	Бахметев Николай Николаевич, генерал- майор, оренбургский военный губернатор	25.10.1798.- 1803.	Семенов В.Г., Семенова В.П. Указ. соч. – С.146; ЦГИА РБ. – Ф.2. – Оп.1. Д.21. – Л.1; Ф.6. – Оп.1. – Д.7. – Л.35.

Родословная сибирского хана Кучума

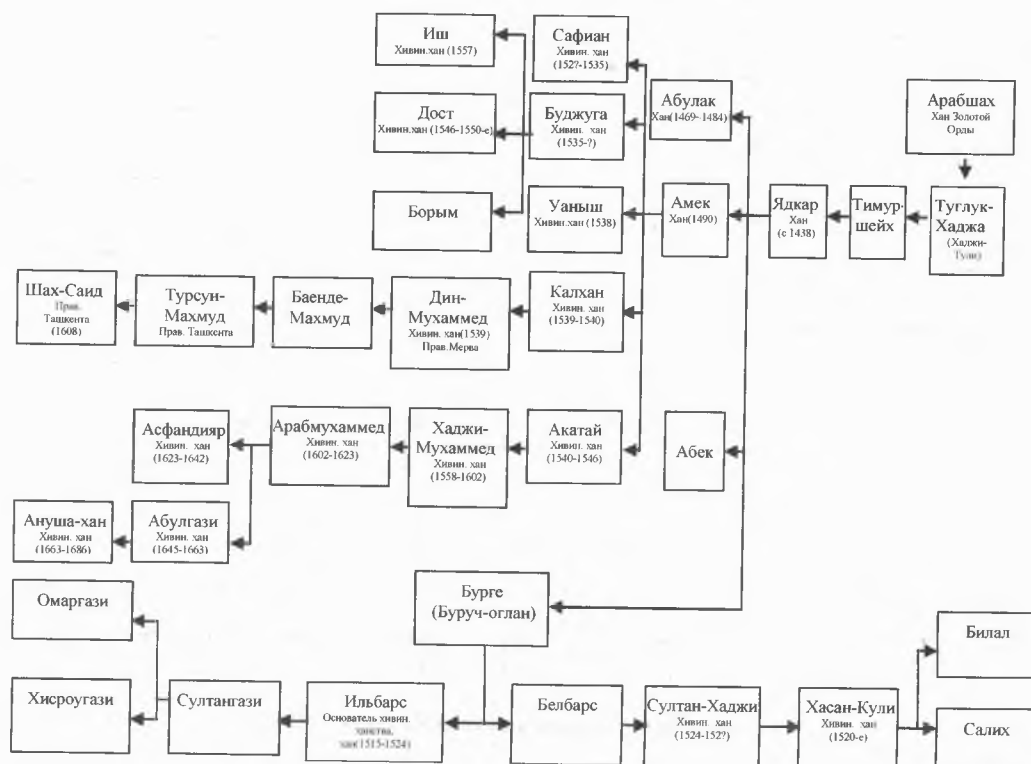

Родословная узбекских шайбанидов. Часть I

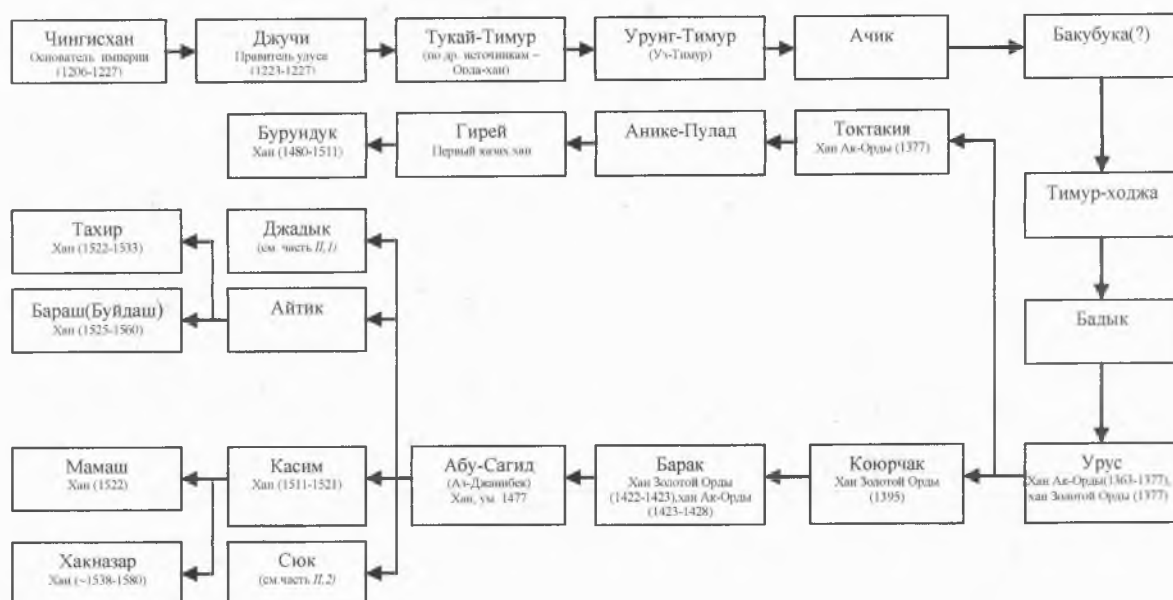
Родословная узбекских шайбанидов. Часть II.

Приложение 4

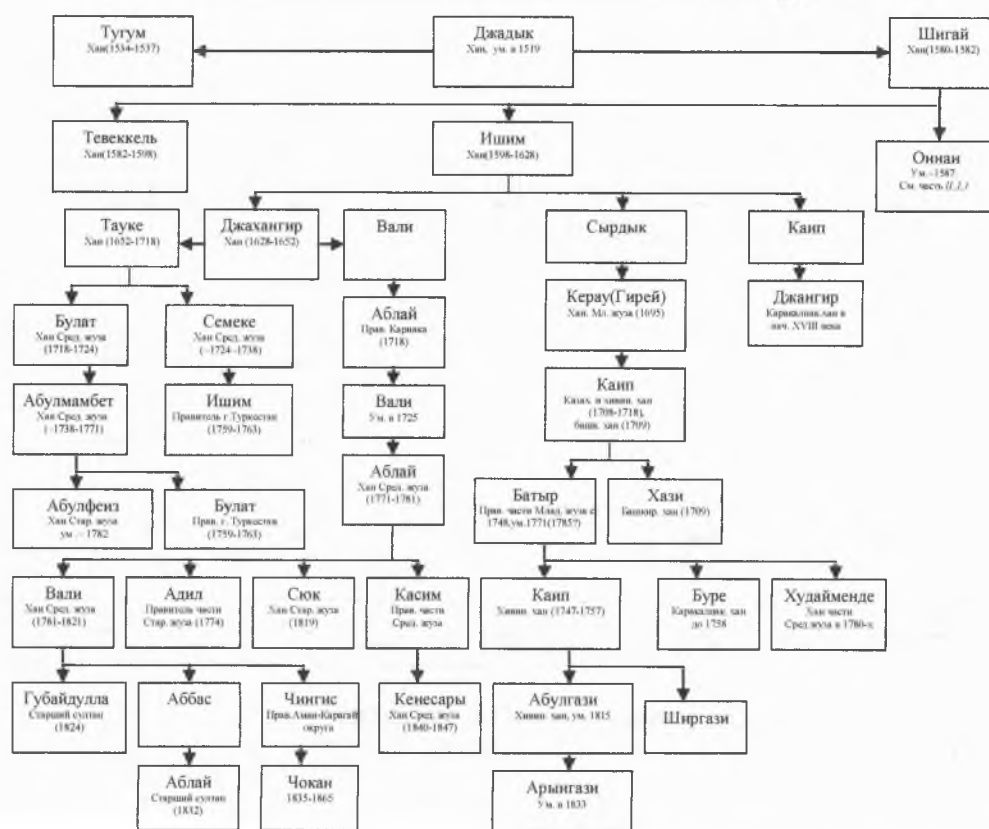

Родословная казахских ханов и султанов. Часть I.

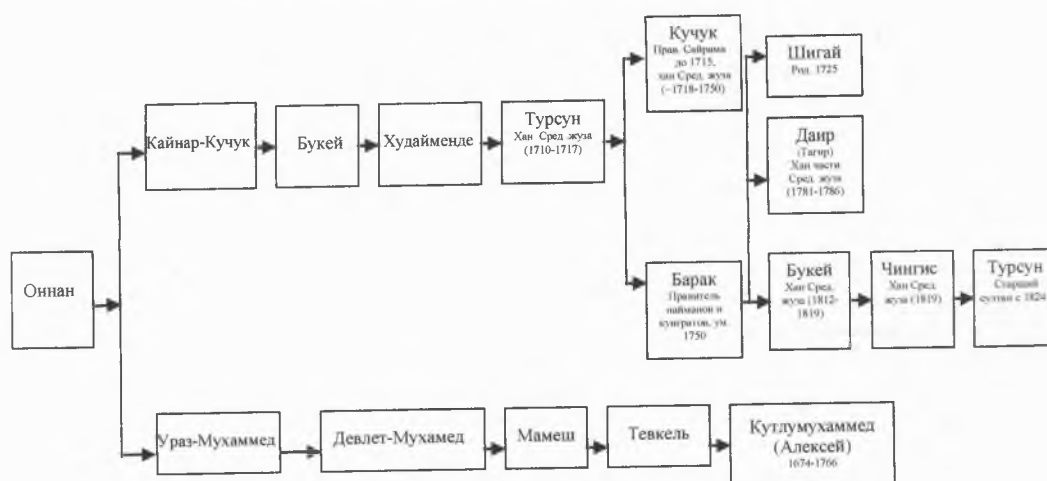
Приложение 5

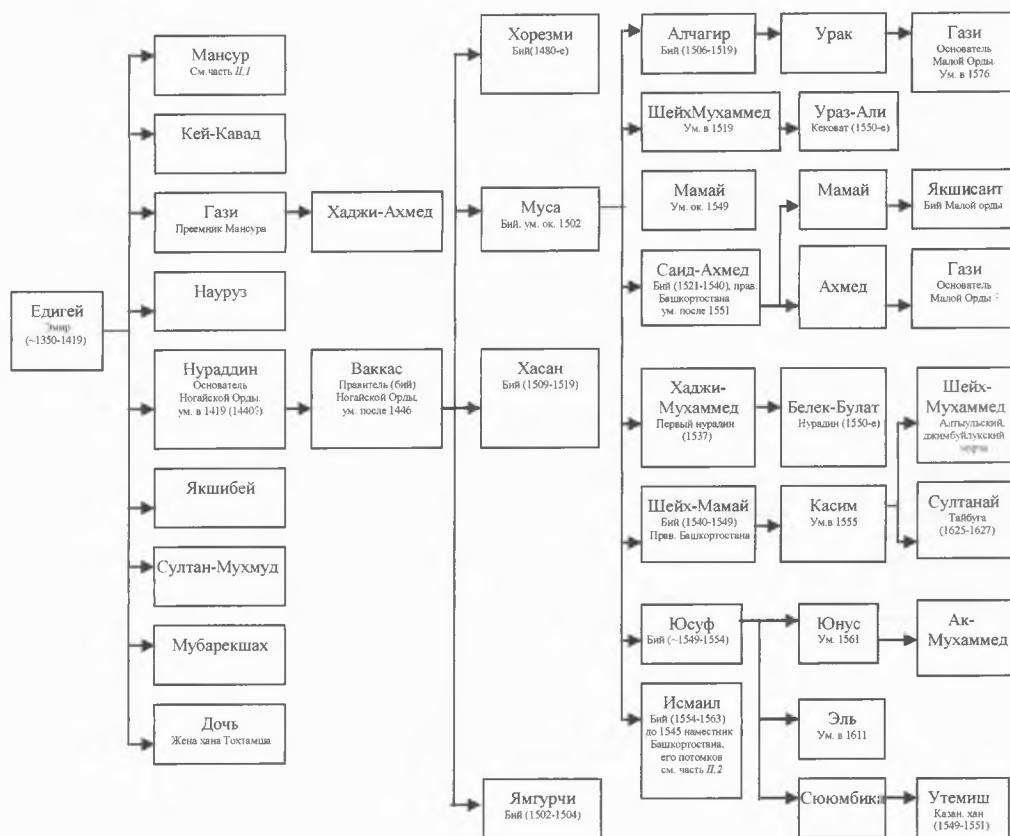
Родословная казахских ханов и султанов. Часть II, 1.

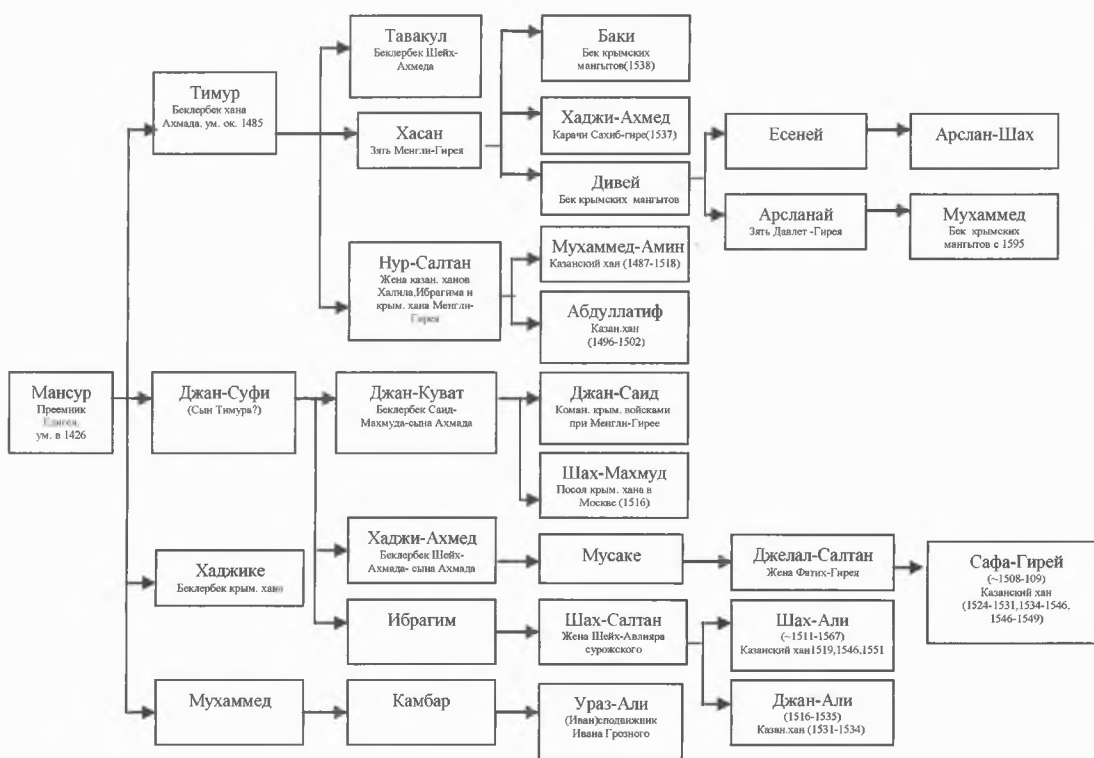
Родословная казахских ханов и султанов. Часть II, 1, 1

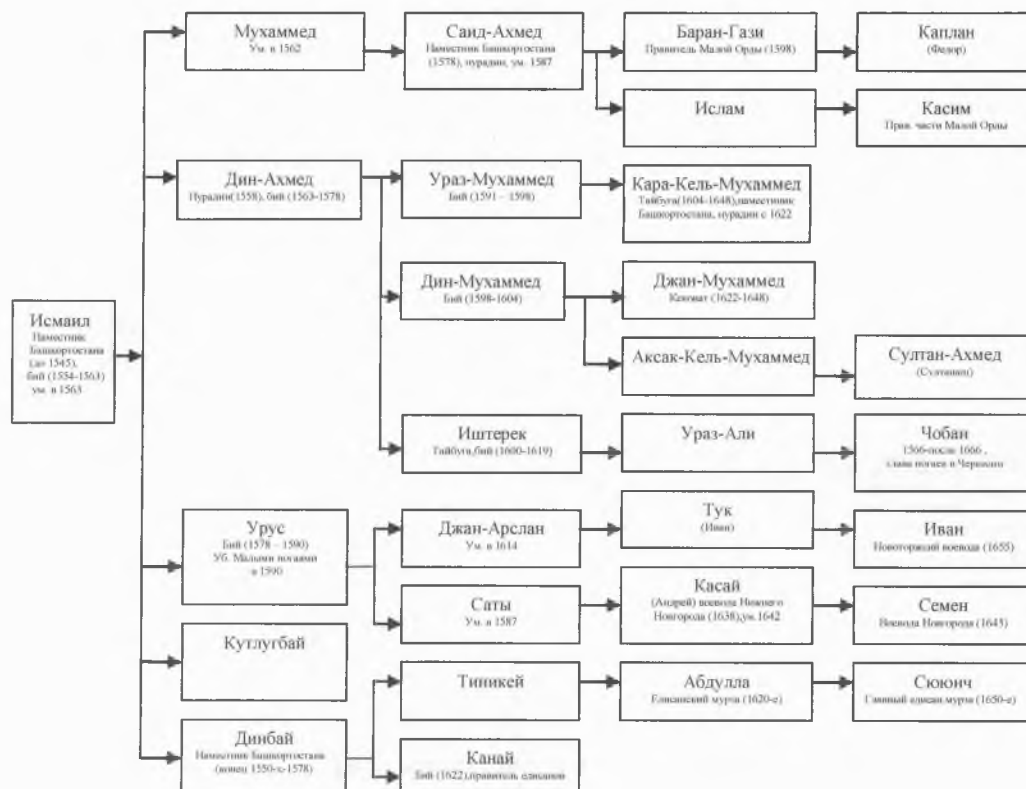
Родословная ногайских мурз. Часть I.

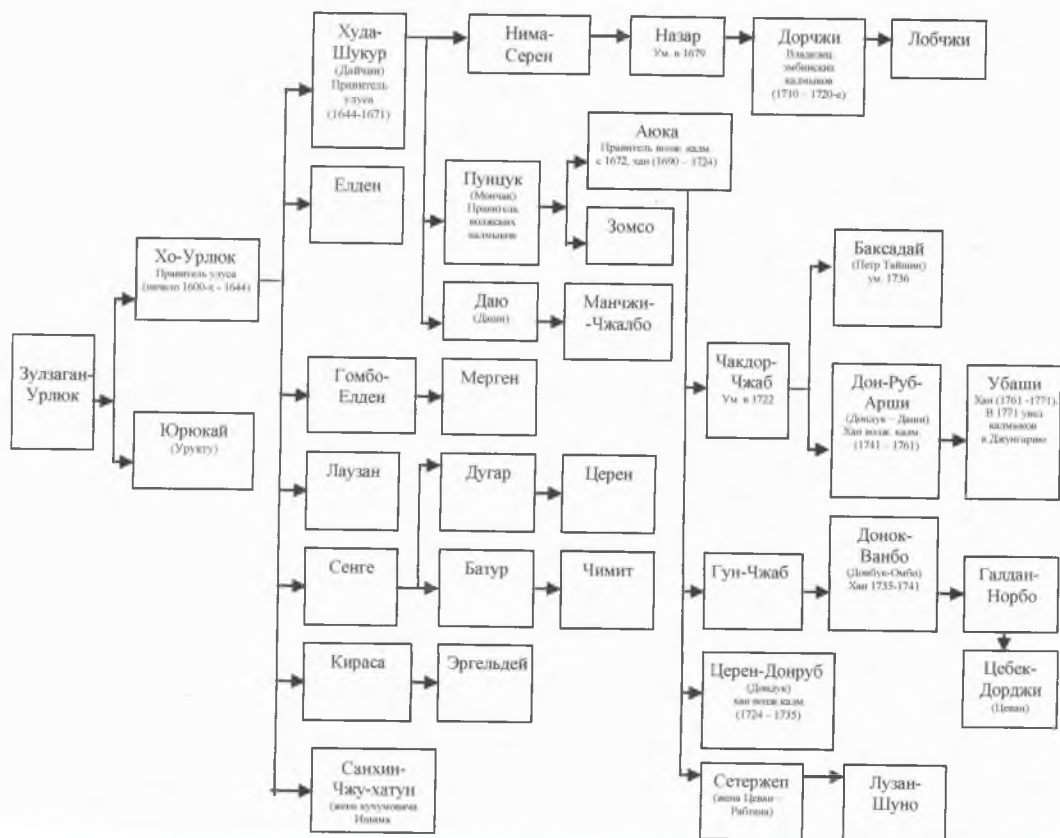
Родословная ногайских мурз. Часть II, 1

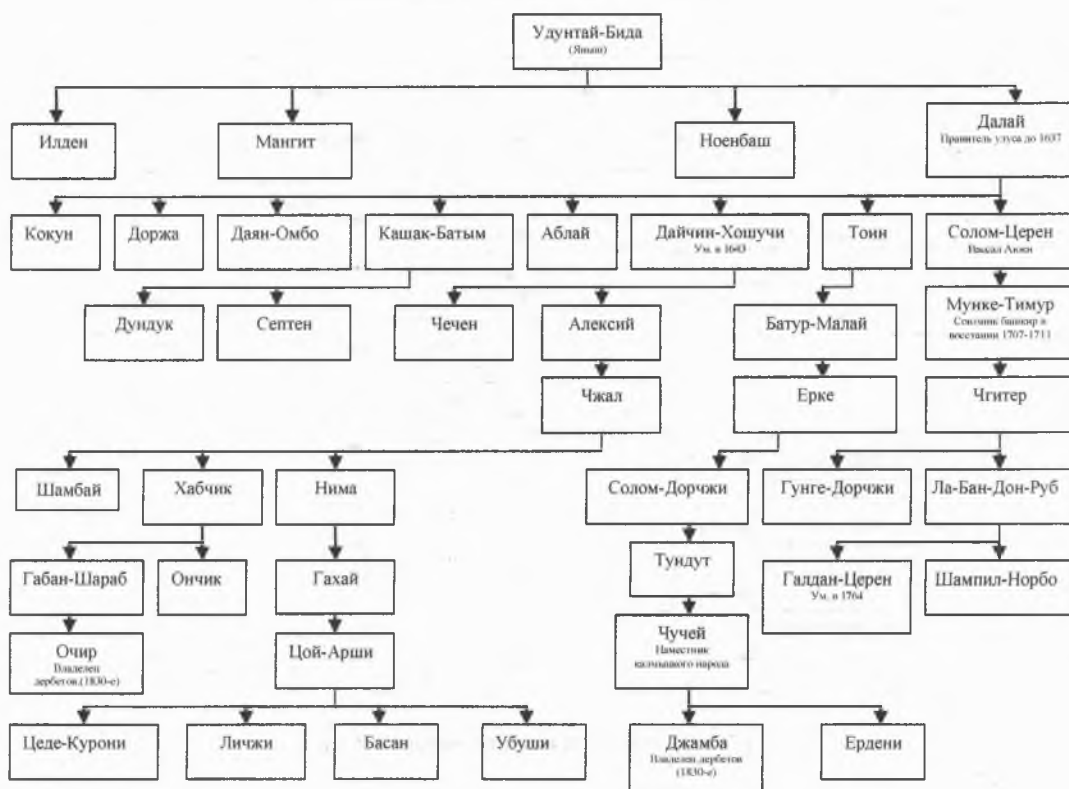
Родословная ногайских мурз. Часть II, 2

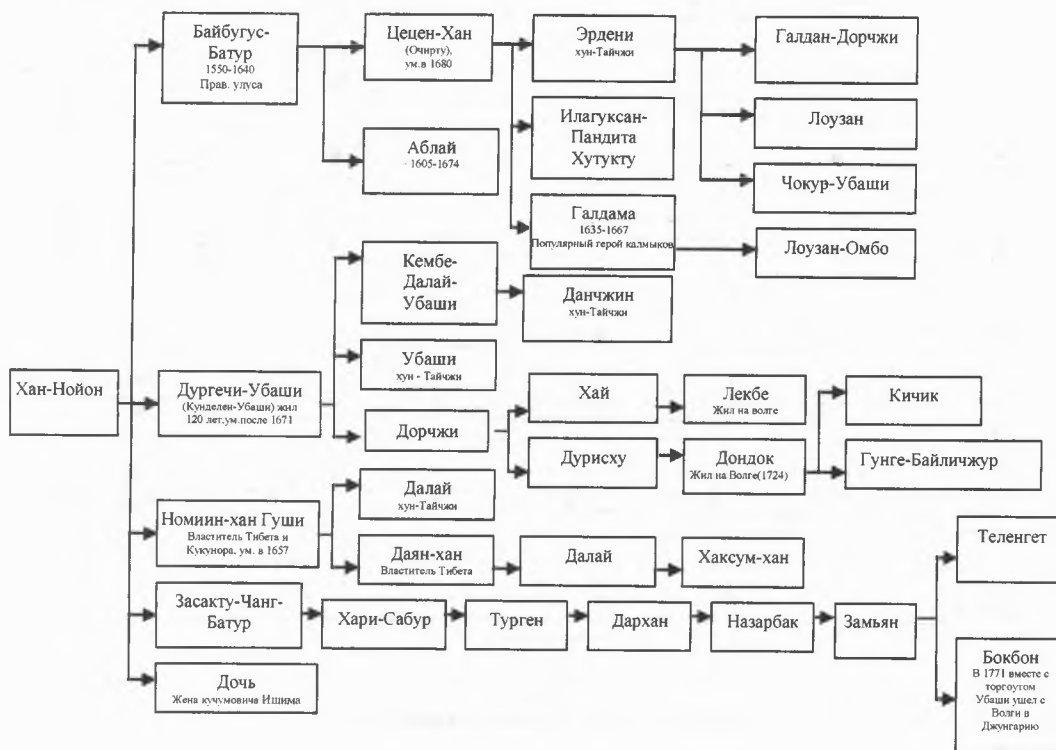
Родословная тайшей племени Торгоут

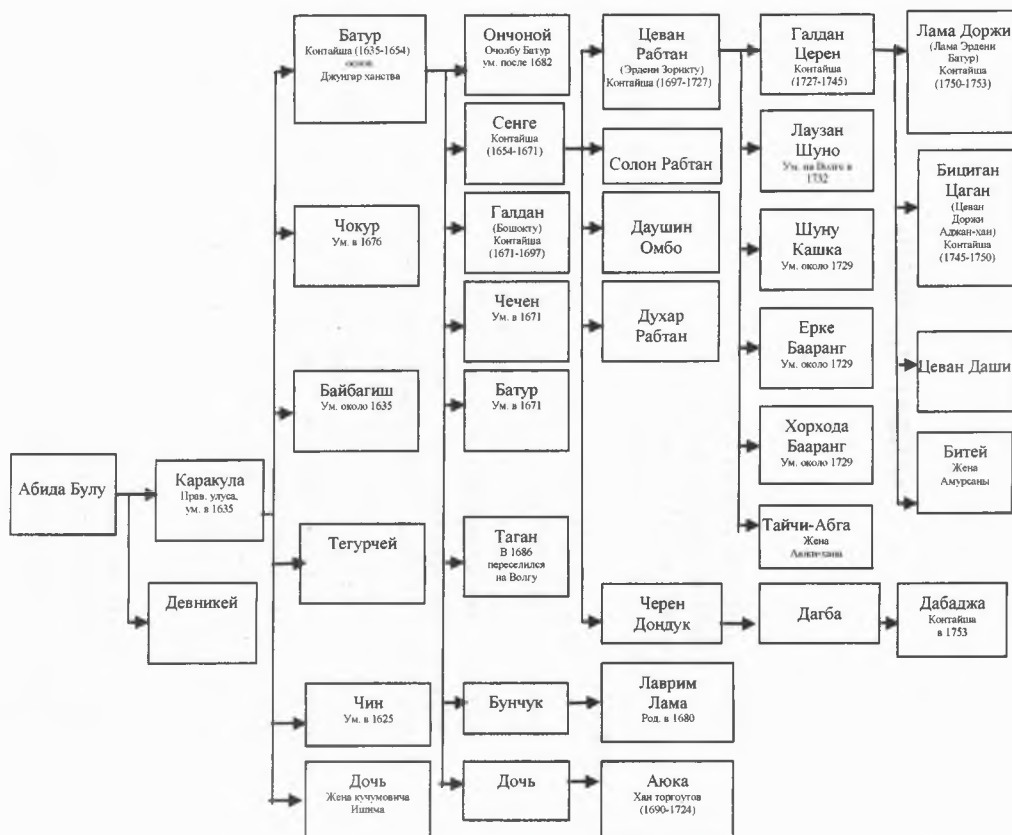
Родословная тайшей племени Дербет

Родословная тайшей племени Хошоут

Родословная тайшей племени Чорос (Джунгары)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аббас, ногайский мурза 64
Абд ал-Гаффар, правитель каракалпаков 71
Абд ар-Рашид, хан Могулии 67
Абдей Абдулов, мулла Гайнинской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 205
Абдрахман, сарт 245, 255
Абдрахман ибн Зубеир, мусульманский проповедник 39
Абдук Чаптарбаев, старшина Бирской округи 222
Абдулкаримбек, ферганский правитель 259
Абдулла II, бухарский хан 68-70, 99-101
Абдуллезил Султанов, башкирский депутат 225
Абдулмумин, сын Абдуллы II 70
Абдусалям Мамеделин, мишарский старшина Дуван-Табынской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 203
Абзан, башкирский батыр 244
Аблай, кучумович 71, 103, 104
Аблай (Абулмансур), хан Среднего жуза 10, 49, 167, 183, 187, 191, 212-214, 254, 257, 268-274, 276, 277

Аблай, сын Нурали-хана 229
Абуга, кучумович 107, 111
Абулмамбет, хан Среднего жуза 10, 142, 165-167, 254, 255, 257, 259, 264, 265, 267-270
Абулхаир, шайбанид, основатель государства кочевых узбеков 37, 59, 61-64, 69
Абулхаир, хан Младшего жуза 4, 5, 8, 9, 15, 16, 18, 19, 22, 48-50, 126, 129, 141, 142, 148-158, 163-165, 167-169, 175, 187, 226-228, 234, 239, 247, 248, 252, 254-257, 259-269, 284, 285

Абусейтова М.Х., историк 8
 Агалак, шайбанид 78
 Адбес, внук Алдара Исекеева 239
 Адилгирей, сын Алдара Исекеева 239
 Адиль, сын хана Аблая 276
 Аднагул Курнаев, башкир 14
 Азал, башкирский абыз 243
 Азий, башкирский абыз 244
 Азим, сын сибирского хана Кучума 103
 Азнабаев Б.А., историк 11, 112, 246
 Айткул, первый башкир, принявший ислам 39
 Айдар, болгарский хан 39
 Айчувак, сын хана Абулхайра 187, 210, 212, 230, 231, 267
 Ака Камакаев, башкир Куваканской вол. Сибирской дор. 155
 Акай Кусюмов, башкир Тамьянской вол. Казанской дор., предводитель
 восстания 15, 163, 170
 Акбисен Нугманов, казах 38
 Аккузя Кулумбетев, старшина Кара-Табынской вол. Сибирской дор. 168, 252
 Акманов А.И., историк 11
 Акманов И.Г., историк 11, 12, 172
 Акназар, башкирский хан 67, 99, 100
 Акпа Тохтамышев, башкир Уранской вол. Казанской дор. 85
 Аксак-Кильмухаммед (Аксаккельмаммет), ногайский мурза 85
 Аксаков П.Д., уфимский вице-губернатор 16, 19, 175, 177-184, 250, 256
 Аксаковы, землевладельцы 222
 Акче...ышко, башкир Табынской вол. Ногайской дор. 89
 Алдарбай Исекеев, тархан Бурзянской волости Ногайской дороги, пред-
 водитель восстания 4, 9, 12, 18, 42, 50, 61, 93, 116, 117, 119-121, 126, 128, 130, 152-
 155, 187, 238-242, 244, 246-250, 260
 Алексей Михайлович, царь 6, 88, 89, 105, 108
 Алекторов А.Е., историк 178
 Али, сын сибирского хана Кучума 69, 99, 101-103
 Алланзиангул Кутлугузин, старшина Айлинской вол. Сибирской дор. 251
 Алтыялил, внук Алдара Исекеева 239
 Амачкин, майор 190
 Амирсана, джунгарский принц 270
 Амирхан Абызаев, башкирский депутат 225
 Аничков А., уфимский дворянин 13, 114, 122

Аничков М., уфимский дворянин 85, 122
 Аничков Ф., уфимский дворянин 85
 Аничков Ю., уфимский дворянин 85
 Анна Иоанновна, императрица 14, 16, 22, 49, 152, 154, 158, 163, 183, 220, 247, 248, 263, 264, 269, 285
 Антропов А., уфимский служилый человек 244
 Апраксин П.М., казанский губернатор 13, 42, 118, 119, 121, 243
 Апраксин Ф.М., генерал-адмирал 121
 Аптрак Явгостин, сотник Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дор. 190
 Апухтин А.И., оренбургский губернатор 233
 Арабша, хан Золотой Орды 58
 Аракай Акбашев, старшина Каршинской вол. Казанской дор. 178
 Аралбай, казах 214
 Арапов, толмач 272
 Арапов В., атаман Яицкого городка 93
 Арасланбек Деветеев, племянник Алдара Исекеева 239
 Аристов Л., казанский дворянин, уфимский воевода 112, 114, 116, 118-120, 127, 243, 245, 246
 Аристов С., казанский дворянин 117, 119, 246
 Арслан («Ераслан», Джан-Арслан), ногайский мурза 84
 Арслан Аккулов, тархан Кипчакской вол. Ногайской дор. 127, 247
 Аршеневский Н.Я., подполковник 207, 208
 Асади, башкирский бий 98
 Асан (Хасан), кучумович 107, 110
 Асанат, башкир калмыцкого происхождения 15
 Асфандияров А.З., историк 11, 89
 Асфендияров С.Д., историк 147, 148
 Аталык, бухарский хан 223
 Атаяк Назаргулов, башкир Катайской волости 120
 Ауэзов М.О., историк 147, 148
 Ахмад, хан Золотой Орды 64
 Ахмад, казахский султан 66
 Ахмед III, турецкий султан 242
 Ахмед Бураев, башкир 18
 Ахмер Асанов, старшина Елдякской вол. 178, 181
 Аюка, калмыцкий хан 13, 47, 108, 110, 111, 145, 146, 253, 260, 262, 271

Б

- Баба-султан, шайбанид 68
- Багузя, внучатый племянник Алдара Исекеева 239
- Бадакул, хан Кок-Орды 59
- Баик, башкирский сэсэн 277
- Баим Кедряев, тархан Кубалякской вол. Исетской провинции, пугачевский полковник 206
- Байбагиш, правитель хошоутов 102, 103
- Байгозя Боголдин, башкир Гирейской вол. Казанской дор. 85
- Байназаров И.Н., историк 247, 248
- Байрас Тобанаев, башкир Гайнинской вол. Осинской дор. 127
- Байсара Теничев, башкир Киргизской вол. Казанской дор. 85
- Бакий, казанский татарин, мулла 88
- Бакунин В.М., историк 13, 260
- Барак, предок казахских ханов 70, 228
- Барак, султан Среднего жуза 10, 42, 142, 165, 167-169, 252-259, 264, 265, 267, 268, 270
- Барга, джунгарский принц 253
- Барятинский Д.А., уфимский воевода 110
- Басин В.Я., историк 8, 265, 266, 271
- Баттал, казахский султан 167
- Бату (Батый), монгольский хан, основатель Золотой Орды 37, 45, 46, 57-59, 63, 274
- Батыр, султан Младшего жуза 142, 155, 157, 228, 252, 255, 264, 265, 267
- Батыркай Иткинин, башкир Гайнинской вол. Осинской дор., пугачевский полковник 205
- Батырша (Абдулла Алиев), мишарский мулла, идеолог восстания 1755 г. 4, 5, 16, 20, 42, 182, 185, 187, 189, 191, 193, 194
- Бахадур, хан Кок-Орды 59
- Бахметев И., уфимский обер-комендант 48, 118, 119, 125, 244
- Бахметев П.С., оренбургский комендант 272
- Баhti-Гирей, кубанский правитель 129
- Бахтыгирей, сын Алдара Исекеева 239
- Бачман, правитель кипчаков 57, 58
- Башмаков М.И., член правления заводов Урала 207, 208
- Баязит, сын Бепени Турупбердина 169
- Баязит Максютлов, старшина Салзатской вол. Исетской провинции 213, 214

Бедряга А.Ф., подполковник 206
 Безак А.П., оренбургский губернатор 86
 Бекбулат, тайбугид 69, 99, 101
 Бекконды-оглан, шайбанид 59
 Бекмаханова Н.Е., историк 8
 Бекович-Черкасский А., офицер 144, 145
 Бекчура Тютеев, старшина Конгратской вол. Сибирской дор. 158
 Бельская Т.Б., историк 10
 Беневени Ф., итальянец, русский дипломат 22, 145
 Бепеня Турупбердин, башкир Куваканской вол. Сибирской дор., предводитель восстания 15, 166, 168-170
 Бердекеш, башкир 167
 Беринг В.И., мореплаватель 161
 Берке, монгольский хан 57, 59
 Бибигов А.И., генерал-аншеф 206
 Бибигов В.Ф., главный начальник Екатеринбургского горного ведомства, полковник 205, 208
 Бибигов Ю.Б., полковник 206
 Бикбов Чимкин, казанский татарин 123, 125, 126
 Бикбулат Аркаев, старшина Бурзянской вол. Ногайской дор. 186, 189
 Биккул, башкир 90
 Бирюй, татарин калмыцкого происхождения 84
 Бичурин Н.Я., историк 102
 Бокшурга Назаров, башкир калмыцкого происхождения 15
 Болховский С., воевода 101
 Боргентрейх фон, секунд-майор 190
 Борис Годунов, царь 70, 85
 Борисов, русский посланник к калмыкам 105
 Борисов А.И., уфимский воевода 202
 Боташи Комышев, башкир Гайнинской вол. Осинской дор. 127
 Брагин, начальник горно-изыскательной партии 186
 Брянцев Б., посол 261
 Бузан Смаков, сотник Куль-Или-Минской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 204
 Буйдаш, казахский хан 67
 Буканова Р.Г., историк 11, 70, 84
 Букейханов А., историк 147
 Букенбай, казахский батыр 140-142, 155-157, 187, 252
 Булавин К., донской казак, предводитель восстания 115, 123

Булак Акбулатов, татарин 116, 241
Булат, хан Золотой Орды 58, 59
Булат, сын хана Абулмамбета 268
Булаш Илбахтин, башкир Минской вол. Сибирской дор. 85
Бурге, шайбанид 65
Бурундук, казахский хан 66
Бутурлин М.М., уфимский воевода 85
Бутурлин П., уфимский воевода 14, 130, 153, 154, 177
Бухар-жырау, казахский сэсэн 277
Бухгольц И.Д., офицер 143, 144
Быков А.Ю., историк 266

В

Ваганов, майор 211
Ваккас, ногайский мурза 63
Вали, сын хана Аблая 213, 277
Валиди А.-З., историк 8, 61, 71, 104, 109, 120, 245, 275
Валиханов Ч.Ч., историк 8, 35, 40, 67, 71, 101, 141, 253, 269, 271, 274, 276
Ван-хан, правитель керейтов 35
Вараксин С., казанский комиссар 112, 119, 243
Василий Шуйский, царь 85, 102
Вахитов Р.Ш., историк 11
Вельяминов-Зернов В.В., историк 5, 231
Винокуров Е., балахонский предприниматель 90
Витевский В.Н., историк 5, 10, 77, 86, 178, 182, 183, 185, 230
Воейков, генерал-майор 16
Волков Д.С., уфимский голова 23
Волков Ф., тобольский дворянин 110
Волконский А.М., уфимский воевода 107, 108
Волконский Г.С., оренбургский губернатор 43
Волконский Ф.Ф., казанский губернатор 107
Волынский А.П., казанский губернатор 122
Вяткин М.П., историк 5, 228, 230, 231

Г

Гагарин М.П., сибирский губернатор 143
Галдама, ойратский тайша 72

Галдан Бошокту, джунгарский правитель 73
 Галдан Церен, джунгарский правитель 45, 141, 253-255, 257-259, 265, 269-271
 Галузо Т.Г., историк 147
 Гарибальди, народный герой Италии 151
 Гаур Акбулатов, башкир 106
 Геннин В.И., начальник Екатеринбургской администрации 122, 129
 Георги И.Г., этнограф 185
 Гирей, правитель башкир 42, 120
 Гирей (Кирай), казахский хан 46, 64, 66
 Гладышев Д., поручик 254, 264
 Глебов А.И., обер-прокурор 221
 Гловацкий С., митрополит 184, 185
 Глухов И., воевода 101
 Голицын Б.А., начальник Казанского дворца 112
 Голицын В.В., князь 240
 Голицын П.М., генерал-майор 206-208
 Головин Ф.А., генерал-адмирал 115
 Головкин Г.И., канцлер 125
 Головкин И.Г., полковник 17, 125-127, 244
 Гошаней (Мария), кабардинская княжна 82
 Градовский А.Д., историк 163
 Грязнов И.Н., пугачевский главный полковник 206
 Губанов И.В., пугачевский полковник 204
 Гуляев Я., переводчик 189
 Гумеров Ф. Х., историк 17
 Гумилев Л.Н., историк 57
 Гурий, историк 102

Д

Давлетбай, брат Алдара Исекеева 239
 Давлет-Гирей, кучумович 103, 106, 110, 253
 Давыдов А.Р., оренбургский губернатор 230
 Даир, казахский султан 214
 Дайчин, правитель торгоутов 104-107, 110
 Далай, правитель дербетов 47, 72, 102, 104
 Дарма Бала, калмыцкая ханша 271
 Дауд Аднашев, башкир 193, 231

Даутбай, казахский тархан 213, 214
 Девлетей Кикбаев, башкир Курпеч-Табынской вол. Ногайской дор. 85
 Деколонт И.А., генерал 206, 208, 214
 Демидов, заводчик 208
 Дервиш-султан, шайбанид 68
 Десятьев, казах 234
 Джадык, казахский хан 67, 68, 70, 228
 Джангир („Салкам-Джангир”), казахский хан 71, 72
 Джангир, казахский хан 247, 284
 Джанибек (Аз-Джанибек, Абу-Сагид), казахский хан 34, 46, 64, 66, 70
 Джанибек, казахский старшина 141, 165, 167-169, 266, 269, 270
 Джувейни, историк 57
 Джучи-Бука, хан Кок-Орды 59
 Джучи, монгольский хан 56, 58, 64, 65
 Дин-Ахмед, ногайский мурза 68, 82, 99
 Динбай, ногайский мурза 82
 Дмитриев-Мамонов А., стольник 114, 117
 Добросмыслов А.И., историк 5, 18, 45, 51, 163
 Долгоруков В. В., полковник 207
 Дондук-Омбо, калмыцкий хан 15, 129, 167
 Доннелли А.С., историк 7, 8, 86, 87, 241
 Доржи Назаров, калмыцкий тайша 50, 121, 129, 157, 251, 262
 Досали, казахский султан 209, 212
 Досмухаммедов Х., историк 147, 148
 Дохов М., казанский чиновник 113
 Дракон, древнегреческий законодатель 72
 Дубровин Н.Ф., историк 202
 Духов А., заводчик 17
 Дюдюбек, кучумович 111
 Дюмей Ишкеев, башкир 114, 115

Е

Егута, правнук Алдара Исекеева 239
 Едигей, основатель Ногайской Орды 60-63, 84, 98, 99
 Едигер Твяткин, башкир Минской вол. Сибирской дор. 85
 Екатерина II., императрица 23, 201, 206, 208, 210, 212, 218, 219, 223, 224, 226, 232, 234, 274
 Елденг, калмыцкий тайша 47

Елизавета Петровна, императрица 16, 19, 22, 178, 179, 182, 189, 194, 228, 230, 260, 265
Елга, башкир 245
Елчиай Кутукаев, башкир Сарыш-Кипчакской вол. Ногайской дор. 48
Ембетей, казахский батыр 213, 214
Еммет Бекеев, тархан Телевской вол. 250
Епан, башкирский батыр 244
Еренсе, сэсэн 61
Ермак, казачий атаман 69, 100
Ерофеева И.В., историк 9, 150, 152, 247, 261, 262
Есен-Буга, чагатаид 64
Есипов Ф.М., товарищ воеводы 117

Ж

Жал, башкирский эмир 61
Жалбы, джунгарский батыр 270
Жаубазар Каспулатов, казах 15
Жилин, астраханский губернатор 193
Жилин Ф., уфимский воевода 261
Жихарев А., казанский чиновник 113, 127
Жыгыз, башкирский эмир 61

З

Зарубин-Чика И.Н., яицкий казак, сподвижник Е.И. Пугачева 91, 202, 204-206
Зинуров Р.Н., историк 11
Зияняк Кашкин, башкирский сотник Катайской вол. Сибирской дор. 254
Зубеир ибн Джад, мусульманский проповедник 39
Зубов С., уфимский прокурор 182
Зубовы, землевладельцы 222
Зулькарнаев М.М., историк 11

И

Ибак, шайбанид 65, 98-100
Ибн Фадлан, мусульманский проповедник 38

Ибрагим, хан Золотой Орды 58, 59
 Ибрагим, кучумович 242, 245
 Ибрагим Мрясов, старшина Уршак – Минской вол. Ногайской дор., пугаческий полковник 203
 Ибрагимов Д., краевед 238
 Ибрай, ахун 189
 Ибраш Кутуев, башкирский сотник 179
 Ибраш Уразбахин, старшина ясачных татар Казанской дор., пугачевский полковник 203
 Иван III, царь 100
 Иван Грозный, царь 39, 80, 83, 84, 86, 88, 89, 99, 100, 111, 112, 175, 284
 Иван Алексеевич, царь 110
 Игельстром О.А., оренбургский губернатор 22, 223, 225, 226, 229, 233
 Игнатьев Р.Г., историк 80, 182
 Избасарова Г.Б., историк 9, 10
 Ильбарс (Чолбарс), хан Старшего жуза 142
 Ильбарс, хивинский хан 157, 264
 Ильбек, хан Золотой Орды 58
 Иман – батыр, башкир 114
 Иманко Кулаев, мишар, участник восстания 116, 241
 Инъчжен, китайский император 253
 Иоганка, венгерский монах 39
 Ирали, казахский султан, сын Абулхайра 22, 158, 163, 168, 187, 189, 191, 212, 234, 239, 249, 260, 266, 267, 269, 270
 Исаев Р., табынский казак 14
 Исекей Кадырбеков, отец Алдара Исекеева 238, 239
 Исет Атаров, казахский батыр 129, 155, 156, 187, 192, 262
 Исин А., историк 8, 68, 100
 Искандер, брат Карасакала 251
 Ислыкай Сейтов, башкир Табынской вол. Ногайской дор. 127
 Исмаил, ногайский мурза 81-84, 86
 Исмаил Сефев, иранский шах 66
 Исхаков Д.М., историк 79
 Иткай Кильмаев, мишарский сотник 179
 Иткул Ураев, башкир Иланской вол. 213, 214
 Ишали Кайдалин, башкир Чуби- Минской вол. 170
 Ишбулат, мулла 117
 Ишеев Б., мурза 117

Ишим, казахский хан 70, 71
Ишим, сын сибирского хана Кучума 102, 103
Ишим, сын Нурали-хана 234
Ишим-Мухаммед, каракалпакский хан 126, 244
Ишкара Арсланов, старшина Кипчакской вол. Казанской дор., пугачевский полковник 204, 220
Ишкильде Ишмурзин, старшина ясачных татар Казанской дор., пугачевский полковник 204
Иштерек, ногайский мурза 85

К

Кабагар Кобяков, казах 22
Кабанбай-батыр, казахский старейшина 169, 252, 257
Кадомцев И., чиновник Уфимской провинциальной канцелярии 24
Кадряс Келдышев, башкир Айлинской вол. Сибирской дор. 251
Кадык-бий, правитель племени Киргиз 38
Кадырбек Байбахтин, дед Алдара Исекеева 238, 239
Казбек-бий, казахский старейшина 169, 252, 257
Казый, тайбугид 81
Каип (Гаип-Мухаммед-Бахадур), казахский, хивинский, каракалпакский-хан 42, 120, 141, 228, 243, 261
Каип, казахский, хивинский хан 228, 232, 233, 267
Каип, каракалпакский хан 157
Каип Булбатаев, казах 248
Кайряпкул Иткулов, башкир Куваканской вол. Сибирской дор. 270, 271
Каловский Л., уфимский дворянин 85
Каловский П., уфимский дворянин 85
Каловский Ф., уфимский дворянин 85, 104
Каловский Я., уфимский дворянин 85
Канай, сын сибирского хана Кучума 99
Канбек, хан Золотой Орды 58
Канбулат Юлдашев, старшина Тамьянской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 91, 203
Канзафар Усаев, мишарский сотник Дуван – Табынской вол. Ногайской дор., пугачевский бригадир 205, 208
Каныкай Беккулов, башкир Меркитской вол. Ногайской дор. 250
Кар В.А., генерал-майор 202, 203, 204

- Карабатыр, башкир 9
Кара-Кель – Мухаммед (Каракельмамбет), ногайский мурза 82, 85
Кара-Килимбет (Кель-Ахмет), казанский князь 78
Каракула, джунгарский правитель 102
Караламан, казахский батыр 268
Карамзин Н. М., историк 77
Каранай Муратов, старшина Бурзянской вол. Ногайской дор., пугачевский главный полковник 203-205, 208
Карасакал (Байбулат, Султан-Гирей), предводитель восстания 5, 8, 10, 16, 18, 20, 36, 169, 176, 187, 244, 250-259, 264, 265, 268-270, 285
Каратай, сын хана Абулхаира 168, 268
Кардашевский Г., капитан 206
Кармыш Асыллов, башкир 271
Карпык, Аль-Халел, историк 99, 151
Карчилайбай, башкир 244
Касим, казахский хан 46, 66-68
Каскин Самаров, старшина Тамьянской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 91, 203, 208
Касымбаев Ж.К., историк 8, 150, 151, 233, 234
Качкар Деветеев, племянник Алдара Исекеева 239
Кашка, джунгарский принц 253
Келманко Кулаев, мишар, участник восстания 116, 241
Келчюра Байкильмяков, башкир Кудейской вол. Сибирской дор. 127
Кидряс Муллакаев, старшина Кара-Табынской вол. Ногайской дор. 62, 68, 82, 99, 154, 155, 178, 247, 248
Кильмухаммет Ураков, толмач и переводчик Уфимской провинциальной канцелярии 19
Кильмяк Нурушев, башкир Юрматинской вол. Ногайской дор., предводитель восстания 12, 15, 51, 91, 94, 163-166, 170, 248
Кинзя Арсланов, старшина Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дор., пугачевский главный полковник 58, 201, 202, 207
Кинзябулат Аликашев, старшина Бурзянской вол. Ногайской дор. 214
Кирельти, жена кучумовича Давлет-Гирея 253
Кирилов И.К., начальник Оренбургской экспедиции 5, 7, 14, 15, 17-19, 21, 23, 39, 44, 49, 51, 61, 88, 90, 123, 157, 158, 161-166, 170, 172-174, 176, 179, 249, 260, 263, 285
Клушин Ф., предприниматель 90
Ключевский В.О., историк 87, 112, 124

- Кобланды-батыр 61
 Кожаберды-батыр, казах 16
 Кожин Н.Н., полковник 208, 210
 Козямыш Бекхужин, старшина Айлинской вол. Сибирской дор. 155
 Козяш Рахманкулов, старшина Кущинской вол. Сибирской дор. 155, 157
 Койбагар Кобяков, казахский дипломат 145, 146
 Конашевич Л., архиепископ 184
 Конкас Давлетбаев, тархан Кипчакской вол. Ногайской дор. 108
 Коркодинов А.М., уфимский воевода 110
 Корф А.А., бригадир 202
 Костюшко Т., руководитель Польского восстания 151
 Коюрчак, хан Ак-Орды 70
 Красовский Ю.А. историк 10
 Кропотов Г.С., генерал-майор 127
 Кубек, сакмарский казак 258
 Куват Кинзягулов, старшина Усерганской вол. Ногайской дор. 186, 190, 191
 Кузеев Р.Г. историк 32, 36, 38, 39
 Кузнецов И.С., табынский казак, пугачевский бригадир 205
 Кудаменде, внук Алдара Исекеева 239
 Кудрявцев Н.А., казанский комендант и вице-губернатор 13, 114-116, 118-120, 124, 242
 Куктемир, загадочная личность, объявившаяся среди казахов Младшего жуза во время пугачевского восстания 212
 Кулбарис Бигинин, темниковский мурза 118
 Кулбахтин Н.М., историк 11
 Кульшарипов М.М., историк 11
 Кундулен-убаши, ойратский тайша 72, 102, 107
 Куроедов, землевладелец 222
 Курылев В.П., археолог 41
 Кусюм Тюлекеев, батыр Тамьянской вол. Казанской дор., предводитель восстания 116-119, 241, 246
 Кусяп Султангулов, батыр Тамьянской вол. Ногайской дор., предводитель восстания 167, 168, 269
 Кутлумбет Коштаев, казахский дипломат 154, 248
 Кутлучура Саитмамбетов, башкирский старшина, пугачевский полковник 204
 Кучлуг, правитель найманов 36
 Кучук, кучумович 6, 9, 107, 108, 120, 121

Кучук, хан Среднего жуза 142, 165, 167, 267
Кучум, сибирский хан 8, 11, 13, 59, 61, 67-71, 83, 89, 99-102, 106, 253, 285
Кушум, казахский ходжа 43, 192
Кэстль Джон, англичанин, участник Оренбургской экспедиции 8, 165, 260, 261

Л

Ларионов А.Л., генерал-майор 206
Лаузан, тайша торгоутов 47, 104, 107
Лебедев В.И., историк 10
Левашов С.Я., землевладелец 222
Левшин А. И., историк 4, 33, 72, 168, 271
Лепехин И.И., исследователь- путешественник 246
Лжедмитрий II, царь-самозванец 70
Ликург, спартанский законодатель 72
Лихарев И.М., майор 144
Лихачев А., ассессор 129, 130
Лобанов-Ростовский, астраханский воевода 84
Лобжи Доржиев, калмыцкий тайша 129, 251, 262
Лопатин В., дворянин 111
Лоссиевский М.В., историк 104
Лыткин Ю., историк 72
Любавский М.К., историк 45, 105
Лядомский Г., капитан 186
Лякузя, внучатый племянник Алдара Исекеева 239

М

Мавлют, сын старшины Мандара Карабаева 252
Майки-бий, легендарный вождь табынцев 36, 37
Максут, сын Алдара Исекеева 239
Максуд Юнусов, башкирский купец 22, 145, 146
Малаймин Кудештлейбердиев, башкир Курпеч-Табынской вол. Ногайской дор. 85
Малайсары, казахский батыр 141, 270
Малхуруб, кабардинская княжна 82
Мамаш, казахский хан 67
Мамбет-Али, племянник Нурали-хана 230

- Мамет Якупов, башкир Енейской вол. Казанской дор. 127
Мамеш, касимовский султан 70
Маметкул (Мухаметкул), сибирский царевич 100
Мандар Карабаев, старшина Дуванской вол. Сибирской дор., предводитель восстания 169, 251, 252
Мансур, сын Алдара Исекеева 22, 154, 239, 248
Мансур Абдрахманов, мишарский мулла 269
Мансуров П.Д., генерал-майор 206
Марагви (Марварий) Бараев, индийский купец 14, 18, 161
Марджани Ш., историк 67, 70
Масанов Н., историк 140
Масягут, башкирский старшина 191
Махмудек-оглан, шайбанид, «Тура-хан» 61, 62
Махмут Калмакаев, сотник Терсяжской вол. Исетской пров. 214
Меншиков А.Д., князь 13, 112, 117, 118, 243
Мертваго Ф., ассессор 182
Миллер Г.Ф., историк 13
Мимбай Туяков, казах 234
Миних Б.К., фельдмаршал 252
Мин-Тимер, хан Кок-Орды 59
Минцлов С.Р., писатель 91
Миньяшар, казахский старшина 190, 192
Мирзали, казахский султан 209
Михаил Федорович, царь 85, 89, 102, 260
Михельсон И.И., подполковник 206, 208
Модестов Н.Н., историк 88, 89
Молоствов, воевода Терской крепости 115
Молоствов Д.И., уфимский воевода 123, 124
Мончак, калмыцкий тайша 106, 110
Мстислав, князь Тмутараканский 240
Муйтен-бий, легендарный правитель башкир 57
Муравин И., геодезист 264
Мурат, кучумович, поднявший восстание на Северном Кавказе 9, 12, 13, 120, 242-247, 255
Мурат, казахский султан 70
Мурат, сын Алдара Исекеева 239
Мурат Абталов, башкир Бурзянской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 206

Муса, башкир Усерганской вол. Ногайской дор. 255
 Муса, ногайский мурза 64
 Муса, сын Алдара Исекеева 239, 250
 Муса Килкин, тархан Телевской вол. Исетской пров. 206
 Муса Кошкалтаев, башкир Минской вол. Ногайской дор. 127
 Мусин-Пушкин П.И., казанский губернатор 164
 Мустай Утяшев, башкир 273
 Мухамадиев А.Г., историк 79
 Мухаммед, пророк 39, 73
 Мухаммед, тайбугид 98,99
 Мухаммед, хорезмшах 37
 Мухаммед-Гирей III, крымский хан 106
 Мухаммед Шайбани (Мухаммед-Шахбадак), шайбанид 64-66, 69
 Мухаммеджан Хусаинов (Гусейнов), муфтий 224
 Мухаммед-ходжа, казахское духовное лицо 154
 Мысыр, сын Алдара Исекеева 239, 248
 Мясегут Уразаев, башкир Иланской вол. Казанской дор. 170
 Мясников И.С., заводчик 221

Н

Нагой М.А., уфимский воевода 83
 Надир, персидский шах 150, 264
 Надыр Уразметов, башкирский старшина 227
 Назарбаев Н.А., президент Казахстана 149
 Назимов, инженер 264
 Нармацкий К., уфимский дворянин 85
 Наумов А., крестьянин 221
 Наумов С.Л., подполковник 207
 Неплюев И.И., оренбургский губернатор 5, 6, 10, 14, 16, 20, 24, 43, 48, 150, 178-184, 186-190, 192, 201, 226-228, 230, 231, 256-258, 263-268, 270, 272, 273, 285, 286
 Нефедьев Н.И., историк 104
 Нияз, султан Младшего жуза 158, 163
 Нурали (Нур-Али), хан Младшего жуза 5, 10, 16, 19, 43, 142, 157, 163, 187-189, 191, 192, 209-212, 227-234, 266, 269, 271, 273, 275, 276, 285
 Нур-Мухамед – мулла Алимов, среднеазиатский купец 18, 259
 Нуруш Кинзекеев, башкир 251, 268

О

- Обернибесов А.Ф., полковник 208
 Овчинников А.А., яицкий казак, сподвижник Е.И.Пугачева 202
 Одоевский, полковник 207
 Орда-Ичен, монгольский хан 46, 57, 58
 Осокины В. и П., балахонские предприниматели 90
 Осоргин, землевладелец 222
 Останков Б.Л., комендант Оренбурга 168
 Остерман А.И., кабинет-министр, член Верховного тайного совета 21, 161
 Остерман, вице-канцлер 22

П

- Павел I, император 214, 222, 224
 Павлуцкий Я.С., полковник 227, 252
 Панин П.И., генерал-аншеф 208, 210, 212
 Пекарский П.П., историк 84
 Первишин И., владелец «Соляного городка» в Табынской вол. Ногайской дор.
 89, 90
 Перовский В.А., оренбургский губернатор 43
 Петр I, император 12, 17, 92, 108, 110-115, 121, 124, 128, 130, 143-145, 176, 239,
 240, 242-244, 247, 284, 285
 Петр II, император 18, 22, 130, 218, 284
 Петр Федорович, наследный принц 257
 Пеутлинг А.А., оренбургский губернатор 234
 Пир-Мухаммед, узбекский хан 71
 Плещеев, полковник 123
 Плещеев Л.А., уфимский воевода 104
 Покровский М.Н., историк 146
 Полников (Пальчиков?), поручик 190
 Полуэктов Д., полковник 106, 107
 Попай, ханша, жена Абулхайра 156, 228
 Порталь Роже, историк 86, 113, 218
 Потемкин Г.А., вице-президент Военной коллегии 211
 Потемкин П.С., генерал, начальник Казанской секретной комиссии 210
 Пролунников, казачий полковник 234
 Прончищев О.Я., уфимский воевода 102

Пугачев Е.И., донской казак, предводитель восстания 19, 91, 201-204, 207-210, 212-214, 238, 276

Путятин А.А., оренбургский губернатор 201, 232

Р

Раим, казанский татарин 213, 214

Рамазанова Д.Б., историк 79

Рахматуллин У.Х., историк 11

Рашид-ад-дин, историк 57

Редедя, черкесский князь 240

Рейнсдорп И.А., оренбургский губернатор 201-203, 208-211, 275

Румянцев А.И., генерал-лейтенант, начальник Комиссии Башкирских дел 164-165, 170

Рыддер И., офицер 246

Рысайбай Игембетов, старшина Бурзянской вол. Ногайской дор. 169, 251

Рысбай, казахский старшина 154, 187

Рыскулов Т., историк 147, 148

Рыс-Мухаммед, кучумович 120

Рычков П.И., историк 3, 4, 6, 46-48, 61, 62, 68, 77, 82, 84, 99, 168, 185, 200, 211, 262, 263, 266, 270

Рязанов А.Ф., историк 5, 229

С

Сабан Севергулов, башкир Терсятской вол. Сибирской дор. 166

Савинов Д.Г., археолог 41

Садык, казахский бий 158

Саид-Ахмед, ногайский мурза 82

Салават Юлаев, предводитель восстания 202, 205, 208, 214

Салей Бускунов, сотник Салжеутской вол. Сибирской дор. 184

Салнук (Михаил), кабардинский князь 82

Салтанбет, казахский султан 213

Салтан-Хози, кубанец, названный башкирским ханом 116, 242

Салтыков П.С., казанский губернатор 146

Самарины, землевладельцы 222

Самойлов А.Н., генерал-прокурор 234

- Сапар Осипов, башкир 51
 Сапара, казашка 212
 Сары Мерген, предводитель восстания 106, 107
 Сарыманжи, джунгарский полководец 254, 255
 Сатлык Явкеев, старшина Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дор. 190
 Саурык, казахский батыр 141
 Сафаргалиев М.Г., историк 78
 Сеидали, казахский султан 209, 212
 Сеит, участник восстания 260
 Сеит Аднагулов, повстанец из Казанского уезда 128
 Сеит Сафир, предводитель восстания 109, 110
 Сеит Яраткулов, старшина Юрматинской вол. Ногайской дор. 158
 Сеитбай Алкалин, старшина Тамьянской вол. Ногайской дор. 169, 250, 251
 Сеитбаттал, сын Алдара Исекеева 239
 Сеиткул, башкир 245
 Сеиткул Куйдагулов, казахский дипломат 153, 154, 248
 Сейдяк (Саид-Ахмед), тайбугид 69, 101
 Семеке (Шемяка), хан Среднего жуза 10, 142, 151, 157, 165, 263
 Сенгербанов, казах 234
 Сенгил, джунгарский тайша 103
 Септен, джунгарский нойон 269
 Сергеев А.С., казанский комиссар 112-114, 118, 119, 121, 122, 127, 242, 243, 246
 Серка-батыр, казахский старшина 186, 191
 Симонов И.Д., подполковник 209, 210
 Смаил-мулла, участник восстания 117
 Смирнов, генерал-майор 233
 Смирнов Ю.Н., историк 92
 Соймонов Л.Я., генерал, начальник Комиссии Башкирских дел 14-17, 166, 169, 173, 177, 179, 249-252, 256
 Соловьев С.М., историк 4, 5, 77, 109, 118, 126, 129
 Сомов Ф.И., уфимский воевода 108
 Софья Алексеевна, царевна 112
 Срым Датов, казахский бий, организатор национального движения 226, 232-234
 Страхов И., русский дипломат 83
 Стрешнев В.Ф., уфимский воевода 90
 Строгановы, русские купцы-предприниматели 100

Субедей, монгольский полководец 36
 Суворов А.В., генерал 208
 Сулейман Зинкеев, князь 125
 Султанай, ногайский мурза 103
 Султан-Акберды Алгушаев, башкир 268
 Султангалиева А.К., историк 40
 Султангалиева Г.С., историк 9, 106
 Султанмурат (Салтан-Мурат), каракалпакский хан 126, 168, 255, 256
 Султан-Мурат Дюскеев, старшина Юрминской вол. Казанской дор., участник восстания 167, 168, 170, 268
 Султанов Т.И., историк 8
 Сухарев А.М., сибирский губернатор 182
 Суяргул Чермышпаков, батыр Юрматинской вол. Ногайской дор. 248
 Суяргул Яманаев, башкир, пугачевский полковник 214
 Сюк, казахский хан 67
 Сюнчалей, кучумович 107

Т

Тайбуга, правитель кереитов 35, 98
 Тайгузя Мамыков, старшина Байлярской вол. Казанской дор., пугачевский полковник 204
 Тайлак, казахский батыр 141
 Таймас Исеншугуров, башкир Табынской вол. Ногайской дор. 89
 Таймас Шаимов, тархан Кара-Табынской вол. Сибирской дор. 18, 154, 155, 157, 165, 247, 248, 263
 Талха ибн Усман, мусульманский проповедник 39
 Тамак Алгушаев, башкир 268
 Тарбеев И., каптенармус 154
 Тарыштин Я., посол 261
 Татигас, башкирский бий 88
 Татищев В.Н., начальник Оренбургской комиссии, историк 14, 15, 17, 18, 21, 23, 77, 87, 161, 162, 164-169, 172-176, 263, 265, 268
 Татищев И.Н., полковник, исетский воевода 176
 Татлыбай Толубаев, башкир Кудейской вол. Сибирской дор. 85
 Тауке (Таваккул-Мухаммед-Батыр), казахский хан 9, 10, 71-73, 111, 139, 140, 142, 242, 284
 Тахир, казахский хан 67

Твердышев И.Б., симбирский купец, заводчик 17, 221
 Твердышев, приказчик 219
 Тевеккель (Тевка), кучумович 103, 104
 Тевеккель, казахский хан 68-70, 101
 Тевкелев А.И., дипломат, администратор 10, 14, 17, 19, 20, 22, 51, 70, 142, 145, 150, 153-158, 162-165, 168, 172, 173, 179, 186, 187, 200, 211, 228, 230, 239, 248, 260, 263, 266, 267, 272, 273, 285
 Тевкелев М., переводчик 125
 Тевкель, касимовский султан 70
 Темрюк Идаров, кабардинский князь 81, 82, 145
 Тизенгаузен В.Г., историк 13, 60
 Тимашев, секунд-майор 219
 Тимашев И.Л., помещик 222, 230, 231
 Тимур (Тамерлан), среднеазиатский завоеватель 33, 61-63
 Тимур-Кутлу, хан Золотой Орды 61
 Тин-Мамет Юлаев, башкир 108
 Титов Г., уфимский воевода 118
 Токлубай Ишбулатов, башкир Курпеч-Табынской вол. Ногайской дор. 85
 Токчура Алменев, тархан Кипчакской вол. Ногайской дор. 18, 158, 162, 249
 Толкачев М., яицкий казак, пугачевский атаман 209
 Толстой П. А., резидент 242
 Томашевская Н. Н., историк 45, 218
 Тонак-бий, правитель племени Киргиз 38
 Тохтамыш, хан Золотой Орды 60-62
 Тоюш Байбахтин, башкир Гирейской вол. Казанской дор. 85
 Тоян, хан найманов 35
 Траубенберг, генерал 275
 Тrepавлов В. В., историк 7, 68, 78, 82, 240, 241
 Трушников Ф., дипломат 143
 Тугум, казахский хан 67
 Тукай-Тимур, монгольский хан 46, 57, 65
 Тукулко, башкир Табынской вол. Ногайской дор. 89
 Тулуй, монгольский хан 56
 Тура Ишалин, сотник Суби-Минской вол. Ногайской дор., пугачевский полковник 203
 Турсун-Махмуд, правитель Ташкента 71, 103
 Тухтамыш Ишбулатов, старшина Гайнинской вол. Осинской дор. 221
 Тювелбай-мурза, казах 158

Тюкан Болтачев, башкир Тамьянской вол. Ногайской дор. 257-259, 270
Тюлкучура Алдагулов, старшина Кыр-Кудейской вол. Сибирской дор.,
предводитель восстания 166, 169, 251
Тюменев И., ассессор 129
Тюрей (Тура), башкирский хан 61, 62

У

Убаши, калмыцкий хан 275
Угедей, монгольский хан 56
Узбек, хан Золотой Орды 39, 59
Уз-Тимур, ойратский тайша 63
Умит, сотник Бурзянской вол. Ногайской дор. 190
Умир Тахтаров, башкир Булярской вол. Казанской дор. 170
Ундан (Уразлей), казахский султан 70
Упак Абзанов, сотник Бала-Катайской вол. Исетской пров. 207, 213, 214, 273
Ураз, казах 194
Уразай Абызанов, старшина Барын-Табынской вол. Сибирской дор. 155
Уразайко, башкир Казанской дор., участник восстания 116, 241
Уразлин Р., переводчик 256
Ураз-Мухаммед, казахский султан 69, 70, 101
Ураз-Мухаммед, ногайский мурза 84, 101
Уракай – батыр, башкир, участник восстания 121
Ураков И., уфимский дворянин 116, 245
Ураков, поручик 194
Урмет Бимяков, казанский татарин 117, 243
Урус, хан Ак-Орды 64, 70
Урус, ногайский мурза 68, 80, 83, 84, 99, 176
Урус, казахский султан 276
Урускильды Яшкилдин, башкир Кудейской вол. Сибирской дор. 85
Урусов В.А., князь, начальник Оренбургской комиссии 14-16, 23, 24, 145,
176, 177, 250, 252, 254, 264, 265, 268, 269
Урусов Ю. С., казанский воевода 111
Усей Бигинеев, башкир 114
Усманов А.Н., историк 11, 77, 78, 80-83
Устюгов Н.В., историк 6, 7, 10, 11, 83, 111
Утеган, внук Алдара Исекеева 239
Утяв Яраткулов, сотник Айлинской вол. Исетской пров., пугачевский полковник

Утятников И.Д., строитель Табынской крепости 90
Ушаков Л., крестьянин 108
Ушкилде, внук Алдара Исекеева 239

Ф

Фазлаллах бен Рузбихан Исфакхани, историк 65
Файзрахманов Г. Л., историк 79, 109, 224
Федор Иоаннович, царь 69, 83-85, 89, 101
Федоров Я., новокрещен 128, 129
Фирсов Н.Н., историк 202
Фондорт (фон Дорт) С., голландский предприниматель 90
Фрейман Ф. Ю., генерал 204, 207

Х

Хаджи (Хази), каракалпакский хан 248, 255, 256
Хаджи-Мухаммед, шайбанид 62
Хази, башкирский хан 42, 120
Хакназар, казахский хан 46, 67, 68, 99, 100
Хамдаллах Казниви, историк 56
Хованский П. И., князь 116-119, 123
Ходжамберды, казахский батыр 259
Ходжахмет, сын хана Абулхаира 168, 227, 265-267
Ходжа Ахмед Ясави, среднеазиатский мусульманский деятель 59, 71, 276
Хорват Г. И., полковник 206
Хо-Урлюк, тайша торгоутов 72, 102-104, 107
Хохлов П. И., казанский дворянин 13, 116, 243, 246
Хрущев М. С., бригадир, начальник Комиссии Башкирских дел 166
Хрущев Ф., симбирский воевода 22
Худайменде, казахский султан 213, 214
Худайназар, внук Алдара Исекеева 239
Худайназар-мурза, казахский старшина 155, 156, 158, 187
Хусаин-бек, мусульманский проповедник 39, 59, 62
Хусейн, казахский султан 70

Ц

Цебек Дорчжи, калмыцкий тайша 275
Цеван Рабтан, джунгарский правитель 73, 143, 253, 262

Церен Дондуб, ойратский военачальник 143

Цянь Лунь, китайский император 271

Ч

Чаганов, уральский казачий старшина 232

Чагатай, монгольский хан, сын Чингисхана 56

Чагыр Иляйманов, башкир 214

Чакдор-Чжаб, калмыцкий тайша 13, 118

Чакула, тайша торгоутов 90, 104

Чарыш, джунгарский батыр 269, 270

Чекин, генерал-майор 14

Черкасов, поручик 251

Черкассский А. М., кабинет-министр 161

Черкассский Г. С., астраханский воевода 107

Чернов И. В., историк 188

Чернышов П. М., полковник 202

Чингиз, сын хана Абдулхаира 265

Чингисхан, основатель монгольской империи 13, 35-38, 46, 56-58, 98, 102

Чувашбай, внук Алдара Исекеева 239

Чулков Д., тобольский воевода 69

Чулошников А. П., историк 5, 6, 10, 23, 89, 172, 181, 272

Чура Токбулатов, башкир Уранской вол. Осинской дор. 127

Чурай, внучатый племянник Алдара Исекеева 239

Чураш Келдышев, тархан Айлинской вол. Сибирской дор. 251

Чюрак Беккулов, башкир Кипчакской вол. 47

Ш

Шагали (Шигалей), казанский хан 42, 120

Шайбак, каракалпакский хан 256

Шайбан (Шибан), монгольский хан 46, 57-59, 64

Шайтерек, ногойский мурза 65

Шакарим Кудайберды-улы, историк 8, 32, 33, 36, 71, 72, 269

Шакурова Ф. А., историк 41

Шарафетдин ибн Хисаметдин, казанский историк 39

Шарып Мряков, старшина Каршинской вол. Казанской дор. 22, 178, 181

Шаховской И. Г., уфимский воевода 129, 130
Шах-Саид-султан, правитель Ташкента 71
Шейх-Мамай, ногайский мурза 82
Шейх-Мухаммед, ногайский мурза 67
Шейх-Хайдар, шайбанид 64, 65
Шереметев Б. П., фельдмаршал 13, 114, 115
Шереметев В., участник подавления восстания 117
Шереметев П. В., казанский воевода 110
Шигай, казахский хан 68, 70
Шигай, сын казахского султана Барака 42, 168
Шиганай Бурчаков, старшина Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дор. 178
Шиляев Э.Ю., историк 11
Шикарали, башкирский бий 98
Шима Калтырчаков, тархан Бурзянской вол. Ногайской дор. 155
Ширгази, хивинский хан 145
Ширгази, казахский султан 209
Шишков, геодезист 167
Шкапский, капитан 191
Штокман, генерал-майор 16, 182
Шувалов А. И., сенатор 231
Шуйский П. И., казанский воевода 83
Шукур Абзанов (Абязмов), старшина Барын-Табынской вол. Исетской
пров. 213, 214, 273
Шуна (Лаузан Шуна), джунгарский принц 5, 253-255, 258
Шункей, тайша торговцев 104

Щ

Щербатов Ф. Ф., генерал 210

Э

Эльтон Джон, англичанин, член Оренбургской экспедиции 15
Эрдени Батур, ойратский правитель 71, 72

Ю

Юдин В.П., историк 8, 64

Юламан Кушаев, старшина Кара-Табынской вол. Исетской пров., пугачевский генерал 208

Юлдаш Суярымбетов, мулла Кыр-Кудейской вол. Сибирской дор. 166, 168, 180

Юлиан, венгерский монах 57

Юнусова А.Б., историк 39

Юсуп Арыков, башкир Кара-Табынской вол. Сибирской дор., предводитель восстания 15, 163, 165, 166

Юсуп, сын Алдара Исекеева 239

Юсупов Р. М., антрополог 34

Юсуф, ногайский мурза 80, 82

Юхнев, кунгурский бургомистр 19, 83, 122, 129

Я

Ягафар Юлдашев, башкир 244

Ягужинский П. И., генерал-прокурор 124

Ядикар, тайбугид, сибирский правитель 81, 99

Языков, стольник 106

Якоби И. В., уфимский наместник 219

Якуб, казах 194

Якубович А. Я., полковник 210

Якуп Чинмурзин, старшина Сунларской вол. Сибирской дор. 178

Якшидаulet, внучатый племянник Алдара Исекеева 239

Якшимбет Кутуленов, казах 268

Ялантуш, казахский султан 72

Ялсара Кубяков, башкир Кудейской вол. Сибирской дор. 85

Ямансары Япаров, старшина Суун-Кипчакской вол. Ногайской дор. 201

Ямгурчи, ногайский мурза 64

Ян-Казимир, польский король 108

Яныш Абдуллин, мишарский старшина 179, 193

Яркей Янчурин, старшина Иланской вол. Казанской дор. 22, 130

Яушев И., мурза 117

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	
1. Этническое родство башкир и казахов	31
2. Конфессиональная общность	38
3. Южные башкирские территории в начале XVIII века	43
Глава II. ОРДЫНСКОЕ ПРОШЛОЕ	
1. Башкортостан в составе Золотой Орды	56
2. Казахское ханство до XVIII века	63
Глава III. В НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
1. Вхождение Башкортостана в состав Русского государства	77
2. Колонизация Башкортостана в конце XVI – первой трети XVIII века	86
Глава IV. ПОД ЭГИДУ ПРЕЖНИХ СЮЗЕРЕНОВ	
1. Сибирское движение и башкиры	98
2. Алдар-Кусюмовское восстание и политическое положение Башкортостана в первой трети XVIII века	111
Глава V. «КЛЮЧ И ВРАТА» В АЗИЮ	
1. Казахстан накануне больших перемен	138
2. Переход казахов под протекцию России	146
Глава VI. АПЕЛЛЯЦИЯ К РОДСТВЕННОМУ НАРОДУ	
1. Башкирско-казахские отношения в период восстаний 1735–1740 годов	161
2. Образование Оренбургской губернии	170

3. Башкирско-казахские отношения в период восстания 1755 года	183
Глава VII. ПОД ЗНАМЕНЕМ ПУГАЧЕВА	
1. Вместо хана – «справедливый царь»	200
2. Повстанческое движение среди казахов	209
Глава VIII. ПОРОЗНЬ В ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ	
1. Окончательное утверждение царизма в Башкортостане	218
2. Политическое положение Младшего жуза во второй половине XVIII века	226
Глава IX. ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ БАШКИРСКОГО И КАЗАХСКОГО НАРОДОВ	
Алдар Исекеев (не позднее 1667 – 1740)	238
Карасакал (ок. 1691 – 1749)	250
Абулхаир-хан (не ранее 1683, не позднее 1687 – 1748)	259
Аблай-хан (1711 – 1781)	268
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	284
Приложение 1. Список уфимских воевод	287
Приложение 2. Список правителей Оренбургского края	298
Приложение 3. Родословная сибирского хана Кучума	302
Приложение 4. Родословная узбекских шайбанидов	303
Приложение 5. Родословная казахских ханов и султанов	305
Приложение 6. Родословная ногайских мурз	309
Приложение 7. Родословная тайшей племени Торгоут	312
Приложение 8. Родословная тайшей племени Дербет	313
Приложение 9. Родословная тайшей племени Хошоут	314
Приложение 10. Родословная тайшей племени Чорос	315
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	316

Научное издание

Таймасов Салават Усманович

БАШКИРСКО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ

Оригинал-макет изготовлен в издательстве «Гилем» АН РБ

Редактор: *Л.Р. Рахматуллина*

Компьютерная верстка: *Л.М. Нагаева*

Подписано в печать с оригинал-макета 23.11.09

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. 19,6. Уч.-изд.л. 20,6.

Тираж 3150 экз. Тип. зак. № 2.0174.09

Издательство «Наука»

117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 90

Отпечатано с готовых файлов

в Государственном унитарном предприятии
Республики Башкортостан «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, г. Уфа, пр. Октября, 2

Тел.: (347) 223-77-01

e-mail: upkrr@mail.ru

